

Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 18
Выпуск 1

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 18
Issue 1

Ижевск
2024

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: *Загребин Алексей Егорович* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Зам. главного редактора: *Кондратьева Наталья Владимировна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Перевозчиков Юрий Александрович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми ФИЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский ФИЦ РАН, Петрозаводск, Россия)

Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)

Насибуллин Риф Шакрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)

Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)

Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Зверева Татьяна Вячеславовна (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)

Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦУрО РАН, Ижевск, Россия)

Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)

Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)

Миннихметова Татьяна Гильнихметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)

Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Матичак Шандор (Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия)

Черных Александр Васильевич (Институт гуманитарных исследований Пермского ФИЦ УрО РАН, Пермь, Россия)

Ответственные редакторы: *Фаттахова Аида Жавдатовна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Yuri A. Perevozchikov (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor L. Zherebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)

Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)

Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Zoltán Nagy (University of Pécs, Pécs, Hungary)

Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Tat'yana V. Zvereva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Zsuzsanna Salánki (EötvösLoránd University, Budapest, Hungary)

Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)

Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)

Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)

Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and European Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria)

Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)

Sándor Maticsák (University of Debrecen, Hungary)

Alexander V. Chernykh (Institute for Humanitarian Research Perm Federal Research Center UB RAS, Perm, Russia)

Executive Editors: *Aida Zh. Fattakhova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Абукаева Л. А.* Пищевой культурный код в текстах марийских молитв 6
Ившин Л. М. Лексика пчеловодства в письменных памятниках удмуртского языка XVIII века..... 14
Кондратьева Н. В., Стрелкова О. Б. Лингвистическое наследие профессора В. К. Кельмакова..... 27
Максимов С. А. Язык бесермян: вехи истории письменности..... 36

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Лобанова Л. С.* Кто «убил» оленя?: к вопросу об оригинальности сюжета легенды о явлении оленя в публикациях XIX века (по материалам коми)..... 45

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Колоколова О. А.* Писатель Карелии Тобиас Осипович Гуттари (Леа Хело): опыт реконструкции биографии 1930-х годов 55

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

- Власова В. В.* Религиозная книжность и рукописная традиция *бурсьылысьяс* в начале XX века 67
Гребенкин И. Н., Загора М. Г. Финляндский кадетский корпус в официальной истории и свидетельствах современников (XIX – начало XX в.) 76
Клецкина О. Г. Образовательная и общественно-политическая деятельность советской партийной школы глазовского уезда вотской автономной области в 1923-1924 годах 87
Сафин Ф. Г. Этносоциальная структура удмуртского населения в Башкортостане (1989–2020 гг.) 97

ИННОВАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

- Молданова И. М.* Хантыйский язык: от бумажных рукописей до цифровых платформ..... 109
Кишерю Йозеф. Уникальность и усвоение прозы Дьюлы Круди (на англ. яз.)..... 115

РЕЦЕНЗИИ

- Маслова Е. Г., Лю Х.* Возвращение Степана Кондурушкина: монография о забытом писателе. Рецензия на книгу: «Человек сирийский и серьезный...»: страницы жизни и творчества писателя Степана Кондурушкина: монография / С. А. Дубровская, О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. М. Владимирова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2023. 296 с. ISBN 978-5-7103-4623-5. 121

ЮБИЛЕИ

- Пунегова Г. В.* «Единственный способ сделать большую работу – любить то, что ты делаешь»: к юбилею коми ученого Г. А. Некрасовой 125

ПРОМЕМОРИА

- Винокурова И. Ю.* Николай Иванович Богданов: судьба вепсского ученого в историческом контексте.. 130
Пигин А. В. Письма Николая Ивановича Богданова Владимиру Ивановичу Малышеву..... 140
Миронова В. П. Фольклорная коллекция Н. И. Богданова (по материалам научного архива КАРНЦ РАН и фонограммархива ИЯЛИ)..... 150

CONTENTS

LINGUISTICS

- Abukaeva L. A.* food cultural code in the texts of Mari prayers 6
Ivshin L. M. Beekeeping vocabulary in written monuments of the Udmurt language of the XVIII century 14
Kondratjeva N. V., Strelkova O. B. Linguistic heritage of professor V. K. Kelmakov 27
Maksimov S. A. Besermian language: milestones in the history of writing 36

FOLKLORISTICS

- Lobanova L. S.* Who "killed" the deer?: to the question of originality of the plot of the legend
about appearing of a deer in publications of the XIX century (based on Komi materials) 45

STUDY OF LITERATURE

- Kolokolova O. A.* Karelian writer Tobias Osipovich Guttari (Lea Helo): reconstructing biography of 1930s 55

HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY

- Vlasova V. V.* Religious booklore and handwritten tradition of *bursylsyas* in the beginning of XX century 67
Grebenkin I. N., Zagora M. G. The Finnish cadet corps in official history and contemporaries'
evidences (XIX – early XX centuries) 76
Kletskina O. G. Educational and socio-political activities of the soviet party school of the Glazov district
of the Votskaya autonomous region in 1923–1924 87
Safin F. G. Ethnosocial structure of the Udmurt population in Bashkortostan (1989–2020) 97

INNOVATION, TECHNOLOGIES

- Moldanova I. M.* Khanty language: from paper manuscripts to digital platforms 109
József Keserű. The uniqueness and teachability of Gyula Krúdy's prose (in Eng.) 115

REVIEWS

- Maslova E. G., Liu Hui.* The return of Stepan Kondurushkin: a monograph about the forgotten writer.
Review of: "A Syrian and serious man...": pages of the life and work of the writer Stepan Kondurushkin:
a monograph / S. A. Dubrovskaya, O. E. Osovsky, V. P. Kirzhaeva, S. M. Vladimirova. Saransk:
Mordovian University Publishing House, 2023. 296 p. 121

ANNIVERSARIES

- Punegova G. V.* "The only way to do great work is to love what you do": to the anniversary
of the Komi scientist G. A. Nekrasova 125

PRO MEMORIA

- Vinokurova I. Yu.* Nikolai Ivanovich Bogdanov: the fate of the Vepsian scientist in a historical context 130
Pigin A. V. Letters of Nikolai Ivanovich Bogdanov to Vladimir Ivanovich Malyshev 140
Mironova V. P. The folklore collection of N. I. Bogdanov (based on the materials of the Scientific Archive
of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences and the Audio Archive
of the Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences) 150

Л. А. Абукаева

ПИЩЕВОЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ТЕКСТАХ МАРИЙСКИХ МОЛИТВ

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу ритуальных и символических коннотаций, которыми наделяются бескровные дары на марийских молениях. Исследование культурных кодов марийской этнической религии позволяет раскрыть смысл таких категорий и элементов традиционной культуры, которые в настоящее время могут проявляться фрагментарно и вызывать затруднения в понимании, интерпретации, и, как следствие, возникают ошибки в толковании, попытки искаженной трактовки основ вероучения. Культурные коды в текстах марийских молитв проявляются в вербальном, акциональном, предметном воплощениях в неразрывном единстве и отличаются многозначностью, многоплановостью. Комплексный анализ текстов молитв, обрядов, при соотнесении с фольклорными жанрами позволяет установить, что особое значение в ритуальной практике мари имеют хлеб, блины и творожник. Символические коннотации анализируемых слов раскрываются в текстах молитв, заговоров, благопожеланий, в мифах, в пословицах, в запретах, толкованиях сновидений. Молитвенные дары подтверждают договорные отношения между людьми и богами, служат залогом благополучия, милости, изобилия, плодородия. Постоянные эпитеты, сравнения в текстах молитв выступают не столько как средства выразительности, сколько как образы, наделенные символическим, мифологическим и ритуальным смыслом.

Ключевые слова: марийский язык, марийская этническая религия, лингвокультурология, тексты молитв, культурный код, вербальный код, акциональный код, предметный код, пищевой культурный код.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13

Актуальность изучения этнических религий народов России обусловлена несколькими факторами. С одной стороны, это влияние глобализации, урбанизации, массовой культуры на традиционную культуру и в этих условиях активные попытки навязать и вживить «чужой» культурный код в духовное пространство страны. С другой стороны – усиление роли религиозного фактора в жизни человека и общества с конца XX в., возрождение этнических религий в постсоветском пространстве, обращение к традиционным духовным ценностям, «обеспокоенность по поводу будущего» [Шабыков 2022, 464] традиционной культуры и этнических религий.

Марийская этническая религия сегодня – это верования, культы, ритуалы, обряды, пронизывающие многие сферы жизни человека и общества. Она является одной из важных составляющих «этнической идентичности людей в многонациональном российском обществе» [Алыбина 2012, 95] и в настоящее время переживает этап возрождения открытых религиозных практик и институционализации.

Неотъемлемая часть марийской этнической религии – тексты молитв, в которых отражаются основы вероучения, мировосприятия, хранятся культурные коды, находят свое воплощение базовые религиозные концепты. Культурные коды обнаруживаются в вербальном, акциональном, предметном воплощениях в неразрывном единстве и отличаются многозначностью, многоплановостью. Исследуя культурные коды, можно понять национально-культурные особенности языка, которые сложно объяснить любым другим способом, так как культурный код позволяет установить соответствие между словом и его значением – выявить глубокие смыслы уникальных культурных явлений. [Narziyeva 2022, 350]. Комплексный анализ текстов и обрядов позволяет в определенной мере реконструировать утраченные фрагменты ритуальной практики и сакральных текстов. Древнейшие культурные коды сохраняются в своих вариантах в разных обрядах и молитвенных и фольклорных текстах, их сопоставление позволяет расшифровать содержащуюся в них информацию.

Мари проводят моления с целью принесения даров богу/богам, поскольку, согласно основам вероучения, жизнь на земле устроена так же, как на небе. Религиозные ритуалы укрепляют связь людей с богами, восполняют небесное изобилие. Дары служат выражением единения человека с окружающим миром, чувства сопричастности ему, чувства включенности в единое целое природного жизненного

потока, стремления поддержать, не нарушить динамическое равновесие, которое должно существовать между разнообразными и разнонаправленными процессами природы и культуры, соблности традиции и порядок, связывающий жизнь людей и природы [Дмитриева 2000, 13]. Именно эти стремления и такое понимание является близким для приверженцев марийской этнической религии.

Обобщенное обозначение даров для богов – *пӧлек* ‘дар’, *налмаш* букв. ‘то, что берется’. Дары: части хлеба, блинов, сырников, кровяной колбасы, кровяных лепешек, каши, мяса животных и птиц (определенные части), часть денежных приношений – на молениях отправляют в огонь. Порядок принесения даров и поныне определяется статусом бога, божества, значимостью моления, возможностями группы молящихся, порядком, цикличностью ритуальных практик.

Среди молитвенных даров особое значение придается бескровным дарам. Они имеют важный смысл, который можно раскрыть при лингвокультурологическом анализе текстов молитв, обрядов, при соотнесении их с фольклорными жанрами. Данная статья посвящена анализу ритуальных и символических коннотаций, которыми наделяются такие дары, как хлеб, блины, творожник, каша, яйца, масло.

Кинде ‘хлеб’, согласно марийским мифам, первый хлебный дар *Юмо*. Приготовленный для молений хлеб в текстах молитв получает обозначение *кугу неран кинде* ‘большой хлеб с защипами (букв. с носом)’, *ойгинде* ‘договорной / намоленный хлеб’, *тичмаш кинде* ‘целый, непечатый хлеб’, *тичмаш ойгинде* ‘целый договорной / намоленный хлеб’, *кугу перкеле (нолго) кинде* ‘букв. большой, изобильный хлеб’, *тичмаш кинде сукыр* ‘целый, непечатый каравай хлеба’, *оян-шӧран / уян-шӧран кинде* ‘хлеб на масле и молоке (букв. хлеб с маслом и молоком)’, *шергинде* ‘пресный хлеб’, *онымо кинде* ‘вымешенный хлеб’, *тӱп кинде* ‘главный, основной хлеб’, *тӱн кинде* ‘главный, основной хлеб’, *шорва киндэ* ‘хлеб на медовой сыте’, *ший неран кинде* ‘хлеб с серебряными защипами’, *пӱтынь кинде* ‘целый хлеб’, *кава помыш гай тичмаш кинде* ‘подобный небосводу цельный хлеб’, *тичмаш кумалтыш кинде* ‘цельный молитвенный хлеб’. Все номинации и их распространители хранят в себе древние культурные коды, смысл которых раскрывается при анализе текстов молитв и значений слов.

В словаре марийского языка дано следующее толкование значения слова **шергинде** с иллюстрациями: кул. лепёшка из пресного теста. *Шӱльӧ шергинде* лепёшка из овсяной муки. (*Начи*) *конга гыч шергиндым кӱэзит луктат, кӱсотыш каяш погаш тӱнале*. В. Сапаев. Начи, выгачив из печки лепёшки из пресного теста, стала собираться в мольбище. *Кугу онлан (ӱдырамаш) ондак шергиндым пуэн да тамлен ончаш темлен*. Тошто ой. Великому вождю женщина сначала отдала лепёшку из пресного теста и предложила отведать [СМЯ 2004, Т. 9, 103]. В целом примеры из словаря носят информативный характер, однако помета *кулинарное* сужает сферу употребления этого слова и не дает прямую отсылку к религиозной сфере.

Примечательно, что слово *шере* в диалектах марийского языка имеет разные значения, а в литературном языке выступает как многозначное, что зафиксировано в лексикографических трудах: 1. прил. сладкий; имеющий приятный вкус, свойственный сахару. 2. прил. пресный; не квашенный; изготовленный без закваски. 3. прил. пресный; бессоный; без соли, недосолённый. 4. прил. перен. сладкий; приятный; доставляющий удовольствие. 5. прил. перен. пресный; лишённый остроты, занимательности, живости [СМЯ 2004, Т. 9, 103].

Слово с первым значением функционирует в луговом наречии марийского языка, с третьим – в восточном. Оба варианта реализации значения слова (сладкий и пресный) вполне объяснимы: *шергинде* замешивается на меду, на масле. В настоящее время тесто для этого хлеба готовят без закваски, не солят. Пресный хлеб – одна из древних форм хлеба и даров богам. У мари существует также обряд класть усопшему за пазуху в мешочке пресные блины. Блины диаметром 4–5 см. замешиваются на воде без соли, их кладут в мешочек, сшитый крупными стежками швом «назад иголку», поскольку это дар в нижний мир.

Сочетания *тӱн кинде* и *тӱп кинде* идентичны. Одно из значений слова *тӱп* в марийском языке – основной, главный, синонимом к этому слову выступает лексема *тӱн*. Информативна иллюстрация к словарной статье *тӱп* в толковом словаре марийского языка: *Тӱп кинде* ‘жертвенный хлеб’ во время моления кидают вокруг священного дерева (*онану*) [СМЯ 2002, Т. 7, 349].

Следующий дар полисемантический: **неран кинде** – хлеб с защипами, которые делают тремя пальцами. Его символическое значение – соотнесенность с тремя богами: *Ош кугу Юмо* ‘Светлый Великий Бог’, *Мланде ава* ‘Богиня-мать земли’, *Шочын Ава* ‘Богиня-мать рождения’. Другое смысловое наполнение защипов – символическое обозначение молитвенных просьб о *шулык* ‘благополучии’,

серлагыш ‘милости’, *перке* ‘изобилии’. Защипы делаются, с одной стороны, для того чтобы эта часть была преподнесена богу, ее отправляют в огонь, с другой стороны, это своеобразная «печатка» договора с богом. Отсюда и название – *ойгинде* ‘букв. договорной хлеб’ (см. ниже). Иное толкование значения *неран* связано с тем, что хлеб выпекается из муки, которая готовится из пророщенных зерен: ср.: *нер* – росток растений.

У чувашей на жертвенной лепешке путем оставления неровностей сбоку делаются зарубки, лепешка так и называется – «с зарубками» или «имеющая нос». Количество этих «носов» – три или пять, других чисел не встречается. Величину каждой зарубки сравнивают с орехом, делают неровности, прищипывая тесто пальцами [Салмин 2010, 16].

Примечательно, что у восточных мари защипы на хлебе не делаются, более того, защипы истолковываются как неподобающее отношение к хлебу [ПИМА 2022]. Так порой локальные различия в обрядовой составляющей мариийских молений носят прямо противоположный характер.

Название *ойгинде* точнее всего раскрывает смысловое наполнение дара: это хлеб, подтверждающий договорные отношения человека с богом: *ой* в одном из значений – ‘слово’ + *кинде* ‘хлеб’. *Ойгинде кумалме юмылан да чыла ешыжлан посна чылаже индеше кўлын. Шўльё ложаш дене нōштылын, тыгыде шергинде-влакым ўяча семын ыштылыыч. Кажныжын ўмбакише кум парня дене «ой» манын темдалыыч. Кумалаш юмылан да пиямбаржылан кугурак форман да кок ой темдалманым, мольшитлан изиракым да ик ой темдалманым ыштылыныт* [НРФ МарНИИЯЛИ. От. 1. Д. 471. Л. 116] «*Ойгинде* для бога, в честь которого совершалось моление, и для его семьи требовалось девять. Замесив тесто из овсяной муки, сделали небольшие хлебцы, наподобие колобков. Поверх каждого тремя пальцами сделали защипы, сказав: «Ой». Богу, в честь которого проводилось моление, и его *Пиямбару*, сделали хлеб по форме больше и с двумя договорными защипами, остальным поменьше и с одним защипом».

Девять *ойгинде* предназначаются *Вуйўмбал Кугу Юмо* ‘Великому Юмо над головой’, *Пиямбарже* ‘Его Пророку’, *Пўрышыжō* ‘Его Предопределителю’, *Шочынжо* ‘Его Зиждителю’, *Перкеже* ‘Его Изобилию / Благодати’, *казначейже* ‘Его казначею’, *витньызыже* ‘Его докладчику’, *суксыжо* ‘Его ангелу’, *серлагышыже* ‘Его милости’.

Название *ўян*, *шōран кинде* букв. ‘хлеб с маслом, молоком’ раскрывает секреты рецептуры: его замешивали на масле [Евсеев 1994, 160] и / или на молоке.

Тичмаш кинде ‘целый / непечатый хлеб’ – символ полноты, гармоничности жизни. Когда во время моления от хлеба берут защипы и отправляют их в огонь, обращаются к богу со словами: *Сукыр гай тичмашым пуэн шого. Кече гай волгалтын, тылзе гай нōлтын, шушо руаш гай оварен, илаш поро, сай шулыкым пуэн шого* [НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1980, 59] «Дай полноты, как у каравая. Словно солнце, сияя, словно луна, поднимаясь, словно готовое тесто, поднимаясь, ниспосылай доброго благополучия». То, как подходит тесто и как поднимается хлеб в печи, означает подъем душевного состояния и материального благополучия: *А вўчен товлó! Тиде тичмаш кинде гане В... изалан (шольылан) оварген илашыже поро тазалыкым пу, Поро Кугече Юмо!* [Марий кумалгыш мут 1991, 142] «А с любовью прими! Подобное этому целому хлебу здоровья дай брату В..., чтобы ему жить в благополучии (букв. поднимаясь)».

Сравнительные обороты также раскрывают символические коннотации хлебных даров: *шушо кинде гане пенгыде* ‘как испеченный (букв. спелый) хлеб, крепкий’; *тичмаш кинде гане тазалык* ‘подобное цельному хлебу здоровье’.

Во время молений на цельный хлеб кладут мед, масло, денежные подношения (монеты белого металла), а также творожник.

Мелна / салмапуш ‘блины’, букв. ‘запах / аромат сковороды’, с одной стороны, имеют связь с культом солнца, с другой стороны, воплощают жизненные силы, что позволяет не только растениям и животным, но и семье, роду разрастаться, размножаться, расширяться. Этот смысл содержит сравнение из текста молитвы: *вожышым мелна гане кумда ыште* «корни сделай, как блины, широкими». Постоянные эпитеты к слову *мелна* в текстах молитв актуализируют эмоционально-оценочные значения и такие признаки, как цельность, непечатость: *тичмаш* ‘цельный’, *кугу* ‘большой’, *кўпшан* ‘мягкий’.

Блины для молений в настоящее время пекут из овсяной, ячменной и пшеничной муки. Количество блинов в стопке нечетное – от семи до девяти: чет-нечет имеет соотнесенность с миром мертвых и миром живых соответственно.

Сакральное значение блинов подкрепляется множеством *ойёрё* ‘табу’. Так, при выпекании их в дар богам нельзя пробовать тесто, нельзя печь блины на двух сковородках – счастья не будет. Блины нельзя резать ножом, их складывают сначала вдвое, рвут руками надвое и это же действие повторяют, получают четвертинки – *мелна осо*. Функция запретов – подчеркнуть уважение к объектам поклонения и предотвратить действия, противоречащие нормам [Abukaeva, Krasnova, Kabaeva 2016, 1772]. Соблюдение этих табу обеспечивает целостность, непочатость пищи – *тичмаиш*.

Положительной коннотацией отмечены блины и в сновидениях: *омышто мелна кочмым ужат гын, окса толеш* [Tscheremissische Texte 1957, 410] ‘если во сне будешь есть блины, то деньги придут’. При зазывании солнца, когда оно скрывается за тучами перед дождем, дети сулят солнцу масляный блин: *Кече, лек, кече, лек – үян мелнам пукшем!* «Солнце, выйди, солнце, выйди – угощу масляным блином».

Значимость этого дара подтверждается и тем, что среди молитвенных текстов отдельно выделяются молитвы перед вкушением блинов, а также ритуалами, в которых в качестве подношений богам, божествам и духам используются только блины. Так, например, осенью по окончании молотьбы кусочками блинов с маслом одаривали *кинде шочын* ‘зиждителя хлеба’ и *агун сакче* ‘хранителя овина’, прося у них легкости в работе, изобилия урожая, приплода скота, оберега от огня и различных напастей [Веке 1995, 464].

Части мясных даров богам отправляют в огонь, разложив на блин либо на липовую кору или бересту.

Блины с припеком из каши (*немыран мелна, шўрашан мелна*) также относятся к пище, имеющей сакральный смысл.

Ритуальная и символическая коннотация *туара* ‘творожника, творожной лепешки’ как подношения богам также многозначна. Творожник символизирует солнце, жизненную энергию, которую дает солнце, что в текстах молитв передается выражениями: *кече гае волгалтын / нёлталтын илаиш* ‘как солнце, сияя / поднимаясь, жить’; *кече гае шокшын илаиш* ‘букв. как солнце, жить тепло’; *кече гае савырнен толаиш* ‘как солнце, возвращаться’.

В молитвенных текстах слово *туара* употребляется также с образными распространителями: *ош туара* ‘белый творожник’, *тичмаиш туара* ‘целый творожник’, *кугу тичмаиш туара* ‘большой, целый творожник’, *волгыдо тўс дене волгалтарыше ош туара* ‘освещающий светлым цветом творожник’, *тичмаиш үян туара* ‘целый масляный творожник’.

Туара символизирует небо, светлую жизнь, напоминая по форме небосвод, символически указывает на то, что жизнь на земле, по верованиям мари, берет свое начало с неба, поэтому именно с вкушения *туара* молящиеся начинают трапезу. Являясь даром для бога, богов, *туара* возносит молитвенные обращения верующих в небо.

Будучи молочным продуктом, *туара* воплощает в себе силу *Шочын Ава* ‘Богини-матери рождения’.

Символический смысл *туара* раскрывается также в текстах благопожеланий: *Пелашыжлан, польшкальыше пёръен-шамычлан, озан шочшыжлан кинде сукыр гай пенгыде тазалыкым, ош туара гай ош илышым, үй гай яклака илышым тыланена* [Марий кумалтыш мут радам 2018, 12] «Супруге молящегося, помогавшим мужчинам, детям хозяина желаем, как хлебный каравай, крепкого здоровья; как белый творожник, светлой, как масло, гладкой жизни».

Туара готовится из творога, к которому добавляют яйца, сметану, немного соли. До готовности его доводят в нежаркой печи, уложив на блин.

Творожник, как и хлеб, в обязательном порядке кладут в мешок с подарками со стороны дома невесты дому жениха, а также в мешок, предназначенный для первого встречного во время похорон [Веке 1995, 282].

Немыр ‘каша’, *пучымыш* ‘каша’, *немырвод* ‘букв. котел с кашей’ в марийском религиозном дискурсе символизируют ровную, гладкую жизнь.

В текстах фольклора сохранились сведения об изначальном рецепте этой ритуальной пищи: *Кумалтыш годым кугу подеш пучымышым шолтеныт. Шинчалым огыт пыште улмаиш. Шинчал – осал вий. Шерым веле кочкиныт. Памаш вўдым веле налыныт* [Марий калык ойпого 1991, 34] «Во время моления кашу варили в большом котле. Туда соль не клали. Соль – это злая сила. Ели бессолую (кашу). Воду брали только родниковую». Ср.: *Ньэмёр, ньэмэр* – кашлица. *Ньэмёрым кумалмаиштэ уржа ложаш дэнэ йиштат* [Васильев 1926, 130] «Кашичу на молениях готовят из ржаной муки».

В наши дни ритуальную кашу варят из трех или пяти видов крупы: овсяной, ячменной, пшеничной, гречневой, полбяной – и подсаливают. Иногда добавляют рисовую крупу, поясняя тем, что так каша будет вкуснее, т. е. ритуальные и символические смыслы отодвигаются на второй план.

Котел для каши подвешивают на жердь, когда закипает мясо в котлах, поскольку из них в кашу добавляют накипевший жир. В случае, когда моления проводят без даров-животных, кашу сдабривают сливочным маслом, но при этом масло тоже должно быть «цельным, непочатым», так что берут его непосредственно с круглых масляных «головок». К этой каше добавляют часть каши, которую варят перед молением в доме, откуда выносят главный хлеб. Такую кашу называют *туртыктым*, так как ее не доваривают. Так она сохраняет свою живую силу. Считается, что это способствует быстрому росту посевов, их силе. Такая обрядовая пища связана с магией плодородия. Эта культурная универсалия присуща ритуальной практике многих народов, изначально зерна не должны были утратить свою всхожесть [Иванова 2005, 39].

В марийских молитвах встречаются выражения *тичмаш немыр* ‘цельная каша’, *ўян немыр* ‘масляная каша’, *кугу немыр под* ‘большой котел каши’, *пушкыдо немырвод* букв. ‘котел с мягкой кашей’.

Среди признаков составляющих значимым является и такое свойство каши, как ее густота: в молитвенных просьбах об урожае используется сравнение *вожшым кышал терке кумдык шарен, олымжым немыр под гане нугыдым ыштен* [Евсеев 1994, 148] «корни распространив подобно тарелке киселя, солому сделав густой, как котел каши».

Воспринимая *муно* ‘яйцо’ как источник и символ зарождение жизни, верующие мари в своих молитвенных обращениях используют образ этого дара, чтобы просить о славной жизни: *Муно гай чумыраш, тутло ылышым пуэн шогыза* букв. ‘как яйцо, сладостную полную жизнь определяйте’.

Древнейший код, который сохраняется в текстах молитв как сакральных, – код мифологический. Так, в ракурсе мифологической интерпретации могут быть рассмотрены некоторые образные сравнения. За средством выразительности скрывается культурный код. Рассмотрим в качестве примера следующий фрагмент текста: *...шошым лектын, ик кашетым савырен, кум пырче шурныжым кышкалын, тўжем пырче шурнетым шочыкто, тўнжым нугыдын шочыкто, вондыжым виче омыж гае кўжгўм ыште, вуйжо муно гане тутто лийже* [Марий кумалтыш мут 1991, 185] «Весной выйдя, один пласт (земли) перевернув, кинув три зернышка, тысячи зерен урожая роди, корни густо роди; стебли, как осока у реки Белой, длинными сделай; колосья, как яйцо, пусть будут полными / зрелыми». Образное выражение *вуйжо муно гане тутто лийже* ‘колосья, как яйцо, пусть будут полными / зрелыми’ не только имеет символический смысл, но и отсылает к известному общефинно-угорскому сюжету космогонического мифа о ныряющей птице. Приведем его фрагмент из материалов Ю. А. Калиева: «На лоно первичного океана из своего гнездовья «Лудо пыжаш» (букв. «Утиное гнездо» – созвездие Плеяды) прилетела утка. Снесла два яйца. Она их высидела под своими крыльями. Из этих яиц родились два брата-селезня – *Юмо* и *Йын*» [Калиев 2019, 15]. Следует отметить, что мифологическая картина многих народов мира начинается с сотворения суши птицей.

У мари известен обряд, который проводится перед весенним севом: в землю зарывается яйцо с просьбой о хорошем урожае. Яйцо в этом контексте выступает символом плодородия. Расшифровка такого культурного кода содержится в другом тексте молитвы: *Ўден шуктымõнгõ, тичмаш киндыжым чоклен, мландеш кинде нержым, чумыраш муныжым чыкен пыштен, высмылтен кочкын* [Марий кумалтыш мут 1991, 91–92] «Завершив сев, с целым хлебом помолвившись, в землю зачаток хлеба (букв. нос хлеба) зарыв, круглое яйцо зарыв, молясь, ел». В этой молитве зашифрован фрагмент обряда, который проводился весной перед посевом: глава семьи со своей женой на закате проводил обряд угощения Матери земли (*Мланде авам пукиен*) на своем поле и воодушевлял землю к плодородию (*Мланде авам кумлангден*). Наличие элементов эротизма, мотивов семейно-брачной обрядности в земледельческих обрядах, в ритуальной запашке и посеве объясняется представлениями о земле как о женском существе, которое следует оплодотворить. Такое понимание со времени раннего производящего хозяйства проникло в мифологию многих народов [Иванова 2005, 65].

Крашенные яйца на празднике *Кугече* и во время молений на *Агавайрем* символизируют цвет солнца. Считается, что оставленным после этого праздника яйцом можно потушить пожар.

Ўй ‘масло’ в системе молитвенных ритуалов также наделяется символическим смыслом. Сливочное, топленое масло используют при приготовлении обрядовой каши, блинов, хлеба. Маслом и медом обливали липу, возле которой совершался обряд вызывания дождя, так что эти продукты мог-

ли быть отдельными дарами богам. Также масло, завернутое в полотенце, оставляли на священном дереве в роще, когда совершали обещанное моление и в качестве дара на самом молении сулили корову [Tscheremissische Texte 1957, 458].

Такие свойства продукта, как нежность, легкость масляной пены, переносились на действие и его желаемый результат: ...*олымжым немыр под гане нугыдым ыштен, муно гане тутым ыштен, үй гане ныжылгым ыштен* [Евсеев 1994, 148] «солтому сделал, словно каша в котле, густой, словно яйцо сытной, словно масло, нежной».

Этот признак находил отражение и в текстах заговоров: *Пучымыш шон гай, үй шон гай, вүд шон гай шулен-шөрлен кайыже!* [Петров 1993, 62] 'Пусть, как пена на каше, как пена на масле, как пена на воде, растает-исчезнет!' В текстах заговоров встречается выражение *кутко үй* 'букв. муравьиное масло': *Түтыра кузе шула, туге шулыжо! Кутко үй кузе шула, туге шулыжо!* [Петров 1993, 64] «Как туман тает, пусть так же растает! Муравьиное масло как тает, пусть так же растает!».

Значимость этого дара закреплена в локальном названии осеннего моления: *Агавайрем ыжымат эртаренит. Южо вере тудым үян Агавайрем маныт. Тиде кумалтышыш чиялтыме муным огыт нарий. Утларакшыш салмавуш, үян торык когыльо дене кумалаш мият. Кумалме годым Ош Кузу Юмылан, Түня юмылан, Агавайрем юмылан, Мланде Авалан, Перке Авалан да моло пагалыме юмылан таум ыштат, үден кодымо шурным, вольыкым арален ашнаш, ялмарий калыкым шулык, серлагыш, перке дене йывырткыташ йодыт* [Марий кумалтыш мут радам 2018, 23] «Праздник пашни раньше и осенью справляли. В некоторых местах его именуют масляный праздник пашни. На эти моления крашенные яйца не приносят. Чаще всего молиться приходят с блинами, с масляными пирожками (варениками), с творогом. Во время моления благодарят Светлого Великого Юмо, Бога Вселенной, Бога праздника Агавайрем, Мать земли, Мать изобилия и других почитаемых богов, просят защиты для посевов, для скотины, о здоровье, милости и благополучии для деревенского народа молятся».

Таким образом, каждый дар, приносимый богам на моление, имеет ритуальные, символические и мифологические коннотации. Особым смыслом наделяется не только дар в целом, но и его ингредиенты. Имея высокую значимость, дары богам должны отвечать довольно жестким требованиям. Первостепенное значение придается целостности, цельности, непочатости, чистоте подношений.

Изучение, расшифровка культурных кодов раскрывает смысл таких категорий и смыслов, элементов и фрагментов традиционной культуры, которые для древних мари были естественными и гармоничными, но в настоящее время могут проявляться фрагментарно, затемненно и вызывать затруднения в их понимании, интерпретации, и, как следствие, возникают попытки искаженной трактовки, лженаучных толкований основ вероучения. Именно поэтому требуется комплексный анализ культурных кодов с привлечением обширных этнографических и фольклорных материалов, сакральных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев В. М. Марий мутэр. Түрлө вэрэ ильпшэ марийын мутшым танастарэн нэргэлышэ кнага. Моско: СССР калык-влак рүдө савыктыш, 1926. 348 с.

Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры. С. 11–22.

Евсеев Т. Е. Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шүведыме ю-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш. 1994. 208 с.

Иванова Ю. В. Труд людей и мир богов // Этноэкологические аспекты духовной культуры / ред.: В. И. Козлов, А. Н. Ямсков, Н. И. Григулевич. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 58–80.

Калиев Ю. А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2019. 447 с.

Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В. А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 208 с.

Марий кумалтыш мут / сост. Н. С. Попов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 256 с.

Марий кумалтыш мут радам / «Марий кумалтыш погын» марий юмыйўлан у Торьял юмыйўла организацийжым вуйлатыше В. Г. Блинов ямдылен. Йошкар-Ола: «Марий Эл» газет ООО, 2018. 36 с.

НРФ МарНИИЯЛИ. От. 1. Д. 471.

НРФ МарНИИЯЛИ. МЭЭ 1980. № 97.

Петров В. Н. Марий Ю: Түрлө локтымо, чер, мужо ваштареш шүведымаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1993. 160 с.

ПМА 2022 – полевые материалы автора, информ. Пастиев Г. П., 1954 г. р., главный карт, руководитель Централизованной Религиозной Организации Марийской Традиционной Религии Республики Башкортостан, 2022.

Салмин А. К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб.: Наука, 2010. 240 с.

СМЯ – Словарь марийского языка = Марий мутер: В 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005. Т. 7. 2002. 432 с.; Т. 9. 2004. 520 с.

Шабьков В. И. Марийская традиционная религия на современном этапе // Марийская традиционная религия: история и современность: матер. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Году культурного наследия народов России / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2022. С. 454–470.

Abukaeva L. A., Krasnova N. M., Kabaeva N. F. Objects of Worship and Veneration in Mari Taboos // The Social Sciences. 2016. Vol. 11. № 8. P. 1772–1775.

Alybina T. Contemporary Mari Belief: The Formation of Ethnic Religion // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2012. Vol. 2. P. 95–114.

Beke Ö. Mari Szövegek (Tscheremissische Texte) 2. Savariae, (Bibliotheca Ceremissica 1). 1995. 466 old.

Narziyeva G. The essence of national-cultural code in language // Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. Vol. 2. № 11. P. 348–355.

Tscheremissische Texte / Gesammelt und herausgegeben von Ö. Beke. Bd. I Budapest: Adémiai Kiadó, 1957. 692 s.

Поступила в редакцию 10.11.2023

Абукаева Любовь Алексеевна

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В. М. Васильева

424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, д. 44

E-mail: sylne@mail.ru

L. A. Abukaeva

FOOD CULTURAL CODE IN THE TEXTS OF MARI PRAYERS

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-6-13

The article is devoted to the linguocultural analysis of ritual and symbolic connotations that are given to bloodless gifts at Mari prayers. The study of the cultural codes of the Mari ethnic religion makes it possible to reveal the meaning of such categories and elements of traditional culture, which at present may appear fragmentarily, obscurely and cause difficulties in their understanding and interpretation, and, as a result, errors in interpretation and attempts to distort the fundamentals of the doctrine arise. Cultural codes in the texts of Mari prayers are manifested in verbal, actional, and substantive embodiments in an inextricable unity and are distinguished by their polysemy and versatility. A comprehensive analysis of the texts of prayers and rituals, when correlating them with folklore genres, allows us to establish that bread, pancakes, and cottage cheese are of particular importance in the ritual practice of the Mari. The symbolic connotations of the analyzed words are revealed in the texts of prayers, conspiracies, good wishes, in myths, in proverbs, in prohibitions, and in interpretations of dreams. Mari conduct prayers with the aim of bringing gifts to the god/gods, since, according to the basics of belief, life on earth is the same as in heaven. Religious rituals strengthen the connection between people and gods and replenish heavenly abundance. Gifts serve as an expression of a person's unity with the world around him, a sense of inclusion in the harmonious natural flow of life, and the desire to maintain the balance that exists between the heavenly and earthly worlds. Prayer gifts confirm contractual relationships between people and gods and serve as a guarantee of well-being, mercy, abundance, and fertility. Constant epithets and comparisons in the texts of prayers act not so much as means of expressiveness, but as images endowed with symbolic, mythological and ritual meaning.

Keywords: Mari language, Mari ethnic religion, linguoculturology, texts of prayers, cultural code, verbal code, actional code, substantive code, food cultural code.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 6–13. In Russian.

REFERENCES

- Vasil'ev V. M.** Marij muter. Türlö vjerje iljšhje marijñn mutshým tanastaren nergelýshje knaga (Marijskij slovar) [Dictionary of the Mari Language]. Moscow, SSSR kalýk-vlak rüdü savýktýsh, 1926. 348 p. In Mari.
- Dmitrieva T. N.** Zhertvoprinoshenie: poiski istokov [Sacrifice: Search for Origins] // *Zhertvoprinoshenie. Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashih dnei* [Sacrifice. Ritual in culture and art from antiquity to the present day]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., pp. 11-22. In Russian.
- Evseev T. E.** Kalyk ojogo: toshto godso marij ojlymash, jomak, onchyk lijshash pale, omo kusaryme, tynykten kalasyme, voshtyltysh, tushto, kumaltysh mut da shúvedyme ju-vlak [Mari folklore: Mari tales, fairy tales, prophecies, morals, humor, mysteries, prayers and spells]. Joshkar-Ola, Mar. kn. savyktýsh Publ., 1994. 208 p. In Mari.
- Ivanova Ju. V.** Trud ljudej i mir bogov [The work of people and the world of gods]. *Etnojekologicheskie aspekty duhovnoj kul'tury* [Ethnoecological aspects of spiritual culture]. Moscow, Institute of Ethnology and Archeology of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 58–80. In Russian.
- Kaliev Ju. A.** Mify marijskogo naroda [Myths of the Mari people]. Joshkar-Ola, Izdatel'skij dom Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2019. 447 p. In Russian.
- Marij kalyk ojogo. Marijskij fol'klor: Mify, legendy, predaniya* [Mari folklore: Myths, legends, traditions]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 208 p. In Mari and Russian.
- Marij kumaltysh mut t* [Texts of Mari prayers]. Compiler N. S. Popov. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 256 p. In Mari.
- Marij kumaltysh mut radam* [Texts of Mari prayers]. Joshkar-Ola, "Marij El" gazet Publ., 2018. 36 p. In Mari.
- NRF MarNIIJaLI* – Nauchnyj rukopisnyj fond MarNIIYALI, ot. 1, d. 471. p. 116.
- NRF MarNIIJaLI* – Nauchnyj rukopisnyj fond MarNIIYALI. MEE 1980, no. 97, p. 59. In Mari.
- Petrov V. N.** Marij Ju: Türlö loktymo, cher, muzho vashtaresh shúvedymash [Mari charms]. Joshkar-Ola, Mari kniga savyktýsh Publ., 1993. 160 p. In Mari.
- PMA 2022** – field materials of the author, recording from G. P. Pastiev, born in 1954, head of the Centralized Religious Organization of the Mari Traditional Religion of the Republic of Bashkortostan, 2022. In Mari.
- Salmin A. K.** Tradicijny'e obyady` i verovaniya chuvashaj [Traditional rituals and beliefs of the Chuvash]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2010. 240 p. In Russian.
- SMYA* – Slovar' marijskogo yazyka: V 10 t = Marij muter [Dictionary of the Mari language: in 10 vol.] / Ed. by I. S. Galkin. Yoshkar-Ola, Mar. kn. izd-vo Publ., 1990–2005. Vol. 7. 2002. 432 p.; Vol. 9. 2004. 520 p. In Mari and Russian.
- Shabykov V. I.** Marijskaja tradicionnaja religija na sovremennom etape // Marijskaja Tradicionnaja Religija: istorija i sovremennost' [Mari Traditional Religion at the present stage]. *Marijskaja Tradicionnaja Religija: istorija i sovremennost': mater. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvjashh. Godu kul'turnogo nasledija narodov Rossii* [Mari Traditional Religion: history and modernity: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to Year of cultural respect for the peoples of Russia]. Joshkar-Ola, Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History Publ. 2022, pp. 454-470. DOI:10.51254/978-5-94950-120-7_2022_26. In Russian.
- Abukaeva L. A., Krasnova N. M., Kabaeva N. F.** Objects of Worship and Veneration in Mari Taboos. *The Social Sciences*, 2016, vol. 11, iss. 8, pp. 1772–1775.
- Alybina T.** Contemporary Mari Belief: The Formation of Ethnic Religion. *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2012, no. 2, pp. 95-114. DOI: 10.2478/jef-2018-0013
- Beke Ö.** Mari Szövegek (Tscheremissische Texte) 2. Savariae, (Bibliotheca Ceremissica 1). 1995. 466 old.
- Narziyeva G.** The essence of national-cultural code in language. *Oriental Renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*, 2022, vol. 2, iss. 11, pp. 348–355.
- Tscheremissische Texte. Band I / Gesammelt und herausgegeben von Ö. Beke.* Budapest, Adémiai Kiadó, 1957. 692 s.

Received 10.11.2023

Abukaeva Lyubov Alekseevna

Doctor of Philological Sciences, Principal Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History
44, Krasnoarmeyskaya st., Yoshkar-Ola, 424036, Russia
E-mail: sylne@mail.ru
ORCID.ID: 0000-0002-9622-6770

*Л. М. Ившин***ЛЕКСИКА ПЧЕЛОВОДСТВА В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА XVIII ВЕКА**

Работа посвящена комплексному исследованию слов, связанных с пчеловодством, которые встречаются в памятниках ранней удмуртской письменности. Актуальность определяется необходимостью интенсивного изучения отдельных тематических групп лексем и недостаточной изученностью лексики пчеловодства в удмуртском языкознании. Целью исследования является филологическая интерпретация терминов пчеловодства, зафиксированных в памятниках письменности удмуртского языка XVIII века. В статье выявляется история их письменного отображения, этимология и этнокультурные особенности. Для представления более полной истории фиксации слов этой лексико-семантической группы приводятся данные из некоторых важнейших лексикографических источников XIX–XXI веков. Лингвистическая интерпретация рассмотренных названий, а также данные этимологической литературы позволили подразделить удмуртскую лексику пчеловодства на несколько групп: 1) термины, восходящие к финно-угорскому языку-основе; 2) наименования возникшие в эпоху финно-пермской языковой общности; 3) лексем, являющиеся образованиями удмуртского периода; 4) лексем заимствованного происхождения.

Ключевые слова: удмуртский язык, словарь, грамматика, лексика, термины пчеловодства, тематическая группа, этимология, история слова, письменные памятники, диалектная лексика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-14-26

Изучение промысловой терминологии, в том числе пчеловодства, является одним из актуальных направлений в современной лингвистике. Удмуртское Прикамье – один из благоприятных для разведения пчел регионов, имеющий богатую и разнообразную медоносную базу, особенностью которой является высокая видовая насыщенность.

Пчеловодство является одним из древнейших хозяйственных занятий. Исследователи отмечают, что добыча меда и воска восходит еще к периоду собирательства. Выводы историков для лингвистического анализа имеют важное значение, поскольку без учета исторических реалий невозможно понять систему хозяйственной лексики [Филин 1949, 131]. Человек эпохи верхнего палеолита использовал мед и расплод пчел в качестве пищи. Ранним этапом в развитии пчеловодства было добывание меда и воска диких пчел в местах естественных гнездований пчел – в дуплах деревьев. Позже собирательство заменилось бортничеством (устраивали естественные жилища для пчел в виде выдолбленных дупел в деревьях, а впоследствии – в обрубках деревьев, которые размещали в лесах на деревьях для привития роев), и, наконец, колодочным (пасечным) разведением пчел [Владыкин, Христюкова 1991, 46; История 2004, 158; Удмурты 1993, 82]. Появление ульев-колод в практике пчеловодства имело два важных последствия для его дальнейшего развития. Во-первых, оно содействовало переходу к пасечному содержанию пчел, во-вторых, послужило основой развития домашнего пчеловодства. До XVIII в. пчеловодство у удмуртов велось бортевым способом, в XIX – начале XX в. старинные борты заменяются рамочными ульями [Луппов 1930, 12; 32].

Термины пчеловодства составляют существенный пласт современного словарного состава удмуртского языка, всестороннее изучение которых представляет интерес не только для языковедов, но и этнографов и историков. Рассмотрение данной тематической группы дает потенциал для ознакомления с материальной культурой удмуртов, содействует выявлению и раскрытию хозяйственно-культурных взаимоотношений с другими народами.

Специального комплексного исследования по терминам пчеловодства удмуртского языка еще не имеется. Лексике, связанной с пчеловодством и впервые зафиксированной в ранних письменных памятниках удмуртского языка, посвящена статья лингвиста-картографа Р. Ш. Насибуллина, в которой отмечается, что в словарных работах и фольклорных текстах содержится крайне малое количество терминов по разведению пчел – всего от трех до двадцати единиц, зато имеются специальные книги, посвященные пчеловодству, располагающие колоссальным числом слов – до полутора тысяч лексем, относящимся к данной предметной группе [Насибуллин 2019, 131]. Полагаем, что в недале-

ком будущем собранные терминологические материалы, связанные с разведением медоносных пчел, будут опубликованы в очередном диалектном атласе удмуртского языка.

Материалом для наших наблюдений послужили 10 терминов пчеловодства, зафиксированные в памятниках письменности удмуртского языка XVIII в., а именно: *зури* 'трутень', *му* ~ *чечы* 'мед', *муш* 'пчела' и *муш мумы* 'пчелиная матка', *палэп* ~ *палэт* 'рой', *подэм* 'борть', *сюсь* 'воск', *вар бозго* 'трутень' и *уморто* 'улей'. Анализируемые понятия приводятся по частоте их фиксации в письменных памятниках.

1. му 'мед'

Один из важнейших продуктов пчеловодства – мед, понятие, обозначающее это слово, восходит в глубокую древность. Исследователи отмечают, что Гиппократ, выдающийся врач, мыслитель и реформатор древней медицины, широко и успешно применял пчелиный мед при многих заболеваниях и сам употреблял его в пищу [Иойриш 1976, 76]. Лексема, означающая 'мед', была зафиксирована в большинстве письменных памятников удмуртского языка XVIII в. (в некоторых документах наряду с его синонимом *чечы*):

1726 (Д. Г. Мессершмидт): *Миш* 'Mel (мед – Л. И.)' [Напольских 2001, 49];

1759: *Ми* [Miller 1759: 400–401];

1768: (Й. Э. Фишер): *ми* 'mel (медовый – Л. И.)' [Csúcs 1983, 316];

1775: *Му*, *цечэ* 'медь' [Сочинения 1775, 24];

1780: *цечй* 'медь, патока' [Могилинь 1780, 33]¹

1785: *му*, 'медь, земля', *цечй* 'медь' [Кротовъ 1785, 136; 249];

1791: *Му* 'Медь' [Миллер 2005, 94–95].

Для представления более полной истории фиксации этой лексемы в удмуртском языке (а также его синонима *чечы*), поскольку «нам должны быть известны основные закономерности, пути развития <...> от ее начала до современного состояния» (цитируется по: [Филин 2015, 15–16]), приведем данные из некоторых источников XIX–XXI вв.: 1880: *tsetsi* 'Honig (мед – Л. И.)' [Wiedemann 1880, 538]; 1890-е гг.: *ми* MU U, *ми* MU 'Honig (мед – Л. И.)' [Wichmann 1987, 164]; *čeča*, *čeči* 'méz | honig (мед – Л. И.)' [Munkácsi 1896, 311]; *Kaz. mü* 'méz | honig (мед – Л. И.)' [Munkácsi 1896, 722; 724]; 1925: *чечы* 'мед' [Верецагин 2020, 217]; *му* – *чечы* 'мед' [Борисов 1932, 184, 317]; южн. *му* 'мед'; *чечы* 'мед; медвяный' [УРС 1948, 194; 324]; *чечы* 'мед' [РУС 1956, 435]; *му* 'мед'; *чечы* 'мед || медовый, медвяный' [УРС 1983, 286; 471]; *чечы* 'мед' [Соколов, Туганаев 1994, 98]; *му* 'мед'; *чечы* 'мед || медовый, медвяный' [УРС 2008, 430; 726]; *чечы*, *му* 'мед' [Насибуллин, Семенов 2013, 168]; бес. *чечо* 'мед' [Тезаурус 2017, 103]; *чечы* 'мед || медовый' [РУС I 2019, 662; 674]. И др.

В настоящее время слово *му* хотя и вытеснено к периферии лексической системы современного удмуртского литературного языка, все же удмуртские (см. выше: УРС 1983, УРС 2008) и иностранные (удмуртско-венгерский, удмуртско-финский и финско-удмуртский) словари последних лет издания всё же фиксируют его параллельно с *чечы* без указания на диалектную принадлежность: *му* 'méz'; *чечы* 'méz' [UMSz. 2002, 283; 458]; *му* 'hunaja, mesi'; *чечы* 'hunaja, mesi // mesinen' [USS 2008, 299; 548].

Слово имеет параллели в ряде родственных языков (удм. *му*, диал. *мү*, кз., кп. *ма* (< общеп. *mā); мар. *мү*; морд. *m'ed'*, *mäd'*; финн. *mesi* ~ *mete-*, карел. *mezi*, вепс. *mez'i*, эст., воль. *mesi*; венг. *méz* < доперм. *mete), а в финно-угорский период было заимствовано из индо-европейского языка-основы, ср.: **medhu-* или **médhu-* 'сладкий' → 'медовый' > санскр. *mádhu-* 'мед; сладкий напиток', авест. *mahu-* 'мед'; лит. *medùs*, латыш. *medus* 'мед', др.-прус. *meddo*; др.-в.-нем. *metu*, *mitu* (совр. нем. *Met*) 'мед (напиток)'; дат., норв. *mjød*, швед. *mjød* 'мед (напиток)'; рус. *мёд*, словен., чеш., словац. *med*, польск. *miód*, др.-рус. *медь* (< общесл. *medь) [Uotila 1933, 214; SKES 1958, 341–342; Тараканов 1981, 18; Черных I 1993, 519; Соколов 19986, 74; КЭСК 1999, 167; Вершинин 2015, 133; Кельмаков 2019, 124–125; Тараканов, Кондратьева 2019, 84].

Происхождение слова *чечы* 'мед' (в некоторых диал. *чече*) неизвестно. Возможно, оно образовано от детского слова *чечым* 'сладкий, вкусный || сладко, вкусно' и является табуизированной лексемой.

2. сюсь 'воск'

Данный термин зафиксирован в большинстве письменных памятников XVIII в., в том числе в структуре сложного образования *сюсьтыл* 'восковая свеча' (*сюсь* 'воск' + *тыл* 'огонь'):

¹ Последние исследования показали, что «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» был составлен М. Мышкиным, а не М. Могилиным, как считалось ранее [Чураков 2016, 194].

- 1726 (Д. Г. Мессершмидт): *Sschuysch* ‘Cera (воск – Л. И.)’ [Напольских 2001, 49];
1759: *Sustèl* [Miller 1759, 392–393];
1768 (Й. Э. Фишер): *sustèl* ‘cereus’ (воск – Л. И.) [Csúcs 1983, 318];
1775: *Сюсь* ‘воскъ’ [Сочинения 1775, 28];
1780: *Сюсь* ‘воскъ’ [Могилинъ 1780, 47];
1785: *сюсь* ‘воскъ’, *сюсь тыль* ‘восковая свѣча’ [Кротовъ 1785, 212];
1791: *Сустель* ‘восковая свѣча’ [Миллер 2005, 88–89].

В письменных источниках более позднего периода это понятие встречается в следующих вариантах: 1880: *s'us'* ‘Wachs (воск – Л. И.)’ [Wiedemann 1880, 515]; 1890-е гг.: *s'us'* G M MU U, *s'us'* J MU ‘воск, Wachs (G M MU U J)’, *s'us'-t@l* G, *s'us'-t2l* M, *s'us'-t2l* J, *s'us'-t2q* MU ‘свеча (восковая), Wachskerze, Wachlicht (G J MU), свечка, Kerze, Licht (M)’ [Wichmann 1987, 241] (в материалах зарубежных исследователей по диалектам может различаться качество гласных, а также конечной согласной второго компонента); 1892: *сюсь* ‘воскъ’, *сюсьтыл* ‘восковая свѣча’ [Верещагин 2006, 221]; *s'us'* ‘birtokragozva, viasz | wachs (воск – Л. И.)’ [Munkácsi 1896, 470]; 1925: *сюсь* ‘восковый; воскъ’; *сюсь-тыль* ‘восковая свеча, восковая свѣча’; [Верещагин 2020, 103–104]; *сюсь* ‘воск’, *сюсьтыл* ‘свечка восковая’ [Борисов 1932, 275]; *сюсь* ‘воск’, *сюсьтыл* ‘восковая свеча’ [УРС 1948, 285]; *сюсь* ‘воск; восковой’, *сюсьтыл* ‘восковая свеча’ [РУС 1956, 118]; *сюсь* ‘воск; вощина; соты’, *сюсьтыл* ‘восковая свеча’ [УРС 1983, 407]; *сюсь* ‘воск’, *муш сюсь* ‘пчелиный воск’ [Соколов, Туганаев 1994, 44; 70]; *сюсь* ‘1. воск; вощина 2. соты’ [УРС 2008, 630]; *сюсь* ‘воск’, *сюсьтыл* ‘свеча’ [Насибуллин, Семенов 2013, 168; 229]; бес. *сюсь* ‘1. воск 2. соты’, *сюсь тѣл* ‘восковая свеча’ [Тезаурус 2017, 24; 76] *сюсь* ‘воск’, *сюсь кадь небыт* ‘мягкий как воск’ [РУС I 2019, 166]; *сюсьтыл* ‘свеча’, *жуам сюсьтыл пум* ‘огарок свечи’ [РУС II 2019, 477].

Данные этимологической литературы дают основание для возведения этого наименования к финно-пермской общности, ср.: удм. *сюсь* ‘воскъ’; сар. мал. *сюсьто* ‘вощенный’ | кз. *сисък-* ‘свеча’, ‘воск’, *сисътыс* лет. ‘эта свеча’ < общеп. **s'is't-* ‘воскъ’; удм. **s'us'-* < **s'us'* < **s'is'* || мар. *шыштэ*, *шбшты*; диал. *šišta*, *šəštə* ‘воск’ | мокш. *ума* [эз. *кума*, *ума* ‘тж’] [? из *šikšta или *s'ikšta*]. – Доперм. *i; **s'ištə* или *šikštə < FP **šis'tz* (**šiks'tz*) ‘воск’ [UEW 1988, 785; КЭСК 1999, 257; Соколов 1999а, 67; Вершинин 2015, 196; Тараканов, Кондратьева 2019, 104].

3. муш ‘пчела’

В письменных источниках рассматриваемого периода зафиксированы следующие формы со значением ‘пчела’, отличающиеся лишь в графическом оформлении:

- 1726 (Д. Г. Мессершмидт): *Mÿsch* ‘Apis (пчела – Л. И.)’ [Напольских 2001, 49];
1775: *Мушь* ‘пчела’ [Сочинения 1775, 28];
1780: *муш* ‘пчела’ [Могилинъ 1780, 47].

Употребление этой лексемы в источниках более позднего периода выглядит следующим образом: 1880: *muš* ‘Biene (пчела – Л. И.)’ [Wiedemann 1880, 504]; 1890-е гг.: *muš* G M J MU U, *muš* MU ‘Biene (пчела – Л. И.)’ [Wichmann 1987, 166]; 1892: *муш* ‘пчела (у чер. *ююки*)’ [Верещагин 2006, 164]; *muš*, Kaz. *müš*, *muš* ‘méh (пчела) | biene [Munkácsi 1896, 727]; 1925: *муш* ‘пчела’ [Верещагин 2020, 302]; *муш* ‘пчела’ [Борисов 1932, 188]; *муш* ‘1) пчела, 2) пчелиный’ [УРС 1948, 197]; *муш* ‘пчела; пчелиный’ [РУС 1956, 880]; *муш* ‘пчела’ [Соколов, Туганаев 1994, 32, 117]; *муш* ‘пчела || пчелиный’, *муш бакча* ‘пчельник, пасака’ [УРС 1983, 288–289]; *муш* ‘пчела || пчелиный’ [УРС 2008, 445]; *муш* ‘пчела’, *муш вордыны (утьыны)* ‘заниматься пчеловодством’ [Насибуллин, Семенов 2013, 167–168]; бес. *мөш* ‘пчела’ [Тезаурус 2017, 187]; *муш* ‘пчѣла; пчелиный’, *ужась муш* ‘рабочая пчела’ [РУС II 2019, 344].

Анализ данных этимологических словарей позволяет возвести лексему *муш* в финно-угорскую древность, ср.: кз. *малязи*, *маляммуш* ‘пчела, шмель’ (сложные образования: *малязи* < *ма* ‘мед’ + суфф. -*ля-* + *зи* ‘оса, насекомое’, ‘насекомое, собирающее мед’; *маляммуш* < *ма* ‘мед’ + суфф. -*ля-* + *муш* ‘пчела’), кп. [маля]муш, п. *мош* ‘пчела’ | удм. *муш* ‘тж’ < общеп. *tʰš ‘пчела’ || мар. *мүки* | финн. *mehiläinen* | морд. *t'eš*, *t'ekš* | венг. *méh* ‘тж’ < доперм. **mekš(e)-* < FU *mekše ‘пчела’ < доиндоиран. *mekš ‘пчела’ [Тараканов 1981, 18; Rédei 1986, 45; UEW 1988, 271; Соколов 1998б, 76; КЭСК 1999, 169; Вершинин 2015, 135; Тараканов, Кондратьева 2019, 86; 114].

4. муш мумы ‘пчелиная матка’

Этот термин в удмуртском языке является сложным образованием (*муш* ‘пчела’ + *мумы* ‘матка’), в письменных источниках рассматриваемого периода зафиксирован только в первой грамматике удмуртского языка:

1775: *Мушь мумы* ‘пчелиная матка’ [Сочинения 1775, 28].

В письменных источниках более позднего периода это понятие встречается в следующих вариантах: 1890-е гг.: *tuš-tuti* G, *tuš-tut@* U ‘Bienenkönigin (матка пчелы – Л. И.)’ [Wichmann 1987, 165]; *tuš-tuta* (Sar. Mal.) ‘méhkirálynő | bienenkönigin (матка пчелы – Л. И.)’ [Munkácsi 1896, 727] (как видим, в материалах зарубежных исследователей по диалектам может различаться качество конечной гласной -ы компонента *мумы*); *мушумы* ‘пчелиная матка’ [Борисов 1932, 188]; *муш мумы* ‘пчелиная матка’ [УРС 1948, 197]; *муш мумы* ‘пчелиная матка’ [РУС 1956, 434]; *муш мумы* ‘пчелиная матка’, *муш мумы поттон* ‘вывод пчелиной матки’ [УРС 1983, 289]; *муш анай* ‘пчелиная матка’ [Соколов, Туганаев 1994, 32, 117]; *мушумы* ‘пчелиная матка’ [УРС 2008, 446]; *муш мумы* ‘пчеломатка’ [Насибуллин, Семенов 2013, 168]; *муш анай, муш мумы* ‘пчелиная матка’ [РУС II 2019, 344].

В этимологической литературе первый компонент *муш* ‘пчела’ возводится в финно-угорский период (см. статью **муш**). Второй компонент *мумы* ‘матка’ исследователи связывают с кз. *мам* ‘мать, мама’, финн. *таатто* ‘тж’, вепс. *татц3* ‘тж’ и относят также в финно-угорскую эпоху [Соколов 1998, 75; КЭСК 1999, 169].

5. **палэп** ~ **палэт** ‘рой’

В памятниках письменности XVIII в. данная номинация в разных графических вариантах отмечена только в двух – в грамматике удмуртского языка М. Мышкина и рукописном словаре З. Кротова:

1780: *пальётъ* ‘рой пчелной’ [Могилинъ 1780, 28];

1785: *палэпъ* ‘рой пчель’ [Кротовъ 1785, 162].

История дальнейшей письменной фиксации этого понятия в удмуртском языке следующая: 1880: *palep* ‘Bienenschwarm (рой пчел – Л. И.)’ [Wiedemann 1880, 512]; 1890-е гг.: *palep* G, *palep* M, *paleD* U ‘Bienenschwarm (рой пчел – Л. И.)’ [Wichmann 1987, 188]; *palät* (Kaz. Jel.) *tuš-palät* (Sar. Mal.) ‘méhraj (tat. *küč*) | bienenschwarm (рой пчелы – Л. И.)’ [Munkácsi 1896, 541]; 1925: *палэп* ‘рой, рой пчел’ [Верещагин 2020, 313]; *палэп* южн., *палэт* св., *вачыл* кр. юж., *васьыл* ср., *васьул* ср. ‘рой пчел’ [Борисов 1932, 214]; *палэп* ‘рой’ [УРС 1948, 232]; *муш палэп* ‘рой; семья пчел’ [РУС 1956, 118]; *палэп, палэт* ‘рой’, *муш палэп* ‘пчелиный рой’ [УРС 1983, 331]; *муш палэп* ‘пчелиный рой’ [Соколов, Туганаев 1994, 32, 117]; *палэп* ‘рой’, *муш палэп* ‘пчелиный рой’ [УРС 2008, 445, 511]; *муш палэп* (*палэт*) ‘рой’ [Насибуллин, Семенов 2013, 168]; *муш палэт* (*палэп*) ‘рой (семья пчёл)’, *палэт* (*палэп*) *поттыны* ‘роиться (о пчелах)’ [РУС II 2019, 344, 425].

В этимологической литературе каких-либо соображений по данной лексеме не имеется, соответствия в родственных языках отсутствуют. Скорее всего, это слово образовалось в древнеудмуртский период после распада общепермской общности (поскольку в коми языках параллели не обнаруживаются) от глагола *палдыны* ‘отскочить, отлететь (о мяче, щепке); роиться (о пчелах)’ при помощи суффикса -эп (-эт).

6. **подэм** ‘борть’

Данное слово зафиксировано в двух памятниках письменности удмуртского языка XVIII в.:

1780: *подёмъ* ‘борть’ [Могилинъ 1780, 28];

1785: *подэмъ* ‘улей’, *подымъ* ‘пчельникъ’ [Кротовъ 1785, 172];

Вторая форма, отмеченная в словаре З. Кротова, возможно, является неточной записью слова *подэм*. Однако исследователи конца XIX в. (Ф. Видеманн и Б. Мункачи) также отмечают эту лексему в своих лексикографических трудах: 1880: *podym* ‘Bienengarten (пчелиный сад – Л. И.)’ [Wiedemann 1880, 515]; *podäm, podam* (Sar.) ‘faüregböl alakitott méhkas (улей сдѣланный въ деревѣ) | bienenstock in einer baumhöhle’ [Munkácsi 1896, 575–576]. Вероятно, Ф. Видеманн при составлении немецко-удмуртского словаря использовал материалы рукописи З. Кротова, а Б. Мункачи, по-видимому, не оставил без внимания словарь своего предшественника. Может, конечно же, оказаться, что З. Кротов точно зафиксировал название пчельника (пасеки) у северных удмуртов, однако в других источниках слова *подым* со значением ‘пчельник’ обнаружить не удалось.

История дальнейшей письменной фиксации слова *подэм* ‘борть’ в удмуртском языке выглядит следующим образом: 1890-е гг.: *podem* G J MU ‘Bienenstock (J MU: in einer Baumhöhle) (улей в дупле дерева – Л. И.)’ [Wichmann 1987: 202]; 1892: *подэм* ‘борть или пустота въ стоящемъ деревѣ и ульѣ’ [Верещагин 2006: 188]; *podäm, podam* (Sar.) ‘faüregböl alakitott méhkas (улей сдѣланный въ деревѣ) | bienenstock in einer baumhöhle’ [Munkácsi 1896, 575–576]; 1925: *подэм* *нус* ‘тамга’ [Верещагин 2020, 347]; *подэм* ‘улей в дереве; хранилище, старинный способ удмуртов класть ценные вещи в дупло’,

подэм пус ‘тамга, которая высекается в деревьях и ульях, чтобы обозначить собственность от захвата’ [Борисов 1932, 224–225]; *подэм, подмам уморто (подэм)* ‘борть’ [РУС 1956, 60]; *подэм* ‘[бортовой] улей’ [УРС 1983, 348]; *подэм* ‘бортовой улей’ [УРС 2008, 535]; *подэм* ‘бортень, подвязная борть (пустой улей, колода, привязываемая к дереву для ловли улетевшего роя); колодочный улей (из толстого бревна)’ [Насибуллин, Семенов 2013, 168]; *подэм, подмам (колода) уморто* ‘борть уст.’, *подэм жсутъяса мушканы* ‘бортничать’ [РУС I 2019, 91].

Этимологическая литература не дает никаких сведений относительно удмуртских слов *подэм* и *подмам* ‘борть’. Как нам кажется, первая форма образована в период отдельного развития удмуртского языка (поскольку в родственных языках параллели отсутствуют) от финно-угорского глагола *подыны* с первоначальным значением ‘закрывать’ посредством прибавления суфф. -эм, ср.: кз. *pödan* ‘заслонка’, ‘дверка, дверца’; *pödlavny* ‘закрывать, затворить’ | удм. *подыны* ‘прищемить’ < общеп. **pad-* (< ? **p8d-*) || венг. *födni* ‘покрывать, прикрывать’ | манс. *pañt-, peñt-* ‘тж’ | хант. *peñt-* ‘тж’ < доперм. **päñtä, peñtz* [КЭСК 1999, 227]. В первое время лексема *подэм* предположительно означала ‘закрытую колоду’. Вторая форма *подмам* ‘борть’, по нашему мнению, также образована в период отдельного развития удмуртского языка при помощи суфф. -ам, но уже от другого удмуртского глагола – *подманы* ‘долбить, выдолбить [колоду для улья]’.

7. вар-бозго ‘трутень’

Данная форма в памятниках удмуртской письменности XVIII в. зафиксирована только в рукописной грамматике М. Мышкина:

1780: *уарь-возгй* ‘трутень’ [Могилинь 1780, 33].

Сложное образование, состоит из *вар* ‘слуга, прислуга; работник’ + *возги* (< *бозго* ‘жук; большая зеленая муха’). По поводу обозначения М. Мышкиным начального согласного второго компонента буквой *в* Т. И. Тепляшина отмечает, что важной отличительной чертой бесермян (а в грамматике М. Мышкина отчасти отражен материал бесермянского языка) от литературного и других пермских языков является подмена губно-зубного *v* губно-губным *b*. Старшее поколение бесермян *v* и *b* как особые фонемы не различает. На месте литературного *b* в некоторых словах отмечено губно-зубное *v*, например: *vorjane*, лит. *борзаны* ‘заплести лапти, начать плести’, *ovin*, лит. *обинь* ‘овин’. Таким образом, звуки *b* и *v* в языке бесермян свободно заменяют друг друга [Тепляшина 1970, 147]. К вышеназванным примерам, возможно, относилось в XVIII в. и слово *уарь-возгй* ‘трутень’, зафиксированное в рукописи М. Мышкина.

В важнейших лексикографических источниках более позднего периода данное понятие не встречается. Поэтому приведем фиксацию отдельных компонентов сложного слова:

1) *бозго* ‘навозный жук’: 1890-е гг.: *bozgo* MU ‘Mistkäfer (навозный жук – Л. И.)’ [Wichmann 1987, 26]; 1892: *бозго* ‘1. животное, отличающееся чрѣзмерной толстотой, неуклюжестью 2. о человеке: одѣвшийся толсто 3. неуважительный эпитет’ [Верещагин 2006, 28]; *bozgo* (Kaz.) [tat.] ‘küszöb (tat. *busaya*) | schwelle (порог – Л. И.; Б. Мункачи зафиксировал омонимичную татарскую форму)’ [Munkácsi 1896, 627]; 1925: *бозго* ‘толстота’ [Верещагин 2020, 351]; *бозго* ‘навозный жук’ [Борисов 1932, 30]; *бозго* ‘навозный жук’ [УРС 1948, 29]; *бозго* ‘жук (также навозный)’, *ву бозго* ‘плавунец’ [УРС 1983, 49]; *бозго (бозо, бозоро, быз)* ‘жук; хрущ; долгоносик’ [Соколов, Туганаев 1994, 10; 76; 136]; *бозго* ‘1. жук (навозный) 2. диал. большая зеленая муха’ [УРС 2008, 73]; *бозго* ‘навозник обыкновенный’, *вубозго* ‘плавунец’ [Насибуллин, Семенов 2013, 52; 53]; *вубозго* ‘плавунец (жук)’ [РУС II 2019, 65]. Материалы поздних письменных документов показывают, что *бозго* в большинстве из них имеет значение ‘навозный жук; жук’ и лишь в словарях Г. Е. Верещагина это слово не имеет отношения к насекомым, а обозначает признак неуклюжести и полноты человека или животного;

2) *вар* ‘слуга, прислуга; работник’: *var* ‘Knecht, Diener, Selav (слуга, раб – Л. И.)’ [Wiedemann 1880, 551]; 1890-е гг.: [Wichmann 1987, 241]; 1892: *вар* ‘слуга’ [Верещагин 2006, 52]; *var*, Glaz. *war* ‘rab, szolga (раб) | schlave, diener, knecht (слуга, раб – Л. И.)’ [Munkácsi 1896, 651]; 1925: *вар, ляльчи, медо* ‘слуга’ [Верещагин 2020, 329]; *вар* уст. ‘слуга, прислуга; работник’ [УРС 1983, 74]; *вар, ляльчи* ‘раб, невольник’, *вар, ляльчи, медо* ‘слуга’ [Насибуллин, Семенов 2013, 119; 329]; *вар* уст. ‘слуга, прислуга; работник’ [УРС 2008, 74]; *вар* ист. ‘слуга, прислуга; работник’ [РУС II 2019, 349].

По мнению В. И. Алатырева и других исследователей в основе термина *бозго* ‘навозный жук’ лежит экспрессивно-изобразительное слово *боз* (*боз-боз*), выражающее звуковой образ жужжания или басистого голоса; название образовано с помощью непродуктивного именного суфф. -го в древнеудмуртский период развития языка [Алатырев 1988, 186–187; Соколов 1997, 86; Максимов 2014, 171–172].

По поводу образования лексемы *вар* ‘слуга, раб’ этимологические работы дают несколько толкований. Составители «Краткого этимологического словаря коми языка» и некоторые другие исследователи связывают этот этимологический термин с общепермским периодом: кп. *вер*: *ни-вер* ‘деверь, брат мужа’ (*ни* ‘сын’); 9ер др.-перм. ‘слуга, раб’, *верцс* др.-перм. ‘мужчина’; *ver-Ceri* вым. ‘рыбасамец’ (*чери* ‘рыба’) | удм. *var, war* ‘раб, слуга’ < общеп. *ver ‘мужчина’ < доперм. *vrz или *wvrz [КЭСК 1999, 52; Вершинин 2015, 34]. Другие лингвисты, с которыми мы соглашаемся, считают, что данное слово восходит в финно-пермский период развития языка-основы (фп. *orja; финн. *orja* ‘раб, рабыня’, эрз. *ur’e*, мокш. *ur’ä* ‘раб, наемник’) [UEW 1988, 721; Кельмаков 2004, 321; Тараканов, Кондратьева 2019, 97].

8. *зури* ~ *узыри* ‘трутень’

Слово было зафиксировано лишь в рукописном словаре З. Кротова:

1785: *зури* ‘шершень, трутень’ [Кротовъ 1785: 64].

Использование этой лексемы (а также его вариантов *узыри* и *зурмуш*) в источниках более позднего выглядит следующим образом: 1880: *zuri* ‘Bremse (Oestrus) (овод; слепень; тормоз – Л. И.)’ [Wiedemann 1880, 560]; 1890-е гг.: *zuri* G ‘Drochne (трутень – Л. И.)’ [Wichmann 1987, 332]; *zuri* ‘bögöly; hereméh |, bremse (oestrus); drohne (трутень – Л. И.)’ [Munkácsi 1896, 446]; 1925: *узыри* ‘трутень’ [Верещагин 2020, 354]; *узыри* ‘трутень (пчела)’ [Борисов 1932, 299]; *узыри* ‘1) трутень, 2) трутневой’ [УРС 1948, 304]; *узыри* ‘трутень’ [РУС 1956, 1132]; *узыри* ‘трутень || трутневой’, *узыри мумы* ‘трутневая матка (бесплодная)’ [УРС 1983, 444]; *узыри* ‘трутень’ [Соколов, Туганаев 1994, 47; 131]; *зури* диал. ‘1. шершень 2. трутень’, *узыри* ‘1. трутень || трутневой 2. перен. трутень, дармод’ [УРС 2008, 233; 685]; *узыри* ‘трутень’ [Насибуллин, Семенов 2013, 168]; *узыри, зурмуш* ‘трутень (самец пчелы)’ [РУС II 2019: 716].

Этимология считается неустановленной. По мнению С. А. Максимова (личное сообщение), *зури* ‘трутень’ является чувашским заимствованием в удмуртском языке, ср.: чув. *сър* ~ *сърä* ‘серый; трутень’, *сър хурт* ‘трутень’ [Федотов II 1996, 29]. По-видимому, восходит к болгарскому периоду: < болгар. *zuri. Начальный гласный варианта *узыри* возник по ассоциации со словом *узыр* ‘богатый’. Исходя из данных диалектологической карты о территориальном распространении наименования трутня, можно сказать, что лексема *зурмуш* в удмуртском появилась позднее, чем *узыри*, под влиянием чув. *сър хурт* (удм. *муш*, чув. *хурт* ‘пчела’). Удмуртский лингвист С. В. Соколов, соглашаясь с доводами Е. С. Гуляева (удм. *зур*: *зурмуш* ‘трутень’, кз. *зур*: (в *кальöзур* ‘майский жук’) | мар. *шуре*: *шуремуш* ‘трутень’, эрз. *сарь*: *сарьмаш* и мокш. *сар*: *сармеш* ‘тж’), возводит лексему *зур* с первоначальным значением ‘жесткокрылое насекомое’ в финно-пермскую общность [Соколов 1998а, 82]. Марийский лингвист В. И. Вершинин считает, что удмуртское слово *зури* ‘трутень’ ономастопоэтического происхождения [Вершинин 2015, 71]. По мнению Р. Ш. Насибуллина, рассматриваемая лексема восходит к татарскому слову *зур* ‘грубый’ [Насибуллин 2021, 155]. Мы же склонны согласиться с точкой зрения С. А. Максимова о чувашском происхождении лексемы *зури* ‘трутень’ в удмуртском языке.

9. *уморто* ‘улей’

В памятниках письменности XVIII в. данная номинация отмечена только в первой грамматике удмуртского языка:

1775: *Уморто* ‘улей’ [Сочинения 1775, 28];

История дальнейшей письменной фиксации этого понятия в удмуртском языке следующая: 1880: *umorto* ‘Bienenstock (улей – Л. И.)’ [Wiedemann 1880, 547]; 1890-е гг.: *umorto* S M MU, *ukmorto* U ‘Bienenstock (улей – Л. И.)’ [< tat.] [Wichmann 1987, 297–298]; 1892: *уморто* ‘улей для содержания пчель (у тат. *уморъ*, у чер. *уморъ*)’ [Верещагин 2006, 237]; *umorto* | tat. ‘mêhkas; rövid vastag fatönk, melyet helül kivájva mêhkasúl használnak | bienenstock; kurzer u. dicker klotz den man aushöhlt u. als bienenstock gebraucht (короткое и толстое бревно, которое выдолблено и используется как улей – Л. И.)’ [Munkácsi 1896, 102]; 1925: *уморто* ‘улей’ [Верещагин 2020, 362]; *уморто* ‘улей, чурка’ [Борисов 1932, 304]; *уморто* ‘улей; колодочный улей, колода’ [УРС 1948, 309]; *муш уморто (чурка)* ‘улей’ [РУС 1956, 1158]; *уморто* ‘улей; колодочный улей, колода; дуплянка’, *муш уморто* ‘улей’ [УРС 1983, 450]; *уморто* ‘1. улей; колодочный улей, колода; дуплянка 2. скворечник’, *муш уморто* ‘улей’, *пуклë уморто* ‘колодочный улей’ [УРС 2008, 696]; *муш уморто, муш чурка* ‘улей’ [Насибуллин, Семенов 2013, 53]; *муш уморто, муш чурка* ‘улей’ [РУС II 2019, 754].

Этимологические исследования показывают, что слово *уморто* в удмуртском языке было заимствовано из тюркских языков, ср.: удм. *уморто* ‘улей’, мар. *омартэ* ‘тж’ < тат., башк. *умарта* ‘тж’

[Munkácsi 1896, 102; Räsänen 1969, 361; Тараканов 1981, 67; 1993, 134; Wichmann 1987, 297–298; Csúcs 1990, 300; Соколов 1999б, 75].

Подводя итоги к вышесказанному, заметим, что пчеловодство у удмуртов занимало не последнее место в их хозяйственной деятельности. Доказательством этому является хотя бы то, что в удмуртском языке XVIII в. зафиксировано девять понятий, связанных с разведением пчел. Лингвистический анализ рассмотренных в статье названий, а также данные этимологической литературы по различным языкам позволили подразделить рассматриваемые наименования, согласно их происхождения, на несколько групп: 1) лексемы *му* ‘мед’, *муш* ‘пчела’ и *муш мумы* ‘пчелиная матка’ возводятся в финно-угорскую языковую общность, причем первая была заимствована из индо-европейского языка-основы; слово *муш* ‘пчела’ также было усвоено нашими предками из доиндоиранского языка-основы; название *муш мумы* ‘пчелиная матка’ было образовано посредством сложения двух основ; 2) понятие *сюсь* ‘воск’ имеет корни в финно-пермской общности; 3) термины *палэп* ~ *палэт* ‘рой’, *подэм* ‘борть; колодочный улей’ и сложное слово *вар бозго* ‘трутень’ являются исконными образованиями удмуртского периода; 4) слова *зури* ‘трутень’ и *уморто* ‘улей’ заимствованы: первое имеет чувашское происхождение, второе усвоено из тюркских языков.

СОКРАЩЕНИЯ

авест. – авестийский язык; башк. – башкирский язык; бес. – бесермянский язык; булг. – болгарский язык; венг. – венгерский язык; вепс. – вепсский язык; водь. – водьский язык; вым. – вымский диалект коми языка; дат. – датский язык; диал. – диалектная форма; доиндоиран. – доиндоринский язык-основа; доперм. – допермский язык-основа; др.-в.-нем. – древневерхненемецкий язык; др.-перм. – древнепермский язык; др.-прус. – древнепрусский язык; др.-рус. – древнерусский язык; ист. – исторический термин; карел. – карельский язык; кз. – коми-зырянский язык; кп. – коми-пермяцкий язык; кр. южн. – крайне-южное наречие удмуртского языка; латыш. – латышский язык; лет. – летский диалект коми языка; лит. – литовский язык; литературная форма; мал. – малмыжский диалект удмуртского языка; манс. – мансийский язык; мар. – марийский язык; морд. – мордовские языки; мокш. – мокшанский язык; нем. – немецкий язык; норв. – норвежский язык; общеп. – общепермский язык-основа; общесл. – общеславянский язык; п. – коми-пермяцкие диалекты; польск. – польский язык; рус. – русский язык; санскр. – санскрит язык; сар. – сарапульский диалект удмуртского языка; св. – северное наречие удмуртского языка; словац. – словацкий язык; словен. – словенский язык; совр. – современная форма; ср. – срединные говоры удмуртского языка; суфф. – суффикс; тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; уст. – устаревшая форма; финн. – финский язык; фп. – финно-пермский язык-основа; хант. – хантыйский язык; чер. – черемисский (марийский) язык; чеш. – чешский язык; чув. – чувашский язык; швед. – шведский язык; эрз. – эрзянский язык; эст. – эстонский язык; южн. – южное наречие удмуртского языка; FP – финно-пермский праязык (по: UEW 1988); FU – финно-угорский праязык (по: UEW 1988); G – глазовский диалект (по: Wichmann 1987); Glaz. – глазовский диалект (по: Munkácsi 1896); J – елабужский диалект (по: Wichmann 1987); Jel. – елабужский диалект (по: Munkácsi 1896); Kaz. – казанский диалект (по: Munkácsi 1896); M – малмыжский диалект (по: Wichmann 1987); Mal. – малмыжский диалект (по: Munkácsi 1896); MU – малмыжско-уржумский диалект (по: Wichmann 1987); S. – сарапульский диалект (по: Wichmann 1987); Sar. – сарапульский диалект (по: Munkácsi 1896); tat. – татарский язык (по: Munkácsi 1896 и Wichmann 1987); U – уральский праязык (по: UEW 1988); уфимский диалект (по: Wichmann 1987).

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1988. 240 с.
- Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1932. XXII + 374 с.
- Верецагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за выпуск и авто. предисл., комментарии Л. М. Ившин. Ижевск, 2006. 288 с.
- Верецагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 4: Русско-вотский словарь [= Русско-удмуртский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл. и комментарий Л. М. Ившин; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2020. 417 с.
- Вершинин В. И. Этимологии удмуртских слов. Т. 1. Йошкар-Ола, 2015. 255 с.

- Владыкин В. Е., Христолюбова, Л. С. Этнография удмуртов: Учебное пособие. Ижевск: Удмуртия, 1991. 160 с.
- Иойриш Н. П. Продукты пчеловодства и их использование. М., Россельхозиздат, 1976. 175 с.
- История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / Под ред К. И. Куликова; введение М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2004. 552 с.
- Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2004. 395 с.
- Кельмаков В. К. Происхождение и отражение в удмуртских письменных источниках названий некоторых хмельных напитков (Размышления лингвиста) // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; сост. и отв. ред. Е. В. Попова. Ижевск, 2019. С. 122–137.
- Кротовъ 3. Удмуртско-русский словарь / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года). XX + 208 с.
- КЭСК 1999 – Краткий этимологический словарь коми языка / [сост.] Лыткин В. И., Гуляев Е. С.; под ред. В. И. Лыткина. Переиздание с дополнением. Сыктывкар: Коми кн. издательство, 1999. 430 с.
- Луппов П. Н. Исторический очерк Вятского края. Вятка, 1930. 48 с.
- Максимов С. А. Комментарий к карте «жук-навозник» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комм. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. Вып. 4. С. 165–175.
- Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... (репринт издания 1791) // Г. Ф. Миллер и изучение уральских языков: материалы круглого стола. Hamburg, 2005. С. 111–186.
- Могилнъ М. Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / Отв. ред. Л. Е. Кириллова; Слово к читателям – Л. Е. Кирилловой; Предисл. К. И. Куликова; Прил. Т. И. Тепляшиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 203 с.
- Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
- Насибуллин Р. Ш., Семенов В. Г. Системно-тематический русско-удмуртский словарь = Удысьсья радъям жуч-удмурт кылсузъет / Под общей ред. Р. Ш. Насибуллина. Ижевск: Изд-во «Ассоциация «Научная книга», 2013. 350 с.
- Насибуллин Р. Ш. Удмуртские термины по пчеловодству // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: Сб. статей по материалам VI Всероссийской научн. конференции финно-угроведов / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 130–135.
- Насибуллин Р. Ш. Комментарий к карте «трутень» // Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии / Р. Ш. Насибуллин, О. А. Арзамасова, М. Р. Городилова, В. Г. Семенов, Я. М. Шараева. Ижевск: Институт компьютерных исследований; НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2021. Вып. 8. С. 152–156.
- РУС 1956 – Русско-удмуртский словарь: Около 40 000 слов / Удм. НИИ ист., языка и лит. М.: ГИ-ИНС, 1956. 1360 с.
- РУС I 2019 – Русско-удмуртский словарь: в 2 т. Более 55 000 слов. Т. 1. (А–О) / Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова и др.; отв. ред. Л. М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. 936 с.
- РУС II 2019 – Русско-удмуртский словарь: в 2 т. Более 55 000 слов. Т. 2. (П–Я) / Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова и др.; отв. ред. Л. М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск, 2019. 1016 с.
- Соколов С. В. Этимологической пичи кылбугор // Вордском кыл. 1998а. № 3. С. 79–84.
- Соколов С. В. Этимологической пичи кылбугор // Вордском кыл. 1998б. № 8–9. С. 58–79.
- Соколов С. В. Этимологической пичи кылбугор // Вордском кыл. 1999а. № 7–8. С. 63–75.
- Соколов С. В. Этимологической пичи кылбугор // Вордском кыл. 1999б. № 9. С. 73–89.
- Соколов С. В., Туганаев В. В. Словарь биологических терминов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 144 с.
- Сочинения 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикт вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Совете Министров Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 113 с.
- Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учеб. пособие / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1981. 105 с.
- Тараканов И. В., Кондратьева Н. В. Удмурт кыллэн исторической лексикологиезъя ужпумъёс / Удмурт кун ун-т. Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон центр, 2019. 280 б.
- Тезаурус 2017 – Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / М. Н. Усачёва [и др.]; гл. ред. М. Н. Усачёва. М.: Издательские решения, 2017. 540 с.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. 288 с.

- Удмурты: историко-этнографические очерки / Научн. ред. В. В. Пименов; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1993. 392 с.
- УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь / НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР; ред. Н. А. Дружкова. М.: ОГИЗ. ГИИНС, 1948. 447 с.
- УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР; под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 591 с.
- УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; РАН УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
- Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. 2. С–Я. Чебоксары: Чувашский гос. институт гуманитарных наук, 1996. 509 с.
- Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена. Т. 80. [докторская диссертация]. Л., 1949. 288 с.
- Филин Ф. П. Историческая лексикология русского языка / Под общ. ред. и с предисл. В. Я. Дерягина. Изд. стереотип. М.: Изд-во ЛКИ, 2015. 176 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: Т. 1–2. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1: А – Пантомима. 623 с.
- Чураков В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой Отяцкой грамматики опыт» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Вып. 3. С. 184–196.
- Csúcs S. Egy 18. századi votják nyelvemlék // NyK. 1983. № 2 (85). 311–320 old.
- Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 306 s.
- Miller G. F. Sammlung russischer Geschichte. Т. 3. SPb, 1759.
- Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XV + 758 old.
- Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVII,1). Helsinki, 1969. 533 s.
- Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten / Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse Sitzungsberichte, 468. Band. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986. 109 s.
- SKES 1958 – Suomen kielen etymologinen sanakirja. II. Helsinki, 1958. 205–480 s.
- UEW 1988 – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest: Akadémiai Kiado, 1988. 906 s.
- UMSz. 2002 – Kozmács I. Udmurt-magyar szótár. Szombathely: Savaria University Press, 2002. 532 ol.
- Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933. XVIII + 446 s.
- USS 2008 – S. Maksimov, V. Danilov, S. Saarinen. Udmurttilais-suomalainen sanakirja: Yli 20 000 sanaa / Удмурт кун ун-г. Кылтодон картографирования лаборатория. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. Turku, 2008. 664 s.
- Wichmann Y. Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und M. Korhonen. Herausgegeben von M. Korhonen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI). Helsinki, 1987. XXIII + 421 s.
- Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deut-schen Register. St.-Petersburg, 1880. XIV + 692 s.

Поступила в редакцию 30.03.2023

Ившин Леонид Михайлович

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: ivleo.75@mail.ru

L. M. Ivshin

BEEKEEPING VOCABULARY IN WRITTEN MONUMENTS OF THE UDMURT LANGUAGE OF THE XVIII CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-14-26

The work is devoted to a comprehensive study of the words associated with beekeeping, which are found in the monuments of early Udmurt writing. The relevance is determined by the current intensive study of certain thematic groups of lexemes and the insufficient study of the vocabulary of beekeeping in Udmurt linguistics. The purpose of the study is a philological interpretation of 10 beekeeping terms recorded in the written monuments of the Udmurt language of the 18th century, namely: *зури* 'drone', *му* ~ *чечы* 'honey', *муш* 'bee' and *муш мумы* 'queen bee', *палэн* ~ *палэт* 'swarm', *подэм* 'bort', *сюсь* 'wax', *вар бозго* 'drone' and *уморто* 'beehive'. The article reveals the history of their written representation, etymology and ethno-cultural features. To present a more complete history of the fixation of words of this lexical-semantic group, data from some of the most important lexicographic sources of the 19th–21st centuries are given. The linguistic interpretation of the names considered in the article, as well as the data of the etymological literature on various languages, made it possible to subdivide the names under consideration, according to their origin, into the following several groups: 1) the terms *му* 'honey', *муш* 'bee' and *муш мумы* 'queen bee' date back to the Finno-Ugric language-base; moreover, the first lexeme was borrowed from the Indo-European base language; the word *муш* 'bee' was also acquired by our ancestors from the pre-Indo-Iranian base language; the name *муш мумы* 'queen bee' was formed by adding two bases 2) the name *сюсь* 'wax' arose in the Finno-Permian community; 3) lexemes *палэн* ~ *палэт* 'swarm', *подэм* 'bort'; block hive' and the complex form *вар бозго* 'drone' are the original formations of the Udmurt period; 4) the lexemes *зури* 'drone' and *уморто* 'hive' are borrowed - the first is of Chuvash origin, the second is learned from the Turkic languages.

Keywords: Udmurt language, dictionary, grammar, vocabulary, beekeeping terms, thematic group, etymology, word history, written monuments, dialect vocabulary.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 14–26. In Russian.

REFERENCES

- Alatyrev V. I.** *Ehtimologicheskij slovar' udmurtskogo jazyka: Bukvy A, B* [Etymological dictionary of the Udmurt language: Letters A, B] / NII pri Sov. Min. Udm. ASSR. Izhevsk, 1988. 240 p. In Russian.
- Borisov T. K.** *Udmurt killyukam: Udmurtsko-russkii tolkovyi slovar'* [Udmurt Dictionary: Udmurt-Russian Explanatory Dictionary]. Izhevsk: Udmurtgosizdat Publ., 1932. XXII + 374 p. In Russian, Udmurt.
- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 volumes] / UIYAL URO RAN. Pod red. V. M. Vanyusheva. T. 6. Kn. 2: Votsko-russkii slovar' / Otv. za vypusk i avt. predisl., komment. L.M. Ivshin. Izhevsk, 2006. 288 p. In Russian and in Udmurt.
- Vereshchagin G. E.** *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 volumes] / UIYAL UdmFIC URO RAN. Pod red. V. M. Vanyusheva. T. 6. Kn. 4: Russko-votsii slovar' / Otv. za vypusk i avt. predisl., kommentariy L. M. Ivshin. Izhevsk, 2020. 414 p. In Russian and in Udmurt.
- Vershinin V. I.** *Etimologii udmurtskikh slov* [Etymologies of Udmurt words]. T. I. Ioshkar-Ola, 2015. 255 p. In Russian.
- Vladykin V. E., Khristolyubova, L. S.** *Etnografiya udmurtov: Uchebnoe posobie* [Ethnography of the Udmurts: A Study Guide]. Izhevsk: Udmurtiya, 1991. 160 p. In Russian.
- Ioirish N. P.** *Produkty pchelovodstva i ikh ispol'zovanie* [Bee products and their uses]. M., Ros-sel'khozizdat Publ., 1976. 175 p. In Russian.
- Istoriya 2004 – Istoriya Udmurtii: Konets XV – nachalo XX veka* [History of Udmurtia: The end of the 15th - the beginning of the 20th century] / Pod red. K. I. Kulikova; vvedenie M. V. Grishkinoi, N. P. Ligenko; UIIYaL UrO RAN. Izhevsk, 2004. 552 p., ill. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Dialektnaya i istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka* [Dialect and historical phonetics of the Udmurt language]. Ch. 2. / Udm. gos. un-t. Kaf. obshch. i finno-ugor. yazykoznaniya. Izhevsk: Izd. dom «Udm. un-t», 2004. 395 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Proiskhozhdenie i otrazhenie v udmurtskikh pis'mennykh istochnikakh nazvanii nekotorykh khmel'nykh napitkov (Razmyshleniya lingvista)* [The origin and reflection in the Udmurt written sources of the name of some intoxicating drinks (Reflections of a linguist)] // *Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya: kollektivnaya monografiya* [Drinks in the culture of the peoples of the Ural-Volga region: a collective monograph] / UdmFITs UrO RAN; sost. i otv. red. E. V. Popova. Izhevsk, 2019. Pp. 122–137. In Russian.

Krotov Z. *Udmurtsko-russkii slovar'* [Udmurt-Russian Dictionary] / RAN. URO. Udm. in-t IYAL. Izhevsk, 1995 (= *Kratkoi Votskoi slovar' s rossijskim perevodom sobrannyi i po Alfavitu raspolozhennyi sela Elovskago Troitskoi tserkvi svyashchennikom Zakharieyu Krotovym, 1785 goda*). XX + 208 p. In Russian.

KESK 1999 – *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Comp. by V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev, ed. by V. I. Lytkin. Reissue with the supplement. Syktyvkar, Komi Knizhnoe Publ., 430 p. In Russian.

Luppov P. N. *Istoricheskii ocherk Vyatskogo kraja* [Historical sketch of the Vyatka region]. Vyatka, 1930. 48 p. In Russian.

Maksimov S. A. *Komentarii k karte «zhuk-navoznik»* [Comments to the map «dung beetle»] // Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i komentarii [Dialectological Atlas of the Udmurt Language: Maps and Comments]. Izhevsk: NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika» Publ., 2014. Issue IV. Pp. 165–175. In Russian.

Miller G. F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov...* (reprint izdaniya 1791) [Description of the pagan peoples living in the Kazan province, like Chereemis, Chuvash and Votyaks ... (reprint of the 1791 edition)] // G. F. Miller i izuchenie ural'skikh yazykov: materialy kruglogo stola [G. F. Miller and the study of the Uralic languages: materials of the round table]. Hamburg, 2005. Pp. 111–186. In Russian.

Mogilin M. *Kratkoj otyackiya Grammatiki opyt = Opyt kratkoj udmurtskoj grammatiki* [Experiences of a short Udmurt grammar] / Otv. red. L. E. Kirillova; Slovo k chitatel'nyam – L. E. Kirillovoj; Predisl. K. I. Kulikova; Pril. T. I. Teplyashinoy. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN, 1998. 203 p. (Pamyatniki kul'tury: Lingvisticheskoe nasledie) [Monuments of the culture: Linguistic heritage]. Komm.: pp. 121–191; Pril.: pp. 192–201. In Russian, Udmurt.

Napol'skikh V. V. *Udmurtskie materialy D. G. Messershmida* [Udmurt materials by D. G. Messershmidt]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2001. 224 p. In Russian.

Nasibullin R. Sh., Semenov V. G. *Sistemno-tematicheskii rusско-udmurtskii slovar' = Udys"es"ya rad"yam žuch-udmurt kylsuz'et* [System-thematic Russian-Udmurt dictionary] / Ed. by R. Sh. Nasibullin. Izhevsk: «Assotsiatsiya «Nauchnaya kniga» Publ., 2013. 350 p. In Udmurt, Russian.

Nasibullin R. Sh. *Udmurtskie terminy po pchelovodstvu* [Udmurt terminology for beekeeping] // Finnougorskii mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: Sbornik statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchn. konferentsii finno-ugrovedov [The Finno-Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new songs: Collection of articles based on the materials of the VI All-Russian scientific conferences of Finno-Ugric scholars] / UdmFITs UrO RAN. Izhevsk: Anny Zelenina Publ., 2019. Pp. 130–135. In Russian.

Nasibullin R. Sh. *Komentarii k karte «truten»* [Comments to the map «drone»] // Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i komentarii. Nauchnoe izdanie [Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and comments. Scientific publication] / R. Sh. Nasibullin, O. A. Arzamazova, M. R. Gorodilova, V. G. Semenov, Ya. M. Sharaeva. Izhevsk: Institut komp'yuternykh issledovaniy; NITs «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika» Publ., 2021. Issue VIII. Pp. 152–156. In Russian.

RUS 1956 – *Russko-udmurtskij slovar': Okolo 40 000 slov* [Russian-Udmurt dictionary: About 40 000 words] / Udm. NII ist., jazyka i lit. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej [State publishing house of foreign and national dictionaries], 1956. 1360 p. In Russian, Udmurt.

RUS I 2019 – *Russko-udmurtskii slovar': v 2 t. Bolee 55 000 slov. T. 1. (A–O)* [Russian-Udmurt dictionary: in 2 volumes. More than 55 000 words. Vol. 1. (A–O)] / L. M. Ivshin, S. A. Maksimov, O. V. Titova i dr.; ed. by L. M. Ivshin; UdmFITs UrO RAN. Izhevsk, 2019. 936 p. In Russian, Udmurt.

RUS II 2019 – *Russko-udmurtskii slovar': v 2 t. Bolee 55 000 slov. T. 2. (P–Ya)* [Russian-Udmurt dictionary: in 2 volumes. More than 55 000 words. Vol. 2. (P–Ya)] / L. M. Ivshin, S. A. Maksimov, O. V. Titova i dr.; ed. by L. M. Ivshin; UdmFITs UrO RAN. Izhevsk, 2019. 1016 p. In Russian, Udmurt.

Sokolov S. V. *Etimologicheskoi pichi kylbugor* [Small etymological dictionary] // *Vordskem kyl* [Mother tongue]. 1998a. № 3. Pp. 79–84.

Sokolov S. V. *Etimologicheskoi pichi kylbugor* [Small etymological dictionary] // *Vordskem kyl* [Mother tongue]. 1998b. № 8–9. Pp. 58–79. In Udmurt.

Sokolov S. V. *Etimologicheskoi pichi kylbugor* [Small etymological dictionary] // *Vordskem kyl* [Mother tongue]. 1999a. № 7–8. Pp. 63–75. In Udmurt.

Sokolov S. V. *Etimologicheskoi pichi kylbugor* [Small etymological dictionary] // *Vordskem kyl* [Mother tongue]. 1999b. № 9. Pp. 73–89. In Udmurt.

Sokolov S. V., Tuganaev V. V. *Slovar' biologicheskikh terminov* [Dictionary of biological terms]. Izhevsk: Udmurtija Publ., 1994. 144 p. In Russian, Udmurt.

Sochineniya 1775 – *Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatikn votskago yazyka. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoi Akademii nauk 1775 goda.* 113 s. [Compositions of grammar in the Votyak language. In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences in 1775.] [V kn.: Pervaya nauchnaya grammatika udmurtskogo yazyka / Udmurt. NII ist., ehkon., lit. i yaz. pri Sov. Min. Udmurt. ASSR. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1975. Pp. 3–15 + 113 + 17]. In Russian, Udmurt.

Tarakanov I. V. *Inozazychnaja leksika v sovremennom udmurtskom jazyke: Uchebnoe posobie* [Foreign vocabulary in the modern Udmurt language: Textbook]. Izhevsk, 1981. 106 p. In Russian.

Tarakanov I. V., Kondrat'eva N. V. *Udmurt kyllen istoricheskoy leksikologiezya uzhpumyos* [Issues on the historical lexicology of the Udmurt language]. Izhar: Udmurt universitet, 2019. 280 p. In Udmurt, Russian.

Tezaurus 2017 – *Tezaurus besermyanskogo narechiya: Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan)* [Thesaurus of the Besermian dialect: Names and official parts of speech (dialect of the village of Shamardan)] / M. N. Usacheva [i dr.]; ed. by M. N. Usacheva. M.: Izdatel'skie resheniya Publ., 2017. 540 p. In Besermian, Russian.

Tepliyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermians] // USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistic. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. In Besermian, Russian.

Udmurty 1993 – *Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurts: historical and ethnographic essays] / Ed. by V. V. Pimenov; UIIYaL UrO RAN. Izhevsk, 1993. 392 p. In Russian.

URS 1948 – *Udmurtsko-russkii slovar'* [Udmurt-Russian Dictionary] / NII ist., yaz., lit. i fol'klora pri Sov. Min. Udm. ASSR; Ed. by N. A. Druzhkova. Moscow: Objedinenie gosudarstvennykh knizhno zhurnal'nyh izdatel'stv. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i nacional'nykh slovarej [Association of state book and magazine publishing houses. State publishing house of foreign and national dictionaries], 1948. 447 p. In Udmurt, Russian.

URS 1983 – *Udmurtsko-russkii slovar'* [Udmurt-Russian dictionary] / NII pri Sov. Min. Udm. ASSR; Ed. by V. M. Vakhrushev. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1983. 591 p. In Udmurt, Russian.

URS 2008 – *Udmurtsko-russkij slovar': Ok. 50 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: About 50 000 words] / RAN UrO. Udm. in-t IYAL; Comp. by T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, L. M. Ivshin and etc.; Ed. by L. E. Kirillova. Izhevsk, 2008. 925 p. In Udmurt, Russian.

Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t. T. 2. S–Ya* [Etymological dictionary of the Chuvash language: in 2 volumes. Vol. 2. S–Ya]. Cheboksary: Chuvashskii gos. institut gumanitarnykh nauk, 1996. 509 p. In Russian.

Filin F. P. *Leksika russkogo literaturnogo yazyka drevnekievskoi epokhi (po materialam letopisei)* [Vocabulary of the Russian Literary Language of the Old Kievan Era (Based on Chronicles)] // Uchenye zapiski Leningradskogo gos. ped. instituta im. A. I. Gertsena. Vol. 80. [doctoral dissertation]. Leningrad, 1949. 288 p. In Russian.

Filin F. P. *Istoricheskaya leksikologiya russkogo yazyka* [Historical lexicology of the Russian language] / Td. by V. Ya Deryagin. Izd. stereotip. Moscow: Izd-vo LKI, 2015. 176 p. (Istoriya yazykov narodov Evropy) [History of the languages of the peoples of Europe]. In Russian.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: 13 560 slov: T. 1–2* [Historical and etymological dictionary of the Russian language: 13 560 words: T. 1–2]. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1993. 623 p. In Russian.

Churakov V. V. *Avtorstvo, datirovka i istoriya rukopisi «Kratkoj Otyatskoj grammatiki opyt»* [The authorship dating and history of the manuscript of the “Shot Otyak Grammar Experience”] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2016. № 3. Pp. 184–196. In Russian.

Csúcs S. *Egy 18. századi votják nyelvemlék* [About one monument of Udmurt writing of the 18th century] // *Nyelvtudományi Közlemények* [Linguistic Publications], 1983. № 2 (85). Pp. 311–320. In Hungarian.

Csúcs S. *Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen* [The Tatar loanwords of Votyak]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. 306 p. In German.

Miller G. F. *Sammlung russischer Geschichte* [Collection of Russian history]. T. III. SPb, 1759. In German.

Munkácsi B. *A votják nyelv szótára* [Dictionary of the Udmurt language]. Budapest, 1896. XV + 758 p. In Hungarian.

Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen* [Attempt at an etymological dictionary of the Turkic languages]. Helsinki, 1969. 533 p. In German.

Rédei K. *Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten* [On the Indo-European-Uralic language contacts] / Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse Sitzungsberichte, 468. Band [Austrian Academy of Sciences. Philological-historical class session reports, 468th volume]. Wien: Austrian Academy of Sciences Publ., 1986. 109 p. In German.

SKES 1958 – *Suomen kielen etymologinen sanakirja. II* [Etymological dictionary of the Finnish language. Vol. 2]. Helsinki, 1958. Pp. 205–480. In Finnish.

UEW 1988 – **Rédei K.** *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [Uralic etymological dictionary]. 1–2 vol. Budapest: Akadémiai Kiadó Publ., 1988. 906 p. In German.

UMSz. 2002 – *Kozmács I.* Udmurt-magyar szótár [Udmurt-Hungarian dictionary]. Szombathely: Savaria University Press, 2002. 532 p. In Hungarian, Udmurt.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen [On the history of consonantism in the Permian languages]. Helsinki, 1933. XVIII + 446 p. In German.

USS 2008 – *S. Maksimov, V. Danilov, S. Saarinen.* Udmurttalais-suomalainen sanakirja: Yli 20 000 sanaa [Udmurt-Finnish dictionary: More than 20 000 words] / Удмурт кун ун-т. Кыттодон картографирования лаборатория [Udmurt State university. Linguistic Mapping Laboratory]. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja [Publ. of the Department of Finnish and General Linguistics, University of Turku]. Turku, 2008. 664 p.

Wichmann Y. *Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjo Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen* [Votyak vocabulary. Recorded by Yrjo Wihmann. Edited by T.E. Uotila and Mikko Korhonen. Edited by Mikko Korhonen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI)]. Helsinki, 1987. XXIII + 421 p. In German.

Wiedemann F. J. *Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deut-schen Register* [Syrian-German dictionary together with a Votyak-German in the appendix and a German index]. St.-Petersburg, 1880. XIV + 692 p. In German.

Received 30.03.2023

Ivshin Leonid Michaylovich

Candidate of Philology, Senior Researcher

Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS

4, Lomonosov st., Izhevsk, 426004, Russia

E-mail: ivleo.75@mail.ru

Н. В. Кондратьева, О. Б. Стрелкова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА
В. К. КЕЛЬМАКОВА**

Статья посвящена обзору лингвистического наследия выдающегося финно-угроведа, талантливого педагога и ученого, доктора филологических наук Валея Кельмаковича Кельмакова (1942–2023). Показано становление его научных интересов, анализируется личный вклад учёного в решение актуальных проблем пермской лингвистики. Особое внимание уделяется роли В. К. Кельмакова в развитии удмуртской диалектологии, исторической фонетики и истории изучения удмуртского языкознания. К числу наиболее значимых открытий удмуртского исследователя отнесены следующие: разработка критериев диалектного членения удмуртского языка; создание современной классификации удмуртских диалектов; выявление и описание важнейших тенденций прапермского этапа развития удмуртского и коми языков; реконструкция праудмуртского вокализма; восстановление парадигматики и некоторых особенностей синтагматики праудмуртского консонантизма; периодизация истории развития удмуртского языкознания; исследование биографий ведущих лингвистов-исследователей пермских языков; формирование традиций удмуртской текстологии и др.

Ключевые слова: удмуртское языкознание, В. К. Кельмаков, удмуртская диалектология, историческая фонетика удмуртского языка, вокализм, консонантизм, текстология.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-27-35

Одним из выдающихся ученых удмуртской филологии XX в. является Валея Кельмакович Кельмаков – человек широкой эрудиции, необыкновенного трудолюбия, целеустремленный, принципиальный, способный к многогранному, тонкому и пронизательному анализу лингвистических явлений. Таким взрастила его Жизнь. Таким он воспитал себя сам, преодолевая любые перипетии судьбы.

Валея Кельмакович Кельмаков родился 14 января 1942 г. в д. Верхняя Юмья (Тыло) Кукморского района Татарской АССР. Казалось бы, сама судьба определила его родиться в колыбели удмуртского языка и культуры – в деревне с богатым историческим и культурным наследием: еще в 1898 г. здесь была открыта школа Братства святителя Гурия, впоследствии преобразованная в земскую школу. В конце XIX – начале XX вв. в этих краях богатый фольклорно-этнографический материал собирал известный финский ученый У. Хольмберг [Садиков 2021]. Уроженцами округа являются кандидат медицинских наук, фтизиатр Д. И. Прокопьев (1930–1986), доктор сельскохозяйственных наук, профессор М. П. Прокопьев (1889–1969). В Ошторма-Юмьинской школе, где также учился В. К. Кельмаков, получил образование известный удмуртский поэт М. П. Прокопьев

(1884–1919). Было и есть чему учиться и с кого брать пример подрастающему поколению!

Какие только сложности не довелось преодолеть в военные и послевоенные годы деревенскому пареньку, потерявшему в первые месяцы войны отца, павшего в боях под Ленинградом. Ему пришлось испытать и жизнь впроголодь, и пронизывающий холод, и тяжелый сельский труд... Но тяга к знаниям всегда оставалась верным спутником будущего ученого.

Получив начальное образование в родной деревне, В. К. Кельмаков продолжил обучение в Ошторма-Юмьинской средней школе. Общение со сверстниками, говорящими на татарском, удмуртском, русском, марийском языках, рано пробудили его интерес к многоязычию как культурно-лингвистическому феномену. Важную роль в выборе профессии оказал учитель географии

Ш. М. Мамашев, впервые познакомивший будущего ученого с неповторимой мелодией звучания финно-угорских языков. Словно зов крови пробудил в юноше интерес к родственным языкам, став путеводной звездой на всем его жизненном пути. Не случайно по окончании средней школы В. К. Кельмаков поступает на историко-филологический факультет Удмуртского государственного педагогического института им. 10-летия Удмуртской Автономной Области. Выбор был осознанный, поэтому целеустремленный студент упорно «грыз» гранит науки.

Еще будучи студентом четвертого курса, В. К. Кельмаков проходил стажировку в Марийском государственном университете. Наконец ему удалось осуществить свою заветную мечту – заговорить на одном из родственных финно-угорских языков. Но это было только начало. Позднее Валей Кельмакович освоил коми, коми-пермяцкий, финский, венгерский, немецкий языки.

В 1964 г. Государственной экзаменационной комиссией пединститута В. К. Кельмаков был рекомендован для поступления в аспирантуру Института языкознания АН СССР, обучение в которой было прервано службой в армии. Отслужив в рядах Советской Армии в Туркмении (1965–1966), молодой исследователь продолжил обучение в аспирантуре. Его учителями здесь стали именитые ученые–финно-угроведы: К. Е. Майтинская, Т. И. Тепляшина, А. П. Феоктистов, Г. И. Ермушкин и др. Каждый из них делился не только своими знаниями, но и вкладывал частичку душевного тепла в становление будущего ученого. Настоящим Наставником и научным руководителем диссертационного исследования стал известный коми ученый-диалектолог В. И. Лыткин.

За годы учебы в аспирантуре В. К. Кельмаков получил огромный багаж знаний, освоил передовые исследовательские методы. Этому способствовал ежедневный упорный труд: бессонные ночи за научными трудами, сотни написанных конспектов, научные дискуссии с учеными-филологами. В его архиве, переданном в музей Удмуртского государственного университета, остались конспекты научных трудов ведущих финно-угроведов, демонстрирующие упорство и трудолюбие молодого исследователя.

В 1970 г. В. К. Кельмаков защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кукморский диалект удмуртского языка» [Кельмаков 1970]. Работа стала первым комплексным научным исследованием кукморского диалекта. Но если посмотреть глубже – это своеобразный акт благодарности родным и близким, учителям, землякам, т. к. зафиксированные в кандидатской диссертации материалы останутся на века, являясь своеобразной точкой отсчета для фиксации последующих языковых изменений в исследуемом диалекте. Опыт работы над диалектологической темой и знакомство с отечественными и зарубежными исследованиями и публикациями в этой области направили в дальнейшем молодого исследователя к изучению вопросов исторической фонетики и истории изучения удмуртского языка. Но интерес к диалектологии сопровождал ученого на протяжении всего жизненного пути.

В. К. Кельмаков подробно рассмотрел историю изучения удмуртской диалектологии [Кельмаков 2014], разработал критерии диалектного членения удмуртского языка, создал современную классификацию удмуртских диалектов, предложив выделять северное и южное (с разграничением собственно южных и периферийно-южных говоров) наречия, срединные говоры и бесермянское наречие [Кельмаков 1998]. Его труды «Краткий курс удмуртской диалектологии» (1998; 2006) и «Udmurtin murteet» (1994) до сих пор являются настольной книгой начинающих диалектологов.

А сколько верст прошагал великий энтузиаст удмуртской науки вместе со своими студентами во время полевых практик, чтобы успеть зафиксировать кладезь народной мудрости! Осознавая, что вместе с каждым поколением уходят целые пласты языка и фольклора удмуртского народа, Валей Кельмакович с трепетом относился к фиксации каждой словоформы, каждого звука, каждого текста. Благодаря инициативе ученого, в институте удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики собран уникальный архив фольклорно-диалектологических текстов удмуртского языка. Кто знает, может через несколько столетий эта скрупулезность позволит какому-нибудь молодому ученому проложить свои первые шаги в науку.

Продолжая традиции зарубежных исследователей XIX в., В. К. Кельмаков возобновляет издание фольклорно-диалектологических материалов в сборниках «Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры» (1981), «Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры» (1990), «Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры I» (2015). Сегодня нам еще сложно оценить, насколько важна фиксация языковых данных в условиях активных ассимиляционных процессов, протекающих под воздействием новых информационных технологий, урбанизации, миграционных процессов и др. Пройдет всего несколько десятков лет – и эти материалы станут важным источниковедческим материалом в самых различных областях науки: примеры из текстов и сами тексты смогут выступать

в качестве материала для научной и педагогической работы, демонстрации этнографических, этнокультурных традиций, исследования особенностей менталитета удмуртского народа и др.

Помимо вопросов диалектологии, научные интересы В. К. Кельмакова были представлены и другими аспектами удмуртской и пермской лингвистики. «Я так обстоятельно работал по теме, что у меня на основе собранного в аспирантские годы материала возникло три основных научных направления, которые я до сих пор разрабатываю: удмуртская диалектология, историческая фонетика и история удмуртского языкознания», – неоднократно подчеркивал ученый. Эти направления слились воедино в докторской диссертации «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов», которая блестяще была защищена в 1993 г. в Институте языкознания АН СССР. Данный труд позволил по-новому взглянуть на многовековую историю развития пермских языков. Здесь были описаны важнейшие тенденции прапермского этапа развития удмуртского и коми языков; предложена авторская реконструкция праудмуртского вокализма первого и непервых слогов; восстановлена парадигматика и некоторые особенности синтагматики праудмуртского консонантизма с указанием основных тенденций преобразования его отдельных звеньев и элементов в современных диалектах [Кельмаков 1993].

Как верно подчеркивает коми исследователь Г. А. Некрасова, в своих трудах по исторической фонетике В. К. Кельмаков «обосновывает необходимость использования заимствований из контактных языков для установления фонетической природы некоторых праудмуртских фонем, выяснения направления фонетических изменений, уточнения причин фонетических изменений и определения абсолютной хронологии фонетических процессов» [Некрасова 2022].

В 1968–1971 гг. В. К. Кельмаков был старшим научным сотрудником в Удмуртском научно-исследовательском институте при Совете Министров Удмуртской АССР. В 1971 г. он был приглашен на кафедру удмуртского языка и литературы Удмуртского педагогического института, вскоре преобразованного в университет. С этого времени жизнь и судьба Валея Кельмаковича неразрывно связана с alma mater. Здесь он прошел путь от ассистента до профессора и заведующего кафедрой; в 1994–1995 гг. был деканом факультета удмуртской филологии. Впервые в истории вузовского образования Удмуртии В. К. Кельмаков разработал и многие годы читал такие курсы как «Введение в финно-угорскую филологию», «Сопоставительная грамматика удмуртского и русского языков», «Удмуртская ономастика», «Удмуртская диалектология», «История изучения удмуртского языка», «Историческая грамматика удмуртского языка» и др. Только ему одному известно, сколько времени и сил уходило на подготовку новых курсов, когда еще не было тех основополагающих учебников и трудов, доступных для современного читателя. До сегодняшнего дня в личных архивах ученого сохранились рукописи лекций, подтверждая, насколько скрупулезно относился он к проведению каждого занятия. Сегодня кафедра общего и финно-угорского языкознания, которым ученый руководил более 20-ти лет, является признанным авторитетом в мировом научно-образовательном пространстве и занимает лидирующие позиции в рейтинге общеуниверситетских кафедр. Это и есть яркое подтверждение таланта руководителя: суметь сформировать вокруг себя настоящую команду профессионалов и заложить такие стратегические ценности и ориентиры для развития коллектива, которые позволяют успешно конкурировать с вызовами времени.

Научный багаж В. К. Кельмакова насчитывает более 500 научных статей и тезисов, свыше 60 монографий и учебно-методических изданий. В каждой из них ученый демонстрирует блестящую эрудицию и владение междисциплинарными методами исследования. Но особого склада ума требуют вопросы, связанные с изучением истории языка. Для Валея Кельмаковича эти требования стали не препятствием, а своеобразным вызовом в исследовании вопросов формирования системы гласных и согласных в праудмуртском и прапермском языках, типологической эволюции структуры прафинно-угорского корня в пермских языках. Двухтомное издание «Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка» (2003; 2004) является настольной книгой многих специалистов в области истории финно-угорских языков. Целая серия научных статей, напечатанных в отечественных и зарубежных изданиях, посвящена изучению исторической фонетики и грамматики удмуртского языка (см. подробнее библиографические указатели трудов ученого). В работе коми исследователя Г. А. Некрасовой проведен подробный анализ вклада В. К. Кельмакова в изучение исторической фонетики пермских языков [Некрасова 2020].

Соприкасаясь с вопросами диахронической лингвистики, невозможно обойти проблемы, связанные с функционированием языковых явлений в синхронии. Так, В. К. Кельмаковым были разработаны разделы, посвященные сложноподчиненным предложениям с придаточным времени, места,

причины, цели, уступительными придаточным, в коллективном труде «Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения» [ГСУЯ1974]. Большую помощь для знакомства со структурой удмуртского языка оказывает издание «Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте» (2000). Вопросам лексико-грамматической системы удмуртского языка посвящен ряд статей исследователя (см. библиографические указатели трудов ученого).

Невозможно добиться успеха без любви к своему делу. Успех – это не только статус, признание и достижение целей. Это гораздо больше – зарождение чувства сопричастности к истории своего народа, своего региона, своей страны. По-видимому, именно это чувство пробудило интерес В. К. Кельмакова к изучению истории развития удмуртского языкознания. В своих исследованиях в этой области ученый впервые предлагает периодизацию развития удмуртской лингвистики [Кельмаков 2001], из-под его пера выходят яркие очерки о жизни и творческой деятельности отечественных и зарубежных исследователей удмуртского языка (и филологии) – Б. Г. Гаврилова, Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ю. Вихманна, В. А. Ислентьева, Г. Е. Верещагина, Д. В. Бубриха, Т. К. Борисова, В. И. Лыткина, Т. И. Тепляшиной, И. В. Тараканова и др. Его труды «Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние» (2001), «Очерки истории удмуртского языкознания» (2001), «Очерки истории удмуртского литературного языка» (2008), «Вехи истории удмуртского языковедения» (2011) и др. позволяют прикоснуться к многовековой истории развития удмуртского языкознания, отдать дань глубокого уважения и благодарности всем тем, кто сохранил и преумножил знания о системе и структуре удмуртского языка.

Немецкий филолог и педагог Г. Герман отмечал: «Два дела особенно трудны: это – писать словарь и грамматику». Но упорство и трудолюбие В. К. Кельмакова позволяют справляться с любыми трудностями. Казалось бы, для чего известному теоретику братья за прикладные исследования? Отсутствие справочных изданий для школы стало главным стимулом для разработки лексикографического издания «Удмурт синоним кыллюкам (=Удмуртский синонимический словарь)» (2009). Вне поля зрения ученого не остались вопросы, связанные с составлением школьных учебников [Кельмаков 2004; 2008а], формированием принципов орфографии и пунктуации удмуртского языка [Кельмаков 2003] и др. В. К. Кельмаков надеялся, что появление новых лексикографических, энциклопедических, справочных трудов позволит вернуть интерес подрастающего поколения к изучению родного языка.

В последние годы научные изыскания ученого были сосредоточены главным образом вокруг изучения динамики словарного состава удмуртского языка в контексте текстологии. В частности, его монография «Кырзам-верамедкылёз... = Песни и сказы твои останутся...» (2020) является своеобразным филологическим детективом, позволяющим найти следы книги «Произведения народной словесности, обряды и повѣрьявотяковъ Казанской и Вятской губерній» (Казань, 1880) в целом ряде опубликованных в XIX–XXI вв. изданиях фольклорно-этнографического характера. Не менее увлекательными являются и другие труды, посвященные исследованию письменных памятников удмуртского языка, к примеру, «Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева» (Ижевск, 1999).

В монографии «“Песни и сказы твои останутся...” II: “Я гусли беру золотые...” (Из письменной истории некоторых удмуртских слов и выражений)» (2021) анализу подвергается 27 слов и выражений, извлеченных из первых публикаций фольклорных текстов на удмуртском языке и утративших свою семантическую прозрачность для современного читателя.

Особый интерес для читателей представляют страницы, посвященные изучению явления семантического сдвига отдельных лексем исследуемого языка. Например, автор монографии на большом количестве лингвистических данных, извлеченных из письменных памятников удмуртского языка, убедительно доказывает функционирование лексемы *кун* в следующих значениях: а) ‘царь, государь’ (как это было в памятниках удмуртской письменности XVIII – начала XIX вв.); б) ‘царство, государство’ (данное значение характерно для этого слова в наше время) [Кельмаков 2021]. Несомненно, сведения об эволюции отдельных лексических единиц играют важную роль в понимании его нынешнего значения и специфики его функционирования, поскольку «в синхроническом тождестве слова есть отголосок его прежних изменений и намеки на будущее развитие. Следовательно, синхроническое и диахроническое развитие – лишь разные стороны одного и того же исторического процесса. Динамика настоящего – прорыв в будущее» [Виноградов 1995, 15].

Важно подчеркнуть, что последние монографии В. К. Кельмакова, посвященные изучению исторической лексикографии удмуртского языка, отличаются многоаспектностью. В частности, в них представлены следующие подходы:

а) этимологический, позволяющий выявлять происхождение конкретной лексемы в конкретный исторический период;

б) словообразовательный, который определяет возможность анализа однокоренных слов для выявления путей лексикализации номинативных и коннотативных признаков отдельных лексем;

в) культурно-ономазиологический, способствующий отбору номинаций в культурно-историческом контексте;

г) историко-семасиологический подход требует анализировать слова, значения которых подвергались семантической эволюции;

д) системный подход предполагает изучение парадигматических оппозиций лексических единиц в лексико-семантической системе удмуртского языка.

В этих трудах приводятся не только лингвистические особенности исследуемых единиц, такие как фразеологическая связанность, грамматическая обусловленность, конструктивная ограниченность, прагматическая особенность и др., но и представлен широкий диапазон знаний мифолого-этнографического характера. Исследования в данном направлении позволяют определить особенности функционирования артефактов в современном культурном контексте и выявить их аксиологическое предназначение в социально-историческом процессе.

Многочисленные труды удмуртского ученого, в силу убедительной аргументации, объективности, обоснованного выбора исследовательских методов и подходов, получили самую высокую оценку в научно-образовательном сообществе. Они широко используются в вузовском образовании.

Сложно переоценить и организаторские способности Валей Кельмаковича в становлении и развитии удмуртско-русского отделения филологического факультета / факультета удмуртской филологии / института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики. На протяжении многих десятилетий он был узнаваемым брендом института как в финно-угорском научно-образовательном сообществе в целом, так и среди совсем еще юных абитуриентов. И это не случайно. Валей Кельмакович являлся первопроходцем во многих начинаниях.

Будучи человеком с беспокойной, неравнодушной душой, В. К. Кельмаков на протяжении всей жизни выполнял одну из благородных миссий на земле – воспитание молодого поколения достойными людьми, прививая им важные человеческие качества, любовь к родному языку и культуре. Его лекции отличались научной глубиной, богатством фактического материала, ясностью и доступностью изложения, логической последовательностью. Но самое главное: на своих занятиях профессор учил системно мыслить, а это значит, анализировать, выявлять причинно-следственные отношения конкретных фактов, принимать решения и др. Не всегда эта жизненная философия постигается студентами сразу. Иногда мудрость приходит с годами. Важно, что слова благодарности уже умудренных опытом выпускников находили адресата – Учителя с большой буквы!

Благодаря личной инициативе В. К. Кельмакова и при его деятельном участии с 1986 г. организуется регулярно проводимый зональный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», который вносит значимый вклад в развитие пермского языкознания. На дискуссионных площадках этого солидного научного форума обсуждаются самые актуальные вопросы пермской лингвистики, определяются векторы его развития, делают свои первые шаги в науку еще совсем юные исследователи-финно-угроведы. И можно без преувеличения сказать, что этот круговорот знаний становится движущей силой для поступательного развития современной науки. К сожалению, юбилейная XX-я Пермистика будет проходить уже без своего основателя, но будет посвящена его светлой памяти.

Валей Кельмакович Кельмаков являлся также основателем ряда серийных изданий по пермскому и удмуртскому языкознанию: «Пермистика»; «Udmurtica et Uralica», «Образцы удмуртской речи»; «Удмурт вераськетъёс» / «Удмуртские говоры»; препринты факультета удмуртской филологии и др. Все эти издания – тот вклад, который остается будущим поколениям.

Сегодня уже никого не удивить, встретив иностранца, свободно владеющего удмуртским языком. Но все великое начинается с малого. Так, в 1992 г. В. К. Кельмаков был приглашен для чтения лекций по удмуртскому языку в Хельсинкский и Туркусский университеты Финляндии. Это был очень смелый шаг, т. к. международная академическая мобильность преподавателей и студентов только-только еще зарождалась. Энергичный ученый быстро завоевал популярность среди своих учеников: грамматика удмуртского языка стала объектом специальных исследований многих бакалаврских и магистерских диссертаций финских студентов. Сложно сказать, преподавательское обаяние или завораживающая мелодия удмуртских песен, с которыми Валей Кельмакович знакомил иностранных сту-

дентов, способствовали зарождению на базе Туркусского университета нового центра по изучению пермских языков. Результаты преподавательской деятельности В. К. Кельмакова в финских университетах нашли отражение в ставших уже классикой трудах «Udmurtin murteet» (Турку–Ижевск) и «Udmurtin kielioppi ja harjoituksia» (Хельсинки, 1999, 2008), изданных в соавторстве с профессором С. Сааринен и С. Хяникяйнен.

В. К. Кельмаков неоднократно приглашался для чтений лекций по актуальным вопросам пермской лингвистики в Будапештский и Сегедский университеты Венгрии. Он являлся научным консультантом многих магистерских и докторских диссертаций зарубежных специалистов: М. Гейслер (Германия), Ф. Ласло и Ж. Шаланки (Венгрия), Э.-Ю. Салминен (Финляндия) и др. Под его руководством на базе университета проходили стажировки иностранные студенты из Венгрии, Эстонии, Германии и Финляндии. Делиться своими знаниями во благо развития родного языка был важным жизненным принципом ученого. Возможно, поэтому Валей Кельмакович – частый гость научных мероприятий различного уровня. Им прочитано более 500 докладов, в том числе на международных конгрессах и симпозиумах по финно-угроведению: Таллин (1970), Будапешт (1975), Турку (1980), Сыктывкар (1985), Гамбург (1989), Дебрецен (1990), Уппсала (1994), Ювяскюля (1995), Тарту (2000), Пилишчаба (2005) и др.

Научная и педагогическая деятельность В. К. Кельмакова по достоинству оценены в мировом сообществе. Ему присвоены звания Заслуженного деятеля науки Удмуртской АССР (1991) и Российской Федерации (1997), почетного члена Финно-угорского общества (Финляндия, 1994). В 2014 г. за активное продвижение научно-образовательных связей России и Венгрии удмуртский ученый был удостоен высокой награды – ордена «Золотой крест почета Венгрии».

Но, наверное, выше всех наград для ученого – это безмерное уважение и любовь его учеников. Он воспитал достойных исследователей, ведущих научные изыскания в различных областях пермского языкознания. Под его руководством защищено 12 кандидатских и 3 докторские диссертации. Более того, понимая важность каждого исследования в развитии финно-угорской лингвистики, Валей Кельмакович всячески способствовал изданию научных монографий своих учеников. И в этом тоже заключается мудрость ученого и учителя: только поддерживая друг друга, сообща можно открывать новые горизонты науки.

К сожалению, 28 декабря 2023 г. сердце выдающегося финно-угроведа перестало биться. Это невосполнимая утрата не только для удмуртского языкознания, но и всей уралистики. А сколько было еще планов! Буквально за несколько дней (как показывает цифровой след его компьютера) до кончины он трудился над «Словарем синонимов удмуртского языка», который так нужен сегодня не только для лингвистов, но и для широкой общественности. Незавершенными остались такие труды как «Улэп инкуазен тодматскон. Будос нимьёсын удмурт-зучкыллюкам (215 стр.), «Удмурт кылын пус пуктылон шонертэтъёс» (85 стр.), материалы к фразеологическому словарю, отдельные историко-этимологические исследования, материалы к словарю антонимов и др.¹. Важно, чтобы они дошли до своего читателя. И надежда на это есть, поскольку основанная В. К. Кельмаковым научная школа «Удмуртский язык в системе пермских и финно-угорских: сравнительно-исторические и типолого-контактологические исследования» продолжает развиваться.

Светлая память о Валее Кельмаковиче навсегда останется в сердцах его учеников и последователей. *Sit tibi terra levis.*

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 5–34.

ГСУЯ 1974 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения. Ижевск, 1974. 167 с.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1970. 24 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск: Удмуртия, 1981. 299 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990. 364 с.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: науч. докл., представл. в качестве дис. Москва, 1993. 57 с.

¹ Сведения были получены благодаря супруге В. К. Кельмакова – Л. Н. Кельмаковой.

- Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для вузов. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1998. 386 с.
- Кельмаков В. К. Удмурт кылосбурлэн кылдэмез (XVIII даур): спецкурслы материалъёс. Ижкар: Удмурт университет, 1999. 59 б.
- Кельмаков В. К. Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 58 с.
- Кельмаков В. К. Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. 70 с.
- Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского языкознания. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 230 с.
- Кельмаков В. К. Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: препринт. Ижевск: Удмуртский университет, 2001. 140 с.
- Кельмаков В. К. К истории удмуртского и пермского языкознания. Ч. 1. Удмуртские говоры. Ижевск: Удмуртский университет, 2002. 443 с.
- Кельмаков В. К. «Удмурт дунне»-лэн но удмурт дуннелэн гожьяськонысь тызы куд-ог лэчытэсь ужпумъёс: азыпечатлос. Ижкар: Удмурт университет, 2003. 98 б.
- Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003а. 276 с.
- Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. 395 с.
- Кельмаков В. К. Пёрмизик-а выль учебник? // Вордскемкыл = Родное слово. 2004б. 5/6-тй №. 74–94-тй б.
- Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка. Ижевск: Удмуртский университет, 2008. 418 с.
- Кельмаков В. К. Удмурт кыльа школаын дышетскон книгаос сярсь: лекциослы но семинаръёслы материалъёс. Ижкар: Удмурт университет, 2008а. 82 б.
- Кельмаков В. К. Вехи истории удмуртского языковедения. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 517 с.
- Кельмаков В. К. Сведения об удмуртских диалектах XVIII столетия // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. Вып. 2. С. 12–18.
- Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры I. Ижевск: Удмуртия, 2015. 421 с.
- Кельмаков В. К. «Песни и сказы твои останутся...» = «Кырзам-верамедкылёз...» 1: Удмуртские фольклорные тексты, изданные Б. Гавриловым. Ижевск: Удмуртский университет, 2020. 569 с.
- Кельмаков В. К. «Песни и сказы твои останутся.» II: «Я гусли беру золотые»: (из письменной истории некоторых удмуртских выражений и слов). Ижевск: Удмуртский университет, 2021. 574 с.
- Кельмаков В. К. Валей Кельмакович: биобиблиографический указатель: к 80-летию со дня рождения / сост.: В. В. Данилова, А. Н. Банкеева. Ижевск: Удмуртский университет, 2022. 194 с.
- Некрасова Г. А. Историческая фонетика удмуртского языка в научном творчестве В. К. Кельмакова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. Т. 32. Вып. 2. 2022. С. 408–418.
- Садиков Р. Р. Уно (Хольмберг) Харва – исследователь религии и мифологии финно-угорских и алтайских народов // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 41. № 4 (104). С. 80–88.
- Kel'makov V. K., Saarinen S. Udmurtin murteet = Удмурт диалектъёс. Turku; Iževsk. 1994. 368 s.
- Kel'makov V. K., Hännikäinen S. Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 319 s.

Поступила в редакцию 10.02.2024

Кондратьева Наталья Владимировна
доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы Удм ФИЦ УрОРАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Стрелкова Ольга Борисовна
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: olstr@mail.ru

N. V. Kondratjeva, O. B. Srelkova

LINGUISTIC HERITAGE OF PROFESSOR V. K. KELMAKOV

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-27-35

The article deals with the linguistic heritage of an outstanding Finno-Ugric scholar, talented teacher and researcher, Doctor of Philology Valei Kelmakovich Kelmakov (1942–2023). The paper focuses on the formation of his research interests and the scholar's personal contribution to solving current problems of the Permian linguistics. Particular attention is paid to the role of V.K. Kelmakov in the development of the Udmurt dialectology, historical phonetics and the history of the study of the Udmurt linguistics. The most significant discoveries of the Udmurt researcher include the following: development of criteria for the dialect division of the Udmurt language; up-to-date classification of the Udmurt dialects; identification and description of the most important trends in the pre-Permian period of the Udmurt and Komi languages; reconstruction of vowels in the Proto-Udmurt language; restoration of the paradigmatics and some syntagmatic features of consonants in the Proto-Udmurt language; periodization of the history of the Udmurt linguistics; research into the biography of leading linguists and researchers of the Permian languages; formation of traditions for the Udmurt textual criticism, etc.

Keywords: Udmurt linguistics, V. K. Kelmakov, Udmurt dialectology, historical phonetics of the Udmurt language, vowel, consonant, textual criticism.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 27–35. In Russian.

REFERENCES

Vinogradov V. V. Slovo i znanie kak predmet istoriko-leksikologičeskogo issledovanija [Word and meaning as a subject of historical and lexicological research]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1995, no. 1, 5–34 pp. In Russian.

GSUJa 1974 – *Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Sintaksis složnogo predloženiija* [Grammar of the modern Udmurt language. The syntax of a complex sentence]. Izhevsk, 1974. 167 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kukmorskij dialekt udmurtskogo jazyka: Dis. kand. filol. nauk* [The Kukmor dialect of the Udmurt language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 24 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Obrazcy udmurtskoj reči: Severnoe narečie i sredinnye govory* [Samples of Udmurt speech: The Northern dialect and the middle dialects]. Izhevsk: Udmurtija, 1981. 299 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Obrazcy udmurtskoj reči 2: Sredinnye govory* [Samples of Udmurt speech 2: Middle dialects]. Izhevsk, 1990. 364 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov: nauch. dokl., predstav. v kachestve dis.* [Formation and development of phonetics of Udmurt dialects: scientific report, presented as a diss... Dr. Sci. (Philology)]. Moscow, 1993. 57 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Učebnoe posobie dlja vuzov* [A short course in Udmurt dialectology: A textbook for universities]. Izhevsk, Izd-vo Udmurtskogo universiteta, 1998. 386 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Udmurt kylosburljen kyldjemez (XVIII daur): spekursly materialjos* [The emergence of Udmurt philology (XVIII century): materials for special courses]. Izhevsk, Udmurt universitet, 1999. 59 p. In Udmurt.

Kel'makov V. K. *Neizvestnaja stranica istorii udmurtskogo jazykoznanija: Rukopisnyj slovar' udmurtskogo jazyka Vladislava Islent'eva* [An unknown page in the history of Udmurt linguistics: A handwritten dictionary of the Udmurt language by Vladislav Islentiev]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 1999. 58 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Udmurtskij jazyk v tipologičeskom i kontaktologičeskom aspekte* [Udmurt language in typological and contactological aspects]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2000. 70 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Očerki istorii udmurtskogo jazykoznanija* [Essays on the history of Udmurt linguistics.]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2001. 230 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Udmurtskoe jazykoznanie: Zarozhdenie. Jetapyistorii. Sovremennoe sostojanie: preprint* [Udmurt linguistics: The Origin. Stages of history. Current state: preprint]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2001. 140 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *K istorii udmurtskogo i permskogo jazykoznanija. Ch. 1. Udmurtskie govory* [On the history of Udmurt and Permian linguistics. Part 1. Udmurt dialects.]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2002. 443 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *«Udmurt dunne»-len no Udmurt dunnelen gozhjas'konys' tyzy kud-og lječytjes' uzhpumjos: az'pechatlos* [Some spelling problems in the Udmurt Dunne newspaper and the Udmurt World: preprint]. Izhevsk, Udmurt universitet, 2003. 98 p. In Udmurt.

Kel'makov V. K. *Dialektnaja i istoričeskaja fonetika udmurtskogo jazyka*. Ch. 1 [Dialect and historical phonetics of the Udmurt language. Part 1]. Izhevsk, Izdatel'skij dom «Udmurtskij universitet», 2003a. 276 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Dialektnaja i istoričeskaja fonetika udmurtskogo jazyka*. Ch. 2 [Dialect and historical phonetics of the Udmurt language. Part 2]. Izhevsk, Izdatel'skij dom «Udmurtskij universitet», 2004. 395 p. In Russian.

Kel'makov V. K. Pörmizik-a vyl' učebnik? [Was the new textbook a success?]. *Vordskemkyl = Rodnoe slovo* [A native word], 2004b, no. 5/6, pp. 74–94. In Udmurt.

Kel'makov V. K. Očerki istorii udmurtskogo literaturnogo jazyka [Essays on the history of the Udmurt literary language]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2008. 418 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Udmurt kylja shkolojn dyshetskön knigaos sjarys': lekciosly no seminarjosly materialjos* [About school textbooks of the Udmurt language. Materials for lectures and seminars]. Izhevsk, Udmurt universitet, 2008a. 82 p. In Udmurt.

Kel'makov V. K. *Vehi istorii udmurtskogo jazykovedenija* [Milestones in the history of Udmurt linguistics]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2011. 517 p. In Udmurt.

Kel'makov V. K. Svedenija ob udmurtskih dialektah v XVIII stoletija [Information about Udmurt dialects in the XVIII century]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istorija i filologija* [Bulletin of the Udmurt University. History and philology], 2014, no. 2, pp. 12–18. In Russian.

Kel'makov V. K. *Obrazcy udmurtskoj reči 3: Juzhnye govory I* [Samples of Udmurt speech 3: Southern dialects I]. Izhevsk, Udmurtija, 2015. 421 p. In Russian.

Kel'makov V. K. «Pesni i skazy tvoi ostanutsja...» = «Kyržam-veramedkyljoz...» 1: *Udmurtskie fol'klornye teksty, izdannye B. Gavrilovym* ["Your songs and tales will remain..." 1: Udmurt folklore texts published by B. Gavrilov]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2020. 569 p. In Russian.

Kel'makov V. K. «Pesni i skazy tvoi ostanutsja...» II: «Ja gusli beru zoloty»: (iz pis'mennoj istorii nekotoryh udmurtskih vyrazhenij i slov) ["Your songs and tales will remain." II: "I take golden harps": (from the written history of some Udmurt expressions and words)]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2021. 574 p. In Russian.

Kel'makov V. K. *Valej Kel'makovich: biobibliografičeskij ukazatel': k 80-letiju so dnja rozhdenija* [Kelmakov-Valey Kel'makovich: bio-bibliographic index: to the 80th anniversary of his birth]. compiled by: V. V. Danilova, A. N. Bankeeva. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2022. 194 p. In Russian.

Nekrasova G. A. *Istoričeskaja fonetika udmurtskogo jazyka v nauchnom tvorčestve V. K. Kel'makova* [Historical phonetics of the Udmurt language in the scientific work of V. K. Kelmakov]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istorija i filologija* [Bulletin of the Udmurt University. History and philology], 2022, no. 2, pp. 408–418. In Russian.

Sadikov R. R. *Uno (Hol'mberg) Harva – issledovatel' religii i mifologii finno-ugorskih i altajskih narodov* [Uno (Holmberg) Harva – researcher of religion and mythology of the Finno-Ugric and Altai peoples]. *Vestnik Akademii nauk RB* [Academy of Sciences of the RB], 2021, no. 4 (104), pp. 80–88. In Russian.

Kel'makov V. K., Saarinen S. *Udmurt inmurteet = Удмурт диалектӧӧс* [Udmurt dialects]. Turku; Iževsk, 1994. 368 p. In Finnish.

Kel'makov V. K., Hännikäinen S. *Udmurti nkielioppia ja harjoituksia* [Grammar and exercises in the Udmurt language]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 319 p. In Finnish.

Received 10.02.2024

Kondratjeva Natalja Vladimirovna

Doctor of Sciences (Philology), Leading Researcher
Udmurt institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, Lomonosov st., Izhevsk, 426004, Russia
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Strelkova Olga Borisovna

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Udmurt State University
1, Universitetskaja st., Izhevsk, 426034, Russia
E-mail: olstr@mail.ru

В статье представлен краткий обзор истории письменности бесермян, компактно живущих на северо-западе Удмуртской Республики. Наиболее ранним письменным источником, содержащим бесермянскую лексику, можно считать Граматику удмуртского языка М. Могилина, подготовленную в период между 1768–1780 годами. В XIX в. появилось несколько памятников бесермянской письменности. Начиная с прошлого столетия бесермянское наречие неоднократно становилось объектом научного изучения. Бесермяне довольно устойчиво сохраняют самосознание, отличное от удмуртского, что проявляется, в том числе, в стремлении родному идиому придать статус отдельного языка, а также в создании собственно бесермянского письма. В 2021 г. увидела свет первая бесермянская книга «Вортча мадьёс» и выпущены бесермянские календари на 2022-й и 2023-й годы. Однако, пока не выработана научно обоснованная графическая система, а также орфография, максимально учитывающая особенности языка бесермян, но не противоречащая графике и орфографии удмуртского и русского языков. Цель статьи – осветить основные моменты истории развития бесермянской письменности и обозначить возможные перспективы самобытного бесермянского письма. Для достижения цели использован описательный метод.

Ключевые слова: удмуртский язык, бесермянское наречие, удмуртская письменность, бесермянская письменность, памятники письменности, лексика, орфографические словари, словари бесермянского наречия, первая бесермянская книга, бесермянский алфавит.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-36-44

Настоящая статья посвящена краткому обзору истории бесермянской письменности. Бесермяне компактно проживают на северо-западе Удмуртской Республики. Их родной идиом традиционно определяют как бесермянское наречие удмуртского языка, наиболее характерные черты которого от поколения к поколению постепенно утрачиваются, и в настоящее время оно «имеет не так много отличий от соседних северных говоров, как другие наречия друг от друга» [Архангельский 2021, 17]. Однако бесермяне старшего и отчасти среднего поколения довольно устойчиво сохраняют самосознание, отличное от удмуртского, что проявляется, в частности, и в стремлении родному идиому придать статус отдельного языка.

21 октября 2021 г. в Центре национальной и краеведческой литературы и библиографии Национальной библиотеки Удмуртии состоялась презентация первой в истории книги на языке бесермян «Вортча мадьёс». Факт выхода книги и календаря «Нуналлөд 2022» бесермянская общественность приняла с воодушевлением. 13 мая 2022 г. Фонд «АТАЙ» в целях сохранения идентичности, истории, самобытной культуры бесермянского народа инициировал обращение в Государственный Совет Удмуртской Республики с целью внесения в Календарь памятных дат Удмуртской Республики «Дня бесермянского языка и письменности».

На заседании 41-й внеочередной сессии Государственного Совета 7 июня 2022 г. по представлению Председателя постоянной комиссии Государственного Совета по науке, образованию, культуре, туризму и национальной политике Т. В. Ишматовой депутаты внесли изменения в закон «О праздничных днях и памятных датах Удмуртской Республики» и определили 21 октября как «День бесермянского языка и письменности»². Год спустя после издания первой бесермянской книги, 20–21 октября в г. Глазове и Юкаменском районе Удмуртии прошли торжественные мероприятия, связанные с вновь установленным праздником.

Идея создания самобытного бесермянского письма, отличающегося от удмуртской письменности, постепенно стала воплощаться в жизнь. Однако из-за отсутствия лингвистов среди активистов

¹ Статья прошла апробацию в виде секционного доклада на II Всероссийской научно-практической конференции «Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России». Ижевск, 9–10 февраля 2023 г.

² За предоставленную информацию в данном и предыдущем абзацах автор выражает благодарность А. Н. Караваеву, директору фонда «АТАЙ», члену правления «Общества бесермянского народа в УР», члену Общественного совета при Министерстве национальной политики УР.

бесермянского движения, не выработана научно обоснованная графическая система, а также орфография, которые бы максимально учитывали, с одной стороны, особенности языка бесермян, с другой стороны, не вступали бы в противоречие с графикой и орфографией удмуртского и русского языков.

Цель настоящей работы – осветить основные моменты истории развития бесермянской письменности и обозначить возможные перспективы самобытного бесермянского письма. В свете изложенной выше информации актуальность работы очевидна.

* * *

История бесермянского письма неразрывно связана с удмуртской письменностью, которая с момента зарождения до сегодняшних дней прошла длительный путь развития. Когда начался этот путь, по этому поводу мнения расходятся. Как считают удмуртские лингвисты, за точку отсчета можно принять 1726 год [Тараканов 2000, 539; Кельмаков 2008, 14]. В этом году немецкий ученый-путешественник Д. Г. Мессершмидт, возвращаясь из экспедиции в Сибирь, пересек земли удмуртов, живущих по р. Чепце и записал около 350 удмуртских слов [Напольских 2001]. Для фиксации удмуртской лексики он использовал латинскую (немецкую) графику.

В течение XVIII–XIX вв. было создано немало письменных памятников удмуртского языка: словники, словари, позднее – полнотекстовые труды, среди которых в первую очередь – церковная литература. В целом до 1917 г. было опубликовано около 400 книг и брошюр [Каракулов 2004, 530]. Из числа памятников указанного периода нельзя не упомянуть первую грамматику удмуртского языка 1775 г. издания [Соч. 1775], в которой орфографические правила хотя и не изложены отдельно, система кириллического письма относительно хорошо адаптирована под удмуртский язык. Впоследствии при создании новых трудов Грамматика служила своего рода образцом для написания удмуртских слов [Ившин 2010, 26].

После 1917 г. начинается динамичное развитие удмуртского языка: оживился выпуск печатной продукции, завершена разработка графики, широкий охват диалектов научным изучением позволил выбрать и утвердить новую основу для общенационального литературного языка. Для дальнейшего его развития возникла необходимость унификации и стандартизации письма. Учитывая эту потребность, в 1936 г. был выпущен первый орфографический словарь удмуртского языка, насчитывающий около 12 000 лексических единиц. В него был включен свод орфографических правил. Словарь был подготовлен доцентом Удмуртского пединститута и сотрудником Удмуртского НИИ С. П. Жуйковым совместно со студентами пединститута [Жуйков 1936].

Вместе с изменениями в общественной и культурной жизни происходят изменения в языке, чем обусловлено издание с определенной периодичностью еще четырех удмуртских орфографических словарей. Последний словарь (2022 г.), с обновленными правилами и словником (около 55 000 слов), значительно превосходит все предыдущие аналоги [ШонерГож. 2022, 1–5].

* * *

Наиболее ранним письменным памятником, в котором отражена бесермянская лексика, на данный момент можно назвать грамматику удмуртского языка Михаила Могилина [Могилин 1998]. В. С. Чураковым убедительно доказана принадлежность авторства данной грамматики М. А. Мышкину, работавшему над подготовкой рукописи в период между 1768–1780 годами [Чураков 2016, 184, 189, 194]. Т. И. Тепляшина, исследуя словарный состав грамматики, пришла к выводу, что определенное число лексических единиц может принадлежать языку бесермян. В своей монографии она приводит 17 таких слов: *куйки* ‘печаль, скука’, *кошки* ‘коробница’, *таразы* ‘весы’, *терези* ‘окно’, *куй* ‘лопата’, *сепыс* ‘сумка’, *янтылык* ‘окончина’, *улов* ‘подвода’, *быяк* ‘стадо’, *батаман* ‘хозяйин’, *калап* ‘моток (пряжи)’, *кукли* ‘пирог’ и т. д. [Тепляшина 1970, 49].

К ранним публикациям, в которых представлены полнотекстовые и иные материалы со связанной речью, достоверно принадлежащие бесермянам, относятся работы финского ученого Ю. Вихманна. Во время полевого исследования удмуртских диалектов он посетил в 1892 г. с. Ежево современного Юкаменского района, где в течение полутора недель записал девять песен (среди них четыре причитания), четыре молитвы, пять загадок, три сказки, два рассказа [Wichmann 1897, VII; Тепляшина 1970, 38; Кельмаков 1990, 13–15]. Удмуртские фольклорные материалы, в том числе записи отдельно выделенного им бесермянского диалекта, в латинской транскрипции с переводом на немецкий язык были изданы им в двух книгах под названием «Wotjakische Sprachproben» («Образцы удмуртской речи») [Wichmann 1893; 1901].

К рукописным памятникам письменности, содержащим значительный объем бесермянской лексики, относятся «Материалы для сравнительного словаря зюэдинского пермяцкого и глазовского

вотского наречий и бесермянского говора». По мнению Т. И. Тепляшиной, автором рукописи является земский статистик П. М. Сорокин [Тепляшина 1970, 50]. В 1890–1893 гг. он принимал участие в составлении подворных описей в разных уездах Вятской губернии. С указанным временным отрезком связывают датировку рукописи – 1893–1894 гг. [Ившин 2020, 185] или 1894–1895 гг. [Чураков 2014, 155, 160–161]. Количество заглавных слов рассматриваемого словаря около 1642 единиц, из которых примерно половина (810 слов) снабжена бесермянскими переводами [Ившин 2020, 184–185]. Краткий анализ бесермянских слов словаря осуществлен в монографии «Язык бесермян» [Тепляшина 1970, 51–55]. В частности, рассмотрена система передачи звуков, отмечены слова, в которых допущены описки, выделены специфические бесермянские лексические единицы, к числу которых отнесены следующие слова: *паясь* ‘колодец’ (*көйөөсь* ‘из колодца’. – С. М.), *самкомо* ‘заржавеет’ (*сөлкөмо* ‘ржавеют’. – С. М.), *солодина* ‘складчина’ (*солө г’нэ* ‘лишь ему’. – С. М.), *цатин* – *чикын* ‘давеча’ и др. [Тепляшина 1970, 54].

К бесермянскому письменному памятнику конца XIX в. относится «Сравнительный бесермянский словарь», размещенный в публикации сотрудника Вятского губернского статистического комитета Н. П. Штейнфельда «Бесермяне. Опыт этнографического исследования» [Штейнфельд 1894]. В словаре приведено 117 бесермянских лексем, кроме того, 9 бесермянских слов, отсутствующих в словаре, можно найти в тексте этнографического описания, которое автор совершил во время специальной поездки в Глазовский уезд для изучения бесермян. Названный словарь состоит из трёх столбцов. В первом столбце размещены русские слова, во втором – бесермянские соответствия, в третьем – аналоги из других языков: вотского, татарского, чувашского и изредка – коми-зырянского [Штейнфельд 1894, 250–253; Тепляшина 1970, 40]. В словарице можно найти типично бесермянские: *дзязий* ‘брат’, *кашту* ‘женский головной убор’, *татай* ‘тетка’, *эньгей* ‘жена старшего брата или дяди’ – или характерные для бесермянской речи лексемы: *аби* ‘бабушка’, *анай* ‘мать’, *татаь* ‘девичий головной убор’. Большинство лексем совпадают с общеудмуртскими языковыми единицами, однако многие из них имеют специфическое фонетическое оформление: *годара* (*г’д’р’ь*. – С. М.) – вотск. *гудыри* ‘гром’; *лысьтенэ* (*лэ, с’т’н’э*. – С. М.) – вотск. *лысьтыны* ‘делать’ (ср. лит. *лэсьтыны*); *тюжь* – вотск. *цюжь* ‘желтый’ (ср. лит. *čiuž*) и т. д.

В первой половине XX в. изучением бесермян занимались как языковеды, так и этнографы, но их публикации содержат незначительное количество бесермянского языкового материала. Во второй половине прошлого века большое внимание исследованию бесермянского диалекта уделила Т. И. Тепляшина. Записи бесермянской речи, сделанные в разных населенных пунктах, нашли отражение в целом ряде ее работ. Монография «Язык бесермян» представляет собой описание фонетической системы и морфологии знаменательных частей речи бесермянского наречия. Книга изобилует лексическими примерами и примерами-предложений, иллюстрирующих те или иные языковые особенности. Около тридцати страниц занимает приложение – образцы бесермянской речи с переводом на русский язык. Запись бесермянской речи осуществлена с помощью финно-угорской транскрипции на основе латиницы. Т. И. Тепляшина оставила богатое наследие в виде рукописной картотеки, представляющей карточки с бесермянскими словами и примерами их употребления.

Заметный вклад в изучение бесермянского наречия внес В. К. Кельмаков, занимавшийся в первую очередь решением проблем фонетических явлений. Одной из первых его публикаций, затрагивающих заданную тематику, относится работа «К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия» [Кельмаков 1992], в которой, помимо собственно научной разработки, имеются небольшой словарь и образцы бесермянской речи с. Ежево, дд. Усть-Лем и Шамардан. Бесермянские исследования и образцы бесермянской речи также представлены в ряде других его работ.

В текущем столетии интерес к бесермянскому наречию не только не стал затухать, напротив – стал повышаться. К исследованиям подключилась Н. М. Люкина, которая свои наблюдения над современным состоянием бесермянского наречия изложила в монографии «Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян» [Люкина 2016]. Описание особенностей бесермянской речи подтверждается многочисленными лексическими примерами и примерами-предложениями. В качестве приложения даны таблицы с полным перечнем слов на употребление того или иного звука, а также оформленные в финно-угорской транскрипции образцы речи, запись которых произведена в разных населенных пунктах.

Текущее столетие можно также назвать новым этапом в исследовании бесермянского наречия, что связано с экспедиционной активностью московских лингвистов по изучению бесермянского говора д. Шамардан Юкаменского района Удмуртии. Значимым результатом научной деятельности

следует назвать публикацию двух словарей: «Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка» [СлБес. 2013] и «Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан)» [ТезБес. 2017].

Алфавит первого из указанных словарей состоит из 37 букв (в литературном языке – 38). Отсутствуют буквы **ж**, **ч**, которыми в удмуртском языке обозначаются велярные (твердые) аффрикаты, но имеется буква **ӓ** для мягкой звонкой аффрикаты, а также **ӧ** – среднего гласного, **ӡ** – графема, используемая для указания на твердость предшествующего согласного при последующем звуке *и*. Для обозначения гласной средне-заднего ряда среднего (средне-нижнего) подъема дополнительно введена буква **ӧ**. Алфавитный порядок: **а, ӧ, б** (остальные буквы имеют расположение как в алфавите удмуртского литературного языка) [СлБес. 2013, 16].

Во втором словаре алфавит насчитывает 38 букв. Отсутствуют буквы **ж**, **ч**. В скобках даны (**х**), (**ц**), (**щ**), встречающиеся только в русских заимствованиях; буква **ф** в скобки не заключена. Дополнительно введены буквы **ӧ, ӡ**. Алфавитный порядок: **о, ӧ, ӧ, п; у, ӡ, ф** [ТезБес. 2017, 13]. Символ **ӡ** используется в данном словаре для передачи губно-губного звука, который в словаре 2013 г. передавался буквой *у*. Буква **ӧ**, используемая для обозначения специфической и, пожалуй, самой частотной бесермянской гласной, в своих работах применяла еще Т. И. Тепляшина. Данным символом В. И. Лыткин обозначал гласную фонему коми-язьвинского наречия, артикуляционно близкую бесермянской, например: *зӧр* ‘лопата’, *тӧл* ‘перо (птичье)’, *тӧр* ‘полный’ [Лыткин 1961, 24–25].

Следует отметить, что до последнего времени записи бесермянской речи и публикации на их основе, как правило, осуществлялись в сугубо научных целях. Однако московские лингвисты стали издавать словари не только для ученых, но и для «обычных людей», используя практическое письмо на основе кириллических букв. Это обстоятельство, скорее всего, послужило толчком к появлению первой бесермянской книги В. В. Ар-Серги и Р. М. Дюкина, представляющей собой документально-художественную прозу «Вортча мадьӧс» («Ворцинские рассказы») [Ар-Серги, Дюкин 2021]. Поскольку речь идет о книге художественного жанра, наличие алфавита в нем не предполагается. Однако некоторые пояснения к письму и использованным буквам даны на с. 5: «*Ми гожьяцком озь, кӧзьӧ верацко беццрманнӧс*» (‘Мы пишем так, как разговаривают бесермяне’. – С. М.). В тексте отсутствуют аффрикаты **ж**, **ч**, а также гласная буква **ӧ**. Дополнительно к удмуртским буквам введены графемы **ӧ, ӡ** (**ӡ** вместо строчной **ӡ**). Мягкий шепелявый согласный *с’* (*ӓ*) регулярно передается буквой **щ** вместо **сь** и **с** + йотированная гласная, в то же время шепелявое *з’* (*ӓ*) – звонкая пара *с’* – особым знаком не обозначено, и передается, как и в удмуртском литературном, через буквосочетания **зь** и **з** + йотированная гласная. Непонятно, по какой причине вместо разделительного твердого знака использован мягкий знак: *бигерьӧс* ‘татары’, *гожьяцком* ‘пишем’, *кумьӧс* ‘кумовья’. Большинство твердых согласных, кроме *д, з, л, н, с, т*, в современном бесермянском, как и в других удмуртских диалектах, перед йотированными согласными не смягчаются, именно поэтому в литературном удмуртском в этом случае используется твердый знак.

Бесерман алфавит – Бесермянский алфавит

А а – а	ӡ ӡ – точкаен и	Ф ф – фӧ
Б б – бӧ	Ӣ Ӣ – йӧ / йот	Х х – хӧ
В в – вӧ	К к – кӧ	Ц ц – цӧ
Ӣ Ӣ – ӡа	Л л – лӧ	Ч ч – чӧ
Г г – гӧ	М м – мӧ	Ӣ Ӣ – ӡӧ
Д д – дӧ	Н н – нӧ	Ш ш – шӧ
Е е – йӧ	О о – о	Щ щ – щӧ
Ӣ Ӣ – йӧ	Ӧ Ӧ – ӧ	Ь ь – чурӧт пус
Ж ж – жӧ	П п – пӧ	Ы ы – ы
Ӣ Ӣ – жӧ	Р р – рӧ	Ӧ Ӧ – ӧ
Ӣ з – зӧ	С с – сӧ	Ь ь – небӧт пус
Ӣ з – зӧ	Ӣ с – сӧ	Э э – э
Ӣ з – зӧ	Т т – тӧ	Ю ю – йӧ
И и – и	У у – у	Я я – йа

Первую книгу, написанную о жизни и быте бесермян на их родном наречии, бесермянская общественность встретила с энтузиазмом, как и бесермянский календарь на 2022 г., где в текстовом материале была использована «бесермяннизированная» графика. Однако из-за отсутствия традиции обозначения звука *с'* через букву **щ**, а также из-за избыточности последней в бесермянском тексте (и как следствие – снижение эстетичности письма) сама графика далеко не всеми была воспринята однозначно. С точки зрения лингвистической науки, противоречие кроется в использовании одного и того же символа для двух разных фонем, пусть и акустически близких. Это в конечном итоге может привести к ошибкам как в русском письме, так и удмуртском. С целью снятия противоречий и приведения к системности бесермянского письма в конце 2021 г. нами предложен алфавит, куда включены все пять удмуртских букв (**ж, з, й, ө, ч**), две «устоявшиеся» бесермянские графемы **ө, ў**, а также символы **с** и **з** для обозначения шепелявых мягких сибилантов (см. таблицу). Отметим, что графема **с** ранее использовалась в некоторых дореволюционных удмуртских текстах, в частности в Евангелии от Матфея на казанском диалекте [ЕвангМф. 1877].

Изложим основные положения, связанные с бесермянской графикой и орфографией.

1. В предложенном бесермянском алфавите 42 буквы (в удмуртском – 38, русском – 33). Дополнительно введены буквы **ў, з** (зь), **с** (сь), **ө**. Для сохранения традиционной системы графики включен как редко употребительная «русская» буква **щ**, так и удмуртские буквы **ж, ө, ч**, хотя звуки, обозначаемые данными буквами, в бесермянской речи используются нерегулярно. Однако в некоторых случаях без них обойтись будет трудно: *щит, щётка, плащ* (< рус.); *Жаки* – традиционное удмуртское женское имя, *Лёшио Педунь* – персонаж удмуртских сказок, бес. (Юнда) *чанной ворта* '(большие) тесовые ворота', (Шам.) *чуталик* 'игра в прятки' (последнее слово зафиксировано Т. И. Тепляшиной) и т. д. Отметим также, что звук **ө** в настоящее время употребляется практически во всех бесермянских говорах.

2.1. На письме буква **ы** (иногда **у** и др.) удмуртского литературного языка обычно заменяется графемой **ө**: бес. *акөлес* (лит. *акылес* ~ *аклес*) 'надоедливый', бес. *мөнөнө* (лит. *мыныны*), бес. *көрбон* (лит. *курбон*) 'жертва; жертвоприношение', бес. *ньом* (лит. *ним*) 'имя'.

2.2. Буква **ы** используется лишь в отдельных односложных словах: *лы* 'кость', *ты* 'легкие', 'озеро', *кыз* 'толстый' – но: *көз* 'ель, ёлка', *кыз* '20' – ср.: удм. сев. *кыз* ~ *кыз'*, бес. *куз* 'моча'; также в производных, образованных от этих слов, например: *кызмөнө* 'толстеть, потолстеть'; кроме того, в новых русских заимствованиях: *выдра, Выборг* и т. д.

2.3. Редуцированный (неясный) гласный суффиксов возвратных глаголов *-ч^ок-* ~ *-ч^ик-*, *-з^ок-* ~ *-з^ик-* следует обозначать буквой **и**: *кучикөнө* 'взяться; начинать(ся)', *ворзикөнө* 'родиться'.

2.4. Редуцированный (краткий) гласный **ө** (^о) в суффиксах неопределенной формы глаголов *-өнө*, деепричастий (напр. перед *-са*), а также в некоторых других случаях желательного обозначать аналогичной буквой **ө**: *котөртөнө* (*котөрт^онө*) 'обойти; окружить', *мөнөнө* (*мөн^онө* ~ *мөннө* ~ *мөнөн*) 'идти', *мөнөса* (*мөн^оса*) 'идя; дойдя', *шуөса* (*шу^оса* ~ *шу^иса* ~ *шуса*) 'говоря; сказав; что', *акөлес* (*ак^олес*) 'надоедливый', *пөй* (*п^ой* ~ *п^ий*) '(я) мол; (мы) мол'.

3. Бесермянские палатальные (мягкие) звуки *с'* и *з'* отличаются от соответствующих палатализованных (смягченных) русских звуков и в определенной мере от палатальных удмуртского литературного языка; в то же время буквосочетания *сь* и *зь* у бесермян ассоциируются с русскими звуками, в связи с чем предлагаем их обозначать особыми графемами **с** и **з**, к примеру: *саска* (лит. *сяська*) 'цветок', *сукас* (лит. *сюкась*) 'квас', *серекьянө* (лит. *серекьяны*) 'смеяться', *сотөнө* (лит. *сётыны*) 'дать, отдать'; *кузо* (лит. *кузё*) 'хозяин', *кузөт* (лит. *кузьют*) 'солёный', *воз* (лит. *возь*) 'луг'.

3.1. Указанные буквы, как и **з, ч** и **щ**, всегда мягкие, поэтому нет необходимости после них писать мягкий знак для обозначения их мягкости.

3.2. Йотированные **е, ё, ю, я** // нейотированные **э, о, у, а** гласные после букв **с** и **з** употребляются в тех же случаях, когда они используются после **ч** и **з**: *серем* 'смех' – *чебер* 'красивый', *сотөнө* 'дать, отдать' – *чорөг* 'рыба', *сукас* 'квас' – *чурөт* 'твердый'; *кузалэс* 'продолговатый' – *жанөм* 'душенька; любимый' и т. д.

4. Буква **ў** пишется в следующих случаях:

а) в самом начале слова перед **а**: *ўаллө* 'сначала; прежде', *ўань* 'есть, имеется', *ўатөнө* 'спрятать, прятать' (подобных слов насчитывается более 30);

б) в начале слова между буквами **к** и **а**: *кўаз* 'погода', *кўара* 'голос; звук', *кўаретөнө* 'ругать'; между **к** и **и** – в одном слове: *кўинь* 'три';

в) в некоторых других случаях: *таў* 'спасибо', *яўа* 'ладно(?)', *саўөр* 'круп лошади'.

5.1. При присоединении морфемы (суффикса) с начальным *й*- к словам, заканчивающимся на согласные **д, з, л, н, с, т**, в бесермянском возникают двойные мягкие согласные – *ддь, ззь, лль, ннь, ссь, тть*; их следует писать следующим образом:

ддь: *бадь – баддьс* ‘ива – ивы’, *пөд – пөддьс* ‘нога – ноги’;

ззь: *воз – воззос* ‘луг – луга’; но: *воз – воззьс ~ (?) воззос* ‘воз – возы’;

лль: *сйль – сйллёс* ‘мясо – мн. ч.’, *көл – көллёс* ‘язык; слово – языки; слова’;

ннь: *синь – синнёс* ‘глаз – глаза’, *бесерман – бесерманнёс* ‘бесермянин – бесермяне’;

ссь: *дюс – дюссос* ‘русский – русские’; но: *пүс – пүссьс ~ (?) пүссос* ‘знак, метка – знаки, метки’;

тть: *легить – легиттьс* ‘молодой – молодёжь’, *пурт – пурттёс* ‘нож – ножи’;

также: *золянө* ‘натягивать; укреплять’, *поттянө* ‘выносить; вывозить’, *азөттянө* ‘показывать’ и т. д.

5.2. Разделительный мягкий знак (**ь**) также может использоваться после букв **ч** и **щ**: *огречьёс* (но: *огрещос*) ‘огурцы’, *плащьёс* ‘плащи’; а также в некоторых иных случаях, например в русском заимствовании *семья*.

5.3. В других случаях перед морфемой, начинающейся с *й*, пишется разделительный твердый знак (**ь**): *вөжьёс* ‘мосты; полы’, *гопьяёс* ‘ямы, углубления’, *шурьяёс* ‘реки’, *берекья* ‘переворачивает’, *бөрье* ‘выбирает’, *дөрья* ‘во время, когда, при’.

6. В других случаях, не оговоренных выше, рекомендуем придерживаться орфографических правил удмуртского литературного языка.

* * *

Каковы перспективы предложенного алфавита, а также перспективы использования собственно бесермянской графики и орфографии? Будут ли они приняты бесермянским сообществом? Если будут приняты, как долго будут ими пользоваться бесермяне? Решение этих вопросов в первую очередь зависит от самого бесермянского народа. В любом случае, мы не видим необходимости замены школьного обучения удмуртскому литературному языку бесермянским. Это было бы нецелесообразно да и невозможно по ряду причин. Однако организация знакомства с бесермянским письмом и особенностями бесермянской речи детьми-бесермянами – вполне осуществимая задача. Владение литературным языком открывает доступ к удмуртоязычным каналам коммуникации и информации, облегчает приобщение к общеудмуртской культуре. Бесермянское же письмо позволит чувствовать более тесную связь со своим народом на различных культурных мероприятиях, при общении в социальных сетях, личной переписке и т. п.

При наличии необходимости и желания возможно издание печатной продукции. Бесермянский алфавит может быть востребован также при оформлении музейных экспозиций, интерьера домов культуры, а также в иных ситуациях, предполагающих наличие бесермянского колорита.

СОКРАЩЕНИЯ

бес. – бесермянское наречие; вотск. – вотский (удмуртский) язык; лит. – литературный язык; рус. – русский язык; сев. – северное наречие; удм. – удмуртский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Ар-Серги В. В., Дюкин Р. М. Вортча мадьёс. Ижевск: Удмуртия. 2021. 144 б.

Архангельский Т. А. Применение диалектометрического метода к классификации удмуртских диалектов // Урало-алтайские исследования. 2021. № 2 (41). С. 8–20.

ЕвангМф. 1877 – Господа нашего Иисуса Христа святое Евангелие отъ Матөея. Милям Господь Иисус Христослэн чын Евангелиес. Матөей гоштэм Евангелие: Изд. Православнаго Миссионерскаго Общества. Казань, 1877. 82 с.

Жуйков С. П. Удмурт орфографической словарь. Ижевск: УдГИз, 1936. 264 с.

Ившин Л. М. Становление и развитие графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. 236 с.

Ившин Л. М. О рукописи «Материалы для сравнительного словаря...» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. Вып. 2. С. 184–190.

Каракулов Б. Еще раз о вопросе строительства удмуртского литературного языка в 30-е годы XX века или забытая история истории удмуртской лингвистики // Permiek, Finnek, Magyarok: Írósook Szij Enikö 60. születésnapjára. Urálisztikai tanulmányok 14. Budapest, 2004. С. 528–536.

Кельмаков В. К. Юрьё Вихманн и вопросы удмуртского языкознания // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. статей. Ижевск, 1990. С. 10–32.

- Кельмаков В. К. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // В. К. Кельмаков. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах (= Удмурт вераськетъёс 1). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. С. 33–107.
- Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. 420 с.
- Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект / АН СССР. Ин-т языкознания. М., 1961. 228 с.
- Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. 200 с.
- Могиллин [Мышкин] М. Краткой отяцкия грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики / УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 1998. 201 с.
- Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск: Удмуртия, 2001. 224 с.
- СлБес. 2013 – Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / А. И. Кузнецова [и др.] М.: ТЕ-ЗАУРУС, 2013. 540 с.
- Соч. 1775 – Сочинения принадлежащая къ грамматикъ вотского языка. Санктпетербургъ, 1775. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск: Удмуртия, 1975. – 15 + 113 + 17 с.].
- Тараканов И. В. Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 539–540.
- ТезБес. 2017 – Тезаурус бесермянского наречия: Имена и служебные части речи (говор деревни Шамардан) / М. Н. Усачёва [и др.]. М.: Издательские решения, 2017. 540 с.
- Тепляшина Т. И. Язык бесермян / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Чураков В. С. Пётр Матвеевич Сорокин – исследователь родовой организации удмуртов // Иднакар. 2014. № 2 (18). С. 153–162.
- Чураков В. С. Авторство, датировка и история рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. Вып. 3. С. 184–196.
- ШонерГож. 2022 – Удмурт кылын шонер гожьяськонья кыллюкам (Шонер гожьяськонья правилоосын) / С. А. Максимов [но мукетъёсыз]; УдмФИЦ УрО РАН. Ижкар, 2022. 764 б.
- Штейнфельд Н. П. Бесермяне. Опыт этнографического исследования // Календарь и Памятная книжка Вятской губернии на 1895 год. Вятка, 1894. С. 220–259.
- Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Liderer, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S.
- Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S.
- Wichmann 1987 – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Поступила в редакцию 03.04.2023

Максимов Сергей Анатольевич

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
E-mail: makseran02@yandex.ru

S. A. Maksimov

BESERMIAN LANGUAGE: MILESTONES IN THE HISTORY OF WRITING

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-36-44

The work is a brief overview of the history of writing of the Besermians living compactly in the north-west of Udmurtia. Their native idiom is traditionally defined as the Beserbian dialect of the Udmurt language, and the history of Beserbian writing is inextricably linked with Udmurt writing, which lasts for about 300 years from its inception in 1726 to the present day. The earliest written source with Beserbian vocabulary is the Grammar of the Udmurt language by M. Mogilin prepared between 1768 and 1780. And in the 19th century, several written monuments of Beserbian appeared. From the last century to the present day, the Beserbian dialect has repeatedly become the object of scientific research. The Besermians retain a self-awareness that differs from the Udmurt, in particular, this is manifested in the desire to give the status of a separate language to their native idiom and create a Beserbian script. The idea of creating

Besermian writing is gradually being realized. So, in 2021, the first Besermian book with documentary and artistic prose “Vortcha Madyos” was published, and Besermian calendars for 2022 and 2023 were released. However, due to the lack of linguists among the activists of the Besermian movement, a scientifically based graphic system and orthography, which, on the one hand, takes into account the peculiarities of the Besermian language, and, on the other hand, does not contradict the graphics and spelling of the Udmurt and Russian languages, has not been developed. In the light of the above information, the relevance of the work is obvious. The purpose of the work is to highlight the main points in the history of the Besermian written language and to identify possible prospects for the Besermian writing. A descriptive method was used to achieve the goal.

Keywords: Udmurt language, Besermian dialect, Udmurt writing, Besermian writing, written monuments, vocabulary, spelling dictionaries, Besermian dialect dictionaries, the first Besermian book, Besermian alphabet, Besermian graphics and spelling, prospects for the use of graphics.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 36–44. In Russian.

REFERENCES

Ar-Sergi V. V., Dyukin R. M. *Vortcha mad'es* [Stories of the village of Wortcha]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2021. 144 p. In Udmurt.

Arkhangel'skii T. A. Primenenie dialektometricheskogo metoda k klassifikatsii udmurtskikh dialektov [Application of the dialectometric method to the classification of Udmurt dialects]. *Uralo-altaiskie issledovaniya* [Ural-Altaic Studies], 2021, no. 2 (41), pp. 8–20. In Russian.

EvangMf. 1877 – *Gospoda nashego Iisusa Khrista svyatoe Evangelie ot Matøeya. Milyam Gospod' Iisus Khristoslehn chyn Evangelieez. Matøei gozhtehm Evangelie* [Our Lord Jesus Christ the Holy Gospel of Matthew: A Publication of the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1877. 82 p. In Udmurt.

Zhuikov S. P. *Udmurt orfograficheskoi slovar'* [Udmurt spelling dictionary]. Izhevsk: UDGIZ Publ., 1936. 264 p. In Udmurt.

Ivshin L. M. *Stanovlenie i razvitie grafiki i orfografii v XVIII – pervoi polovine XIX veka* [Formation and development of graphics and spelling in the 18th – first half of the 20th century]. Ekaterinburg–Izhevsk: UrO RAN Publ., 2010. 236 p. In Russian.

Ivshin L. M. O rukopisi «Materialy dlya sravnitel'nogo slovarya...» [About the manuscript “Materials for a Comparative Dictionary...”]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, vol. 14, no. 3, pp. 184–190. In Russian.

Karakulov B. Esheche raz o voprose stroitel'stva udmurtskogo literaturnogo yazyka v 30-e gody XX veka ili zabytaya istoriya istorii udmurtskoi lingvistiki [Once again on the question of the construction of the Udmurt literary language in the 30s of the XX century or the forgotten history of the history of Udmurt linguistics]. *Permiek, Finnek, Magyarok: Írók Szij Enikő 60. születésnapjára. Urálsztikai tanulmányok 14.* Budapest, 2004, pp. 528–536. In Russian.

Kel'makov V. K. Yur'e Vikhmann i voprosy udmurtskogo yazykoznaniiya [Yuryo Wichmann and questions of Udmurt linguistics]. *Permistika 2: Vikhmann i permskaya filologiya: Sb. statey.* [Permistika 2: Wichmann and Permian philology: Coll. of articles]. Izhevsk, 1990, pp. 10–32. In Russian.

Kel'makov V. K. K opisatel'noi i istoricheskoi fonetike besermyanskogo narechiya [On the descriptive and historical phonetics of the Besermian dialect]. In the book: *V. K. Kel'makov. Problemy sovremennoi udmurtskoi dialektologii v issledovaniyakh i materialakh (= Udmurt veras'ket'es 1)* [Problems of Modern Udmurt Dialectology in Researches and Materials (= Udmurt dialects 1)]. Izhevsk: Udmurt University Press, 1992, pp. 33–107. In Russian.

Kel'makov V. K. *Ocherki istorii udmurtskogo literaturnogo yazyka: Ucheb. posobie* [Essays on the history of the Udmurt literary language: Manual]. Izhevsk: Ed. house «Udmurtskii universitet» Publ., 2008. 420 p. In Russian.

Lytkin V. I. *Komi-yaz'vinskii dialekt* [Yazva Komi dialect]. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow: Nauka Publ., 1961. 228 p. In Russian.

Lyukina N. M. *Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan: monografiya* [Phonetic and morphological features of the language of the Lekmin and Yunda Besermians: monograph]. Izhevsk, 2016. 200 p. In Russian.

Mogilin [Myshkin] M. *Kratkoi otyatskiya grammatiki opyt = Opyt kratkoi udmurtskoi grammatiki* [Concise Votyak grammar experience = Experience of concise Udmurt grammar]. Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Izhevsk, 1998. 201 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. Udmurtskie materialy D. G. Messerschmidta [Udmurt materials of D. G. Messerschmidt]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2001. 224 p. In Russian.

SIBes. 2013 – *Slovar' besermyanskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [Dictionary of the Besermyan dialect of the Udmurt language]. Ed.-Comp.: A. I. Kuznetsova [etc.]. Moscow: TESAUROS Publ., 2013. 540 p. In Udmurt. In Russian.

Soch. 1775 – Sochineniya prinadlezhashchiya k grammatike votskogo yazyka. V Sanktpeterburge pri Imperatorskoi Akademii nauk 1775 goda [Writings belonging to the grammar of the Votyak language. In St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences in 1775]. 113 p. In the book: *Pervaya nauchnaya grammatika udmurtskogo yazyka* [The first scientific grammar of the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1975. 15 + 113 + 17 p. In Russian.

Tarakanov I. V. Pamyatniki udmurtskoi pis'mennosti [Monuments of Udmurt writing]. *Udmurtskaya Respublika: Entsiklopediya* [Udmurt Republic: Encyclopedia]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2000, pp. 539–540. In Russian.

TeZBes. 2017 – *Tezaurus besermyanskogo narechiya: Imena i sluzhebnye chasti rechi (govor derevni Shamardan)* [Thesaurus of the Besermyan dialect: Names and official parts of speech (dialect of the village of Shamardan)]. Compil.: M. N. Usacheva [etc.]. M.: Izdatel'skie resheniya Publ., 2017. 540 p. In Udmurt. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Linguistics. Moscow: Nauka Publ., 1970. 288 p. In Russian.

Churakov V. V. Pyotr Matveevich Sorokin – issledovatel' rodovoj organizatsii udmurtov [Pyotr Matveevich Sorokin – researcher of the generic organization of the Udmurts]. *Idnakar*, vol. 2 (18), 2014. Pp. 153–162. In Russian.

Churakov V. S. Avtorstvo, datirovka i istoriya rukopisi «Kratkoi otyatskoi grammatiki opyt» [Authorship, dating and history of the manuscript “A Brief Father's Grammar Experience”]. *Ezhegodnik Finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 10, no. 3, pp. 184–196. In Russian.

Shteinfel'd N. P. Besermyane. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [Besermyans. Experience of ethnographic research]. *Kalendar' i Pamyatnaya knizhka Vyatskoi gubernii na 1895 god* [Calendar and Commemorative book of the Vyatka province for 1895]. Vyatka, 1894, pp. 220–259. In Russian.

ShonerGozh. 2022 – *Udmurt kylyn shoner gozh'yas'kon'ya killyukam (Shoner gozh'yas'kon'ya pravi-loosyn)*. [Spelling dictionary of the Udmurt language (With spelling rules)]. Compil.: S. A. Maksimov [etc.]. Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Izhevsk, 2022. 764 p. In Udmurt.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Liderer, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. In German. In Udmurt.

Wichmann Y. – Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1901. II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. IV + 200 S. In German. In Udmurt.

Wichmann 1987 – *Wotjakischer Wortschatz*. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S. In Udmurt. In German. In Finnish.

Received 03.04.2023

Maksimov Sergey Anatolyevich

Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences
34, T. Baramzinoy st., Izhevsk, 426067, Russia
E-mail: makseran02@yandex.ru

Фольклористика

УДК 398.2(=511.132)(045)

Л. С. Лобанова

КТО «УБИЛ» ОЛЕНЯ?: К ВОПРОСУ ОБ ОРИГИНАЛЬНОСТИ СЮЖЕТА ЛЕГЕНДЫ О ЯВЛЕНИИ ОЛЕНЯ В ПУБЛИКАЦИЯХ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИ)

В статье исследуется сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале. Данный вариант сюжета легенды выявляется в публикациях XIX в. и относится к фольклорной традиции вишерских коми. Однако в фольклорно-этнографических материалах по данной локальной культуре фиксируется типичный для «севернорусской-финно-угорской традиции» (А. Б. Мороз) финал сюжета – опоздавший олень убегает. Цель статьи – выяснить источники легенды и историю появления сюжетного варианта со смертью оленя. Проанализирована народная и опубликованная версии легенды с использованием сравнительно-сопоставительного, типологического, текстологического, лингвосемантического методов. В результате исследования сделан вывод о том, что сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале является авторской интерпретацией А. Ф. Попова, возникшей в результате изменения модальности текста: невероятное событие осмыслено и передано как «происшествие». Это становится причиной трансформации содержания самого высказывания, за которым следует изменение связи содержания высказывания с действительностью. Результаты проведенного анализа могут быть применены для определения жанровых признаков легенды.

Ключевые слова: коми, фольклор, легенда, сюжет явления оленя, травелог, авторская интерпретация, модальность текста, Александр Федорович Попов.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-45-54

Тексты с сюжетом явления оленя, который в определенный день выходит из леса и отдается на заклание, в исследованиях чаще всего получают наименование «севернорусская легенда об олене». В материалах XIX–начала XX вв. данная легенда обычно приводится вместе с описанием обряда жертвоприношения домашнего животного в конкретной местности в качестве подтверждения древности проводимого ритуала [Кичин 1844; П. 1907; Пидьмозерский 1902; Афанасьев 1868, 255–256; Иванов 1881, 13; Малахов 1887; Архив РГО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 62]. В отечественных научных исследованиях указанные тексты до недавнего времени рассматривались как иллюстрация дохристианских верований славян или финно-угорских народов [Зеленин 1991, 384; Шаповалова 1973; Конкка 1988, Конаков 1990, 16]. Противоположная точка зрения была высказана А. Б. Морозом, который указал на распространение обряда жертвоприношения животного в иудаизме и выявил источники отдельных мотивов легенды в христианской книжности [Мороз 2013а]. Кроме того, он обозначил ареалы распространения легенды – Греция, Балканы, Кавказ и Север России, провел структурно-типологический анализ вариантов (всего 59 текстов), зафиксированных в разных местах, выявив для каждого региона типологические особенности, а также возможные источники и пути распространения легенды [Мороз 2013 б]. Так, для Балкан наиболее типичной является версия, где олень перестает приходить после того, как прибежавшего на жертву животное зарезали, не дав возможности напиться, поесть и отдохнуть [Там же, 213]. В то время как, «в севернорусской–финно-угорской традиции» зафиксированы два других варианта: в первом случае, явление животного прекращается после того, как забивают сразу двух оленей вместо одного; во втором – олень опаздывает, и вместо него приносят в жертву домашнее животное, а олень, видя, что заменен другим животным, убегает в лес и больше никогда не возвращается [Там же, 213]. И только в коми традиции, согласно исследованию, финал этого сюжета имеет иной вариант: прибежавший с опозданием олень падает и умирает [Там же, 216–217]. Цель данной статьи – выяснить оригинальность указанного сюжетного варианта.

История публикации легенды о явлении оленя к вишерской церкви

А. Б. Мороз выделил данный вариант сюжета для коми традиции на основе двух источников – сочинения К. А. Попова «Зыряне и зырянский край» [Попов 1874, 19] и сборника И. К. Степановско-

го «Вологодская старина» [Степановский 1890, 426–427]. Обе работы обобщающего характера и представляют собой систематизацию в основном опубликованных сведений по истории и культуре, в первом случае зырян, во втором – Вологодской губернии, в состав которой входили поселения зырян. Легенды о явлении оленя в данных изданиях приводятся из разных источников.

К. А. Попов, рассуждая о древней религии зырян, отмечает, что «некоторые обычаи нынешних зырян напоминают древния приношения в жертву жертвенных животных» [Попов 1874, 19], и в качестве доказательства этого тезиса в примечании приводит фрагмент из статьи А. Попова «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению» с легендой о явлении оленя к Вишерской церкви [Попов 1848а]. Текст передается с небольшими изменениями, что выражается пропуском отдельных слов и фраз, подчеркивающих в событии божественное начало.

В сборнике И. К. Степановского легенда об олене представлена в разделе «Предание об основании Вишерской церкви и о священном олене» Третьего отдела [Степановский 1890, 426–427], в котором описывается история поселений и связанные с ними памятники и предания. Указанный фрагмент работы является точной копией отрывка сочинения М. И. Михайлова «Устьвым» [Михайлов 1850 №11, 106–107; 1851, 78–81].

Кроме того, легенда об олене из указанных источников публиковалась в сочинении А. В. Красова [Красов 1897, 187–188], исследованиях А. С. Сидорова [Сидоров 1924, 47] и Н. Д. Конакова [Конаков 1993, 101]; переиздавалась в различных сборниках текстов [Зыряне 2010, 158–174; Му пуксьом 2005, 187–188]. Для исследователей было важно наличие данного сюжета в коми традиции, и каждый из них предлагал свою интерпретацию, на особенность сюжета не обращали внимания. Между тем, в полевых записях В. Н. Белицер 1940-х гг. [Белицер 1958, 326], Ю. Г. Рочева 1978 г. [НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 233а. Л. 229], А. В. Панюкова и Г. С. Савельевой конца 1990-х гг.¹ и в материалах фольклорно-этнографических экспедиций 2012–2018² гг. фиксируется типичный финал сюжета – опоздавший олень убегает. В этом случае возникает вопрос об аутентичности опубликованного варианта легенды. Проанализируем работы А. Попова и М. Михайлова, выясним источники легенды и историю появления сюжетного варианта со смертью оленя.

Легенда о явлении оленя к вишерской церкви в сочинении А. Попова

Впервые легенда об олене была опубликована в 1848 г. в произведении А. Попова «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению» [Попов 1848а]. Ранее считалось, что автором работы является учитель Усть-Сысольского и Вологодского духовных училищ Андрей Ефимович Попов (1819–1864) [Лимерова 2021, 310], уроженец с. Богородск, сын местного священнослужителя [Зыряне 2010, 514], языковед и переводчик [Костромина 1998, 364]. Однако, отложившаяся в Архиве РГО рукопись «Путевые заметки о зырянах»³, содержит роспись «Штатный смотритель Александр Попов. 2-ое июня 1847 г.»⁴ [Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Л. 73] и приписку на титульном листе «Путевые заметки Г[ражданина] Попова⁵, смотрителя Устьсысольского училища. Прислано директором училища Вологод[ской] губ[ернии] Р[усскому] Г[еографическому] Обществу 5 июля 1847 г.» [Там же, Л. 1]. Усть-Сысольское уездное училище было открыто в 1840 г., А. Ф. Попов был первым штатным смотрителем и проработал в этой должности до 1847 г. [Ползунов 1912, 106; ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1669]. В этом же учебном заведении с 1841 до 1853 г. преподавал русский язык М. И. Михайлов [Ползунов 1912, 106] – автор сочинения «Устьвым» [Михайлов 1850; 1851], в котором также публиковалась легенда об олене. Таким образом, мы установили связь между А. Ф. Поповым и

¹ Аудио и видеоматериалы хранятся в Фольклорном фонде ИЯЛИ, например, [ФФ ИЯЛИ. В1116-36].

² Описания материалов хранятся в Научном архиве [НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 818; 833; 857; 875; 895; 907], аудио и видеозаписи в Фольклорном фонде ИЯЛИ. Часть материалов отражена в публикациях [Лобанова, Рассыхаев 2013, 48], [Рассыхаев 2021].

³ При сопоставлении рукописи и публикации выявляются незначительные расхождения. Основное отличие заключается в том, что редакцией газеты «Вологодских губернских ведомостей» результаты беседы автора-путешественника со священником Корткеросского прихода о происхождении зырян были выделены в отдельную статью [Попов 1848б].

⁴ Получается, что рукопись была отправлена А. Ф. Поповым незадолго до увольнения из Усть-Сысольского уездного училища.

⁵ Возможно, данное сокращение стало причиной ошибки в обзорной статье «История собирания и изучения коми фольклора», где отмечено, что легенду об олене записал священник Г. Попов в 1847 г. во время путешествия по Вычегде до Троицко-Печорска [ИКЛ 1979, 21].

М. И. Михайловым, что в последующем поможет разобраться в вопросе выявления источников фольклорно-этнографических материалов, опубликованных этими авторами⁶.

Произведение А. Ф. Попова построено в форме травелога. Данная жанровая разновидность литературы в то время была востребована региональными писателями, как «синкретическая, многофункциональная документально-художественная модель, которая предьявляла читателю Зырянский край и зырян в непосредственном наблюдении и в то же время в уже оцененном виде» [Лимерова 2021, 307]. В сочинении описывается пешее паломническое путешествие автора-рассказчика и его «добраго товарища»⁷ в селение Вишера (современное – с. Богородск), «ознаменованное таинственным преданием о явлении и чудодейственной силе образа Божьей Матери».

Авторский взгляд носит исследовательский характер: он не просто описывает путешествие, а ищет в окружающем пространстве способы и формы выражения нравственных и бытовых особенностей зырян, причины их формирования. В тексте это проявляется включением разнообразных по стилю и содержанию фрагментов: описания природного ландшафта и придорожных событий, этнографические зарисовки крестьянской избы и зырянских поселений, размышления над значением топонимов и особенностями зырянского языка, бытовые наблюдения и словесные портреты крестьян, народные предания и обычаи зырян. «Опытность и личные убеждения» автора раскрывают читателю реальный, а не воображаемый образ зырян [Лимерова 2021, 312–314].

По прибытии в Вишерское селение автор-путешественник останавливается в доме священника и пытается найти «письменные памятники» об истории явления образа Вишерской Божьей Матери, но, к его сожалению, не находит ничего, «кроме устного свидетельства, которое переходит в народе из рода в род». И приводит «предание» о чудесном явлении иконы в дырявой лодке, приплывшей против течения в сопровождении седого старца – Св. Стефана Великопермского. Автор, отметив, что «чудес, изливающихся от святых, рассказывают множество, но без свидетельства об их достоверности», переходит к описанию «чрезвычайного и непонятного происшествия», которое придает «таинственность» вишерскому обряду жертвоприношения в отличие от распространенного «в разных местах у зырян» «обычай приносить в жертву из домашних чистых животных».

С того времени, как на Вишере явилась икона Божией Матери, обычай жертвоприношения начал соблюдаться с особенною таинственностью. В каждый раз, когда нужно было совершать обряд жертвоприношения, в честь явившейся Божией Матери, утром рано прибегал к церкви олень, самый красивый и тучный, кои в здешних лесах во множестве водятся. Жители замечали, что он всегда казался утомленным и усталым, и поэтому с вероятностию заключали, что пространство его бега было далекое и трудное и что он не мог быть кем-нибудь приучен к явлению в известный день, в известное место; но не иначе, как побуждаемый в каждый раз по назначению свыше, прибегал из отдаленных, дремучих лесов на жертву. Случалось, что иногда животное опаздывало, но жители всегда были уверены в непрременном исполнении непостижимой воли, и вера в таком случае всегда оправдывалась. По этому, если животное сверх ожидания долее обыкновенного не являлось на жертвоприношение, то и Богослужение не начиналось до его прихода. Но в последствии, в каждый год начали замечать несвоевременное явление таинственного оленя и его чрезвычайную усталость и худощавость. Не зная причины неблагоприятных признаков в животном, все это стали относить к ослаблению веры и усердия к Царице Небесной и к умножению грехов в народе. Чувствуя таким образом явное неблаговоление святых, немедленно обращались к раскаянию и молитвам, сопровождаемым горячею верою, и таинственное животное в назначенный день немедленно прибегало. Наконец в один год необыкновенно долго ждали прихода его, и когда, потеряв уже всякую надежду, решились в исполнение обычая принести в жертву из домашних животных, вдруг после богослужения прибегает жертвенное животное и, видя, что оно заменено другим, падает тут же мертвым. С тех пор таинственный олень более не являлся. [Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Л. 69об–72].

В рассматриваемом сочинении легенда о явлении оленя и этнографические сведения о жертвоприношении органично встраиваются в художественное произведение. Автор выступает в роли посредника между зырянским народом и читателем, однако, он не «передает слово» носителю традиции, как это было в случае с текстом о явлении иконы, а сам пересказывает услышанное: «Всеобщая молва туземцев и других уверяет о чрезвычайных и непонятных происшествиях. Я расскажу одно из

⁶ Подробнее об этом см. в ст. [Лобанова 2023].

⁷ В данном разделе цитируются слова и выражения из произведения А. Попова «Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению» [Попов 1848а].

них». Подобной ремаркой рассказчик, с одной стороны, заявляет о принадлежности текста к описываемой устной традиции, с другой – допускает внесение изменений в фольклорный текст.

По внешним данным приведенный текст отличается в ряду других легенд о явлении оленя по следующим параметрам. Во-первых, этнографическим контекстом: обычно описание явления оленя относится к первоначальному варианту обряда жертвоприношения животного; а в сочинении А. Ф. Попова приводится как «происшествие», последовавшее после явления чудотворной иконы. Во-вторых, развязкой сюжета: опоздавший олень, видя, что заменен другим животным, падает и умирает; в других версиях – убегает. В-третьих, расширением сюжета за счет дополнительных событий: остаток оленьего рога – чудесное средство для ижемских оленеводов, обход пастбищ с иконой Божьей Матери – способ охраны домашних животных; тогда как в народных версиях обычно описывается современное проведение обряда, чудесные исцеления или наказания за нарушение обета.

При входе в церковь показывают обломок оленьего рога, весьма похожего на кисть человеческой руки с пальцами; его почитают свидетельством предания о давно минувшем, чудесном происшествии. Живая вера в этом остатке находит предмет священный, почитая целебным от болезней. Ижемцы, в проезд караванами по здешнему селению с ярмарки Нёбдинской, всегда стараются приобрести хотя маленький кусочик священного рога, который у них почитается талисманом для умножения оленьих стад.

Богоявление Божией Матери и ныне продолжается, особенно для местных жителей. Уверяют, что после того, как в сопровождении всего народа и церковной процессии обнесут икону по окрестностям селения, там, где в летнее время обыкновенно пасется домашний скот, никакой хищный зверь, которому в здешних глубоких лесах – приволье, не прикасается к ним. Нередко видали со стадами коров смиренхонько прогуливающих медведей. Если это правда, то чему приписать неестественное сближение животных разных свойств, враждебных друг другу как не покровительству свыше. [Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Л. 72–73]

Трансформация текста, на наш взгляд, обусловлена изменением модальности фольклорного произведения. Категория модальности подробно изучается в лингвистике⁸ и трактуется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды квалификации сообщаемого» [ЛЭС 1990, 303], в зависимости от которых модальность может быть объективной или субъективной. В фольклористике отношение текста к действительности разрабатывалось в рамках определения категорий классификации жанров [Азбелев 1965; Емельянов 1960; Чистов 1967; Путилов 2003, 169–170]. Как показала А. П. Липатова, анализ модальности текста может быть положен в основу разграничения повествовательных жанров [Липатова 2020]. Оценка содержания говорящим с точки зрения ирреальность / реальность разделяет устную прозу на сказочную и несказочную, усиливая вторую область модальным значением достоверность. Установка на достоверность является характерной чертой всей несказочной прозы. Для разделения внутри системы предлагается «определять семантическую структуру поля достоверности» шкалой вероятность и истинность, где предание, в основе которого факт (действительное явление), оценивается как истина, а легенда рассказывает о чуде (невероятное событие), и воспринимается как «правдивый рассказ о неправдоподобном, невероятном, сверхъестественном» [Там же, 35–41, 57]. Кроме того, от модального значения текста зависит функция фольклорного жанра. Когда концепт чуда меняется на историю, событие становится фактом, легенда теряет свою способность «конструировать реальность», она становится просто историей, и реализуется в тесте предания [Там же, 59]. Таким образом, модальность произведения признается жанроопределяющей и формирующей категорией.

Проанализируем народный и авторский варианты легенды с точки зрения модальности. В народной традиции легенда обычно рассказывается в контексте проведения или описания обряда жертвоприношения домашнего животного, где текст о явлении оленя не только указывает на причину возникновения обряда жертвоприношения домашнего животного, но и дополняет реальность, формирует её, и в этом выражается основная функция легенды – «конструирование реальности» [Там же, 58]. В этом случае сообщение о явлении оленя – это чудо, невероятное событие богоявления, продолжающееся в обряде жертвоприношения домашнего животного.

⁸ Обзор теоретических подходов к изучению модальности в лингвистике в статье Л. В. Васильевой [Васильева 2009], отдельные аспекты модальности исследованы в ст. [Аухадиева, Булычева 2022].

Рассказ о чуде в принципе не допускает смерти субъекта действия в финале. Подобная развязка становится возможной после того, как чудесное событие – явление оленя – разделили на части: «побуждаемый в каждый раз по назначению свыше, прибежал из отдаленных дремучих лесов на жертву». В данном выражении чудесным (необъяснимым с точки зрения законов нашей реальности) остается только приход оленя в назначенный день к определенному месту, а само животное вполне реальное существо, одна из особей, которые «в здешних лесах во множестве водятся»⁹ – указывается факт, чем допускается реалистичность события. И, как мы предполагаем, это становится толчком к изменению содержания текста и развитию сюжета по типу рассказа о реалистичном событии.

В классическом варианте легенды несвоевременное явление оленя объясняется послаблением веры и прибавлением греховности, что вполне укладывается в рамки христианского вероучения. В авторской концепции данное положение накладывается на реальное обстоятельство – дальность расстояния. В инициальной части животное является «в назначенный день в известное место» и характеризуется как «самый красивый и тучный». С увеличением времени («несвоевременное явление») увеличивается расстояние («пространство его бега было далекое и трудное»), что негативно влияет на субъект действия («казался утомленным и усталым», «замечали чрезвычайную усталость и худощавость»), и, в конечном счете, приводит к смерти оленя.

К дополнительным факторам относятся: ситуация рассказывания, когда легенда о явлении оленя была поведена автору-путешественнику в контексте чудесности иконы (сюжеты явления иконы и явления оленя дополняли друг друга); и позиция автора, который пытается найти доказательства чудесности иконы. В результате этих обстоятельств легенда о явлении оленя в произведении А. Ф. Попова трансформируется в рассказ о «чрезвычайном происшествии», является следствием чудесности иконы и служит доказательством как факта явления иконы Божьей матери, так «чудодейственной силы Божьей Матери».

Легенда о явлении оленя к вишерской церкви в сочинении М. И. Михайлова

В историческом сочинении коллеги А. Ф. Попова по Усть-Сысольскому уездному училищу – краеведа и литератора Михаила Ивановича Михайлова (1821–1853) «Устьвым» [Михайлов 1850; 1851] – тексты о явлении иконы и оленя составляют описание Вишерской церкви.

К 8 Сентября, ко дню, как полагают явления иконы на Вишеру, ежегодно прибежал до начала обедни красивый олень, котораго Зыряне с священным обрядом приносили в жертву Богородице. Мясо оленя делили на равныя части, уносили в дома и хранили, как святыню, на случай болезней и промыслов. Лет 150 тому назад олень что-то долго не явился к урочному часу. Духовенство ждало его и не начинало обедни, крестьяне молили Пресвятую Богородицу ускорить явление жертвеннаго зверя. Наступил полдень; пришла пора вечерняя, – оленя не было: уже отчаевались видеть, думали, что прогнавили греховною жизнью Небесную Царицу, – и приступили к Богослужению... в середине церковной службы прибегает олень, весь мокрый и покрытый пеною, как бы от продолжительнаго бега и, видя, что обедня начата, ударился в паперти о помост, убился, – и с тех пор явление оленя прекратилось. В Вишерской церкви хранится верхняя часть рога одного жертвеннаго зверя, с пятью, на подобие пальцев, отраслями, близко похожая на кисть согнутой руки. Набожные Ижемцы, владельцы многочисленных стад оленей, их главнаго богатства, часто приезжая на поклонение Вишерской Богородице, старались увозить с собою кусочки этого рога, толкли их в порошок, который служил спасительным лекарством от всех скотских болезней и вместе предохранял домашних животных от нападения хищных зверей. В самой Вишере не помнят, чтобы когда-либо эти звери вредили домашнему скоту, между тем как здешняя местность, дикая и лесистая, есть привольное для них виталище. [Михайлов 1850, № 11, 106–107]

При сопоставлении фрагментов сочинений М. И. Михайлова и А. Ф. Попова наблюдается единообразие в последовательности повествовательных частей (явление иконы; явление оленя; чудесные свойства остатка оленьего рога; дикие звери не нападают на скот), тогда как в их содержании выявляются различия. В тексте М. И. Михайлова явление оленя приурочивается к 8 сентября – к праздни-

⁹ Если в современности олени в данной местности не встречаются, то на период написания сочинения появление их было вполне естественно. В тексте указывается, что на оленей местные жители охотятся (весной поймали до 18 оленей), олени шкуры используются в быту, а зимой богородский священник ездит на оленях. По историческим данным часть церковной казны состояла из стада оленей, которых пасли ижемские оленеводы.

ку Рождества Пресвятой Богородицы, и жертвоприношение проводится в честь явления иконы Божьей матери. Указанный праздник в Вишерской церкви является престольным, и именно в этот день проводилось жертвоприношение домашних животных. Сообщаются сведения о проведении обряда принесения в жертву животного («мясо оленя делили на равные части, уносили в дома и хранили, как святыню, на случай болезней и промыслов») и последнем явлении оленя, который «ударился в паперти о помост, убился». Кроме того, в тексте М. И. Михайлова не выявляются причинно-следственные отношения явления оленя и иконы, но, как и в тексте А. Ф. Попова, явление оленя не имеет связь с жертвоприношением домашнего животного.

На основании этого мы можем предположить, что у М. И. Михайлова были дополнительные источники. Возможно, они, являясь коллегами по Усть-Сысольскому уездному училищу, вместе с А. Ф. Поповым совершили путешествие на Вишеру. Однако, в произведении описано путешествие автора-рассказчика вместе с «добрым товарищем», который, судя по содержанию текста, не знает коми язык и культуру, чего нельзя сказать о М. И. Михайлове; в то же время, подобный образ попутчика может быть художественным решением, продиктованным жанром травелога [Лимерова 2021, 310–312]. Сведений о том, что М. И. Михайлов побывал в с. Богородске не сохранилось, поэтому мы склоняемся к другой версии, что М. И. Михайлов мог воспользоваться черновыми записями А. Ф. Попова, и это ещё раз подтверждает нашу гипотезу об авторской интерпретации сюжета легенды о явлении оленя.

Заключение

В результате исследования мы пришли к выводу, что сюжет легенды о явлении оленя со смертью животного в финале является авторской интерпретацией А. Ф. Попова, возникшей в результате изменения модальности текста: невероятное событие осмыслено и передано как «происшествие». Это становится причиной трансформации содержания самого высказывания, за которым следует изменение связи содержания высказывания с действительностью (явление оленя из причины последующего жертвоприношения становится следствием чудесности иконы) и функции текста (из конструирования реальности переходит в подтверждение реальности). В последующем результаты проведенного анализа могут быть применены для определения жанровых признаков легенды.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архив РГО. Р. 53. Оп. 1. № 9. Попов А. Путевые заметки о зырянах. 1847. 74 л.

Архив РГО. Р. 7. Оп. 1. №. 62. Протоирей Александр Шайтанов. Верховажский посад 1848–1849. Л. 20.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3-х томах. Т. 2. М., 1868. С. 255–256.

ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 1669. Дело по прошению бывшего штатного смотрителя устьсысольских училищ Попова Александра Фёдоровича о выдаче ему аттестата о службе. 19.01.1847–19.03.1849. 7 л.

Иванов А. П. Материалы к антропологии Пермского края // Труды Казанского Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т. 10. Вып. 1. Казань, 1881. 52 с.

Кичин Е. Четыре сельских обряда Белозерского уезда Команевской волости // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1844. № 19. С. 179–181.

Красов А. В. Зыряне и св. Стефан, епископ пермский. СПб, 1897. 222 с.

Малахов М. В. Быкобой у пермяков в день Св. Флора и Лавра: Посмертные записки М.В. Малахова // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1887. Т. 9. Вып. 1. С. 85–96.

Михайлов М. [И]. Описание Устьвыма, составленное учителем Усть-Сысольского уездного училища М. Михайловым. Вологда, 1851.

Михайлов М. [И]. Устьвым // Вологодские губернские ведомости. 1850. № 1–17, 19–22, 25, 27–28, 32, 34–35, 38–42, 44–46, 49–50, 52.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 233а. Рочев Ю. Г. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции в Корткеросский район в 1978 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 818. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. О полевых исследованиях фольклорной экспедиции в сельском поселении «Богородск» Корткеросского района Республики Коми в 2012 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 833. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в сельском поселении «Нившера» Корткеросского района Республики Коми в 2013 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 857. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в сельском поселении «Нившера» Корткеросского района Республики Коми в 2014 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 875. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в сельском поселении «Большелуг» и «Богородск» Корткеросского района Республики Коми в 2015 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 895. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в Корткеросском районе Республики Коми в 2017 г.

НА КомиНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 907. Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н., Панюков А. В., Савельева Г. С. Отчет о полевых фольклорных исследованиях в Корткеросском районе Республики Коми в 2018 г.

П. Мошинский приход Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости 1907. № 3. С. 75–79.

Пидьмозерский В. Село Таржеполь (Петрозаводского уезда) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1902. № 17. С. 580–583.

Ползунов П. П. История Устьсысольского городского училища. Усть-Сысольск: Тип. З. Д. Следников и К, 1912.

Попов А. [Ф.] (а) Путевые заметки от Устьсысольска к Вишерскому селению // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 10. С. 105–110; № 11. С. 119–123; № 12. С. 129–137.

Попов А. [Ф.] (б) Мнение о происхождении Зырян и очерк некоторых свойств их // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1848. № 23. С. 53–57.

Попов К. А. Зыряне и зырянский край // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 13. Вып. 2. / под ред. Н. А. Попова. М.: Тип. С. П. Архипова, 1874. 92 с. (Труды этнографического отдела. Кн. 3. Вып. 2).

Сидоров А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян // Коми му. 1924. № 1–2. С. 43–50.

Степановский И. К. Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда: Типография Вологодского Губернского Правления, 1890.

ФФ ИЯЛИ. В1116-36. Зап. А. В. Панюков и Г. С. Савельева в 2000 г. в с. Нившера Корткеросского р-на от Габовой Анастасии Степановны, 1925 г.р., ур. д. Тист.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность / отв. ред. А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М.: Наука, 1965. С. 5–25.

Аухадиева Ф. С., Булычева Е. А. Репрезентация модальности фиктивного действия в разноструктурных языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16. Вып. 2. С. 238–247.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX–начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 391 с.

Васильева Л. В. Теоретические подходы в изучении модальности // Вестник АмГУ. 2009. Вып. 44. С. 113–116.

Емельянов Л. И. Проблема художественности устного рассказа // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 5 / отв. ред. В. Е. Гусев. М.–Л.: Наука, 1960. С. 247–264.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной; примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович, К. В. Чистова; послесл. К. В. Чистова. М.: Наука, 1991. 511 с.

Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века / сост. В. А. Лимерова. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2010. 520 с.

ИКЛ 1979 – Микушев А. К., Рочев Ю. Г., Чисталев П. И. История собирания и изучения коми фольклора // История коми литературы. В 3 томах. Т. 1. Фольклор / отв. ред. А. К. Микушев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. С. 11–24.

Конаков Н. Д. От Святок до Сочельника: Коми традиционные календарные обряды Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 128 с.

Конаков Н. Д. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфный код). Сыктывкар: КомиНЦ УрО РАН, 1990. 48 с.

Конкка А. П. Жертвоприношения животных на летних календарных праздниках карел (материалы к описанию обряда) // Обряды и верования народов Карелии / науч. ред. А. П. Конкка, Э. С. Киуру. Петрозаводск: КФАН СССР, 1988. С. 77–95.

Костромин И. Н. Попов Андрей Ефимович // Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: Изд-во ДиК, 1998. С. 364–365.

Лимерова В. А. На пути к национальной прозе. Жанровые модели документально-художественной словесности Коми края в XIX веке // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. Е. К. Созиной. Кн. 1. М.: Изд. дом ЯСК, 2021. С. 302–342.

Липатова А. П. Вариативность легенды. М.: РГГУ, 2019. 215 с.

Лобанова Л. С. Александр Федорович Попов – новое имя в зырянском дискурсе // Пермистика–19: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей / отв. ред. С. А. Сажина. Сыктывкар: Коми респ. типография, 2023. С. 355–363.

Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н. Народный календарь с. Богородск Республики Коми // Живая старина. 2013. № 3. С. 45–48.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Мороз А. Б. (а) «Севернорусская легенда об олене» и её византийские источники // Святые и святыни Обонежья : материалы Всероссийской научной конференции «Волдозерские чтения – 2013» / отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 231–238.

Мороз А. Б. (б) Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Тостого / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 212–233.

Му пуксьом – Сотворение мира / автор-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2005. 624 с.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура; In memoiam. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 464 с.

Рассыхаев А. Н. Почитание Стефана Пермского в фольклорной традиции нившерских коми // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. Вып. 2. С. 272–283.

Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. / отв. ред. В. К. Соколова. М: Наука, 1967. 342 с.

Шановалова Г. Г. Севернорусская легенда об олене // Фольклор и этнография Русского Севера / отв. ред. Б. Н. Путилов, К. В. Чистов. Л.: Наука, 1973. С. 209–223.

Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора фольклора «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (рег. № 121051400044-2).

Поступила в редакцию 28.02.2023

Лобанова Людмила Сергеевна

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: sergejluda@mail.ru

L. S. Lobanova

WHO "KILLED" THE DEER?: TO THE QUESTION OF ORIGINALITY OF THE PLOT OF THE LEGEND ABOUT APPEARING OF A DEER IN PUBLICATIONS OF THE XIX CENTURY (BASED ON KOMI MATERIALS)

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-45-54

The article explores the plot of the legend about appearing of a deer with the death of an animal's in the finale. This version of the plot of the legend is revealed in publications of the XIX century and refers to the folklore tradition of the Vishera. However, in folklore and ethnographic materials based on this local culture, the plot finale typical of the "Northern Russian-Finno-Ugric tradition" (A. B. Moroz) is recorded - a late deer escapes. The purpose of the article is to find out the sources of the legend and the history of the appearance of the plot version with the death of a deer. We analyzed folk and published versions of the legend using comparative-contrastive, typological, textual, linguosemantic methods. As a result of the study, we came to the conclusion that the plot of the legend about the appearance of a deer with the death of the animal in the finale is the author's interpretation of A.F. Popov, which arose as a result of a change in the modality of the text: an incredible event is comprehended and transmitted as an "incident." This causes the transformation of the content of the utterance itself, followed by a change in the connection of the content of the utterance with reality (the phenomenon of the deer from the cause of the subsequent sacrifice becomes the result of the wonder of

the icon) and the function of the text (from the construction of reality passes into confirmation of reality). Subsequently, the results of the analysis can be used to determine the genre characteristics of the legend.

Keywords: Komi, folklore, legend, plot of deer appearance, travelogue, author's interpretation, modality of the text, Alexander Fedorovich Popov.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 45–54. In Russian.

REFERENCES

Aukhadieva F. S., Bulycheva E. A. Reprezentatsiya modal'nosti fiktivnogo deistviya v raznostrukturnykh yazykakh [Representation of simulative action modality in languages with different structures]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022, vol.16, issue 2, pp. 238–247. In Russian.

Azbelev S. N. Otnoshenie predaniya, legendy i skazki k deistvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov) [Relation of legends, stories and fairy tales to reality (in terms of delineation of genres)]. *Slavyanskii fol'klor i istoricheskaya deistvitel'nost'* [Slavic folklore and historical reality]. Ed. by A. M. Astakhova, B. N. Putilov, V. K. Sokolova. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 5–25. In Russian.

Belits'er V. N. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v.* [Essays on ethnography of the Komi peoples: XIX – early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1958. 394 p. In Russian.

Chistov K. V. *Russkiye narodnyye sotsial'no-utopicheskiye legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk social and utopian legends of the XVII-XIX centuries]. Ed. by V. K. Sokolova. Moscow, Nauka Publ., 1967. 342 p. In Russian.

Emel'yanov L. I. Problema khudozhestvennosti ustnogo rasskaza [The problem of the artistry of oral history]. *Russkii fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. Vol. 5. Ed. by V. E. Gusev. Moscow - Leningrad, Nauka Publ., 1960, pp. 247–264. In Russian.

Konakov N. D. *Kalendarnaya simbolika ural'skogo yazychestva (binarnyy zoomorfnyy kod)* [Calendar symbolism of Ural paganism (binary zoomorphic code)]. Seriya preprintov «Nauchnyye doklady» [Series of preprints "Scientific Reports"], No. 243. Syktyvkar, Komi Nauchnyy tsentr Publ., 1990. 48 p. In Russian.

Konakov N. D. *Ot svyatok do sochel'nika: komi traditsionnye kalendarnye obryady* [From Yuletide to Christmas eve: Komi traditional calendar rites]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 1993. 128 p. In Russian.

Konkka, A. P. Zhertvoprinosheniya zhivotnykh na letnikh kalendarnykh prazdnikakh karel (materialy k opisaniyu obryada) [Animal sacrifices at Karelian summer calendar holidays (rite description materials)]. *Obryady i verovaniya narodov Karelii* [Rites and beliefs of the Karelia peoples]. Petrozavodsk, Karelian branch of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1988, pp. 77–95. In Russian.

Kostromina I. N. Popov Andrey Yefimovich [Popov Andrey Efimovich]. *Komi yazyk. Entsiklopediya* [Komi language. Encyclopedia]. Ed. by G. V. Fedyuneva. Moscow, Izdatel'stvo DiK Publ., 1998, pp. 364–365. In Russian.

Limerova V. A. Na puti k natsional'noi proze. Zhanrovye modeli dokumental'no-khudozhestvennoi slovesnosti Komi kraya v XIX veke [On the way to national prose. Genre models of documentary – artistic literature of the Komi Region in the XIX century]. *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [History of literature of the Urals. XIX century: in 2 books]. Ed. by prof. E. K. Sozina. Book 1. Moscow, YASK Publishing House, 2021, pp. 302–342. In Russian.

Lingvisticheskii entsyklopedicheskii slovar [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya Encyklopediya Publ., 1990. 685 p. In Russian.

Lipatova A. P. *Variativnost' legendy* [Variation of the legend]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 2019. 215 p. In Russian.

Lobanova L. S. Aleksandr Fedorovich Popov – novoe imya v zhyranskom diskurse [Alexander Fedorovich Popov – a new name in the Zyryan discourse]. *Permistika-19: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodejstvii s drugimi yazykami: sbornik nauchnykh statej* [Permistics-19: Dialects and history of Perm languages in interaction with other languages: a collection of scientific articles]. Ed. by S. A. Sazhina. Syktyvkar, Komi respublikanskaya tipografiya Publ., 2023, pp. 355–363. In Russian.

Lobanova L. S., Rassykhayev A. N. Narodnyy kalendar' s. Bogorodsk Respubliki Komi [Traditional calendar of the village of Bogorodsk of the Komi Republic]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2013, no. 3, pp. 45–48. In Russian.

Mikushev A. K., Rochev Yu. G., Chistalev P. I. Istoriya sobiraniya i izucheniya komi fol'klora [History of collecting and studying Komi folklore]. *Istoriya komi literatury v 3 t. T. 1. Fol'klor* [History of Komi literature. In 3 vol. Vol. 1. Folklore]. Ed. by A. K. Mikushev. Syktyvkar, Komi knizhnoye izd-vo Publ., 1979, pp. 11–24. In Russian.

Moroz A. B. «Severnorusskaya legenda ob olene» i yeyë vizantiyskiye istochniki ["The North Russian Legend of the Deer" and its Byzantine sources]. *Svyatyye i svyatyni Obonezh'ya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Voldozerskiye chteniya – 2013»* [Saints and Shrines of Obonezh'ye: materials of the All-Russian Scientific Conference "Voldozersky Readings - 2013"]. Ed. by A. V. Pigin. Petrozavodsk, Petrozavodskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2013 (a), pp. 231–238. In Russian.

Moroz A. B. Legenda o zhertvennom olene: geografiya, varianty, istochniki, paralleli [The Legend of the Sacrificial Deer: Geography, Options, Sources, Parallels]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik Publ., 2013 (b), pp. 212–233. In Russian.

Mu puks'öm – Sotvorenje mira. Sost., predisl., primech. i perevod P. F. Limerova [Creation of the world. Comp. by P. F. Limerov]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izd-vo Publ., 2005. 624 p. In Komi, Russian.

Putilov B. N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura; In memoriam* [Folklore and folk culture; In memoriam]. Sankt-Peterburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2003. 464 p. In Russian.

Rassyhaev A. N. *Pochitanie Stefana Permskogo v fol'klornoj tradicii nivsherskih komi* [Honoring Stephen of Perm in folk tradition of the Nivshera's Komi]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, vol. 15, issue 2, pp. 272–283. In Russian.

Shapovalova G. G. Severnorusskaya legenda ob olene [North Russian legend about a deer]. *Fol'klor i etnografiya Russkogo Severa* [Folklore and ethnography of the Russian North]. Ed. by B. N. Putilov, K. V. Chistov. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 209–223. In Russian.

Vasil'eva L. V. Teoreticheskie podkhody v izuchenii modal'nosti [Theoretical approaches in the study of modality]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Amur State University], 2009, no. 44, pp. 113–116. In Russian.

Zelenin D. K. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography], trans. by K. D. Tsivina; comm. by T. A. Bernshtam, T. V. Stanyukovich, K. V. Chistov; ep. by K. V. Chistov. Moscow, Nauka Publ., 1991. 511 p. In Russian.

Zyryane i zyryanskii kray v literaturnykh dokumentakh XIX veka [Zyryans and Zyryan region in literary documents of the XIX century]. Comp., foreword by V. A. Limerova. Syktyvkar, Kola Publ., 2010, pp. 3–12. In Russian.

Received 28.02.2023

Lobanova Lyudmila Sergeevna

Researcher

Institute of Language, Literature and History

Komi Scientific Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russia

E-mail: sergejluda@mail.ru

Литературоведение

УДК 821.511.111(470.22)(092)(045)

О. А. Колоколова

ПИСАТЕЛЬ КАРЕЛИИ ТОБИАС ОСИПОВИЧ ГУТТАРИ (ЛЕА ХЕЛО): ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ 1930-Х ГОДОВ¹

Статья посвящена восстановлению предвоенного периода жизни и творчества поэта, прозаика Т. О. Гуттари (литературный псевдоним – Леа Хело). Проведено исследование комплекса архивных источников. Установлены ранее неизвестные биографические факты, обнаружены черновые варианты произведений. Изучены и систематизированы газетные публикации, документы из фондов Национального архива Республики Карелия. В научный оборот вводятся новые материалы (письма, дневниковые и блокнотные записи). Кратко очерчен круг профессиональных интересов писателя: перевод художественных текстов, изучение фольклора и диалектов карельского языка, встреча с известными сказительницами Марией Ремшу и Ларин Параске, участие в организации конференций. В первой половине 1930-х гг. Гуттари плодотворно работал над созданием художественных произведений и переводом советской литературы с русского языка на финский. Особое внимание уделяется кризисному периоду (1936–1937). Творческий подъем сменился разочарованием в действительности: репрессии и череда арестов постигли ближайшее окружение поэта. Национальная политика отразилась и на его личной судьбе. Потеря работы, угрозы и жесткая критика стали причиной творческого спада, практически полного отказа от литературной деятельности. Освещается вопрос об исключении Гуттари из Союза писателей и его борьбе за восстановление в числе членов организации. В приложении публикуется дневник Т. О. Гуттари (3 сентября – 1 октября 1936 г.), который хранится в настоящее время в Национальном архиве Республики Карелия.

Ключевые слова: финноязычная литература Карелии, биография писателя, Тобиас Осипович Гуттари, Леа Хело, дневник Т. О. Гуттари.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-55-66

Тобиас Осипович Гуттари (1907–1953; литературный псевдоним Леа Хело) – известный финноязычный поэт и прозаик Карелии, финн-ингерманландец по происхождению. Член Союза писателей СССР, переводчик произведений русской классической и советской литературы на финский язык, редактор журналов «Punakantele» и «Punalipru», талантливый педагог, автор хрестоматий для школьников, он внес большой вклад в развитие культуры в республике.

Биография Т. О. Гуттари представлена в академических трудах по истории литературы Карелии [Очерки литературы... 1954, 26–43], [Очерк истории... 1969, 107–117], [Алто 1997, 55–61], [100 лет литературе Карелии 2020, 154–163], в газетных публикациях А. С. Пекки [Пекки 2000]². Письма с фронта и отрывки из личного дневника, который Гуттари вел в годы Великой Отечественной войны, были опубликованы в журнале «Север» [Хело 1973; Гуттари 1995]. Тем не менее, требуют изучения отдельные периоды жизни и творчества Гуттари, в особенности, предвоенное десятилетие, а также переписка с писателями и издателями, дневниковые записи. Тема исследования актуальна, поскольку реконструкция биографии позволяет не только восстановить историко-литературный контекст, но и решить некоторые вопросы поэтики, определить доминанты мировосприятия писателя, восполнить пробелы творческого пути.

В современном литературоведении биография рассматривается как «самодостаточная нравственно-эстетическая ценность, приобщение к ней, к нравственно-эстетическому потенциалу писателя усиливает читательский интерес к его произведениям, позволяет дать их более глубокую интерпретацию» [Фокин 2008, 4]. За основу нами была принята «модель биографического описания с учетом социально-исторических, психологических и эстетических факторов» [Фокин 2008, 5]. Основными источниками исследования являются ранее не вводившиеся в научный оборот архивные материалы. В ходе работы были изучены и систематизированы сведения из фонда Т. О. Гуттари в Нацио-

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

² Более подробно библиографию см.: [Писатели Карелии... 2006, 151–155; Тобиас Гуттари 1977].

нальном архиве Республики Карелия (далее НА РК) [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1]: автобиография; переписка с руководством Союза писателей Карелии; дневниковые записи Гуттари о периоде работы в д. Войскорово (3 сент. 1936 – 1 окт. 1936); блокнот Элины Пекки с записями виршей-экспромтов, стихов за подписью Леа Хело (1936–1937); рукописная тетрадь А. С. Пекки³. Во внимание приняты черновые варианты произведений писателя, задействованы данные, представленные в обзорных главах академических трудов по истории литературы Карелии и периодической печати.

В 1930-е гг. Т. О. Гуттари опубликовал семь книг в стихах и прозе: «Nuoret mielet» («Молодые сердца», 1930), «Astun yli» («Перешагиваю», 1931), «Karjalan metsissä kasvaa paperia» («Растет бумага в карельских лесах», 1932), «Miten kirja syntyi» («Как родилась книга», 1933), «Punainen Armeija – vartiija valpas» («Красная армия – недремлющий страж», 1933), «Jokea voittamassa» («Покорители реки», 1933), «Runoja» («Стихи», 1936).

Первая половина десятилетия – период творческого подъема: Леа Хело заявил о себе как поэт, прозаик, критик. Он регулярно печатался на страницах финноязычных журналов. В 1930 г. получил должность редактора журнала «Punakantele», участвовал в организации Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), а в 1934 г. в числе первых был принят в Союз писателей СССР. Несмотря на плохое самочувствие (в первые месяцы 1931 г. обострилась болезнь – туберкулез легких), поэт сохраняет веру в будущее, продолжает много работать. Гуттари вкладывает много сил и времени в организацию Второй конференции карельских писателей, которая состоялась в Петрозаводске 28 января – 4 февраля 1931 года. В том же году были объединены и переведены в Ленинград издательства финноязычных журналов «Punakantele» и «Soihtu». Гуттари, занимавший должность ответственного редактора, вынужден был переехать.

В 1930-е гг. литература Карелии развивалась в русле метода социалистического реализма. В. Чехов, С. Норин, А. Линевский, И. Кутасов публиковали произведения на русском языке. Литературную деятельность начинали финноязычные писатели А. Тимонен, Н. Лайне, Я. Ругоев, У. Викстрем. Из Финляндии эмигрировал Э. Виртанен, из США – Э. Паррас. Поэзия характеризовалась революционно-публицистической, агитационной направленностью. Считалось, отнюдь не обязательно обладать литературным даром, чтобы стать писателем: «Боязнь, что ты не способен – это неуместная робость, оппортунизм, недооценка своих сил. Это гибельный страх, который надо решительно в себе искоренять» [Johansson 1931, 9–10]. Творчество Гуттари ощутимо выделялось на фоне литературных течений того времени. Леа Хело заявил о себе как лирический поэт: его произведения отличались напевностью, эмоциональностью. Автор исследовал духовный мир человека⁴. В критических статьях первой половины 1930-х гг. Гуттари поднимает проблему художественности литературы Карелии, призывает отказаться от декларативности, агитационности, сохранить живой и образный язык. Позиция Гуттари вызвала резкую критику: поэта обвиняли в том, что он «перешагнул через линию политики партии и способствовал ее врагам» [Ivatchev 1931, 27]. Писатель тяжело переживал сложившуюся ситуацию: «Устав от вечных интриг и нападков Федора Ивачева, в октябре 1931 года я решил уволиться из редакции журнала и стал работать переводчиком в государственном издательстве «Kirja» («Книга») в Ленинграде на договорных началах» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 11].

Несмотря на трудности, Т. О. Гуттари продолжал разрабатывать направления, зародившиеся в его творчестве в конце 1920-х гг.: реализовал идею создания поэтической географии Карелии. К воплощению своего замысла он вернется позже, в послевоенное время, и выйдет за территориальные пределы Карелии, «осваивая» пространство северных земель и южных морей, стирая границу между «своим и чужим» в художественном мире. Таким образом, в стихотворениях 1920–1940-х гг. предстает галерея морских пейзажей, городских ландшафтов и маленьких деревень в несколько домов, расположенных на берегах озер: «Karhumäki» («Медвежья гора», 1928), «Öinen kaupunki» («Ночной город», 1928), «Kirovin rata» («Кировская дорога», 1930), «Kohise, meri!» («Шумы, море», 1930), «Kaukainen kaupunki. Luuyrillinen kuva Muurmanskista» («Далекий город. Лирическая картина Мурман-

³ Александр Степанович Пекки – брат Элины Степановны Пекки (первой жены Т. О. Гуттари), заслуженный работник народного хозяйства Карельской АССР, кандидат геолого-минералогических наук.

⁴ Исследователь литературы Карелии Л. А. Виролайнен подчеркивает, что Гуттари – «лирический поэт с большим, сильным и самобытным дарованием» [Виролайнен 1951, 68]. Поэт и критик А. И. Мишин высоко оценивает творчество Л. Хело: «В финноязычной поэзии Карелии имя Леа Хело сияло многие годы. Для новых поколений финноязычных поэтов он всегда оставался лучшим поэтом-лириком» (одно из значений лексемы «helo» в псевдониме писателя – сияние, блеск) [Мишин 2012, 192].

ска», 1936), «Kuutamoinen suysilta Bielomorskissa» («Лунный осенний вечер в Беломорске», 1943), «Petroskoille» («Петрозаводску», 1946) и т. д.

В произведениях Леа Хело проявляется краеведческое начало. Детально описана жизнь северной провинции, которая воспринимается писателем как хранительница традиций, где появляются ростки новой жизни. Тематический спектр произведений включает в себя пейзажные зарисовки, сценки из трудовой жизни крестьян, рабочих, лесорубов и рыбаков. В стихотворениях изображается рубка и сплав леса, посев, строительство колхоза и завода, голосование, что в целом создает детальную картину развивающейся Республики: «Kalastaja» («Рыбак», 1927), «Miilunpolttaja» («Углежог», 1928–1930), «Heinäaika» («Покос», 1935), «Vuorilla malmia louhitaan» («В горах ломают руду», 1936). Леа Хело воспроизводит основополагающие периоды крестьянского годового цикла: весеннее пробуждение природы, подготовка земли, посев, покос и уборка урожая, подготовка к зимнему времени. Произведения лиричны, но не лишены точных деталей, реалистичности. В отличие от пролетарской поэзии, в художественном мире Леа Хело герой не считает себя властелином природы. К примеру, в стихотворении «Salon proletaari» («Пролетарий лесов») карельские леса представлены как «огромная изба». Изображение космоса в пределах пространства одного жилища дополняется сравнением освещающей избу лампы и полыхающих по всему небу отблесков северного сияния. «К природе, особенно к северной – карельской, у него необыкновенно интенсивное отношение, сродни тому лирическому чувству, которое мы находим в песнях “Калевалы”», – отмечает С. А. Виролайнен [Виролайнен 1991, 70].

Со второй половины 1936 г. творчество Леа Хело развивалось в ином направлении – в стихотворениях звучала любовная тема. С 15 августа 1936 по 1 января 1937 г. Гуттари работал учителем литературы и финского языка в средней школе с. Войскорово (Ленинградская область), где познакомился со своей будущей женой Элиной Степановной Пекки. С 3 сентября по 1 октября 1936 г. он вел дневник, в котором описывал свои чувства. В настоящее время рукописная тетрадь в 7 листов хранится в НА РК [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–7]. Дневник без сокращений в переводе на русский язык публикуется в Приложении. Основные темы и мотивы, прозвучавшие в дневниковых записях, нашли отражение в лирике второй половины 1930-х гг. и более позднем творчестве Гуттари. В размышлениях поэта ощущается нарастающая тревога, предчувствие надвигающейся катастрофы. Он стремится избежать трагичности настоящего в возвышенном, целомудренном чувстве любви. Свое отношение к возлюбленной автор связывает с музыкой: мелодическую гармонию он проецирует на свой внутренний мир. Преображение, стремление стать лучше, «искоренить в себе все ненужное и плохое» придает силы поэту, возвращает желание жить и «сделать многое» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 15. Л. 5]. В духовной жизни поэта происходит жизнеутверждающая перемена, несмотря на его сомнения в ответном чувстве возлюбленной и переживания от ее холодности и недоверия. В любовной лирике отражена тема катарсиса, душевного «расцвета и сияния», она раскрывается посредством мотивов разлуки, ожидания счастья и надежды.

По воспоминаниям А. С. Пекки, брата Э. С. Пекки, окружающие замечали перемену в Т. О. Гуттари: «В новой обстановке Тобиас преобразился. <...> Мало кто мог предполагать в школе, что «самый веселый компаньон на коллективных ужинах и обедах думал о том, какая участь ждет народное образование. В то время уже начались репрессии ингерманландских финнов. Тысячи семей были выселены в северные области России. А он был по-прежнему влюблен...» [Пекки 2000, № 2, 14]. Гуттари исполнял учительские обязанности, проводил дополнительные занятия со школьниками, разрабатывал курсы преподавания литературы в 5–8 классах, составлял хрестоматии для учащихся и переводил произведения советской литературы с русского на финский язык. Поэт работал над сборником «Runoja» («Стихи»), который был опубликован в Государственном издательстве «Kirja» объемом 4 печатных листа. В тематических планах издательства особое внимание уделялось художественной литературе, русской и зарубежной классике, в том числе, переведенной на финский язык [Филимончик 2017, 548]. В 1935–1937 гг. Гуттари перевел на финский язык романы Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и К. Федина «Города и годы» (к сожалению, обе рукописи погибли). Кандидатура Гуттари была выдвинута на получение Сталинской премии как «лучшего переводчика советской литературы с русского языка на финский» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 42].

Т. О. Гуттари нравилось работать учителем, тем не менее в провинции его возможности как литератора были ограничены. После знакомства с Э. С. Пекки к нему вернулся интерес к серьезному литературному творчеству, но учительская работа, подготовка к урокам и внеклассным занятиям занимали много времени. Более того, как признавался писатель, он испытывал тоску по своей новой

родине – «по Петрозаводску, по карельским лесам и скалам, по Онежскому озеру, по всему тому, что было связано с годами его ранней молодости, когда в нем начали вспыхивать искры творческого вдохновения»⁵ [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. В это время писателю поступило предложение о переезде в Петрозаводск. «Для укрепления кадрами государственного книжного издательства «Кирия» в Карелии секретарь Карельского обкома по идеям Пааво Хюппенен вместе с писателем и общественным деятелем Ялмари Виртаненем, встретившись в Ленинграде с Тобиасом Гуттари, долго и настойчиво уговаривали его возвратиться к литературной деятельности и переехать в Петрозаводск. Он согласился, но с тяжелым сердцем, как бы предчувствуя, что добром это не кончится. Слишком много было у него в Карелии недоброжелателей, завистников. И общая установка в стране все усложнялась» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. В канун 1937 г. было написано стихотворение «Таас Uusivuosi oven kolkuttaa...» («Опять стучится в двери Новый год...»), в котором безысходность, чувства страха и уныния воплощаются в образе «тысяч ночей черной тоски» («tuhansia mustan murheen öitä») [Helo 1965, 205].

Несмотря на сомнения и переживания, Т. О. Гуттари решился на объяснение с Э. С. Пекки и получил благосклонный ответ. Они условились, что сразу после Нового года он выедет в Петрозаводск, решит бытовые проблемы, а затем вернется за Элиной Степановной. Гуттари надеялся, что в Петрозаводске она сможет работать учительницей в школе с преподаванием всех предметов на финском языке и учиться заочно в Карельском педагогическом институте. Тобиас Осипович также намеревался получить высшее образование. С января по август 1937 г. он занимал должность старшего редактора художественной литературы в издательстве «Kirja».

Из многочисленных писем, написанных Т. О. Гуттари в Петрозаводске с января по апрель 1937 г., удалось восстановить только два, адресованных Э. С. Пекки. «Я потому пишу иногда письма в два приема, что очень и очень закрутился с текущими делами. Совсем нет времени. Много работы в издательстве. В Союзе писателей начинается «большая кампания самокритики» и бог знает, чем все это кончится... После собраний люди выходят как из парилки...» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 11].

«Я утешаю себя надеждой, что на майские праздники все изменится. Я подсчитал по пальцам, что осталось только одиннадцать дней. А на двенадцатый, моя кисонька, мы хлопнем лапка об лапку. Уже весна! Я сбросил зимнее пальто, зимнюю шапку. Весна! Пришла весна, а с ней улыбка мира! ... Моя милая, славная Элина! Через тебя я шлю приветы полям и лугам Войскорово. Больше жизни и бодрости! Жизнь так изобретательна на события! ...Моя кисонька, если мы будем жить вместе, то ты, конечно, начнешь хоть немного толстеть, а то ты такая худенькая! Нехорошо! Уж я позабочусь, чтобы ты ела много. Это было бы так здорово, так чудесно! ...Может, ты согласишься приехать, хотя бы одним глазком взглянуть на нашу квартиру, на твою комнату? Пишу тебе об этом, хотя нет у меня уверенности. Не хочу думать ни о чем дальше майских праздников...» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 11].

В первых числах мая Э. С. Пекки переехала в Петрозаводск. После решения бытовых и материальных вопросов Т. О. Гуттари вернулся к напряженной литературной работе. Поэт поддерживал идею создания единого литературного карельского языка [Евсеева 2020], изучал его диалекты и устное народное творчество карелов и ингерманландских финнов, собирал и записывал народные песни, эпические и лирические стихи. Заинтересовавшись творчеством и судьбой ингерманландской сказительницы Ларин Параске, писатель посвятил много времени исследованию записей ее плачей и песен. Работая в Карелии, Гуттари изучал творчество карельских рунопевцев. В январе 1937 г. он принял участие во встрече со сказителями из северно-карельских деревень. Поэт познакомился лично со сказительницей Марией Ремшу, с которой у них установились дружеские отношения. В последующие годы, приезжая в Петрозаводск, Мария Ремшу приходила в гости к Пекки и Гуттари. Элина Степановна много слышала о сказителях от Гуттари, «большого знатока народного творчества финнов и карелов» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. «И вот она получила возможность воочию познакомиться с потомками рунопевческих династий. От Марии Ремшу Элина начала изучать севернокарельский диалект, который наиболее близок к литературному финскому. Позднее, при каждом посещении их квартиры сказителями, Элина совершенствовала свое знание карельского языка, что очень

⁵Цитируется по рукописной тетради А. С. Пекки. Воспоминания из этой тетради в сокращении стали основой биографической статьи А. С. Пекки «Певец солнечной весны: из биографии карельского писателя Т. Гуттари», опубликованной в газете «Лицей» [Пекки 2000]. В настоящее время тетрадь передана из семейного архива Е. А. Пекки в НА РК, фонд Т. О. Гуттари. В настоящее время документ регистрируется, поэтому здесь и далее ссылка на него будет обозначена номером фонда Т. О. Гуттари.

пригодилось ей при самостоятельной работе через десять лет» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. На «Всекарельской конференции мастеров народного искусства», проходившей в Петрозаводске с 25 по 30 мая 1939 г., Гуттари много общался со сказителями. В апреле 1941 г. поэт выступил в Ухте (ныне пос. Калевала) с обзорным докладом, посвященным творчеству Марии Ремшу, в честь ее восьмидесятилетия.

В творчестве Гуттари сильна связь с устной лирической песней, эту традицию он сохранил в период идеологического и цензурного контроля. Современник поэта, писатель, литературовед У. Н. Руханен отмечает: «Творчество Гуттари развивалось на иной социальной основе. Тобиас Гуттари был родом из Ингерманландских крестьян. Он учился в советское время. И литературная среда, в которой он жил, была совсем иной, нежели у старших товарищей. Без сомнения, Хело не был оторван от литературы Финляндии и ее традиций. Но все же основу его поэзии формировали советская литература и народная поэзия Карелии» [Руханен 1991, 209–210]. Связь с фольклорной традицией проявляется в поэзии Леа Хело на уровне формы и содержания. Например, в стихотворении «Uuden virren viertäjille» («Новой песни зачинателям», 1928) ритмичность, средства выразительности, поэтические приемы соответствуют нормативной поэтике фольклора. В стихотворении «Taikalanka» («Волшебная нить», 1928) прослеживается глубинная связь с народной поэзией, пониманием художественности и образности.

Ряд стихотворений Леа Хело, которые условно можно выделить в отдельный цикл, имеют черты карельской и ижорской народной лирической песни: произведение достаточно краткое (10–15 стихов), сюжет сжат, ядро образует сильное эмоциональное переживание, вокруг которого строится произведение. Основные темы этой группы стихотворений связаны с тоской по родине, воспоминаниями о матери, описанием тяжелой женской доли («Kutoja» («Ткачиха», 1928), «Ystävän tarina» («Рассказ подруги», 1937), «Armaalle» («Милой», 1937). Работу над произведениями «Ystävän tarina» и «Armaalle» Леа Хело вел в д. Войскорово и посвятил их своей возлюбленной (см. Приложение).

В феврале 1937 г. отмечалось столетие со дня гибели А. С. Пушкина. В школах, учебных и рабочих учреждениях Петрозаводска и Карелии проводились вечера и концерты, посвященные этому событию. Гуттари, «преклоняясь перед русским гением» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885], написал стихотворение «Pushkinin kaksintaistelu» («Дуэль Пушкина»). Поэт ассоциировал себя с героем стихотворения, аллюзия была настолько очевидной, что цензура сделала сноску к слову «товарищи» с пояснением «декабристы, а не современники поэта Леа Хело». Данное стихотворение, опубликованное в журнале «Rintama» (1937, № 3), Гуттари прислал в письме к Э. С. Пекки, а она переписала его в свой блокнот [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. № 16]. Стихотворение позволяет судить о внутреннем кризисе поэта, обуревавших его тревогах, вызванных трагическими событиями 1937 года. Ниже приводится отрывок из черновика (при публикации стихотворения Гуттари значительно изменил порядок строк и некоторые грамматические формы).

...työn sekä elämän rauha on syöty,
ajatus kahleihin lyöty!
Koko ääretön maa on kuin vankien saari,
on vangin vartija – Venäjän tsaari.
Vaan parempi kaatua, parempi kuolla
kuin jatkaa vankina oloa tuolla,
missä merkit orjien otsissa loistaa.
ylhäisö julkeita juoruja toistaa;
missä kaikki on tympeää, likaista, halpaa,
missä laulajan laajaa henkeä salpaa.
(«Pushkinin kaksintaistelu») [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. № 16]

...покой труда и жизни уничтожен,
Мысль в ужасные цепи закована!
Вся огромная страна словно остров узников,
Тюремный страж – России царь.
Но лучше погибнуть, умереть,
чем быть узником там,
где на лбах стоят клейма рабов,

где знать повторяет сплетни;
где все отвратительно, грязно, дешево,
где перекрывается свободное дыхание певца.
(«Дуэль Пушкина»)⁶.

Многие представители творческой интеллигенции, среди которых были близкие знакомые и друзья Т. О. Гуттари, подверглись арестам, репрессиям [см: Такала 2018]. Произошли изменения в национальной политике: преподавание финского языка в техникумах было запрещено, финноязычные школы были закрыты. Сокращены ставки преподавателей кафедры финского языка в Карельском государственном педагогическом институте. Пострадали многие писатели, к концу 1930-х гг. литература на финском языке в Карельской АССР не имела возможности развития. «Было запрещено упоминание имен арестованных писателей, а их книги изъяты из библиотек и помещены в спецфонды. Вся предшествующая история финноязычной литературы Карельской АССР и Ингерманландии оказалась как бы несуществующей» [Национальные писатели Карелии 2005, 12].

19 августа 1937 г. Э. С. Пекки и Т. О. Гуттари заключили брак, Элина Степановна взяла фамилию мужа. Она боялась, что в случае ареста Гуттари свидания с ним будут разрешены только ближайшим родственникам [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885].

Летом 1937 г. Гуттари работал в издательстве «Kirja» главным редактором отдела финской литературы и получал гонорары за публикацию художественных произведений и публицистических статей. Э. С. Гуттари не имела возможности устроиться учителем финского языка. 28 августа 1937 г. Тобиас Осипович был исключен из Союза советских писателей Карелии по постановлению общего собрания «за участие в троцкистской организации «Литфронт» и за то, что в течение всей литературной деятельности он активно примыкал к буржуазным националистам и проводил их линию, направленную к отрицанию карельской культуры и литературы и национальной по форме и националистической по содержанию; а также являлся инициатором группировок в литературном движении» [НА РК. Ф. Р-2885. Д.1. Л. 42], [Ivatchev 1931]. Гуттари был уволен из издательства и с августа 1937 по июнь 1938 г. числился безработным. Вышел запрет на публикацию его произведений, а сборники и журналы со стихотворениями и статьями Леа Хело были изъяты из библиотек.

Несмотря на тяжелую обстановку, Гуттари настоял, чтобы Элина Степановна поступила на филологический факультет Карельского педагогического института. Сам Тобиас Осипович вынужден был отказаться от мысли о высшем образовании. «Безуспешные попытки получить хоть какую-нибудь работу приводили в отчаяние. Чтобы не умереть с голоду, в буквальном смысле приходилось продавать личные вещи, ценные книги» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. Гуттари подрабатывал грузчиком, переводил статьи на политические темы с карельского языка на русский (фамилия переводчика при публикации не указывалась). Через десять месяцев поиска работы ему удалось устроиться столяром на мебельно-лыжную фабрику, что спасло семью от голода. Наступил кризис и в творчестве. Тем не менее поэт продолжал борьбу за восстановление своего имени в Союзе писателей, опровергал предъявленные ему обвинения. В НА РК хранится письмо, подписанное ответственным секретарем ССП Карелии П. И. Соколовым в ОБКОМ ВКП(б) тов. Золиной «с просьбой разобраться в заявлении Т. О. Гуттари о неправильном исключении из ССП»: «...центральным пунктом обвинения являлось утверждение, что Гуттари был приглашен врагом народа Хюппенен и является его подручным» [НА РК. Ф. Р-2885. Д. 1. Л. 35].

30 октября 1937 г. Т. О. Гуттари пишет письмо в оргкомитет ССП Карелии с просьбой вторично рассмотреть вопрос о его исключении [НА РК. Ф. Р-2885. Д.1. Л. 1–7]. «Считая выдвинутые (главным образом Ивачевым) против меня обвинения необоснованными, я прошу ССП Карелии вторично рассмотреть вопрос обо мне, дав мне возможность привести свои возражения против выдвинутых обвинений. Прошу, чтобы я был приглашен на заседание, на котором будет разбираться вопрос обо мне. Предварительно прилагаю к заявлению сведения о себе и свои главные возражения против постановления общего собрания членов ССП Карелии. В 1935 г. я был в Ленинграде принят в члены Союза советских писателей прежде всего как переводчик лучших произведений русской советской литературы на финский язык – автор переводов «Брусков» Ф. Панферова, «Поднятой целины» М. Шолохова, «Разбега» В. Ставского, «Цусимы» Новикова-Прибоя, «Капитального ремонта» Л. Соболева и др. Писал я также рассказы и стихи и готов держать перед советской общественностью ответ

⁶ Подстрочный перевод выполнен автором исследования.

за каждое написанное мною слово. Несомненно, в моих произведениях, особенно в ранних, могут быть и имеются неудачи, провалы и ошибки, но клеветой я в них никогда не занимался.

Я родился в Ленинградской области, в сознательного человека вырос в условиях советской страны и советской культуры: с детства владею финским и русским языком, а позже усвоил карельский и никогда я не замечал в себе никаких националистических предрассудков, а наоборот всегда довольно отрицательно относился к узко-замкнутому миру финнов-эмигрантов. <...> работая в карельской деревне, я широко пользовался языком карельского народа и сам довольно широко его усвоил. <...> И когда я в 1937 году, после почти пятилетнего перерыва вернулся в Карелию и узнал, что решено создать литературный карельский язык, это показалось мне совершенно естественно и правильно. <...> Оглядываясь мысленно на десятилетний путь своей творческой работы, я глубоко убежден, что проделал ее не во вред своей стране и делу революции, а несмотря на многие ошибки, делал своими переводами и стихами доброе дело. Я готов понять, осознать и преодолеть мои ошибки и прошу, чтобы мне дали возможность это сделать и возможность в рядах советских писателей работать на благо моей советской родины» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д.1/2. Л. 7].

Т. О. Гуттари предпринял очередную попытку в марте 1939 г. и вновь отправил официальное письмо [НА РК. Ф-Р. 2885. Оп. 1. Д.1. Л. 33]. Он получил положительный ответ. По решению Оргкомитета Союза писателей было принято «считать обвинения, предъявленные к Гуттари бывшими руководителями СП Карелии, оказавшимися врагами народа, неподтвердившимися» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д.1. Л. 30] и восстановить его членство в Союзе писателей.

Таким образом, рассмотренные в исследовании первоисточники отражают историко-литературный и личный контекст творчества Т. О. Гуттари. Их изучение позволило выявить ценности, духовный опыт и знания, которые транслировались в произведениях. Выход за грани традиций агитационной, пролетарской поэзии, стремление уйти от стереотипных образов – смелый шаг в финноязычной литературе Карелии 1930-х годов. В творчестве Гуттари получили развитие идеи создания поэтической географии Карелии, описание цикличности крестьянского календарного года. Встреча с Э. С. Пекки, любовь поэта, начало семейной жизни – факторы, определившие лирическую доминанту поэзии 1936–1937 годов. Интерес к фольклору сформировал влияние народной лирической песни на структуру стиха, образность, рифму. Однако творческий подъем сменился кризисом: резкая, несправедливая критика, исключение из ССП, репрессии, безработица, болезнь сломили поэта. Тем не менее, он продолжил борьбу за восстановление своего имени в писательской среде и в 1939 г., на исходе десятилетия, одержал свою личную победу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т. О. Гуттари. Дневниковые записи о периоде работы в д. Войскорово⁷ [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д.15. Л. 1-7].

3/IX-1936

В тот вечер он особенно ясно осознал, почувствовал, насколько дорога стала для него эта девушка. Ему было необычайно хорошо в обществе Э[леоноры]. Но в то же время он осознал, что это дружеское знакомство может стать для него роковым, если только девушка захочет «довести дело до определенной точки» (как произошло по отношению к одному человеку), чтобы увидеть, что произойдет, и насладиться своим «новым завоеванием».

Но если со стороны Б. это лишь обычное знакомство, без какого-либо озорства, я хотел бы, чтобы он продолжал эту дружбу, простое общение (простое ли оно для Э.?), так как он такой милый и приятный в обществе этой молодой женщины.

И он начал размышлять, как все случилось, и что Э. значила в новом этапе его жизни. Было ли это тем самым чувством, настоящей любовью, которую он ждал столько лет?

24/IX-1936

Сколько времени я не писал ни слова в тетради Элины! День такой легкий и прекрасный с самого утра. В сущности, с раннего утра, с того момента, как Элина зашла в мою комнату и сидела долго-долго. Пожалуй, именно поэтому у меня сегодня такое хорошее настроение, прекрасные чувства, хорошие дети, которые с огромным интересом слушали мой рассказ. После уроков Элина заглянула

⁷ Перевод дневника и подстрочный перевод стихотворений выполнен автором исследования.

ко мне в комнату, и мы до позднего вечера хлопотали, делая уборку. А теперь мои ощущения такие тонкие, душа восприимчива, меня наполняет нежность. Мне необходимо высказать это хотя бы на бумаге: я влюблен в Элину, я люблю ее, я желал бы, чтобы мы были друг для друга большим, чем сейчас.

Почему не может быть так, чтобы Элина испытывала те же чувства по отношению ко мне?

6/IX

Этой ночью во сне я видел, как ты прекрасна. Я видел тебя такой, какой ты сама себя никогда не представляла. Ты спросила, был ли я счастлив тогда во сне. Был. Я никогда не был так счастлив, и счастлив теперь, потому что недавно видел тебя. Ты говорила так откровенно.

7/IX

Мечта.

Мечта, которая исчезает и вновь возникает каждый день так много раз, когда трепещет сердце... Мечта, которая исчезает навсегда, когда я больше не в силах молчать и говорю тебе лишь то, что ты и так знаешь. Мечта, над которой ты, быть может, смеешься. (Пожалуй, у тебя есть право на это, но тем хуже для меня).

Ночью безгласной лелеял мечтанья.

Звезды смотрели мне в очи,
только и сердцем почуял страданья,
жаждал, искал, добивался свиданья
в шепоте девственной ночи...

Все это было безумными снами,
сказкой мучительной, лживой...

16/IX

Sun kättes lämmön tunsin käsissäni,
sun vallattoman ilokatsees näin
Sä itses hiljaa irti riistit, poistuit;
mä yksinäni syksy-yöhön jäin.
Sä poistuit niinkuin mulle vihoitellen.
Niin ylpeältä näytti armas pää.
Ja tuntui siltä, niinkuin vähitellen
ois välillemme noussut kylmä jää.

Когда почувствовал тепло твоих рук в своих руках,
Ты так бессильно взглянула.
Ты сама тихо отпустила руку, ушла,
Оставив меня одного в осенней ночи.
Ты ушла, будто рассердилась на меня.
Так гордо выглядела милая головка,
И казалось, будто постепенно
Между нами встал холодный лёд.

Niin luotain poistuit,
tiedän jääväin yksin.
Sun kevät vie, kun syksyt päivät toi.
Voi miksi emme voisi käsitysten...
En henno unelmaani särkeä, en voi!

Я поверил, что ты ушла,
Я понял, что остался один,
Когда весна увела, а осень принесла свои дни.
Почему мы не можем быть вместе, рука в руке?
Мне жаль, что моя мечта разбилась.

8/IX

Я давно уже не открывал тетрадь, но это не должно огорчать, так как все, что я мог доверить лишь бумаге, теперь я могу сказать самой Элине. Когда осенью я начал вести эту тетрадь, я не мог, не смел желать, что мы станем хорошими товарищами, друзьями. Я боялся, что Элина будет держаться со мной всегда сдержанно, официально. Но теперь она так добра по отношению ко мне. Она не испытывает тех чувств, которые я испытываю к ней, но, может быть, ей нравится во мне хотя бы маленькая частичка. Даже это сделает меня счастливым. Милый, дорогой друг.

Ты сделала эту осень весной, ты сумела сделать мою жизнь солнечной и доброй, ты... Мог ли я мечтать об этом, когда приехал в Войскорово... Я, который уже много-много лет ходил с холодным сердцем, я, который еще прошлой зимой чувствовал, что не встречал еще человека, которого мог бы полюбить... Потому что ни одно мое знакомство не могло пробудить ничего подобного, такую жажды жизни и счастья, такое глубокое и чистое чувство, стремление, воодушевление...

Я благодарю тебя за то, что ты есть, милая!

Эти дни с вечера прошлой субботы были необычайно хорошими, хотя ничего не случилось, и Элина говорит, что ее отношение ко мне всегда было таким.

Я знаю, что впереди плохие и тяжелые дни, но они настанут потом когда-нибудь... Я еще не хочу думать о них... Сейчас я счастлив, когда могу быть рядом с ней, потому что у меня есть право, которое никто не сможет у меня отнять, право любить ее. И ты не сможешь запретить мне эту радость, если не любишь сама? Не так ли? Ты добрая!

Я снова и снова хочу просить: Элина, не сомневайся, не думай, что я притворяюсь, что я не искренен с тобой, потому что я был и есть по отношению к тебе такой искренний и открытый, как едва ли был к кому-либо в своей жизни. Лишь только находясь рядом с тобой, я чувствую, что хочу становиться лучше, разумнее, искоренить в себе все ненужное и плохое. Под твоим влиянием я чувствую силы сделать многое и жить для тебя, милая. (На страницах этого письма осмелюсь так назвать тебя: моя милая девочка. Это не слишком дерзко?).

Иногда, если ты добра ко мне, приветлива, непринужденна, у меня мелькает мысль, предчувствие большого счастья, которое было бы возможно, если бы не было невозможным... Но это происходит редко. Чаще ты ведешь себя так официально... Ты настроена скептически и чужие мысли проникают в твоё сознание, чтобы подавить то слабое, но доброе чувство, которое у тебя возникло по отношению ко мне. Часто, когда мне кажется, что тебе хорошо в моем обществе, между нами возникает мрачный образ нежной, но капризной, недостаточно вдумчивой Анны или нервной Ленсу. И этот образ пугает тебя: ты прячешься в своей скорлупе, как испуганная маленькая птичка в гнезде.

И ты еще никогда не заходила в мою комнату. И дело не в том, что ты знаешь о моих чувствах к тебе, потому что ты понимаешь и видишь, что я никогда бы не позволил себе сделать что-то, что обидит тебя или огорчит. Нет ли здесь опять Домоклова меча чужого мнения? (А что скажет Мария Ивановна?).

Сегодня я совершил безумно смелый поступок. Когда ты искала свои часы и проводила в моем кармане «домашний обыск», то подошла так близко ко мне, что я ничего не мог сделать: мои руки обвили вокруг твоих плеч, и я притянул тебя немного к своей груди. Тогда я почувствовал, будто теплое, опьяняющее вино зашумело по моим венам, и моя душа была любящей и чувственной, как язык скрипки, когда она играет свою лучшую мелодию. Я бы с такой радостью заключил тебя в объятия и унес куда-нибудь в другое место и время, где все было бы по-другому, где ты могла бы видеть меня таким, какой я есть в действительности, как отношусь к тебе на самом деле. Это было нежное чувство познавшего жизнь мужчины к милой маленькой женщине (прошу прощения за эти слова). Это была не просто страсть, но здоровая привязанность, основной тон которой — глубокое, ровное и сильное чувство к женщине и человеку. То чувство, что я понимаю под настоящей любовью, и это чувство я вновь и вновь предлагаю тебе. Сможешь ли ты когда-нибудь принять его?

1/X

Эти два вечера были странные... Такие хорошие, нежные и в то же время такие горькие. Кажется, что Элина в своем озорстве или строгости относится ко мне доброжелательно. Но тут же, когда все закончится, такие милые и излучающие тепло глаза сразу меняются, становятся холодными, будто спрашивают: что ты ко мне пристаешь? И тогда сердце разрывается и слезы наворачиваются на глаза. И в тот вечер было по-своему плохо, и в то же время хорошо, в десять, сто раз лучше, чем плохо. Элина сомневается в каждом моем слове и взгляде, но я счастлив и благодарен искренне, что она такое доброе, милое создание, с которым все же могу быть так близко.

Hämärässä illantummuvan
hiljaa helkkyu kielet kitaran.
Sormeis alta sointu helähtää,
kiiri pois ja silti mielen sopukkaan,
rainain jäljet mielen sopukkaan,
antain väristystään tuohon tarinaan,
jota kerrot mulle, hyvä ystävä.
atu seittiänsä seuloo hämärä.

В сумерки
тихо звенят струны гитары.
Под твоими пальцами звучит аккорд,
не спеши, все еще остается в твоих мыслях.
Я отложил эти мелодии в уголке своего сознания,
я внес в эту историю свой колорит.
Неясная история просеивается сквозь паутину
из того, что ты мне рассказываешь, дорогой друг.

СОКРАЩЕНИЯ

НА РК – Национальный архив Республики Карелия

КАПП – Карельская ассоциация пролетарских писателей

СПП – Союз пролетарских писателей

ССП – Союз советских писателей

СП КАССР — Союз писателей Карельской автономной социалистической республики

ИСТОЧНИКИ

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-7.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1/2. Л.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 11.

ЛИТЕРАТУРА

Анто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб.: «Наука», 1997. С. 55–61.

Виролайнен Л. А. Тобиас Гуттари // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1951. № 2. С. 67–82.

Гуттари Т. Родина, тебя пою! Стихи разных лет. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР. 1950. 103 с.

Гуттари Т. «Пишу тебе с фронта...» (Вступительное слово и комментарии А. С. Пекки) // Север. 1995. № 4-5. С. 166–183.

Евсеева Е. В. Попытка создания единого карельского литературного языка в Карелии в 1937–1939 гг. (на основе документов Национального архива Республики Карелия) // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2020. №5. С. 212–222. URL: https://nbsr.petrstu.ru/files/pdf/journal_77490.pdf?t=1614781435&ysclid=lnhxyjm7bm654505251 (дата обращения 11.05.2023)

Мишин А. И. Поэт-лирик Леа Хело // Север. 2012. № 1-2. С. 192–194.

Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов. Биобиблиографический указатель. Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961). Дополнения / общ. ред. Ю. И. Дюжева; сост. Н. А. Прушинская, Е. И. Такала. Петрозаводск, 2005. 124 с.

Очерк истории советской литературы Карелии / отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1969. 374 с.

Пекки А. Певец солнечной весны: Из биографии карельского писателя Т. Гуттари // Лицей. 2000. № 2. С. 14; № 3. С. 14; № 4. С. 14.

Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 151–155.

Руханен У. Н. В вихрях века: воспоминания и очерки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 269 с.

Сумманен Т. Путь поэта // Карельская литература: Сб. критич. статей. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. С. 113–125.

Такала И. Р. Большой террор в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2018. №3. С. 143-207. URL: https://nbsr.petrstu.ru/-journal/content_list_en.php?id=38290&ysclid=lnhy6zemxg269801581 (дата обращения 11.05.2023)

Тобиас Гуттари (1907–1954) // Очерки литературы Карело-Финской ССР / сост. Л. А. Виролайнен, К. В. Чистов. Петрозаводск: Гос. Изд-во Карело-Финской ССР, 1954. С. 26–43.

Тобиас Гуттари. Указатель литературы / сост. Л. С. Суомалайнен. Петрозаводск: «Карелия», 1977. 24 с.

Филимончик С. Н. Книга и власть: издательская деятельность в Карелии в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2017. № 4. С. 544–552.

Фокин А. А. И. Д. Сургучев: творческая биография писателя в свете художественной антропологии: Автореф. дисс. ... д. филол. наук: 10.01.01 / А. А. Фокин. Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2008. 37 с.

Хело Л. (Тобиас Гуттари). День за днем (Отрывки из военного дневника) // Север. 1973. № 10. С. 102–112.

100 лет литературе Карелии. Время. Поиски. Портреты / Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова. Петрозаводск: Periodika, 2020. 432 с.

Ivatchev F. Helo astui yli // Lokakuu. 1931. № 1. S. 27–29.

Johansson O. Mistä juontuvat juuret // Punakantele. 1931. № 5 (22). S. 9–10.

Helo L. Valittuja runoja. Petroskoi: Karjalan ASNT:n Valtion kustannusliike, 1956. 315 s.

Поступила в редакцию 31.08.2023

Колоколова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

E-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru

O. A. Kolokolova

**KARELIAN WRITER TOBIAS OSIPOVICH GUTTARI (LEA HELO):
RECONSTRUCTING BIOGRAPHY OF 1930s**

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-55-66

The article reconstructs the period of the 1930s in the life and works of Karelian poet T. O. Guttari (literary pseudonym – Lea Helo). This study is based on a complex of sources, including periodicals, archival documents and scholarly literature. Unknown facts of biography and drafts of literary works are determined. New materials (letters, a diary and notes) are introduced into scientific circulation. The article also covers the focus of professional interests of the writer: translation of fictional texts, folklore studies, acquaintance with the famous narrators Maria Remshu and Larin Paraske, participation in conferences. In the first half of 1930s Guttari was effectively working on literary texts and translation of Soviet literature from Russian to Finnish. Special attention is paid to the crisis years (1936 – 1937), the period of productive work, rise and dramatic decline caused by social, political, psychological and material reasons. In 1936 creative rise was changed by severe disappointment in reality: a lot of people from the writer's closest acquaintances were repressed or arrested. National politics had also a destructive impact on Guttari's life. Loss of job, exclusion from the Writers' Union, threats and destructive criticism caused decline of creativity, almost total abandonment of writing and literary work. The issue of Guttari's exclusion from the Writers' Union and his rehabilitation is covered. T. O. Guttari's diary (September 3 – October 1, 1936), which is currently stored in the National Archive of the Republic of Karelia, is published in the appendix to the article.

Keywords: Karelian literature written in Finnish, poetry of Karelia, writer's biography, Tobias Guttari, Lea Helo, T. O. Guttari's diary.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 55–66. In Russian.

REFERENCES

Alto E.H. L. Finnoyazychnaya literatura Karelii [Literature of Karelia written in Finnish]. *Istoriya literatury Karelii: v 3-kh t. T. 2* [A History of Karelian literature: in 3 vol. V. 2]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997. pp. 55–61. In Russian.

Virolainen L. A. Tobias Guttari. *Izvestiya Karelo-finskogo filiala Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Karelian-Finnish Branch of the USSR Academy of Sciences]. 1951, no. 2, pp.67–82. In Russian.

Guttari T. *Rodina, tebya poyu! Stikhi raznykh let* [Motherland, I sing you! Poems]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1950. 103 p. In Russian.

Guttari T. «Pishu tebe s fronta...» (Opening speech and comments by A. S. Pekki). *Sever* [North]. 1995, no. 14–5, pp. 166–183. In Russian.

Evseeva E. V. Popytka sozdaniya edinogo karel'skogo literaturnogo yazyka v Karelii v 1937–1939 gg. (na osnove dokumentov Natsional'nogo arkhiva Respubliki Kareliya) [Attempting at creating a unified Karelian language in 1937–39 (based on the documents of the National Archives of the Republic of Karelia) // *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy* [Nordic and Baltic Studies Review], 2020, №5, pp. 212–222. URL: https://nbsr.petsru.ru/files/pdf/journal_77490.pdf?t=1614781435&ysclid=lnhxyjm7bm654505251 (accessed 11.05.2023). In Russian.

Mishin A. I. Poht-lirik Lea Khelo [Lyric poet Lea Helo]. *Sever*, 2012, no.1–2, pp. 192–194.

Natsional'nye pisateli Karelii: finskaya eh migratsiya i politicheskie repressii 1930-kh godov. Biobibliograficheskii ukazatel'. Letopis' literaturnoi zhizni Karelii (1917–1961). Dopolneniya [National writers of Karelia: Finnish Emigration and political repression of 1930s. Biobibliographic index. Chronicle of the literary life of Karelia (1917–1961). Additions]. Petrozavodsk, 2005. 124 p. In Russian.

Ocherk istorii sovetskoi literatury Karelii [Essay on history of Soviet Karelian literature]. Petrozavodsk, Karelskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1969. 374 p. In Russian.

Pekki A. Pevets solnechnoi vesny: Iz biografii karel'skogo pisatelya T. Guttari [Sunny spring singer: From the biography of the Karelian writer T. Guttari]. *Litsei* [Lyceum], 2000, no. 2, p. 14; no. 3, p. 14; no. 4, p. 14. In Russian.

Pisateli Karelii: Biobibliograficheskii slovar' [Writers of Karelia: bio-bibliographic dictionary]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2006. pp. 151–155. In Russian.

Rukhanen U. N. *V vikhryakh veka: vospominaniya i ocherki* [In the whirlwinds of the century: memoirs and essays]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991. 269 p. In Russian.

Summanen T. Put' poehta [The path of the poet]. *Karel'skaya literatura: sbornik kriticheskikh statei* [Karelian literature: collection of critical articles]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karel'skoi ASSR Publ., 1959. pp. 113–125. In Russian.

Takala I. R. Bol'shoi terror v Karelii [The Great Terror in Karelia] // *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovaniy* [Nordic and Baltic Studies Review], 2018, №3, pp. 143–207. URL: https://nbsr.petrstu.ru/journal/content_list_en.php?id=38290&ysclid=lhny6zemxg269801581 (accessed 11.05.2023)

Tobias Guttari (1907–1954). *Ocherki literatury Karelo-Finskoi SSR* [Essays about literature of the Karelian-Finnish SSR]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1954, pp. 26–43.

Tobias Guttari. «Pishu tebe s fronta...» (Opening speech and comments by A. S. Pekki). *Sever* [North]. 1995, no. 14–5, pp. 166–183. In Russian.

Tobias Guttari. Ukazatel' literatury [Tobias Guttari. Literature index]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1977. 24 p. In Russian.

Filimonchik S. N. Kniga i vlast': izdatel'skaya deyatelnost' v Karelii v 1920–1930-e gody [The book and the authority: publishing activity in Karelia in 1920–1930s] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2017, № 4, pp. 544–552. In Russian.

Fokin A. A. *I. D. Surguchev: tvorcheskaya biografiya pisatelya v svete khudozhestvennoi antropologii. Avto-ref. diss. ... d. filol. nauk: 10.01.01* [I. D. Surguchev: creative biography of the writer in the light of artistic anthropology: Dissertation abstract]. Stavropol, 2008. 37 p. In Russian.

100 let literatury Karelii. Vremya. Poiski. Portrety [100 years to Karelian literature. Time. Research. Portraits]. / E. I. Markova, N. V. Chikina, O. A. Kolokolova, M. V. Kazakova. Petrozavodsk: Periodika, 2020. 432 p. In Russian.

Khelo L. (Tobias Guttari). Den' za dnev (Otryvki iz voennogo dnevnika) [Day by day. Extracts from a war diary]. *Sever* [North], 1937, no. 10. pp. 102–112. In Russian.

Ivatchev F. Helo astui yli. *Lokakuu*, 1931, no. 1, pp. 27–29. In Finnish.

Johansson O. Mistä juontuvat juuret. *Punakantele*, 1931, no. (22), pp. 9–10. In Finnish.

Helo L. *Valittuja runoja*. Petroskoi: Karjalan ASNT:n Valtion kustannusliike, 1956. 315 p.

Received 31.08.2023

Kolokolova Olga Alekseevna

Junior researcher, Candidate of Philological Sciences

Institute of Language, Literature and History, Karelian RC RAS

11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia

E-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru

История, археология, этнография

УДК 091(470.13):244(045)

В. В. Власова

РЕЛИГИОЗНАЯ КНИЖНОСТЬ И РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ БУРСЬЫЛЫСЬЯС В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Рубеж XIX–XX вв. характеризуется стремлением православных прихожан к большей автономии в вопросах веры, что связывают с ростом грамотности, увеличением доступности религиозной литературы для широкого круга верующих. Эти явления затронули религиозную жизнь отдельных коми-зырянских приходов. В начале 1900-х гг. на верхней Вычегде возникает коми православное движение *бурсьылысьяс* (досл. певцы добра). В статье впервые рассматривается роль религиозной книжности в формировании *бурсьылысьяс*. Автор характеризуется круг чтения первых лидеров движения. Архивные материалы демонстрируют, что в целом перечень священо-богослужебных книг личных библиотек С. Ермолина и его сподвижников, включавший Евангелие, Псалтырь, молитвословы, был типичен для крестьянских библиотек начала XX века. Документы позволяют говорить о значительном влиянии лубочной литературы на религиозные представления верхневыхгодских крестьян. Брошюры «Размышления о внутреннем состоянии сердца человеческого», содержавшей размышления о выборе христианином праведного и греховного жизненного пути. Рукописные тетради, написанные С. Ермолиным, являлись обязательным атрибутом религиозных бесед, с первых лет его «учительства». В 1904 г. это были выписки из религиозной литературы на русском языке, в 1912 г. – «рукописные тетради со стихами» на коми языке. Таким образом, практика переписывания религиозных текстов, как книжных, так и переводов молитвословий на коми языке, с их последующим распространением среди верующих возникает на начальных этапах формирования *бурсьылысьяс*.

Ключевые слова: *бурсьылысьяс*, верхневыхгодские коми, религиозная традиция, книжность, рукописная традиция, перевод религиозных текстов.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-67-75

Рубеж XIX–XX вв. характеризуется стремлением части православных прихожан к большей автономии в вопросах веры [Werth 2003, 240]. Проявление такой активности исследователи связывают с ростом грамотности, увеличением доступности религиозной литературы для широкого круга верующих, позволившие им самостоятельно читать и интерпретировать прочитанное [Engelstein 2003, 28; Shevzov 2004, 5]. В России и за рубежом сформировались различные исследовательские подходы к изучению функционирования письменных текстов, механизмов их использования и адаптации в культурной традиции. Большой вклад в изучение этих вопросов внесли исследователи староверия, рассматривающие «дониконовскую» книгу как основу всего комплекса религиозных и социально-культурных явлений [Поздеева 2001]. Вопросы, касающиеся отношения к книге, ее использования и восприятия в крестьянской среде дореволюционной России, а также современными сельскими жителями, на протяжении последних десятилетий привлекают внимание российских исследователей. На материалах конкретных регионов анализируется круг читательских интересов крестьян [Нуждина 2007]; рассматривается роль письменных текстов в устной традиции, отношение к книге и письменному слову [Белова 1999]. Фольклорные репрезентации книги, интерпретация и осмысления письменного текста в крестьянской среде, их влияние на религиозные практики стали темами отдельных исследований [Мельникова 2011].

На фоне роста активности и самостоятельности прихожан в вопросах веры, характерных для религиозной жизни России начала XX в., выглядит вполне закономерным появление на верхней Вычегде (Мыёлдинском и Усть-Немском приходах Усть-Сысольского уезда) коми православного движения «*бурсьылысьяс*» (досл. певцы добра). Главным элементом религиозных практик *бурсьылысьяс* были

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН FUUU-2021-0010 «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на европейском севере России: динамика социальных и культурных изменений» (№ 121042600207-7).

беседы, проходившие под руководством местного крестьянина С. Ермолина, при этом он сам и его последователи продолжали регулярно посещать приходские церкви. На беседах исполнялись молитвы и песнопения на коми и русском языках, значительную роль в их практиках играло визионерство.

Первой научной работой, посвященной истории и религиозным практикам *бурсьылысьяс*, является статья Ю. В. Гагарина, рассматривавшего его как форму скрытого протеста против господствующей Церкви [Гагарин 1976]. В дальнейшем исследователи анализировали влияние этого движения на религиозную жизнь локальных сообществ верхней Вычегды в советский и постсоветский периоды [Chuvyurov, Smirnova 2003; Koosa, Leete 2011]; рассматривали роль языковой среды в его формировании [Власова 2019, 346–347]. В работах А. А. Чувьорова анализировалось влияние *бурсьылысьяс* на формирование верхневычегодской рукописной традиции [Чувьоров 2004], описывались их религиозные практики [Чувьоров 2001]. П. Ф. Лимеров, основываясь на рукописные памятники *бурсьылысьяс*, характеризует основы их вероучения, пытается найти в этих текстах обоснование и объяснение их мистических практик [Лимеров 2020]. В статье впервые рассматривается роль религиозной книжности в формировании православного движения *бурсьылысьяс*: характеризуются круг чтения его первых лидеров, переписка религиозных текстов и их перевод на коми язык.

Основой исследования стали материалы «Дела о крестьянах Усть-Сысольского уезда и волости по обвинению их в самовольном исполнении на зырянском языке церковных обрядов» [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164], и работа «Новый “братец” Стефан Вологодский» [Вологжанин 1912], опубликованная в виде отдельной брошюры и на страницах «Вологодских епархиальных ведомостей» за 1912 год. Архивные материалы, представляют собой делопроизводственные документы за 1904 г. (рапорты и отчеты священников, благочинных и полицейских), содержащие сведения о лидерах *бурсьылысьяс*, беседах, которые устраивали крестьяне, рукописях и переводах религиозных текстов на коми язык С. Ермолина, а также несколько листов рукописного текста на коми и русском языках. Автор публикации «Новый “братец” Стефан Вологодский», использовавший псевдоним Вологжанин, судя по тексту, являлся священнослужителем, представлявшим епархиальное начальство [Вологжанин 1912, 10–12, 15]. В ходе миссионерской поездки Вологжанин собирал информацию, беседуя с приходскими священниками, местными чиновниками, крестьянами, встречался лично со С. Ермолиным. Архивные и опубликованные материалы представляют ценность для изучения начальной истории *бурсьылысьяс*, но требуют критического подхода, поскольку содержание документов обусловлено социальной и должностной принадлежностью каждого автора, их целями и личными убеждениями.

Первые сведения о проведении верхневычегодскими крестьянами религиозных бесед появляются у епархиального начальства в 1904 год. В январе этого года крестьянин Усть-Немской волости² Г. В. Осипов сообщил становому приставу Чарыкову о собраниях, проходивших в с. Мыёлдино в доме Стефана Ермолина, на которых читали непонятные книги и «вообще не то, что читают в церкви». В течение нескольких дней пристав провел негласное дознание, нашел признаки возможного нарушения гражданских и уголовных статей и отправил материалы дела епархиальному начальству [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Лл. 2, 4, 7об.].

В ходе негласного дознания выяснилось, что крестьянин с. Мыёлдино Стефан Артемьевич Ермолин на протяжении трех четырех лет (т. е. примерно с 1900 г.) регулярно проводил «собрания / беседы», в ходе которых читал и толковал Писание, а присутствующие на собраниях исполняли религиозные песнопения. До 1903 г. такие собрания проходили лишь в с. Мыёлдино, а с конца 1903 г. они стали проводиться и в с. Усть-Нем под руководством самого Стефана и его «ученика» Ефима Егоровича Паршукова. Пристав отметил, что Е. Паршуков окончил курс Мыелдинской одноклассной церковной школы, тогда как С. Ермолин «совсем малограмотный» [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 4–5об.]. Следует отметить, что четких критериев определения «малограмотный» не было, представители волостных властей в зырянских уездах Вологодской губернии могли отнести к этой категории даже человека умеющего читать и писать по-русски [16, 45]. Очевидно, что в случае со С. Ермолиным речь идет о том, что он не получил какого-либо формального образования. В то же время священник С. П. Сумароков, служивший в Мыёлдинском приходе с 1890 по 1895 гг., счел С. Ермолина достаточно грамотным и знающим Писание, чтобы доверить ему чтение верующим «разных поучений» и перевод слов священника на коми язык [Вологжанин 1912, 11].

² Села Мыёлдино и Усть-Нем расположены на правом берегу р. Вычегда на расстоянии порядка 20 км друг от друга, Мыёлдинский и Усть-Немский приходы были открыты в середине XVIII века.

Круг чтения первых лидеров движения

В январе 1904 г. в ходе следственных мероприятий был проведен «осмотр» в доме С. Ермолина. Среди обнаруженных вещей были книги: Псалтирь, церковный служебник, «книги религиозного содержания, Апокалипсис с объяснениями и картинками», «Потерянный рай» Дж. Мильтона, а также рукописные тетради и тетрадь поминовения умерших. По требованию пристава рукописные тетради были изъяты [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Лл. 10, 10об]. Представители духовенства и волостных властей в течение 1904 г. посетили несколько «собраний», которые проводили С. Ермолин, Е. Паршуков, У. Ф. Паршукова в селах Мыёлдино и Усть-Нем. В актах и донесениях указаны печатные издания, зафиксированные на этих собраниях. На собрании У. Ф. Паршуковой это были Канонник, Молитвослов, Беседы о божественном, Святитель, Троицкий листок, Псалтирь и Евангелие; на собрании С. Ермолина и Е. Паршукова – двухтомник «Краткие поучения на каждый день года» протоиерея Г. Дьяченко [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 28, 55об].

Представленные чиновниками списки книг и периодических изданий С. Ермолина и его сторонников позволяют говорить о том, что перечень книг, находившихся в их пользовании, был типичен для крестьянской среды того периода. В конце XIX в. Евангелие, Псалтирь, служебники и молитвенники, издания религиозно-нравственного содержания можно было найти в личных крестьянских библиотеках разных регионов России [Мельникова 2011, 137; Нуждина 2007, 89]. Книги известного проповедника и катехизатора Г. Дьяченко также были весьма популярны и предназначались как для пастырей, так и для семейного чтения мирян [Берташ 2009, 386]. Его «Краткие поучения» содержали небольшие по объему и доступные по изложению проповеди, разъясняющие как построить свою жизнь по евангельским заповедям православному христианину. Прозаический перевод Дж. Мильтона также пользовался популярностью среди крестьян, воспринимался как пересказ священной истории и рассматривавшийся как благочестивое чтение [Плетнева 2013, 112–113].

Большая часть названий «книг религиозного содержания» С. Ермолина осталась неизвестной. Можно предположить, что это была религиозная лубочная литература (житийная, дидактическая) – недорогие массовые издания небольшого объема, сопровождавшиеся иллюстрациями. К подобному типу относится книга «Размышления о внутреннем состоянии сердца человеческого», изданная в 1903 г., которая имела широкое хождение среди верхневыхегодских крестьян в 1912 г. По мнению Вологжанина, «духовное толкование христианского жизнеповедения» изложенное в ней было основой «учения» С. Ермолина [Вологжанин 1912, 14]. Вероятнее всего речь идет о втором издании книги «Размышления о внутреннем состоянии сердца человеческого», составленной Л. Денисовым, впервые изданной в 1897 г. и несколько раз переиздававшейся. Книги, со схожими названиями издавались типографиями П. И. Шарапова, Е. А. Губанова, И. Д. Сытина («Благочестивые размышления о внутреннем состоянии сердца человеческого при жизни праведной и греховной», «Внутреннее состояние сердца человеческого»).

«Размышления о внутреннем состоянии сердца человеческого» небольшое по формату и объему издание с иллюстрациями. Составитель размышляет о «пространном» (греховном) и «тесном» (праведном) пути жизни христианина, описывает смерть праведника и грешника, характеризует различные «внутренние состояния сердца человеческого»: «находящегося во власти дьявола», «кающегося грешника», «помышляющего лишь об Иисусе» и т. п. Цитаты из Библии сопровождаются изречениями и разъяснениями отцов Церкви и стихами. Помимо текста издание содержит несколько черно-белых картинок, подписанных названиями глав [Размышления 1903].

В отчетах и рапортах не содержится сведений о наличии у С. Ермолина и его последователей печатных изданий на коми языке, но можно предположить, что они были с ними знакомы. Так, волостной старшина среди прочих печатных изданий, обнаруженных на молитвенном собрании, упоминает в своем рапорте «Троицкие листки» без каких-либо комментариев. Известно, что в 1900–1904 гг. на коми язык были переведены четыре листка («Христова Церковь пребудет до скончания века», «Слово о любви называющему себя старообрядцем о том, одно ли и тоже – догмат и обряд», «Беседа о сквернословии и матерном слове», «Не отлагай покаяния до часа смертного»). Последние два листка были переведены дьяконом Усть-Немской Спасской церкви Усть-Сысольского уезда Я. Спасским [Носова 2017, 125] и могли быть известны прихожанам Мыёлдинской и Усть-Немской церквей.

Рукописи и переводы Стефана Ермолина

Рукописные тетради, изъятые в ходе дознания из дома С. Ермолина, его «ученика» Е. Паршукова, а позже у У. Ф. Паршуковой, были отправлены в Вологодскую духовную консисторию. Здесь рукописи внимательно изучили преподаватель семинарии К. Богословский и епархиальный миссио-

нер Н. Следников. Согласно их заключениям, тетради содержали выписки из сочинений св. Ефрема Сирина, Григория Нисского, Иаонна Златоуста, аввы Дорофея, Игнатия (Брянчанинова), епископа Феофана; акафисты, тропари и канты; выписки из книг православных писателей (без указания авторов) [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 18, 47]. Представители епархиального начальства отметили, что основное внимание переписчика было сосредоточено на понимании молитвы, «ее истинного характера и направления, средств для стяжания человеком молитвенного жара, необходимость борьбы с помыслами, побуждения к борьбе и меры по достижению бесстрастия». Помимо этого рукописи содержали выписки, объясняющие православное учение об иконах, праздниках и постах; раскрывающие отношение к толкованию Св. Писания, обосновывающие важность церковной молитвы и таинств, особенно покаяния и причащения [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 18–19]. К. Богословский прокомментировал высказывание Тихона Кипрушева, наиболее «грамотного» из числа волостных представителей, о том, что содержание рукописей непонятно «в виду бессмысленности». По его мнению, Кипрушев не смог понять содержание выписок «в виду собственного недомыслия», а не из-за их «бессмысленности» [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 18 об.]. В своем заключении о содержании рукописей К. Богословский написал: «надо дивиться усердию труженика, прочитавшего много книг и для себя сделавшего выписки мест, наиболее поразивших его сердце» [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 18]. Рукописные тетради были возвращены С. Ермолину и Е. Паршукову, став, как для них, так и для местных крестьян, доказательством того, что «духовное начальство их не преследует» [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 56об.].

В архивном деле сохранились рукописные тетради, изъятые на собрании, проводившемся в с. Усть-Нем У. Ф. Паршуковой. Несмотря на то, что в акте, составленном волостным старшиной, указано, что «тетрадь писана по славянски» У. Паршуковой [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 28], можно предположить, что она принадлежала С. Ермолину, поскольку полностью соответствует описаниям тетрадей, изъятых у него при обыске. Тексты написаны карандашом от руки русским гражданским шрифтом строчными буквами, на 16 листах и бланках (податные книжки). Они включают кондак 1 акафиста святителю Стефану Великопермскому, тропарь Св. Стефану Великопермскому, два канта Дмитрия Ростовского, акафист Иисусу Сладчайшему и стихиры кресту, а также выписки из религиозной литературы (высказывания святых и учителей Церкви): о посмертной участи праведников, о кресте, о грехах и искушениях. Судя по содержанию и стилю последних, наиболее вероятным источником их могли быть лубочные издания. Приведем примеры. «Апостол Павел говорит: себе искушайте еще есте в вере возчувствовавший пороки свои, выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых. Кто сподобился увидеть самого себя, как в зеркале, тот выше сподобившегося видеть ангелов. Что же в нас есть такого, что следует изучать? Прежде всего, совесть! А что такое совесть? Совесть есть постоянно, более или менее внятно говорящее внутри нас слово Бога <...>. «Ефрем Сирин говорит, что любовь к Богу есть вино веселящее сердце человека. Блажен, кто испиет вина сего! <...> о чем пред Богом поплакать есть о чем со слезами ему помолиться ... а там смотришь Бог и пошлет утешение». «Крестьянин должностной! Желает ли ты, чтобы твоя служба была Богу угодна и для твоей души спасительна?» [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 32об–34].

Документы позволяют утверждать, что рукописные тетради, написанные С. Ермолиным, наряду с книгами являлись обязательным атрибутом религиозных бесед местных крестьян, с первых лет его «учительства». В 1904 г. это были выписки из религиозной литературы на русском языке, в 1912 г. – «рукописные тетради со стихами Ермолина» на коми языке [Вологжанин 1912, 12, 17].

В доме С. Ермолина, помимо тетрадей, были обнаружены листы, «писанные карандашом печатными буквами», прикрепленные над образами [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 10]. С одной стороны, «дополнение» иконы текстом демонстрирует связь между визуальным образом и нарративом (рассказы о благодатной силе иконы, жизнеописания святых т.д.) [Цеханская 2004, 129–136], характерную для крестьянских представлений XIX – начала XX вв. С другой, украшение красного угла и комнат «картинами лубочной печати» было широко распространено среди русских крестьян [Чагин 1999, 43]. Можно предположить, что С. Ермолин соединял изображения и тексты, ориентируясь на лубочные религиозные картинки и книги, самостоятельно определяя содержание выписок. Вместе с тем такое стремление текстуализировать визуальные образы свидетельствует об особой значимости письменного текста для С. Ермолина.

В материалах архивного дела сохранились шесть страниц рукописного текста на коми языке (восемь текстов) и их перевод. Судя по комментарию К. Богословского, записи были изъятые у С. Ермолина и Е. Паршукова, а перевод для консистории выполнен усть-немским священником А. Сапож-

никовым [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 18об]. Данные записи можно атрибутировать как наиболее ранние известные нам переводы религиозных текстов на коми язык, выполненные С. Ермолиным.

Таблица 1

Тексты на коми языке и их переводы

В рукописи	Современное написание	Перевод
Апостол Павел искуснейшей Зеленёй учитель шувэ, вразумляйтэй мэд да мэд <...>, ен лы прославляйтэй духовнэй сылэмэсе [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 12об].	Апостол Павел искуснейшöй Вселеннöй учитель шуö, вразумляйтöй мöда-мöдэс, енлысь прославляйтöй духовнöй сылöмсö.	Апостол Павел искуснейший вселенский учитель говорит: вразумляйте друг друга, Бога прославляйте духовными песнями.
Возлюбл <...> Иисусе, быдэнысь кучжей велэдысэй, сет же мэным чистэй горш косьманынэ юны чöскида и курчины, некысь сöчем кок нид яснэй туй и адзыны, и кыдзи зыралан зеркала Св. Еванклие [ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164. Л. 14].	Возлюбленнöй Иисусе, быдöнысь кужысь велöдысьöй, сет жö меным чистöй горш косьмантö юны чöскида и курччины, некысь сэтшöм кокныд яснöй туй и адзыны и кыдзи зыралан зеркала Св. Еванклие.	Возлюбленный Иисусе, лучший из всех учителей, дай мне утолить жажду, вкусить сладость, и неоткуда увидеть такой легкий, ясный путь, как сияющее зеркало, (кроме как в) Св. Евангелии.

Тексты записаны карандашом, русским рукописным шрифтом, автор записок был не знаком с грамматикой коми языка. Это вполне объяснимо: в конце XIX – начале XX вв. обучение грамоте велось на русском языке, опубликованные коми грамматики были практически неизвестны крестьянам. В то же время о знакомстве автора переводов с печатными текстами на коми языке свидетельствует употребление буквы с диакритическими знаками (ö). Записанные тексты отражают особенности верхневыхегодского диалекта такие как наличие вставочного звука («в» в слове «шувэ»), употребление «э» в суффиксальных слогах, диалектные слова и словосочетания (мöда-мöд)³.

Первый текст (Таб. 1) представляет собой перевод сокращенных и упрощенных слов апостола Павла: «научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» [Толковая 1913, 319]. На наш взгляд, эта фраза имела принципиальное значение для лидеров *бурсьлысьяс* и их последователей, определяя идеологию и ритуальные практики этого движения (проведение бесед с исполнением религиозных песнопений без участия священников). Отметим, что такие беседы не противоречили установкам Православной Церкви. Например, выдающийся богослов и проповедник Феофан Затворник так толковал это изречение: «Всякий сам себя учи и вразумляй словом Христовым, или учите и вразумляйте себя взаимно, – друг друга <...> с этою целью учреждаются братские собеседования с чтением. Тут, и не уча прямо друг друга, учатся и вразумляются взаимно» [Феофан 1880, 190]. Схожая трактовка содержится и в «Толковой Библии» А. П. Лопухина: «Апостолол ... говорит о внебогослужебных собраниях верующих, когда христиане могли назидать друг друга» [Толковая 1913, 319]. Во втором тексте (Таб. 1) условно можно выделить две части. Первая – представляет собой молитвословие Иисусу и содержит сокращенные формулы «утолить жажду духовную», «вкусить сладость благодати». Во второй части обозначается значимость Евангелия для верующих. Образ зеркала как способ познания Божественного через Евангелие, встречается в толкованиях Василия Великого [Михайлов 2009]. В «Толковой Библии» схожая трактовка дается другим словам апостола Павла: «Мы же все открытым ликом как в зеркале, взирая на славу Господню ...». «Как в зеркале», по мнению авторов, означает, что «полную славу Христову христианин может увидеть только в будущей жизни, а здесь он видит только изображение ее в виде Евангелия» [Толковая 1913, 145].

В опубликованном П. Ф. Лимеровым русском переводе рукописи «Сöбирайтчöм рад» («Соборный чин») содержатся фрагменты близкие по содержанию к архивным текстам, приведенным в таблице [Лимеров 2022, 40]. Можно предположить, что первые переводы, сделанные С. Ермолиным в 1904 г., в дальнейшем стали частью развернутых текстов, которые исполнялись в ходе бесед.

³ Автор благодарит за консультацию к.ф.н. С. А. Сажину.

Обсуждение и заключение

Анализ архивных и опубликованных материалов позволяет сделать вывод об ориентации лидеров *бурсьылысьяс* на религиозную книжность. Перечень книг личных библиотек верхневыхгодских крестьян, включавший в себя Евангелие, Псалтирь, служебники, молитвенники и печатные издания религиозно-нравственного содержания, был типичен для крестьянских библиотек дореволюционной России. Имеющиеся данные позволяют предположить, что часть книг религиозно-нравственного содержания была представлена лубочными изданиями. Одна из них, «Размышления о внутреннем состоянии сердца человеческого», получила к 1912 г. широкое распространение среди последователей С. Ермолина; на неё ссылались крестьяне «в оправдание Стефанова учения» [Вологжанин 1912, 14]. Внимательное изучение содержания данного издания может быть продуктивно для дальнейшего исследования идеологических установок, религиозных практик и рукописного наследия *бурсьылысьяс*.

Практически все рукописные тетради С. Ермолина, содержавшие выписки из книг религиозно-нравственного содержания на русском языке, демонстрировавшие «достойный удивления труд» в настоящее время утрачены. Можно предположить, что тексты религиозного содержания, переведенные и записанные С. Ермолиным на коми язык («переведенные стихи»), исполнявшиеся на собраниях, основывались на выписках из книг духовно-нравственного содержания, «поразивших сердце читателя». Сохранившиеся в архиве коми тексты представляют собой переводы молитвословий, библейских изречений, а также тексты, в которых они объединяются, после предварительного сокращения и упрощения переводчиком. В некоторых случаях переводились не библейские фразы, а их толкования, которые были известны С. Ермолину из религиозной литературы. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что практика переписывания религиозных текстов, как книжных, так и переводов молитвословий на коми языке, с их последующим распространением среди верующих, возникает на начальных этапах формирования *бурсьылысьяс*.

ЛИТЕРАТУРА

- Белова О. В. Книга // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения. 1999. С. 514–515.
- Берташ А. Служитель Слова: пастырь-проповедник протоиерей Григорий Михайлович Дьяченко // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений. 2009. Вып. 2. Т. 184. С. 384–393.
- Власова В. В. Родной язык и религиозные практики в приходах Коми края в начале XX века // Вестник утраведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 341–351.
- Вологжанин. Новый «братец» Стефан Вологодский: Материалы для истории новейшего мистического сектантства. СПб.: Изд. М.В. Скворцова, 1912. 19 с.
- Гагарин Ю. В. «Бурсьылысь» как местная разновидность православия в Коми крае // Этнография и фольклор / Отв. ред. Л. Н. Жеребцов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1976. С. 60–74.
- Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 18164.
- Лимеров П. Ф. Рукописный памятник коми-зырян Соборный чин: поучение и основы вероучения // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 56–70.
- Лимеров П. Ф. Памятник литературы Верхней Вычегды: Сöбирайтчöм рад – Соборный чин // Арт (Лад). 2022. № 3 (99). С. 25–55.
- Мельникова Е. А. «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора о книгах и чтении в России. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. 182 с.
- Михайлов П. Зерцало или тусклое стекло. Об одной особенности христианской гноселогии // Альфа и Омега. № 56. 2009. URL: <https://www.pravmir.ru/zertsalo-ili-tuskloe-steklo/> (дата обращения 10.09.2022)
- Носова Т. А. Опыт деятельности православных братств Вологодской епархии в конце XIX – начале XX века // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-Филаретовского института. 2017. № 21. С. 101–135.
- Нуждина А. А. Книга в крестьянской среде Верхнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. Экономика. 2007. Вып. 4. № 8. С. 86–92.
- Плетнева А. А. Лубочная библия: язык и текст. М.: Языки славянской культуры, 2013. 392 с.
- Поздеева И. В. Книга – личность – община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхоямья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы науч. конф. Пермь, 2001. С. 7–30.

Попов С. А. Источники для изучения грамотности крестьянских должностных лиц в Коми крае в последней четверти XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. История и археология. 2019. № 2 (179). С. 41–47.

Размышления о внутреннем состоянии сердца человеческого / Сост. Л. Денисов. 2-е изд. М.: Изд-во Е. И. Коновалова. 1903. 56 с.

Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. писания Ветхого и Нового завета / Под ред. А. П. Лопухина. Т. 11. СПб.: тип. Монтвида, 1913. 609 с.

Феофан-затворник. Толкование Посланий св. апостола Павла к колоссаем и к Филимону. М.: Унив. тип. М. Каткова, 1880. 296 с.

Цеханская К. В. Иконопочитание в русской традиционной культуре. М.: ИЭА РАН, 2004. 254 с.

Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Уч. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. 164 с.

Чувьуров А. А. Гендерные отношения в религиозно-мистических сообществах // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. Материалы науч. конф. СПб.: Алетейя, 2001. С. 76–84.

Чувьуров А. А. Рукописные традиции вычегодских коми // Русский Север: Аспекты уникального в этнокультурной истории и народной традиции. СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2004. Вып. 6. С. 385–415.

Chuvyurov A., Smirnova O. Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Uppet-Vychegda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu, 2003. P. 169–196.

Engelstein L. Old and New, High and Low: Straw Horsemen of Russian Orthodoxy // Orthodox Russia: belief and practice under the tsars / Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. The Pennsylvania State University. 2003. P. 23–58.

Koosa P., Leete A. Revolt of Grannies: the Bursylysyas Komi Folk Orthodox Movement // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2011. № 5. P 45–61.

Shevzov V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution. Oxford: Oxford University Press, 2004. 358 p.

Werth P. W. Orthodoxy as Ascription (and Beyond): Religious Identity on the Edges of the Orthodox Community, 1740 – 1917 // Orthodox Russia: belief and practice under the tsars / Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. P. 239–251.

Поступила в редакцию 18.01.2023

Власова Виктория Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ Уральского отделения РАН Федерального

исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН»

167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26

E-mail: vv505@hotmail.com

V. V. Vlasova

RELIGIOUS BOOKLORE AND HANDWRITTEN TRADITION OF BURSILYSYAS IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-67-75

The turn of the XIX – XX centuries is characterized by the aspirations of Orthodox believers for greater autonomy and initiative in religious affairs, which is associated with growing literacy and a significant increase in the availability of devotional literature for a wide range of believers. These phenomena also affected the religious life of some Komi-Zyryan parishes. In the early 1900s on the upper Vychegda (Myeldinskaya and Ust-Nemskaya volosts of the Ust-Sysolsk district of Vologda province) appeared the Komi Orthodox movement bursylysyas (lit. “good singers”) appeared. The article deals with the role of religious literacy in the formation of bursylysyas. The author characterizes the circle of reading of the first leaders of the movement, specifically of its founder S. Yermolin. Archival materials demonstrate that, in general, the list of books in the personal libraries of S. Yermolin and his associates, which included the Gospel, the Psalter, prayer books, was typical for peasant libraries of the early 20th century in Russia. Documents allow us to speak about the significant influence of lubok literature on the religious ideas of the Upper Vychegda peasants, in particular the brochure "Reflections on the inner state of the human heart", which contained reflections on the Christian's choice of a righteous and sinful life path. Handwritten notebooks written by S. Yermolin were an obligatory attribute of religious conversations (besedy) from the first years of his "teaching". In 1904, these were extracts from

religious literature in Russian, in 1912 – "handwritten notebooks with verses" in Komi. Thus, the practice of rewriting religious texts, both bookish and Komi translations of prayers, with their subsequent distribution among believers, arises at the initial stages of the formation of bursylysyas.

Keywords: Bursylysyas, Upper Vychegda Komi, religious tradition, booklore, handwritten tradition, translation of religious text.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 67–75. In Russian.

REFERENCES

- Belova O. V.** Kniga [Book]. *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, pp. 514–515. In Russian.
- Bertash A.** Sluzhitelj' Slova: pastyr'-propovednik protoierei Grigorii Mikhailovich D'yachenko [Acolyte of the Word: Pastor-Preacher Archpriest Grigory Mikhailovich Dyachenko]. *Materialy Kirillo-Mefodievskih chtenij* [Materials of Cyril and Methodius readings]. 2009. Is. II. Vol. 184, pp. 384–393. In Russian.
- Vlasova V.V.** Rodnoi yazyk i religioznye praktiki v prikhodakh Komi kraja v nachale XX veka [Native language and religious practices in parishes of the Komi at the beginning of the XX century]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies]. 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 341–351.
- Vologzhanin** Novyj «bratec» Stefan Vologodskij: Materialy dlja istorii novejshego misticheskogo sektantstva [New «brother» Stefan of Vologda (materials for the history of the modern mystical sectarianism)]. St.-Petersburg. Izdatel'stvo M. V. Skvortsova, 1912. 19 p. In Russian.
- Gagarin Yu. V.** «Bursylysyas» kak mestnaia raznovidnost' pravoslaviia v Komi krae ["Bursylysyas" as a local variety of Orthodoxy in the Komi region]. *Etnografija i fol'klor* [Ethnography and folklore]. Syktyvkar: Komi branch of USSR Academy of Science, 1976, pp. 60–74. In Russian.
- Gosudarstvennyj arhiv Vologodskoj oblasti (GAVO). F. 496. Op. 1. D. 18164.
- Limerov P.** Rukopisnyj pamjatnik komi-zyrjan Sobornyj chin: pouchenie i osnovy veroucheniya [Cathedral Rank, a Handwritten Document of the Komi-Zyrians: Instruction and Foundations of Faith]. *Quaestio Rossica*. 2020, vol. 8, no 1, pp. 56–70. In Russian.
- Limerov P. F.** Pamjatnik literatury Verhnej Vychegdy: Söbirajtchöm rad – Sobornyj chin [Upper Vychegda' literary monument: Sobiraytchöm rad – Cathedral rank]. *Art (Lad)*. 2022, no. 3 (99), pp. 25–55. In Russian.
- Mel'nikova E. A.** «Voobrazhaemaja kniga»: ocherki po istorii fol'klora o knigah i chtenii v Rossii ["Imagined book": essays on the history of folklore about books and reading in Russia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v St.-Petersburge, 2011. 182 p. In Russian.
- Mihajlov P.** Zercalo ili tuskloe steklo. Ob odnoj osobennosti hristianskoj gnoselogii [Mirror or dull glass. About one feature of Christian epistemology]. *Alfa i Omega*. 2009, no. 9. URL: <https://www.pravmir.ru/zertsalo-ili-tuskloe-steklo/> (Accessed 10.09.2022). In Russian.
- Nosova T. A.** Opyt dejatel'nosti pravoslavnyh bratstv Vologodskoï eparhii v konce XIX – nachale XX veka [The experience of the activities of the Orthodox brotherhoods of the Vologda diocese in the late XIX – early XX century]. *Svet Hristov prosveshhaet vseh: Al'manah Svjato-Filaretovskogo instituta*. 2017, no. 21. pp. 101–135. In Russian.
- Nuzhdina A. A.** Kniga v krest'janskoj srede Verhnego Povolzh'ja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [The book in the peasant environment of the Upper Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries] *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija. Politologija. Jekonomika* [Scientific statements of Belgorod state university. Ser. History. Politic. Economy]. 2007, vol. 4, no. 8 (39), pp. 86–92. In Russian.
- Pletneva A. A.** *Lubochnaja biblija: jazyk i tekst*. [The lubok' bible: language and text] Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2013. 392 p. In Russian.
- Pozdeeva I. V.** Kniga – lichnost' – obshhina – instrumenty vosproizvodstva tradicijnoj kul'tury (30 let izuchenija staroobrjadcheskich obshhin Verhokam'ja) [Book – personality – community – tools for the reproduction of traditional culture (30 years of studying of the Old Believer communities of Verkhokamyje)]. *Staroobrjadcheskij mir Volgo-Kam'ja: Problemy kompleksnogo izuchenija: Materialy nauchnoj konferencii* [The Old Believers' world of the Volga-Kama region: Problems of comprehensive study: Proc. of the scientific conference]. Perm', 2001, pp. 7–30.
- Popov S. A.** Istochniki dlja izuchenija gramotnosti krest'janskih dolzhnostnyh lic v Komi krae v poslednej chetverti XIX veka [Sources for studying the literacy of peasant officials in the Komi region in the last quarter of the 19th century]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija i arheologija* [Proceedings of Petrozavodsk State University. History and archeology]. 2019, no. 2 (179), pp. 41–47. In Russian.

Razmyshlenija o vnutrennem sostojanii serdca chelovecheskogo [Reflections on the inner state of the human heart]. Moscow: Izdatel'stvo E. I. Konovalova. 1903. 56 p. In Russian.

Tolkovaja Biblija, ili Kommentarij na vse knigi Sv. pisanija Vethogo i Novogo zaveta [Anchor Bible or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Ed. by A. P. Lopuhin. Vol. 11. St. Petersburg: Montvid Printing House, 1913. 609 p. In Russian.

Feofan-zatvornik. *Tolkovanie Poslanij sv. apostola Pavla k kolossaem i k Filimonu* [The commentaries on Epistles of Paul to the Colossaeum and to Philemon]. Moscow: University printing of M. Katkov, 1880. 296 p. In Russian.

Cehanskaja K. V. *Ikonopochitanie v russkoj tradicionnoj kul'ture* [Icon Worship in Russian Traditional Culture]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2004. 254 p. In Russian.

Chagin G. N. *Istorija v pamjati russkih krest'jan Srednego Urala v seredine XIX – nachale XX veka: Uchebnoe posobie* [History in the memory of Russian peasants of the Middle Urals in the middle of the 19th – early 20th centuries]. Perm': Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 1999. 164 p. In Russian.

Chuv'jurov A. A. Gendernye otnoshenija v religiozno-misticheskikh soobshhestvah [Gender Relations in Religious and Mystical Communities]. *Mifologija i povsednevnost': gendernyj podhod v antropologicheskikh disciplinah Materialy nauchnoj konferencii* [Mythology and Everyday Life: Gender Approach in Anthropological Disciplines. Proc. of scientific conference]. St. Petersburg: Aletejja, 2001. pp. 76–84. In Russian.

Chuv'jurov A. A. Rukopisnye tradicii vychevodskih komi [Handwritten traditions of the Vychehda Komi]. *Russkij Sever: Aspekty unikal'nogo v jetnokul'turnoj istorii i narodnoj tradicii* [Russian North: Aspects of the unique in ethno-cultural history and folk tradition]. St. Petersburg: MAE. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2004. Vol. 6. pp. 385–415. In Russian.

Chuvyurov A., Smirnova O. Confessional factor in the ethno-cultural processes of the Upper-Vychehda Komi. *Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present.* Tartu, 2003. pp. 169–196. In English.

Engelstein L. Old and New, High and Low: Straw Horsemen of Russian Orthodoxy. *Orthodox Russia: belief and practice under the tsars.* Ed. by V.A. Kivelson, R. H. Greene. The Pennsylvania State University. 2003. 23–58. In English.

Koosa P., Leete A. Revolt of Grannies: the Bursylsyas Komi Folk Orthodox Movement. *Journal of Ethnology and Folkloristics.* 2011; 5 (1): 45–61. In English.

Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution.* Oxford: Oxford University Press, 2004. 358 p. In English.

Werth P. W. Orthodoxy as Ascription (and Beyond): Religious Identity on the Edges of the Orthodox Community, 1740–1917. *Orthodox Russia: belief and practice under the tsars.* Ed. by V. A. Kivelson and R. H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003, pp. 239–251. In English.

Received 18.01.2023

Vlasova Victoria Vladimirovna

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

Institute of Language, Literature and History

Komi Science Center Ural Branch RAS

26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russia

E-mail: vv505@hotmail.com

И. Н. Гребенкин, М. Г. Загора

**ФИНЛЯНДСКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В ОФИЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ И СВИДЕТЕЛЬСТВАХ СОВРЕМЕННОКОВ
(XIX – НАЧАЛО XX в.)¹**

Настоящее исследование обращается к истории малоизученного в отечественной историографии военного учебного заведения дореволюционной России – Финляндского кадетского корпуса. Положение Великого княжества Финляндского в имперском пространстве России, проблемы военных учебных заведений, изменения в их организации в связи с военными реформами являются контекстом данной статьи. Облик и история Финляндского кадетского корпуса представлены в государственно-институциональном и историко-антропологическом аспектах на основе документального исторического очерка и свидетельств его бывших воспитанников.

Ключевые слова: Финляндский кадетский корпус, Великое княжество Финляндское, военные учебные заведения, В. А. Альфтан, К. Г. Маннергейм, А. Ф. Редигер, И. А. Хольмсен.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-76-86

Пребывание Финляндии в составе Российской империи может считаться одним из наиболее самобытных явлений имперской политики России в XIX – начале XX веков. Процесс инкорпорации края в имперское пространство неоднократно привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей [Похлебкин 1975, Юссила 2009, Бахтурина 2017, Колесников 2021, Загора 2020, Петухова 2022], отмечавших его сложный и противоречивый характер. Некоторые из его граней нашли своеобразное отражение в истории Финляндского кадетского корпуса – единственного российского военного учебного заведения, которое действовало на территории Великого княжества Финляндского (ВКФ) более 90 лет [наиболее полное и обстоятельное исследование, посвященное этому учебному заведению, было опубликовано в 2003 г. на финском языке: Screen 2003].

Финляндский кадетский корпус имел предшественником Военную школу, существовавшую в местечке Хапаниеми/Гапаниеми в южной Финляндии еще во времена шведского господства. После образования Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в 1812 г. группа бывших шведских офицеров выступила с проектом создания в Гапаниеми Финляндского топографического корпуса, который был поддержан российскими властями.

Первоначально Корпус не являлся по существу учебным заведением, а имел целью топографическую съемку края для подготовки современного картографического материала. Решение этих задач, однако, потребовало дополнительного обучения как офицеров, так и младшего вспомогательного состава корпуса – кадет. В последующие годы, выполняя основные задачи, Корпус развивался именно как учебное заведение с трех-, а затем четырехклассным учебным курсом, прошедшие его кадеты производились в офицерские чины. Число воспитанников выросло и достигло 60 человек, что свидетельствовало о его признании местным дворянством. В 1819 г. Высочайшим повелением Топографический корпус был преобразован в Финляндский кадетский корпус с переводом в г. Фридрихсгам.

В течение всей своей истории Корпус в силу нахождения на территории Великого княжества Финляндского сохранял особое положение, которое можно рассматривать как привилегированное. В первой четверти XIX в. это было связано с отсутствием сложившейся системы военных учебных заведений и дефицитом офицерских кадров, получивших специальное обучение. Так, военнотопографическая подготовка кадет в Корпусе давала основания для их выпуска непосредственно в Свиту Его Императорского Величества по Квартирмейстерской части – структуру, исполнявшую функции службы Генерального штаба императорской армии. При этом Корпус находился в подчинении Генералквартирмейстера Главного Штаба, его финансирование происходило как за счет военного ведомства, так и из сумм, выделяемых властями Великого княжества Финляндского. Директор Корпуса пользовался особыми правами при подборе офицеров и преподавателей на штатные должности.

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 23-28-00321

В эпоху царствования Николая I в России началось формирование единой системы военно-профессионального образования. Новый Устав и Положение о военно-учебных заведениях, принятые в 1830 г. были направлены на создание общих основ и порядка их функционирования. Эти нововведения не могли обойти стороной и Финляндский кадетский корпус, который предстояло приблизительно приравнять к российским военно-учебным заведениям 2-го разряда. Первые шаги к этому делались и ранее. Еще в 1826 г. был прекращен выпуск из Корпуса офицеров непосредственно в Квартирмейстерскую часть и, таким образом, отменена его заметная привилегия. С 1830 г. офицеры Корпуса были уравнены в правах по производству в чины с другими корпусами [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 37–38]. И только в 1836 г. произошла окончательная передача Корпуса в подчинение Великому князю Михаилу Павловичу, ведавшего управлением военно-учебными заведениями империи.

Вместе с тем принадлежность Корпуса к Великому княжеству Финляндскому и особенности контингента кадет, основу которого составляли представители финско-шведского дворянства, диктовали его своеобразие на фоне прочих военно-учебных заведений. Финский шведоязычный историк Х. Мейнандер в своей монографии охарактеризовал его так: «Некий гибрид национального и общероссийского учебного заведения» [Мейнандер 2020, 24]. При наборе кадет преимущество отдавалось сыновьям военнослужащих и дворян из местных уроженцев с учетом происхождения, чина и звания родителей. Преподавание велось как на русском, так и шведском языках. Доля русского языка в учебных курсах увеличивалась постепенно – сначала он использовался только для преподавания военных, а затем политических (истории и географии) и некоторых естественных наук. Данное обстоятельство не являлось свидетельством «русификации» заведения. Инспектировавшие Корпус начальствующие лица в 1830-х гг. отмечали явно недостаточное знание русского языка воспитанниками, которым по окончании учебы предстояло получить права русской службы. Прохождение учебных курсов по установленным программам вообще представляло большую трудность для кадет того времени: обычным явлением было то, что от трети до половины воспитанников не выдерживали переводных экзаменов, оставаясь на второй год [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 41, 56].

Сохранялись различия в положении офицеров Корпуса российского и финляндского происхождения, так как последние считались на финляндской военной службе и подчинялись воинским установлениям края. Директорами Корпуса, начиная с 1840-х гг., назначались исключительно его бывшие воспитанники. Их симпатии и пристрастия естественно сказывались на подборе персонала офицеров и преподавателей, в котором ведущую роль играли «финляндский» и «лютеранский» факторы.

Великие реформы Александра II положили начало фундаментальным переменам в облике империи. Одна из центральных реформ – Военная – самым серьезным образом затрагивала вопросы подготовки офицерских кадров и предусматривала коренную перестройку системы военно-учебных заведений. Важнейшим принципом преобразований стала отмена сословных ограничений при поступлении на учебу и службу.

В 1863 г. Высочайшим объявлением Великому княжеству Финляндскому были изложены основы нового положения о Финляндском кадетском корпусе. Отныне равные права на поступление имели молодые люди всех сословий и классов финляндского общества в возрасте 12–21 года, одновременно упразднялся начальный – приготовительный класс и устанавливалась плата за обучение в общих классах в 560 финских марок ежегодно (с 1860 г. наравне с российским металлическим рублем марка была официальной монетной единицей ВКФ. Марка была привязана к рублю в соотношении: 1 марка = ¼ рубля. Как указано в Высочайшем императорском постановлении «О металлической монете как единственной законно действительной в Финляндии» от 8 ноября 1865 г., финляндская «металлическая марковая монета» составляла «подразделение общей государственной монеты») [Сборник постановлений Великому Княжеству Финляндскому, 1–4]. При этом задачи Корпуса расширялись. Предполагалось, что воспитанники, окончившие общие классы, получали право поступления в университет, а окончившие полный курс Корпуса могли быть приняты в университет без экзаменов.

Подобные реформаторские нововведения оказались, по меньшей мере, непродуманными, так как основной контингент кадет составляли дети из небогатых дворянских и офицерских семей, для которых решающее значение имела возможность образования за государственный счет. В 1863–1864 гг. поступление новых кандидатов на учебу фактически прекратилось, поставив под вопрос дальнейшее существование Корпуса. Только в 1865 г. по ходатайству руководства Корпуса к властям Великому княжеству Финляндскому и в свою очередь к Управлению военно-учебными заведениями было восстановлено прежнее положение: приготовительный класс и обучение 40 воспитанников общих классов за казенный счет. Такое решение мотивировалось тем, что Корпус должен служить «по-

лезной и прочной связью между Россией и Княжеством» [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 71]. Приток поступающих возобновился, но численность воспитанников вновь достигла штатной лишь к 1870 году. При этом менялся социальный облик кадет. Необратимо снижалась доля дворян: с 41 % в 1864 г. до 16 % к началу 1870-х гг., а представители низших классов составили 30 % от общего числа учащихся [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 75].

По мысли Военного министра Д. А. Милютина, система военно-учебных заведений получала новую структуру. Кадетские корпуса предстояло разделить на учреждения общего образования – военные гимназии и военно-специальные – военные училища, дающие по окончании право на производство в офицерский чин. Эти преобразования были вызваны как потребностью качественной подготовки офицерских кадров, так и зачастую неудовлетворительным порядком в прежних кадетских корпусах. Данная реформа миновала только два учреждения: оставшийся исключительно привилегированным столичный Пажеский корпус, и Финляндский кадетский корпус, который сохранял особое положение среди военно-учебных заведений империи, что было закреплено новым положением 1865 г. [ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XL. 1865. Отд. 1. СПб., 1867. № 41849; Отд. 2. СПб., 1867. Приложения. Штаты и таблицы. К № 41849.]. Как следствие, его не затронули новые программы и правила по воспитательной части, выработанные военно-учебным ведомством. В последующие годы Корпус продолжал жить по давно сложившимся традициям и канонам, не всегда отвечавшим требованиям времени.

Современные исследователи обращают внимание на проблемы и противоречия в образовательной и воспитательной работе военно-учебных заведений дореволюционной России [Гребенкин 2017, 149–159.]. В этом смысле Финляндский кадетский корпус являл собой яркий и самобытный пример, раскрыть который помогают свидетельства его бывших воспитанников, чья учеба в Корпусе пришлась на пореформенные десятилетия.

Во второй половине 1860-х гг. кадетом Корпуса был Александр Федорович Редигер – будущий Военный министр империи (1905–1909). Его отец, генерал-лейтенант Ф. Ф. Редигер в юности также закончил Корпус и, таким образом, судьба сыновей была предопределена семейной традицией.

Директором Корпуса в годы учебы А. Ф. Редигера был генерал-лейтенант Э. Г. (аф) Форселлес (Эдуард Густав / Эдуард Фёдорович), который занимал свой пост с 1863 по 1871 гг. Сам выпускник Финляндского корпуса, Форселлес в 1872 г. даже несколько месяцев исполнял обязанности Финляндского генерал-губернатора, а с 1885 по 1891 гг. официально был помощником его преемника Ф. Л. Гейдена [Загора 2020, 126.]. По всей видимости, военный опыт (Форселлес, как и многие российские офицеры его поколения, участвовал в военных действиях на Кавказе), исполнительность, дисциплина, а также управленческий навык стали факторами, которые определили его назначение на эту немаловажную должность в российской администрации в Гельсингфорсе.

В своих воспоминаниях, написанных им уже после отставки с поста Военного министра, А. Ф. Редигер отметил весьма своеобразный облик Финляндского кадетского корпуса – заведения, готовившего офицеров для российской армии: «Корпус был исключительно финляндский как по составу офицеров и кадет, так и по языку преподавания и учебным программам и, наконец, по всему своему духу! Начальствующие лица были все финляндцы; офицеры служили перед тем в русских войсках, но большей частью уже давно служили в Финляндии, поэтому выговор русского языка у них был неважный; едва ли большинство из них даже могли свободно изъясняться по-русски – для этого у них не было никакой практики, так как все разговоры велись по-шведски и лишь строевые команды произносились по-русски... Кадеты были сплошь финляндцы; в виде исключения среди них попадались мальчики, жившие до того с родителями в России. Как вообще в Финляндии, кадеты относились к России и ко всему русскому с презрением, как к чему-то варварскому, азиатскому» [Редигер 1999, 45–46].

Заслуживает внимания, что А. Ф. Редигер, как и многие его современники, понимал различия, существовавшие в обществе Великого княжества Финляндского. Так, он ни разу не назвал Корпус только «финским» или только «шведским». Равно и кадетов он не назвал «финнами» или «шведами». Он использовал корректные и «более вменяемые» слова «финляндский» и «финляндцы», что наиболее точно отражало текущую ситуацию, не сводя её исключительно к «этнической» составляющей.

В обстановке, описанной выше А. Ф. Редигером, настроением кадетского сообщества проникались даже те кадеты, которые родились в России и провели там многие годы. Например, военачальник Первой мировой войны, генерал Владимир Алексеевич Альфтан, чье детство прошло в Воронежской губернии, где его отец генерал-майор А. К. Альфтан командовал бригадой, стал воспитанником

Корпуса также по семейному почину в 1873 г. Вспоминая свои кадетские годы и свойственный им общественно-политический настрой, Альфтан писал: «Огромное влияние на нас имела газета “Helsingfors dagblad”, которую мы, кадеты, выписывали, и которая была для нас непререкаемым авторитетом. Что мы там вычитывали, то выдавалось затем за наше собственное мнение. Разбираться во всех политических и социальных вопросах мы, конечно, не были в состоянии» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 27]. Действительно, выходящая с 1862 г. газета “Helsingfors Dagblad” («Гельсингфорский ежедневник») активно участвовала в политической и общественной жизни ВКФ того времени. Оценивая ее влияние, финский историк О. Юссила, называл ее «главным рупором либерализма» [Юссила 2009, 300]. Внимание российских властей газета привлекала тем, что регулярно перепечатывала статьи из шведских газет, с точки зрения сотрудников III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, зачастую «предосудительного содержания» [Загора 2020, 331].

Качество образования в Корпусе определял состав преподавателей, который целиком зависел от предпочтений Директора. В воспоминаниях бывших воспитанников сохранились весьма критические оценки педагогов. Вероятно, наиболее полные и беспристрастные свидетельства по этому поводу принадлежат В. А. Альфтани. «Учебная часть была отчасти поставлена очень хорошо, отчасти очень плохо, все в зависимости от учительского персонала». Представляя преподавательскую галерею Корпуса, Альфтан стремится дать им непредвзятую оценку: «Совершенно неудовлетворителен был преподаватель Сван, учитель шведского и финского языка и шведской литературы. Он нас фактически ничему не учил, и ничему не научил. Чрезвычайно плох был законоучитель пастор Рейнхольм, к тому же он совершенно не умел держать порядок в классе, и его урок превращался в какой-то балаган. К его урокам никто не готовился, и мы ничего не знали. Недурен был наш учитель истории Аминов, но прочных знаний нам не дал. Добросовестен и удовлетворителен был преподаватель зоологии, ботаники, физики и химии Зольман. Удовлетворителен был преподаватель французского языка Фавр и очень хорош преподаватель того же языка Флорель. Очень хорош был преподаватель математики [в младших классах] Куртен, но зато совершенно неудовлетворителен преподаватель математики в специальных классах ученый Неовиус, брат директора. Фрей был прекрасным преподавателем русского языка в 3-х младших классах, а Бротерус – весьма посредственен – на старших классах. Посредственным преподавателем фортификации и проекций был Ньоберг, и прекрасным преподавателем тактики, топографии и военной истории был Бокстрём. Следовательно, 3 преподавателя были совершенно неудовлетворительны, 3 удовлетворительны, а 3 – прекрасны и 3 – хороши» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 29].

Весьма сурово отзываясь о своих педагогах и А. Ф. Редигер. «Преподаватели военных наук были какими-то вырожденками: тактику и артиллерию читал полковник Шульц, состоявший в должности преподавателя этих предметов в Финляндском корпусе с 1842 года! Он знал учебники наизусть, но зато не знал больше ничего из своих предметов. Фортификацию же с 1831 году читал полковник Капченков, лекции которого были сплошным балаганом. Если кадеты знали что-либо из военных предметов, то это было исключительно заслугой учебников, но отнюдь не учителей» [Редигер 1999, 45–46]. Свои успехи в учебе бывшие кадеты склонны были относить к собственному усердию и самодисциплине.

Другим ярким выпускником Корпуса был будущий известный российский военный дипломат, генерал-лейтенант И. А. Хольмсен. Молодой человек, будучи норвежцем по происхождению, сознательно избрал военную карьеру в России. «Поскольку мое желание стать офицером ясно определилось, отец, в конце концов, согласился, и было решено готовить меня к поступлению в Финляндский кадетский корпус» [Карелин, Рантала 2014, 70]. Именно в Корпусе, как пишут исследователи, Иоганес Хольмсен «и получил новое, русифицированное имя – Иван Алексеевич Хольмсен». В отличие от старших товарищей И. А. Хольмсен, обучавшийся в Корпусе в 80-е гг. XIX в., иначе вспоминал своих педагогов: «Преподаватели отличались высоким уровнем профессиональной подготовки, чутким и заинтересованным отношением к воспитанникам» [Карелин, Рантала 2014, 70–71].

Стиль воспитательной работы в Корпусе целиком был обусловлен сложившимся многолетним укладом и сохранением в рамках одного учреждения общих и специальных классов, формально разделявших воспитанников на «младших» и «старших». Официальная история Корпуса в качестве его выдающейся черты упоминает особое корпоративное самоуправление кадет – «Товарищество» – средство нравственного воздействия и присмотра, призванное сохранять в кадетской среде отношения взаимной ответственности и порядка [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 98–99].

Х. Мейнандер упоминает, что «Каждый вновь зачисленный кадет обязывался служить старшему кадету, который, в свою очередь, обещал взять на себя роль его опекуна» [Мейнандер 2020, 25]. У одного из самых известных воспитанников Корпуса Карла Густава Маннергейма таковым был Эрнст Лефстрём [Мейнандер 2020, 25].

Несколько иначе смысл и причины существования корпоративного самоуправления раскрывает В. А. Альфтан: «Особенностью этого корпуса было то, что начальство в лице офицеров или учителей совершенно не входило в нашу внутреннюю жизнь и не касалось вовсе нашего воспитания. Воспитание лежало на обязанностях старших кадет, кадет специальных классов, т. е. кадет, которые сами нуждались в воспитании и были в весьма малой степени воспитаны». Альфтан пояснял: «Существовало так называемое “*Kamratskap*” [Товарищество – *швед.*] из кадет 2 и 3 специальных классов, судившее нас за наши поступки. Наказания состояли в выговоре, в стоянии перед койкой, лишении отпуска, даже в присуждении розог в исключительных случаях, в отлучении от товарищей и запрет общаться с ними некоторое время. Эта организация была узаконена начальством и признана им легальной. В общем, эта организация функционировала довольно удовлетворительно. Но престиж старших, своих ближайших начальников держался не авторитетом их знания, а тем, что они не удостаивали нас – малышей – разговорами и вообще общения с собою» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 26].

Более сдержанно о том же свидетельствует и А. Ф. Редигер: «В Корпусе существовало негласно особое “Товарищество”, основанное там еще при моем отце. Собственно к Товариществу принадлежали только два старших специальных класса; члены его были обязаны следить за всеми младшими кадетами как в Корпусе, так и вне его, с правом делать им замечания, а о важных непорядках и проступках они обязаны были докладывать фельдфебелю, который, смотря по важности дела, созывал либо особый комитет из семи лиц, либо все товарищество... Товарищество существовало негласно, и о нем вообще не говорили; но все начальство Корпуса состояло из бывших кадет, знало про Товарищество и дорожило им» [Редигер 1999, 38–39].

Итоги «воинского» воспитания в Корпусе подвел В. А. Альфтан: «Прививать нам воинский дух никто и не пытался. О воинской дисциплине мы имели самое превратное представление, или вернее никакого представления не имели... В виду всего этого мы, кадеты, в своих восприятиях дисциплины ничем не отличались от недисциплинированных студентов, мы не были воодушевлены высокими воинскими идеалами, таковых у нас не было, и никто нам их не рисовал и не понуждал следовать им. Словом, военный корпус нас к военной службе не готовил...» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 28].

И вновь на общем критическом фоне снисходительным выглядит мнение И. А. Хольмсена о том, что во главу угла «была поставлена воспитательная работа. Отношения кадетов строились на взаимовыручке и товариществе. Старшие курсы опекали младших. К решениям “суда чести” старшекурсников, вплоть до исключения нарушителей норм морали и дисциплины, прислушивалось корпусное начальство» [Карелин, Рантала 2014, 70].

В оценке дисциплинированности в кадетской среде авторы воспоминаний порой расходятся. Самые неприятные свидетельства вновь принадлежат В. А. Альфтани. «Весьма характерной чертой для Финляндского Корпуса было пьянство. Любовь к крепким напиткам – в натуре финляндцев. Начальство корпуса строго следило за этим пороком и жестоко наказывало провинившихся, но эти строгости ни малейшего влияния на сокращение пьянства не оказывали. Пили, будучи уволенными в отпуск, по субботам и воскресеньям, пили в самом корпусе во время кадетских вечеров или концертов... Между товарищами пьянство не порицалось, наоборот, скорее поощрялось. Наши же мальчишеские опыты в корпусе, часто повторяемые, имели следствием, что многие из кадет, затем, будучи офицерами, совершенно спивались и погибали» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 28].

Вероятно, самый знаменитый кадет-финляндец барон Карл Густав Маннергейм утверждал в мемуарах, что для Корпуса характерны были усердный труд и железная дисциплина. Однако его собственная история подтверждает скорее обратное. В своих мемуарах Маннергейм сообщает, что к 19-ти годам, почти окончив курс общих классов Корпуса, он был отчислен за дисциплинарный проступок – самовольную отлучку [Маннергейм 1999, 9]. На самом деле нарушения дисциплины были вполне в духе юного Маннергейма. Еще в 1879 г. он был исключен за недопустимое поведение из престижного лицея в Гельсингфорсе. Причиной же отчисления из Корпуса весной 1886 г. стала переполнившая терпение начальства череда нарушений режима и устава. По словам историка Х. Мейндера, «эгоцентризм и своеволие» Маннергейма «наталкивались в кадетском корпусе на спартанскую

и жесткую военную дисциплину, на муштру и фрунт. В итоге он постоянно получал выговоры и наказания...» [Мейнандер 2020, 24]. Вместе с тем, замечено было жестокое отношение Маннергейма к младшим кадетам, которое допускалось в традициях «Товарищества». «Высокорослый и самоуверенный Маннергейм, кажется, преуспел в этих запретных играх и отныне часто использовал чуть ли не садистские приемы, чтобы держать своих коллег в ежовых рукавицах» [Мейнандер 2020, 24]. Таким образом, условия корпуса выявили особенности характера и индивидуальности молодого Маннергейма.

В 1885 г. пост директора Корпуса занял генерал-майор К. К. Энкель. Не склонный признавать авторитеты К. Г. Маннергейм отзывался о новом директоре очень сдержанно: «Когда в 1885 году на смену генералу Неовиусу пришел генерал Карл Энкель, крутой и строгий солдат, выслужившийся в штабе генерала Скобелева на турецкой войне, в корпусе повеяли ветры перемен. Кадетам пришлось познакомиться с новыми манерами обучения» [Маннергейм 1999, 9]. Взвзвись за укрепление дисциплины, новый директор широко применял в качестве дисциплинарной меры запрет на увольнения. Как вспоминал Маннергейм: «В результате я в течение двух месяцев не мог сделать и шага за пределы корпуса – причиной тому были небольшие прегрешения и нарушения распорядка, которые, по мнению современных педагогов, можно считать просто пустяками. Этот арест был для меня нетерпимым, и в один из пасхальных вечеров 1886 года я решил пренебречь запретом. Соорудив из своей военной формы очень правдоподобную, на мой взгляд, куклу, я уложил ее на койку и отправился в самоволку» [Маннергейм 1999, 9].

Исключение из Корпуса означало, что молодой человек не имел более права продолжить образование в другом учебном заведении Финляндии. Однако, начальство, несмотря на раскрытый обман, гуманно обошлось с нарушителем. «После голосования комитет решил обратиться к его опекунам, предложив подать прошение о добровольном отчислении Густава» [Мейнандер 2020, 28]. Такая мера спасла его «от волчьего билета».

Еще в 1878 г. в Финляндии был принят Устав о воинской повинности и количество финляндских воинских формирований значительно увеличилось. В дополнение к ранее существовавшему гвардейскому стрелковому батальону были созданы еще восемь стрелковых батальонов и позднее драгунский полк. Введение отдельного Устава для Финляндии вызвало сопротивление Военного министра Д. А. Милютина, а также споры и серьезное ведомственное столкновение с Финляндским генерал-губернатором Н. В. Адлербергом. Милютин полагал, что Адлерберг своими решениями, в каких-то случаях нерешительностью, не только не помогает реформированию военного дела, но и мешает ему. Н. В. Адлерберг – не самый известный представитель знатного и приближенного к императорскому дому рода, занявший свой пост в разгар «Великих реформ» и через короткое время после Польского восстания 1863–1864 гг., стоял на страже традиционного положения вещей, то есть сохранения привилегированного статуса ВКФ. В этих разногласиях на фоне преобразований в империи отчетливо прослеживается нарастающее несоответствие задач, которые ставили перед собой генерал-губернатор Великого княжества Финляндского, с одной стороны, и Военный министр – с другой. По существу же – они были различны [Загора 2020, 352].

Введение в ВКФ особого Устава о воинской повинности, требовало перемен в работе Финляндского кадетского корпуса во Фридрихсгаме. Шли дискуссии об обучении там финляндцев и правах выпускников поступать на российскую службу либо только в финляндские войска. Принципиальное решение этого вопроса постоянно откладывалось, и последовало лишь при новом императоре, новом Военном министре и новом генерал-губернаторе ВКФ [Screen 2010, 174–182].

Возможную реорганизацию кадетского корпуса во Фридрихсгаме в связи с введением всеобщей воинской повинности в Финляндии не обошла вниманием столичная петербургская пресса [Голос. 29 октября (10 ноября) 1879, 1]. Так, например, со ссылкой на «Helsingfors Dagblad» корреспонденты сообщали, что в корпусе предлагали упразднить три младших класса с тем, чтобы остались три специальных военных класса, и что существовала идея, чтобы теперь туда могли бы поступать те, кто закончил полный курс в классических и, преимущественно, в реальных гимназиях, или те, кто выдержал бы соответствующий приемный экзамен.

Теперь назначением кадетского корпуса становилась подготовка офицеров для финляндских войск. Однако, особенно честолюбивые юноши, мечтавшие о большой военной карьере, стремились перейти из старших специальных классов Корпуса в наиболее престижные военные учебные заведения в столице. Так, А. Ф. Редигер завершал образование в Пажеском корпусе, а В. А. Альфтан окончил Николаевское кавалерийское училище. Альфтан вспоминал по этому поводу: «Осенью 1879 года

поступил в Николаевское кавалерийское училище. В 1879 году я был в 1-м специальном классе, учился я недурно, но к корпусу я никогда не чувствовал привязанности. Безучастно-безразличное к себе отношение со стороны персонала учителей и офицеров, чувство ненависти к некоторым из них, все это создавало атмосферу не из особенно приятных. Это и было причиной, что моему брату Александру скоро удалось уговорить меня перейти в Николаевское кавалерийское училище» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 33–34]. Решение В. А. Альфтана и сложившееся мнение о Корпусе определенно было продиктовано личными причинами, которые не сгладились с годами: «Я не могу забыть трех великих гадостей, сделанных по отношению меня лично корпусным начальством. Я без малейшего сожаления простился с корпусом и даже теперь не с особо хорошими чувствами вспоминаю его» [Воспоминания генерала В. А. Альфтана ... Л. 35].

Николаевское кавалерийское училище окончил и К. Г. Маннергейм. Его биограф Х. Мейнандер полагает, что даже после отчисления из Корпуса и 16 месяцев гражданской жизни Маннергейм не расстался с мыслью продолжить свою военную карьеру в России. «Следуя советам знакомых своего дяди из среды русских военных, Маннергейм решил поступать в Николаевское кавалерийское училище... И это даже несмотря на то, что во время подготовки к экзаменам он следил за политическими дебатами в Гельсингфорсе и отмечал: круги, к которым он принадлежит, все более критически относятся к России и к ее представителям в Финляндии» [Мейнандер 2020, 29–30]. Сам Маннергейм так писал о своем решении: «Хотя я тогда и не понимал этого, но предпринятый мною шаг стал решающим для моего будущего: я вырвался из круга тесных родственных связей и получил возможность сделать карьеру в других, более благоприятных условиях» [Маннергейм 1999, 10].

Действительно выдающимся кадетом среди своих товарищей по Корпусу был И. А. Хольмсен. Окончив полный курс Корпуса, он стал первым в выпуске 1886 г., и его имя было занесено на мраморную доску [Каширин 2014, 94]. Как преуспевший в науках и дисциплине молодой офицер имел право определить будущее место службы и, воспользовавшись единственной полагавшейся на выпуск вакансией, выбрал старейший в российской лейб-гвардии Семеновский полк.

* * *

Несмотря на долгую историю и сложившиеся традиции, в конце XIX в. Финляндский кадетский корпус испытывал серьезные проблемы. Содержание заведения дорого обходилось военному ведомству при невысокой его результативности. Полный курс Корпуса в течение всех лет его работы оканчивало лишь немногим более половины от числа поступивших воспитанников, поэтому средства, выделяемые на подготовку будущих офицеров, расходовались не вполне эффективно [Финляндский кадетский корпус ... 1889, 101]. Причины тому обнаруживаются не столько внутри самого учебного заведения, сколько в состоянии и настроениях финляндского общества. Для местных образованных кругов военная служба в императорской армии и даже финляндских частях не казалась престижным и перспективным занятием. В первую очередь Корпус привлекал их возможностью бесплатного общего образования детей в условиях пансиона.

То, что Корпус продолжал работу до 1903 г. было следствием благополучного стечения обстоятельств. Во времена генерал-губернатора Н. В. Адлерберга, создание новых учебных заведений для русских сопровождалось закрытием ряда учебных заведений для собственно финляндцев. После долгих дебатов, вызванных изменениями военной системы в ВКФ, в 1879 г. было упразднено Гельсингфорское юнкерское пехотное училище. Британский историк Дж. Скрин, подробно анализировавший его историю как отдельный сюжет в «российско-финляндских» отношениях, пришел к выводу, что ключевую роль в закрытии школы сыграли как соображения местных властей, так и настроения финляндского общества. Училище и Корпус имели перед собой общие по существу задачи – подготовку офицеров преимущественно для финляндских войск и сталкивались при этом с одинаковыми проблемами. Основная трудность состояла в привлечении финляндской молодежи для обучения на русском языке с перспективой дальнейшей службы в императорской армии. В итоге было принято решение сохранить Финляндский кадетский корпус как более обещающее с точки зрения этих задач учебное заведение.

Говоря о языковой ситуации в Корпусе на рубеже веков, следует отметить, что русский язык, на котором велось преподавание в старших специальных классах, для большинства финляндцев оставался чужим, что составляло дополнительные трудности для завершения курса. В связи с этим, стремясь обеспечить более надежный контингент учащихся, новый директор генерал-майор К. К. Энкель в 1887 г. настоял на изменениях в положении о Корпусе. Например, право обучаться на казенный счет имели только дети офицеров, чиновников, священнослужителей и потомственных дворян Вели-

кого княжества Финляндского. Энкель занимал свой пост длительный срок, с 1885 по 1903 гг. и стал последним директором Корпуса.

Финал Финляндского кадетского корпуса оказался непосредственно связан с политическими событиями вокруг Великого княжества на рубеже XIX–XX веков. С 1898 по 1904 гг. генерал-губернатором Великого княжества Финляндского являлся Н. И. Бобриков. Он стал единственным генерал-губернатором края, погибшим в результате покушения. Террористические акты, несмотря на неединичные их случаи в собственно Российской империи, были для ВКФ явлениями одиозными и потрясавшими общественность. В первую очередь, Бобриков стал известен своими энергичными действиями, направленными на установление более тесной связи «финляндской окраины» и «центра», что нередко называется исследователями «русификацией», а некоторыми финскими историками «годами угнетения» Финляндии.

Мероприятия имперских властей в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX вв., неверно было бы рассматривать лишь как проявление жесткого консервативного курса в первые годы правления Николая II. В условиях модернизации страны изменялись задачи имперского центра на национальных территориях. Если в самом начале российского управления в Финляндии его укрепление достигалось завоеванием симпатий населения и лояльности элит, то спустя почти сто лет оно требовало более сложных и системных действий в экономической, социальной, оборонной сферах. Не следует также упускать из внимания, что в течение всего XIX в. меры центральных властей по интеграции Финляндии в имперское пространство не отличались последовательностью, а главное настойчивостью.

В Петербурге озабоченность вызывала слишком заметная автономия и признаки изолированности Финляндии от политического центра. Приступая к деятельности на посту Финляндского генерал-губернатора, Н. И. Бобриков заявил о необходимости ревизии в Великом княжестве по образцу ревизии сенатора Н. А. Манасеина 1882–1883 гг. в Остзейском крае. В представленной им программе говорилось: «Не выжидая, однако же, результатов такой ревизии, можно было бы ограничить финляндский сепаратизм, произведя: 1. объединение армии, с уравнением повинности и средств на её содержание. Преобразование кадетского корпуса в русском духе. Учредить в Гельсингфорсе общее офицерское собрание для русских и финских войск...» [Юссила 2009, 648]. Таким образом, военные преобразования и связанная с ними реорганизация Финляндского кадетского корпуса виделась Н. И. Бобрикову одной из первостепенных задач.

В правящих кругах сложилось представление о Корпусе как сепаратистском и даже русофобском по духу. Еще осенью 1897 г. Военный министр П. С. Ванновский предлагал императору провести глубокую реформу Корпуса. На том этапе его защитниками выступили ведомство Главного начальника военно-учебных заведений Великого князя Константина Константиновича и министр-секретарь ВКФ В. К. фон Плеве, полагавшие, что при умеренной реформе Корпус со временем мог выпускать подходящих, с российской точки зрения, воспитанников не только для армии, но и для занятия гражданских должностей в Великом Княжестве. Сам генерал-губернатор Н. И. Бобриков высказывался о Финляндском кадетском корпусе в том духе, что он «воспитывал действительно хороших офицеров, служивших в России, как правило, безупречно. Но оставшиеся в Финляндии или вернувшиеся туда выпускники корпуса сразу же попадали в сферу влияния местных политиканов» [Полвинен 1997, 118].

Окончательному упразднению Корпуса предшествовала попытка его коренного преобразования. 6 августа 1902 г. вышло Высочайше утвержденное положение Военного Совета «О преобразовании Финляндского Кадетского Корпуса». В соответствии с ним в Корпусе закрывались специальные классы, и он окончательно приводился в соответствие с прочими российскими кадетскими корпусами, готовившими воспитанников к поступлению в военные училища [ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XXII. Отд I. СПб., 1904. № 29936. С. 817]. Тем не менее, объявленная реорганизация Корпуса не была завершена. Упразднение в 1901 г. отдельных финских войск, организованных по реформе 1878 г. в Финляндии, привело к его закрытию в июле 1903 г. Точку в истории Финляндского кадетского корпуса поставило высочайшее повеление, объявленное Военным министром «О расформировании чинов и кадет» [ПСЗРИ. Собрание 3. Т. XXIII. Отд I. СПб., 1905. №. 23282. С. 848]. В 1908 г. некоторые бывшие кадеты основали Финляндский кадетский Клуб, который, как считается, передал дух и наследие Финляндского кадетского корпуса новой Кадетской школе, открывшейся в Хельсинки в 1919 г. после революции 1917 г. в России и гражданской войны в Финляндии 1918 г. [Kadettikunta / Finnish Cadet and Officer Corps Association].

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтурина А. Ю.* Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908–1910 гг.) // Вестник РГГУ. 2017. № 8. С. 31–48.
- Воспоминания генерала В. А. Альфтана (1862–1931 гг.). Семейный архив Хенрика Альфтана (Хельсинки).
Голос. 29 октября (10 ноября) 1879 г. №299. С. 1
- Гребенкин А. Н.* Традиции организации учебно-воспитательной и культурно-досуговой работы в российских военно-учебных заведениях (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 2017. 182 с.
- Загора М. Г.* Великое княжество Финляндское при генерал-губернаторе Н. В. Адлерберге (1866–1881). Дисс...к.и.н. М., 2020. 384 с.
- Карелин В., Рантала Ф.* Финляндия в жизни и судьбе генерала И. А. Хольмсена // Финляндия и Россия: Образы общего прошлого. Петрозаводск, 2014. С. 67–86.
- Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. 629 с.
- Колесников Д. Е.* Становление фенноманского движения в Великом княжестве Финляндском (1810-е – начало 1860-х гг.). Дисс...к. и. н. М., 2021. 179 с.
- Мейнандер Х.* Густав Маннергейм. Аристократ в суконном мундире. М., 2020. 321 с.
- Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. 507 с.
- Петухова А. П.* Русское национальное движение и финляндский вопрос во второй половине XIX – начале XX века. Дисс...к. и. н. М., 2022. 332 с.
- Полвинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. СПб., 1997. 318 с.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2. Т. XL. 1865. Отд. 1. СПб., 1867. № 41849; Отд. 2. СПб., 1867. Приложения. Штаты и табели. К № 41849.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 3. Т. XXII. Отд. I. СПб., 1904. № 29936. С. 817.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 3. Т. XXIII. Отд. I. СПб., 1905. №. 23282. С. 848.
- Похлебкин В. В.* СССР–Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1975. М., 1975. 408 с.
- Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. 574 с.
- Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. 1865. № 33. С. 1–4.
- Финляндский кадетский корпус. 1812–1887. Исторический очерк. Фридрихсгам, 1889. 130 с.
- Юссила О.* Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. 844 с.
- Kadettikunta / Finnish Cadet and Officer Corps Association [Финская Ассоциация кадетских и офицерских корпусов]. Электронный ресурс. URL: <https://kadettikunta.fi/kadettiupseeri/upseerikoulutuksen-historia/> (дата обращения 16.01.2024)
- Screen J. E. O.* Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla. Helsinki, 2003. [Императорский Финляндский кадетский корпус 1812–1903. Кадеты из Хамины в школе и в мире]. 383 p.
- Screen J. E. O.* The Finnish Cadet Corps as a Reflection of Finno-Russian Relations [Финляндский кадетский корпус как отражение финляндско-русских отношений] // Suomi ja Venäjä 1808–1809: Suomalais-venäläisissä historian tutkijoiden symposiumeissa Moskovassa vuonna 2007 ja Hamimnassa vuonna 2009 pidetyt esitelmät. Toim. A. Sakharov, T. Vihavainen. Renvall Institute Publications. Helsinki, 2010. P. 174–182.

Поступила в редакцию 09.07.2023

Гребенкин Игорь Николаевич

доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
390000, Россия, г. Рязань, улица Свободы, 46
E-mail: grin17.66@mail.ru

Загора Марина Григорьевна

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1
E-mail: zagora.m.g@hist.msu.ru

I. N. Grebenkin, M. G. Zagora

THE FINNISH CADET CORPS IN OFFICIAL HISTORY AND CONTEMPORARIES' EVIDENCES (XIX – EARLY XX CENTURIES)²

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-76-86

This study is devoted to the history of a military educational institution of pre-revolutionary Russia, little explored in Russian historiography, – the Finnish Cadet Corps. The position of the Grand Duchy of Finland in the imperial space of Russia, the problems of military educational institutions, as well as changes in their organization in connection with the military reforms are the context of this article. The appearance and history of the Finnish Cadet Corps are presented in state-institutional and historical-anthropological aspects based on a documentary historical sketch and evidences of the Cadet Corps' former students.

Keywords: Finnish Cadet Corps, Grand Duchy of Finland, Military Educational Institutions, V. A. Alftan, C. G. Mannerheim, A. F. Roediger, I. A. Holmsen.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 76–86. In Russian.

REFERENCES

Bahturina A. Yu. Diskussii ob obshchegosudarstvennom i mestnom zakonodatel'stve v otnoshenii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo (1908–1910 gg.) [Discussions about the national and local legislation regarding the Grand Duchy of Finland (1908–1910)] // *Vestnik RGGU*. 2017. № 8. Pp. 31–48. In Russian.

Vospominaniya generala V.A. Al'ftana (1862–1931 gg.). Semejnij arhiv Henrika Al'ftana (Hel'sinki) [Memoirs of General V.A. Alftan (1862–1931). Family archive of Henrik Alftan (Helsinki)]. In Russian.

Golos [The Voice]. 29 oktyabrya (10 noyabrya) 1879 g. №299. P. 1. In Russian.

Grebenkin A. N. *Tradicii organizacii uchebno-vospitatel'noj i kul'turno-dosugovoj raboty v rossijskikh voenno-uchebnyh zavedeniyah (XVIII – nachalo XX v.)* [Traditions of organizing educational, cultural and leisure work in Russian military educational institutions (XVIII – early XX centuries)]. Novosibirsk, 2017. 182 p. In Russian.

Zagora M. G. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe pri general-gubernatore N.V. Adlerberge (1866–1881)* [The Grand Duchy of Finland under Governor-General N.V. Adlerberg (1866–1881)]. Diss...k.i.n. M., 2020. 384 p. In Russian.

Karelin V., Rantala F. *Finlyandiya v zhizni i sud'be generala I. A. Hol'msena* [Finland in the life and fate of General I.A. Holmsen] // *Finlyandiya i Rossiya: Obrazy obshchego proshlogo*. Petrozavodsk, 2014. Pp. 67–86. In Russian.

Kashirin V. B. *Dozornye na Balkanah. Russkaya voennaya razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny* [Sentinels in the Balkans. Russian military intelligence in the countries of the Balkan Peninsula on the eve and during the First World War]. M., 2014. 629 p. In Russian.

Kolesnikov D. E. *Stanovlenie fennomanskogo dvizheniya v Velikom knyazhestve Finlyandskom (1810-e – nachalo 1860-h gg.)* [The formation of the Fennom movement in the Grand Duchy of Finland (1810s – early 1860s)]. Diss...k. i. n. M., 2021. 179 p. In Russian.

Meinander C. H. *Gustav Mannerheim. Aristokrat v sukonnom mundire* [Gustav Mannerheim. An aristocrat in a cloth uniform]. M., 2020. 321 p. In Russian.

Mannerheim K. G. *Memuary* [Memoirs]. M., 1999. 507 p. In Russian.

Petuhova A.P. *Russkoe nacional'noe dvizhenie i finlyandskij vopros vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [The Russian national movement and the Finnish question in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Diss...k. i. n. M., 2022. 332 p. In Russian.

Polvinen T. *Derzhava i okraina. N. I. Bobrikov – general-gubernator Finlyandii, 1898–1904 gg.* [Power and borderland. N. I. Bobrikov – Governor General of Finland, 1898–1904.]. SPb., 1997. 318 p. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Soobranie 2. T. XL. 1865. Otd. 1. SPb., 1867. № 41849; Otd. 2. SPb., 1867. Prilozheniya. Shtaty i tabeli. K № 41849. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Soobranie 3. T. XXII. Otd I. SPb., 1904. № 29936. S. 817. In Russian.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [Full Collection of Laws of the Russian Empire]. Soobranie 3. T. XXIII. Otd I. SPb., 1905. №. 23282. S. 848. In Russian.

² The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00321

Pohlebkin V. V. *SSSR–Finlyandiya. 260 let otnoshenij. 1713–1975* [USSR–Finland. 260 years of relationship. 1713–1975.]. M., 1975. 408 p. In Russian.

Roediger A. F. *Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra* [Story of my life. Memoirs of the War Minister]. T.1. M., 1999. 574 p. In Russian.

Sbornik postanovlenij Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo. 1865. [The Collection of resolutions of the Grand Duchy of Finland. 1865]. № 33. Pp. 1–4. In Russian.

Finlyandskij kadetskij korpus. 1812–1887. Istoricheskij ocherk [The Finnish Cadet Corps. 1812–1887. Historical essay]. Fridrihsgam, 1889. 130 p. In Russian.

Yussila O. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe. 1809–1917* [the Grand Duchy of Finland. 1809–1917]. Hel'sinki, 2009. 844 p. In Russian.

Kadettikunta / Finnish Cadet and Officer Corps Association. URL: <https://kadettikunta.fi/kadettiupseeri/upseerikoulutuksen-historia/>. (Accessed 16/01/2024). In Finnish.

Screen J. E. O. *Keisarillinen Suomen kadettikoulu 1812–1903 Haminan kadetit koulussa ja maailmalla.* Helsinki, 2003. 383 p. In Finnish.

Screen, J. E. O. *The Finnish Cadet Corps as a Reflection of Finno-Russian Relations // Suomi ja Venäjä 1808–1809: Suomalais-venäläisissä historiantutkijoiden symposiumeissa Moskovassa vuonna 2007 ja Haminnassa vuonna 2009 pidetyt esitelmät.* Toim. A. Sakharov, T. Vihavainen. Renvall Institute Publications. Helsinki, 2010, pp. 174–182. In English.

Received 09.07.2023

Gребенкин Игорь Николаевич

Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher
Ryazan State University named after S. A. Yesenina
46, Svobody st., Ryazan, 390000, Russia
E-mail: grin17.66@mail.ru

Загора Марина Григоровна

Candidate of Sciences (History)
Junior Researcher
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: zagora.m.g@hist.msu.ru

О. Г. Клецкина

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ
ГЛАЗОВСКОГО УЕЗДА ВОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
В 1923–1924 ГОДАХ**

Автор представленного исследования избрал в качестве объекта исследования советскую партийную школу первой половины 1920-х годов. Выбор хронологических рамок статьи предопределён интересом к поведению, поступкам, менталитету первых служащих и слушателей советской системы политического просвещения. Основное внимание исследователя сосредоточено на раскрытии учебной и общественно-политической деятельности служащих и курсантов Глазовской уездной советской партийной школы Вотской автономной области. Статья опирается на первичные документы ячейки РКП(б), учреждённой при Глазовской уездной советской партийной школе. Работа советской партийной школы первой ступени в г. Глазове отличалась от распорядка функционирования аналогичных учреждений в РСФСР продолжительностью учебной деятельности. Курсанты при поддержке партийных инстанций приезжали на учёбу из трёх уездов Вотской автономной области для изучения общеобразовательных и общественно-политических дисциплин. Организаторы образовательной и воспитательной работы в советской партийной школе прилагали усилия к формированию у курсантов активной жизненной позиции в контексте официальных идеологических установок Советского государства. Приобщение курсантов к участию в деятельности институтов школьного самоуправления, комсомольской и партийной ячеек содействовало приобретению начинающими и будущими работниками советских и партийных учреждений уездного уровня актуальных для советского политического режима практических знаний и навыков.

Ключевые слова: советская партийная школа, курсант, вольный слушатель, учебный год, триместр, методы обучения, РКП(б), бюро ячейки партии, комсомол, школьное самоуправление, шефство, крестьяне.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-87-96

Большевики, борющиеся за политическую грамотность с выверенным идеологическим содержанием, с 1920 г. целенаправленно развивали сеть советских партийных школ (далее – совпартшколы) в административно-территориальных единицах РСФСР [Леонова 1972, 27]. В. И. Ленин, выступая на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования (1920), отметил, что просветительская работа не может быть вне связи с политикой [Ленин 1981, 399]. Масштабность проекта, предпринятого в сфере подготовки партийных и советских кадров, подтверждает деятельность Всероссийских конференций, съездов совпартшкол, корректировавших направления развития политического просвещения в стране [Леонова 1972, 105; Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 61 об.].

Проблема становления системы политического образования в РСФСР вызывает интерес у современных историков и благодаря исследованиям последних лет имеет региональное раскрытие. Разные аспекты деятельности совпартшкол отражены в работах Н. Мамай [1954], М. П. Фильченкова [1958], Л. С. Леоновой [1972], Л. М. Чижовой [1968], М. М. Гвоздевой [2010], Е. В. Туфанова, И. Н. Кравченко [Туфанов, Кравченко 2018], Н. В. Гоголева [2019], М. К. Нагиевой [2020]. В отечественной историографии сформировано представление о том, что по решению I Всероссийской конференции работников совпартшкол и политико-просветительских курсов, состоявшейся в декабре 1921 г., было проведено разграничение совпартшкол на три ступени. Совпартшкола I ступени выступала кузницей советско-партийных кадров для уездных учреждений, подготовка в школе II ступени решала кадровый вопрос на уровне губернии, а комвуз давал высшую коммунистическую подготовку [Мамай 1954, 34-35]. Научным достоянием стали исторические факты, формирующие комплексное представление о специфике просветительской деятельности совпартшкол, некоторые из которых, как Тульская губернская совпартшкола, заняли помещения учебных заведений царской России [Гоголев 2019, 100]. Характерной чертой историографии второго десятилетия XXI в. является восприятие советского партийного образования в качестве одного из инструментов «создания слоя управленцев» в СССР [Туфанов, Кравченко 2018, 34; Нагиева 2020, 34]. Следовательно, детальное изучение первых усилий по организации работы совпартшкол в губерниях, областях РСФСР имеет актуальность в свя-

зи с возможностью осмысления регионального материала по вопросам востребованности советско-партийной подготовки, эффективности работы совпартшкол в административно-территориальных образованиях Советской России.

В г. Глазове, получившем в составе Вотской автономной области (далее – ВАО) статус административного центра уезда, в 1922/23 учебном году была учреждена уездная совпартшкола I ступени. Аналогичных школ в стране в данное время насчитывалось 154. По решению ЦК РКП(б) уездные совпартшколы входили в обязательную для местных партийных организаций сеть совпартшкол [Мамай 1954, 39]. Глазовскую совпартшколу разместили в каменном здании XIX в., находившемся до проведённой большевиками муниципализации в собственности купца 2-й гильдии А. А. Тимофеева. Так называемый дом Тимофеева, где в феврале – марте 1923 г. организовали политическое обучение, стоял на Соборной площади. В 1923 г. название этой городской улицы менялось дважды: осенью она обозначалась как Площадь Свободы, а в декабре её переименовали в улицу Революции [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 48; Ф. 62. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, 6–7, 10].

Обучающиеся в совпартшколе подразделялись на две категории: курсанты и вольные слушатели. Они приезжали на учёбу в г. Глазов по направлениям Глазовского, Дебесского, Селтинского, Можгинского уездных комитетов РКП(б) [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 15 об; Ф. 62. Оп. 1. Д. 9. Л. 23–24, 26–27, 31]. Таким образом, уездная совпартшкола осуществляла подготовку кадров для трёх уездов ВАО, что полностью соответствовало предписаниям центра. Зачисление на обучение проводилось в том случае, если подготовка прибывших отвечала установленным требованиям. Выявленное несоответствие становилось основанием для предоставления направленным на учёбу статуса вольных слушателей или отправки командированных в распоряжение уездных комитетов партии [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57].

Число занятых профессиональной деятельностью и освоением образовательной программы в Глазовской совпартшколе по состоянию на апрель 1923 г. не превышало 91 человека, причём разделение по полу было в пользу мужчин: в учреждении числились 31 женщина и 60 мужчин. Средний возраст курсантов составлял 24 года [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 11; Ф. 62. Д. 9. Оп. 1. Л. 22 об, 23 об, 24 об.]. Осенью 1923 г. Глазовская совпартшкола сделала новый набор слушателей, образовательный уровень которых оказался ниже познаний предшественников. По мнению руководства школы, это было обусловлено крестьянским происхождением курсантов, окончивших начальные училища [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57; Ф. 62. Оп. 1. Д. 9. Л. 26–27]. В декабре 1923 г. контингент курсантов и штат сотрудников сократились до 78 человек [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 48].

Образовательная деятельность в совпартшколе осуществлялась с небольшими погрешностями в границах установленного общего учебного года (с 15 сентября по 15 июля) [Мамай 1954, 35; Леонова 1972, 32]. Занятия велись по триместрам с двумя двухнедельными перерывами на каникулы в январе и мае [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57 об.]. Сроки обучения в Глазовской совпартшколе были продолжительнее нормативных, предполагавших подготовку рабочих в течение трёх месяцев, крестьян – четырёх по 17 общественно-политическим и 4 общеобразовательным предметам [Мамай 1954, 35; Леонова 1972, 60]. Первый триместр в Глазовской совпартшколе приходился на октябрь – декабрь, третий начинался в середине мая [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 3. Л. 4, Д. 8. Л. 22].

В начале обучения проводилось распределение курсантов по четырём группам с учётом их познаний. Наиболее знающих зачисляли в первую группу, а самых слабых — в последнюю. На завершающем этапе обучения допускалась перегруппировка курсантов. В первую группу брали наиболее успешных курсантов, желающих продолжить обучение в совпартшколе II ступени. По предложению вышестоящей инстанции — областного политического просвещения (далее – Обполитпросвет) курсанты первой группы могли рассчитывать на зачисление в школу II ступени без прохождения вступительных испытаний. Во вторую группу из первой переводили не имеющих возможности ехать на учёбу, планирующих после окончания совпартшколы I ступени поступить в вуз и менее успевающих курсантов [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 15; Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Л. 8].

Образовательная программа Глазовской совпартшколы предполагала преподавание и изучение таких дисциплин, как русский язык, естествоведение, экономическая география, история, экономическая политика, гигиена, азбука коммунизма, история революционного движения, история РКП(б). Сложность организации учебного процесса предопределялась тем, что по многим дисциплинам отсутствовали унифицированные программы, поэтому преподаватели разрабатывали их самостоятельно.

но. В то же время наличие рекомендованной программы по дисциплине не всегда содействовало улучшению учебной деятельности, так как преподаватель нередко сталкивался с проблемой усвоения курсантами содержания программы, например, по русскому языку [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 43, 57-57 об.].

Актуальной учебно-методической задачей в совпартшколе считалось применение комплекса научно обоснованных методов обучения: краеведческого, исследовательского, лабораторного, экскурсионного, кружкового, семинарского. В Глазовской совпартшколе кружковый метод использовался для проработки лекций в первом триместре, при этом основным мотивом отказа от классических лекций выступал низкий уровень развития курсантов. Метод предполагал организацию обучения путём формулирования вопросов и ответов по существу изучаемой дидактической единицы учебного курса. Краеведческий метод применялся в курсе экономической географии. Преподаватель учебной дисциплины самостоятельно собирал краеведческий материал. Включение в процесс обучения экскурсионного метода влекло за собой организацию учебно-познавательных экскурсий, одна из которых формировала знание о богатстве природы Урала. Обучение наиболее подготовленных курсантов осуществлялось при помощи семинарского метода, но только в третьем триместре [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57-57 об.].

Руководящие органы, учреждённые в Глазовской совпартшколе для обеспечения учебного процесса, были представлены двумя управленческими должностями (заведующий школой, заведующий учебной частью) и коллегиальными структурами. К последним относились школьный совет и учебная коллегия [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 55, 57]. Функции заведующего школой с марта 1923 г. выполнял Ворончихин Фёдор Гаврилович, должность заведующего учебной частью с февраля 1923 г. замещала Орлова Агния Михайловна. Оба руководителя имели членство в РКП(б) с 1919 г. и появились в совпартшколе по направлению партии. Ф. Г. Ворончихина уполномочил обком РКП(б) ВАО, а Орлову рекомендовал Глазовский уездный комитет [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 9. Л. 22 об-23]. Ворончихин делал первые шаги в области организации политического просвещения, так как в феврале 1922 г. учился в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 16. Оп. 1. Д. 77. Л. 7, 9, 32, 77]. Социально-демографические и социально-профессиональные характеристики руководителей совпартшколы даны в таблице [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 18 об-19, 57 об.].

Социально-демографические и социально-профессиональные характеристики руководителей Глазовской совпартшколы (1923)

Должность	Год рождения	Национальность	Социальное происхождение	Образование	Профессия
1	2	3	4	5	6
Заведующий школой	1900	удмурт	крестьянин	среднее; Свердловский университет	политработник
Заведующий учебной частью	1895	русская	служащая	высшее	школьный работник

Из вышеизложенной информации следует, что руководители совпартшколы находились в молодом возрасте и относились к возрастной группе от 20 до 30 лет.

Заведующий школой подавляющую часть рабочего времени уделял ведению хозяйственно-административных дел. До набора курсантов курировал ремонт здания школы, содействовал приобретению лошади для нужд школы [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57]. В то же время уклониться от преподавательской деятельности не мог. В ноябре 1923 г. школьный совет назначил Ворончихина лектором по политической экономии, указав на необходимость актуализации образования, полученного в «Свердловке», где теория политической экономии и экономическая политика РСФСР изучались по программе 1922 г. на втором курсе [Фильченков 1958, 111]. Другим мотивом решения школьного совета выступило желание закрепить общественно-политическую дисциплину за членом РКП(б), так как ранее чтение политической экономии было возложено на беспартийного преподавателя [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57 об.].

Школьный совет осуществлял свою работу в форме заседаний, позволявших заслушивать доклады руководителей школы, обсуждать основную деятельность учебного заведения, принимать решения по личному составу школы и контингенту обучающихся. Школьный совет назначал лекторов, зачислял вольных слушателей в курсанты по итогам рассмотрения личных заявлений или ходатайств школьных инстанций [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57 об-58; Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Л. 12]. Члены школьного совета утверждали просьбы учебной коллегии об исключении курсантов из учреждения за пропуски занятий, плохую успеваемость, пассивность, нетактичное поведение, порочащее авторитет совпартшколы. В некоторых случаях отчисление заменялось строгим выговором, означавшим вынесение предупреждения об исключении из школы в случае повторного совершения нежелательного поступка [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57 об-58; Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 23].

Учебная коллегия включала представителей от преподавателей, старостата, школьных ячеек РКП(б) и РКСМ. Коллегия определяла способы проверки знаний курсантов, предусматривала характер занятости курсантов в каникулярное время, искала меры пресечения пропусков занятий, устанавливала формы наказания курсантов, совершивших проступки. По каждому названному направлению работы учебная коллегия в декабре 1923 г. наметила комплекс мер. Проверку знаний курсантов в первом триместре возложили на преподавателей без выделения дополнительных учебных часов. Общую картину успеваемости планировали прояснить на заседании учебной коллегии, обсудив успехи в учёбе каждого курсанта. Преподавателей попросили разработать план работы курсантов в зимние каникулы. Административным старостам вменили в обязанность не допускать присутствия курсантов в комнатах общежития в урочное время.

Качество обучения в совпартшколе поддерживалось ведением контроля за посещением занятий. В частности, в конце первого триместра 1923/24 учебного года учебная коллегия направила в школьный совет прошение об отчислении курсанта Л. Харламовой за многочисленные пропуски и склонность к нетактичному поведению. Наряду со злостными прогульщиками, на контроль поставили шесть курсантов, проигнорировавших более трёх уроков, и десять слушателей, допустивших до трёх пропусков занятий [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 55–55 об.].

Документы, запечатлевшие характер межличностных отношений в совпартшколе, демонстрируют, что поступки председателей старостата и комитета курсантов (далее – курском) подлежали общественному обсуждению. В мае 1923 г. комсомолец А. Лубнин воспринял позицию председателя курскома Ф. Ившина, ограничившегося предупредительной беседой с подозреваемым в контрреволюционном настроении и воровстве курсантом И. Филипповым, как халатное отношение к делу [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 23-24; Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, Д. 9. Л. 30 об.]. В ноябре 1924 г. тридцать пять курсантов подписали заявление, в котором просили сместить с должности председателя старостата беспартийного Чермянина за пренебрежение к товарищеской этике, оскорбление национальности курсантов [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 28–28 об.]. Мирозвращение комсомольцев совпартшколы не расходилось с убеждением И. В. Сталина в том, что активный состав комсомола помогает партии воздействовать на молодёжь, не вовлечённую в комсомольское движение [Сталин 1947, 66].

Степень осознанности слушателями совпартшколы внешнеполитических устремлений СССР в первую половину 1920-х гг. прослеживается в решениях, принятых на общих собраниях курсантов. С подачи администрации и партийного руководства школы они обличали, клеймили позором буржуазные круги государств, противодействовавших советской стране. Так, 15 мая 1923 г. на собрание для обсуждения вопроса об убийстве советского посла В. В. Воровского пришли 73 человека. С основным докладом перед собравшимися выступил заведующий школой Ворончихин, который связал убийство Воровского, осуществлённое 10 мая 1923 г. в Лозанне, с деятельностью империалистических хищников. В итоговом постановлении курсанты обвинили министра иностранных дел Великобритании Д. Н. Керзона, премьер-министра Франции Р. Н. Пуанкаре и премьер-министра Италии Б. А. Муссолини в разрушительной политике, влекущей за собой гибель миллионов человеческих душ, и выразили «соболезнование по случаю смерти одного из бойцов за счастье мирового пролетариата» [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 26–26 об.]. Эпилогом общего собрания стало коллективное исполнение революционного похоронного марша на слова А. Архангельского: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 26 об.].

Вышеназванное мероприятие проводилось при активном участии школьных ячеек РКП(б) и РКСМ. Членами партийной ячейки являлись заведующие совпартшколой и учебной частью, что позволяло поддерживать значимую для РКП(б) тесную связь с администрацией школы [Филиал ЦГА УР

– ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 57, 61 об.]. Персональный состав ячейки РКП(б) обновлялся за счёт зачисленных на учёбу партийных курсантов и беспартийных слушателей, изъявивших желание вступить в партию. Мотивы, побуждавшие курсантов крестьянского происхождения принимать решения о вступлении в партию, их ментальность отражают личные заявления. Так, комсомолец с трёхлетним стажем Ф. Ившин весной 1923 г. выразил стремление «работать в рядах коммунистической партии» [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 4. Л. 1]. Курсант А. Платунов, ранее находившийся на советской работе, решил вступить в РКП(б), рассчитывая в ходе обучения получить необходимую для карьеры политическую грамотность. [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 4. Л. 3].

Численность членов партийной ячейки за 1923 г. претерпела изменения, в большей степени обусловленные обновлением контингента обучающихся. Если в апреле ячейка насчитывала девять членов партии и шесть кандидатов в члены партии, то в декабре – одиннадцать членов партии и трёх кандидатов [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 10].

Ячейка РКП(б) при совпартшколе подчинялась Глазовскому уездному комитету РКП(б), исполняла его циркуляры, активно участвуя в жизни школы. Представители партийной ячейки входили в школьный совет и учебную коллегия [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 61 об.]. Партийная работа включала проведение открытых и закрытых общих собраний ячейки, открытых и закрытых заседаний бюро ячейки, выборы членов бюро и организацию собраний с участием местных жителей в подшефных сельских населённых пунктах [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 6; Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 60 об.].

Открытые общие собрания ячейки РКП(б) позволяли охватить идеологической работой значительную долю курсантов, так как на них присутствовали и беспартийные. Основными вопросами открытых общих собраний были проблемы международного положения (например, борьба Китая и Индии за независимость; победа «фашистских белых организаций» в Болгарии), а также обзоры революционных событий из новейшей истории (например, создание Венгерской советской республики и причины её падения). В некоторых случаях повестка открытого общего собрания предписывалась телефонограммой уездного комитета партии [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 14; Д. 2. Л. 2; Д. 7. Л. 6]. Весомое влияние комитета демонстрируют протоколы местных партийных ячеек Глазовского уезда. Они содержат идентичные повестки общих собраний, состоявшихся в один и тот же период [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 625. Л. 24–25]. Открытое собрание ячейки РКП(б) при Глазовской совпартшколе 19 апреля 1923 г. утвердило решение по организации недели помощи инвалидам, а 27 мая 1923 г. – недели беспризорного ребёнка. В обоих случаях содействие устранению острых социальных проблем предполагало осуществление сбора пожертвований. Фонд поддержки инвалидов сформировали члены и кандидаты в члены РКП(б) посредством отчисления 2 % получаемого жалования, а также члены РКСМ, выделившие из своего продовольственного снабжения по 2 фунта муки. Продовольствие для беспризорников собрали в подшефной д. Воебыш Лудошурской волости, вошедшей в июле 1924 г. в состав укрупнённой Глазовской волости [Справочник... 1995, 39]. Крестьяне предоставили шефам не только продовольствие, но и лошадь для отправки продуктов в город. Дополнительно к этому работники школы, состоявшие в РКП(б), направили в фонд беспризорников муку, удержав с каждого члена партии по 10 фунтов [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Д. 2. Л. 5-5 об; Д. 5. Л. 1а; Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 31–31 об.].

В подшефных селениях (Воебыш, Качкашур, Лекшур, Сычево) работали лекторы и агитаторы, диагностировавшие готовность крестьян д. Воебыш в свободное время участвовать в беседах в рамках шефства города над деревней, а также пассивность жителей д. Качкашур, где у «кулачков» проявлялось негативное отношение к советской власти. В д. Воебыш на организованные курсантами собрания приходило от 40 до 58 человек. На одной из встреч курсанты зачитали собравшимся статью о налогах на 1923 г. из газеты «Беднота». Основным нововведением в области налогообложения на 1922/1923 финансовый год объявлялся сбор денежных выплат вместо трудового и гужевого налога. Трудгужналог вместе с другими видами крестьянского обложения планировали заменить единым сельскохозяйственным налогом со следующего налогового периода [ЦГА УР. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 101. Л. 170]. Но крестьян волновал иной вопрос. Они попросили шефов помочь уладить недоразумение, сложившееся с новопоселенцами из Покровской слободы. По заверениям участников собрания, новопоселенцы пользовались землёй, налоги за которую платили жители деревни. Так как багаж знаний командированных курсантов (Овсянникова, М. Небогатикова) не позволил дать исчерпывающий ответ на вопрос крестьян, постановили подготовить разъяснения к следующему собранию. Примечательно, что трудности взаимодействия с крестьянским населением не рассматривались курсантами в

качестве непреодолимого препятствия для продолжения шефства в закреплённых селениях. В июне 1923 г. восемнадцать курсантов изъявили желание принять участие в организации идеологической работы в деревне. [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об-13; Д. 3. Л. 2 об; Д. 5. Л. 2-2 об; Д. 8. Л. 11].

Организаторы шефства над деревней называли эпизодические командировки курсантов в сельскую местность «кочевым способом» просветительской деятельности [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 18]. Индикатором её востребованности можно считать расширение географии шефской помощи, которая осенью 1924 г. стала распространяться на Понинскую волость. Результативность шефской работы проявилась в принятии на учёбу осенью 1924 г. слушателей из подшефной деревни, в создании сельской ячейки РКСМ и снабжении деревенских комсомольцев литературой, газетами [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–18 об, 22 об-23].

Партийная ячейка искала способы содействия решению национального вопроса в ВАО. Последний осмысливался заведующим школой Ф. Г. Ворончихиным как насущная потребность. По его мнению, в ВАО остро стояли задачи повышения низкого культурного уровня удмуртов путём преподавания удмуртского языка и развития удмуртской литературы и, в противоположность первой целевой установке, снижения уровня распространённости социальных болезней, влекущих за собой вымирание удмуртского населения. Необходимость устранения диагностированных недостатков социального развития удмуртов мотивировала партийную ячейку поручить курсантам, едущим в январе 1924 г. на каникулы в деревню, провести агитацию среди удмуртских крестьян за обучение детей в удмуртских школах [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 65-65 об.]. Уместно подчеркнуть, что удмуртские школы появились до учреждения ВАО и на начало 1920 г. их насчитывалось 176 [История Удмуртии... 2005, 141].

С полной уверенностью можно утверждать, что члены ячейки РКП(б) при совпартшколе рассматривали курсантов в качестве рупора, способного донести до сознания односельчан представление о прогрессивности проектов советской власти. Подготовка слушателей к весенним каникулам 1923/24 учебного года включала непосредственное обсуждение на общем собрании курсантов вопросов, связанных с проведением денежной реформы и развитием кооперации [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 65 об; Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 7]. Под влиянием резолюции XIII съезда партии по работе в деревне осенью 1924 г. пришло понимание основного назначения Глазовской совпартшколы I ступени. Миссию учреждения выразили в лаконичной фразе — «подготовка работников деревни» [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 22]. Осознанная деятельность отвечала общественным потребностям, так как в рассматриваемое время служащие волостных исполкомов Глазовского уезда имели начальное образование [Клецкина 2022, 1237–1239].

В ноябре 1923 г. по указанию Обполитпросвета администрация школы приступила к ведению личных дел курсантов и учёту выпускников [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 58]. Коллектив школы с вниманием относился к судьбе курсантов, что подтверждает организация в 1924 г. торжественного заседания в честь годовщины со дня смерти от чахотки курсанта первого выпуска Г. В. Ашихмина, воевавшего на стороне красных и получившего партийный билет в 15 лет. Постигшие жизненных перипетий Ашихмина побудило слушателей оказать материальную помощь его матери, осуществив отчисления по 20 коп. с июльской стипендии каждого курсанта [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 13-13 об, Д. 9. Л. 23 об-24].

Партийная и комсомольская ячейки совпартшколы инициировали создание школьных органов самоуправления, призванных минимизировать социально-бытовые трудности, с которыми в первую половину 1920-х гг. неизбежно сталкивались полуголодные, плохо одетые курсанты, приезжая на учёбу. В начале обучения самые ответственные из курсантов избирались в старостат, секцию питания, комиссию по помещению, секцию одежды и обуви, санитарную тройку, контрольно-хозяйственную комиссию, кассу взаимопомощи. Старостат состоял из четырёх учебных старост и четырёх административных старост. Старосты участвовали в выборах председателя и членов бюро старостата, могли требовать от курсантов беспрекословного исполнения их распоряжений [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 61 об, 64; Ф. 62. Оп. 1. Д. 2 Л. 13-13 об; Д. 8. Л. 25]. Членство в органах самоуправления школы не являлось постоянным, так как периодически проводилось переизбрание. Курсантов, успевших зарекомендовать себя с положительной стороны, оставляли в школьных органах самоуправления для продолжения работы и передачи опыта вновь избранным.

В январе 1924 г. в совпартшколе был образован товарищеский суд в составе трёх человек [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 9-9 об, 17]. Суд рассматривал случаи нарушения това-

рической дисциплины, повторное игнорирование курсантами правил внутреннего распорядка. Товарищеский суд имел право устанавливать дисциплинарные взыскания в отношении курсантов, небрежно относящихся к школьному имуществу. Более серьёзные проступки, способные дезорганизовать «курсантскую массу», обсуждались в школьном совете [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 24]. Внутри школы применялись разнообразные меры наказания, а именно: предупреждение, наряд вне очереди, единоличный выговор, публичный выговор, выговор с занесением в личное дело, выговор с занесением в стенную газету, общественное порицание, исключение из школы [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 24 об.]. Наряд вне очереди зачастую означал дежурство, подразделявшееся на дежурство по помещению (ночное и дневное), лаборатории, кухне, общежитию. Курсанту, заступившему на дежурство в ночное время, не разрешалось спать. Днём общий дежурный подавал звонки, оповещавшие о начале и конце занятия. Дежурство в лаборатории приводило к установлению ответственности за сохранность книг, учебников, выданных курсантам для изучения. В Совпартшколы могли иметь единичные экземпляры специальной литературы по достаточно обширной тематике, так как к 1924 г. в стране было издано около 40 учебных пособий [Леонова 1972, 83].

Дежурный по кухне начинал работать в 5 утра. Он контролировал приготовление обеда и ужина, отслеживал правильность распределения порций. Многочисленные обязанности перекладывались на дежурившего в общежитии. Ему надлежало приносить воду и дрова, следить за чистотой и топкой печей, не допускать курения в помещениях и присутствия посторонних [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 25 об–26 об.].

При школе функционировал клуб под руководством клубного совета, включавшего представителей от курсантов, ячеек РКП(б) и РКСМ. В рамках клубной работы проводилось политическое просвещение, шла постановка спектаклей, в том числе для жителей подшефных деревень [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 18 об; Д. 9. Л. 18]. Члены партийной ячейки, прежде всего курсанты, приобщались к воспитательной работе, возлагавшейся на парторганизаторов, призванных вне стен школы прививать дух коллективизма беспартийным курсантам [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 61 об; Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 23; Д. 9. Л. 20]. В соответствии с правилами внутреннего распорядка курсантам запрещалось гулять дольше 24.00 и уезжать домой без разрешения администрации школы [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 25].

Благодаря деятельности партийной ячейки школьная жизнь освещалась редакционной коллегией стенной школьной газеты «Голос курсанта», а также на страницах газеты «Ижевская правда» постоянным корреспондентом, избранным на бюро ячейки РКП(б) [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 43-43 об.]. Для газеты «Красный пахарь», издаваемой в г. Глазове, члены партийной ячейки готовили по заданию Глазовского уездного комитета РКП(б) тематические материалы к официальным советским праздникам [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 630. Л. 46 об.]. Курсанты совпартшколы воспринимали газету «Красный пахарь» как трибуну, позволяющую им открыто говорить о недостатках школьной жизни. Так, в январе 1924 г. газета опубликовала статью курсантов, выступивших с критикой системы распределения материального довольствия обучающихся [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 1]. Не менее важной считалась кампания по организации массовой подписки на газеты. Новый заведующий школой П. В. Мальгинов, возглавивший её в июне 1924 г., выписывал газеты «Московская Правда», «Безбожник», «Красный пахарь», журнал «Огонёк». Восемь сотрудников школы получали более одной печатной газеты, в их числе «Красный пахарь», «Правда», «Учительская газета», «Известия», «Рабочая газета» [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 12 об; Д. 9. Л. 2].

Партийная ячейка школы прилагала усилия к вовлечению сотрудников, курсантов школы в деятельность общественных организаций. В декабре 1924 г. тринадцать служащих школы являлись членами общества «Долой неграмотность», шесть человек входили в Международную организацию помощи борцам революции (МОПР), из них один состоял в Обществе друзей воздушного флота (ОДВФ) [Филиал ЦГА УР – ГАОПИ Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л. 2, 22 об; Д. 9. Л. 2].

Проведённое исследование показало, что работа Глазовской уездной совпартшколы I ступени была проникнута духом времени. Содержание образовательной программы, тематика внеурочной деятельности, структура руководящих органов, межличностные отношения служащих школы и курсантов складывались под влиянием циркуляров Глазовского уездного комитета РКП(б) при ключевой роли проявивших профессиональную ответственность, организованность служащих совпартшколы и стремившихся к постижению ценностей советской власти курсантов. Тяжёлые материальные условия, сопровождавшие школьную жизнь, преодолевались при помощи самоорганизации курсантов,

изначально не исключавшей развитие коллективных форм сотрудничества. Очевидно, что многочисленные обязанности курсантов не содействовали формированию полных и прочных знаний по общеобразовательным и общественно-политическим дисциплинам, но развивали актуальную для 1920-х гг. компетенцию – умеет результативно исполнять порученное дело в условиях неопределённости. Кроме того, общественно-политическая работа курсантов закрепляла практические навыки деловой коммуникации с крестьянским населением, увязывала формируемые теоретические познания с практической деятельностью ответственного советского работника уездного или волостного уровня. Полиэтничность политического образования приобщала слушателей из удмуртских деревень к общественному взаимодействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гвоздева М. М.* Система повышения квалификации партийных и советских служащих в СССР: исторический экскурс // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 3 (24). С. 28–33.
- Гоголев Н. В.* Учебные заведения Тулы в первые годы советской власти // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ПРО ТО». 2019. № 1. С. 99–100.
- История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова; введение О. И. Васильевой, Л. Н. Бехтеревой, Н. А. Родионова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
- Клецкина О. Г.* Политическая активность и фискальная ответственность крестьян национальных окраин РСФСР в первую половину 1920-х годов (на примере Глазовского уезда Вотской автономной области) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2022. Т. 32. Вып. 6. С. 1232–1241.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 41: май – ноябрь 1920. М.: Изд-во политической литературы, 1981. 696 с.
- Леонова Л. С.* Из истории подготовки партийных кадров в советско-партийных школах и коммунистических университетах (1921–1925 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 1972. 182 с.
- Мамай Н.* Коммунистическая партия в борьбе за идейное воспитание масс в первые годы нэпа. М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1954. 136 с.
- Нагиева М. К.* Проблема подготовки партийно-политических кадров в Дагестане в 20-х–30-х гг. XX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. Вып. 3. С. 29–35.
- Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917–1991 гг. / науч. ред. А. А. Тронин. Ижевск: Удмуртия, 1995. 744 с.
- Сталин И. В.* Сочинения. Т. 6: 1924. М.: ОГИЗ; Государственное изд-во политической литературы, 1947. 430 с.
- Туфанов Е. В., Кравченко И. Н.* Партийное образование как элемент становления национальной партийно-государственной номенклатуры в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Научная мысль Кавказа. 2018. № 1. С. 34–39.
- Чижова Л. М.* Из истории подготовки партийных работников (1921–1925 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6. С. 89–98.
- Филиал ГКУ «ЦГА УР» – Государственный архив общественно-политической истории (ГАОПИ). Ф. 2. Глазовский уездный комитет РКП(б); Ф. 16. Вотский областной комитет (обком) РКП(б); Ф. 62. Ячейка РКП(б) Глазовской советско-партийной школы.
- Фильченков М. П.* Из истории партийных учебных заведений // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1. С. 108–122.
- Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-234. Финансовый отдел Удмуртского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Поступила в редакцию 06.04.2023

Клецкина Ольга Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 6)

E-mail: gi_ru@mail.ru

O. G. Kletskina

EDUCATIONAL AND SOCIO-POLITICAL ACTIVITIES OF THE SOVIET PARTY SCHOOL OF THE GLAZOV DISTRICT OF THE VOTSKAYA AUTONOMOUS REGION IN 1923–1924

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-87-96

The author of the presented study chose the Soviet party school of the first half of the 1920s as the object of study. The choice of the chronological framework of the article is predetermined by the interest in the behavior, actions, and mentality of the first employees and listeners of the Soviet political education system. The main attention of the researcher is focused on the disclosure of the educational and socio-political activities of employees and cadets of the Glazov district Soviet party school of the Votskaya Autonomous Region. The article is based on the primary documents of the cell of the RCP(b), established at the Glazov district Soviet party school. Protocols, reports, statements, various lists create a fairly complete picture of the main directions of the activity of the Soviet party school, its structure, the contingent of cadets, and the nature of official relations within the school. The work of the Soviet party school of the first stage in the city of Glazov differed from the routine of the functioning of similar institutions in the RSFSR by the duration of educational activities. The academic year began in October and ended in July. Cadets with the support of the party authorities came to study from three districts of the Votskaya Autonomous Region to study general educational and socio-political disciplines. The organizers of educational and upbringing work in the Soviet party school made efforts to form an active life position among the cadets in the context of the official ideological attitudes of the Soviet state. The introduction of cadets in participate in the activities of the institutes of school self-administration, Komsomol and party cells facilitated the acquisition of practical knowledge and skills relevant to the Soviet political regime by beginners and future employees of Soviet and party institutions of the district level.

Keywords: Soviet party school, cadet, free listener, academic year, trimester, teaching methods, RCP(b), bureau of the party cell, Komsomol, school self-administration, school board, patronage, peasants.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 87–96. In Russian.

REFERENCES

Gvozdeva M. M. Sistema povysheniya kvalifikacii partijnyh i sovetskih sluzhashchih v SSSR: istoricheskij ekskurs [The Party and Soviet servants professional development system in USSR: the historical retrospective]. Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby [Bulletin of the Volga Academy of Public Service], 2010, no. 3 (24), pp. 28–33. In Russian.

Gogolev N. V. Uchebnye zavedeniya Tuly v pervye gody sovetskoj vlasti [Tula educational institutions in the early Soviet period]. Vestnik GOU DPO TO «IPK i PRO TO». Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo [Bulletin of the GOU DPO TO "IPK and PRO TO". Tula educational space], 2019, no. 1, pp. 99–100. In Russian.

Istoriya Udmurtii: XX vek / pod red. K. I. Kulikova; vvedenie O. I. Vasil'evoj, L. N. Bekhterevoj, N. A. Rodionova [History of Udmurtia: XX century / ed. K. I. Kulikov; introduction by O. I. Vasilyeva, L. N. Bekhtereva, N. A. Rodionov]. Izhevsk, Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury Ural'skoe otdelenie Rossijskoj akademii nauk Publ., 2005. 544 p. In Russian.

Kleckina O. G. Politicheskaya aktivnost' i fiskal'naya otvetstvennost' krest'yan nacional'nyh okrain RSFSR v pervuyu polovinu 1920-h godov (na primere Glazovskogo uezda Votskoj avtonomnoj oblasti) [Political activity and fiscal responsibility of the peasants of the national outskirts of the RSFSR in the first half of the 1920s (on the example of the Glazov District of the Votskaya Autonomous Region)]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2022, no. 32 (6). pp. 1232–1241. In Russian.

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. Vol. 41: maj – noyabr' 1920 [May – November 1920]. Moscow : Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1981. 696 p. In Russian.

Leonova L. S. Iz istorii podgotovki partijnyh kadrov v sovetsko-partijnyh shkolah i kommunisticheskikh universitetah (1921–1925 gg.) [From the history of the training of party cadres in Soviet-Party schools and Communist universities (1921–1925)]. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1972. 182 p. In Russian.

Mamaj N. Kommunisticheskaya partiya v bor'be za idejnoe vospitanie mass v pervye gody nepa [The Communist Party in the struggle for the ideological education of the masses in the early years of the NEP]. Moscow : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1954. 136 p. In Russian.

Nagieva M. K. Problema podgotovki partijno-politicheskikh kadrov v Dagestane v 20-h–30-h gg. XX veka [The problem of training party and political staff in Dagestan in the 1920s–1930s]. Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of the Maikop State Technological University], 2020, no. 3 (46), pp. 29–35. In Russian.

Spravochnik po administrativno-territorial'nomu deleniyu Udmurtii. 1917–1991 gg. / nauch. red. A. A. Tronin [Reference book on the administrative-territorial division of Udmurtia. 1917–1991 / scientific ed. A. A. Tronin]. Izhevsk : Udmurtiya Publ., 1995. 744 p. In Russian.

Stalin I. V. Sochineniya [Writings]. Vol. 6: 1924. Moscow : OGIZ ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1947. 430 p. In Russian.

Tufanov E. V., Kravchenko I. N. Partijnoe obrazovanie kak element stanovleniya nacional'noj partijno-gosudarstvennoj nomenklatury v 1920–1930-e gg. (na materialah Severnogo Kavkaza) [Party education as an element of the formation of the national party-state nomenclature in the 1920s-1930s. (based on the materials of the North Caucasus)]. Nauchnaya mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus], 2018, no. 1, pp. 34–39. In Russian.

Chizhova L. M. Iz istorii podgotovki partijnyh rabotnikov (1921–1925 gg.) [From the history of the training of party workers (1921–1925)]. Voprosy istorii KPSS [Questions of the history of the CPSU], 1968, no. 6, pp. 89–98. In Russian.

Filial Gosudarstvennogo kazennogo uchrezhdeniya «Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki» – Gosudarstvennyj arhiv obshchestvenno-politicheskoy istorii (GAOPI) [The branch of the State public institution "Central State Archive of the Udmurt Republic" is the State Archive of Socio-Political History (SASPH)]. Fond 2. Glazovskij uezdnyj komitet RKP(b) [Fund 2. Glazov Uyezd Committee of the RCP(b)], Fond 16. Votskij oblastnoj komitet (obkom) RKP(b) [Fund 16. Votsky Regional Committee of the RCP(b)], Fond 62. Yachejka RKP(b) Glazovskoj sovetsko-partijnoj shkoly [Fund 62. Cell of the RCP(b) in the Glazov Soviet party school]. In Russian.

Fil'chenkov M. P. Iz istorii partijnyh uchebnyh zavedenij [From the history of party educational institutions]. Voprosy istorii KPSS [Questions of the history of the CPSU], 1958, no. 1, pp. 108–122. In Russian.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj Respubliki (CGA UR) [Central State Archive of the Udmurt Republic (CSA UR)]. Fond. R-234. Finansovyj otdel Udmurtskogo oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Soveta rabochih, krest'yanskih i krasnoarmejskih deputatov [Fund R-234. Financial Department of the Udmurt Regional Executive Committee of the Council of Workers', Peasants' and Red Army Deputies]. In Russian.

Received 06.04.2023

Kletskina Olga Gennad'evna

Candidate of History, Associate Professor
Udmurt State University
1/6, Universitetskaya st., Izhevsk, 426034, Russia
E-mail: gi_ru@mail.ru

Ф. Г. Сафин**ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА УДМУРТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ (1989–2020 гг.)¹**

В статье рассматриваются тенденции развития этносоциальной структуры удмуртского населения в Республике Башкортостан в трансформационный период российского общества. Отмечается, что в условиях рыночной экономики среди удмуртского населения также произошла трансформация социально-профессиональной структуры. Несмотря на эти изменения и на высокий удельный вес сельских жителей, удмурты в целом представлены во многих ключевых отраслях экономики. Установлено, что низкий уровень лиц с высшим образованием среди удмуртов несколько не повлияло на их занятость в ряде ключевых отраслях экономики. Например, удмурты со значительной долей были представлены в сфере машиностроения и металлообработки (16,8 %), при этом 7,9 % удмуртов работали инженерно-техническими специалистами, опережая татар, башкир, чувашей, уступая только русским и украинцам. Выявлено, что среди высококвалифицированных рабочих доля удмуртов была выше, чем у представителей других национальностей. Но при этом также высокой представлялась доля неквалифицированных и полуквалифицированных работников. Доля работников квалифицированного труда в сельском хозяйстве у удмуртов существенно превышала показатели представителей других этнических групп. В то же время была высокой доля работников малоквалифицированного труда. Иными словами, среди удмуртов, как и у представителей ряда этнических групп в республике, проявляется определенная этносоциальная дифференциация. Самая высокая доля среди всех этнических групп республики, занимающихся личным подсобным хозяйством отмечена также у удмуртов, что подкрепляется как по итогам переписей, так и по данным этносоциологического опроса. В целях получения дополнительного дохода люди трудятся в нескольких работах. Выявлено, что удмурты имели самый высокий показатель с двумя и даже тремя источниками средств к существованию. Исследование показало, что удмурты в значительной степени вовлечены в структуры рыночной экономики.

Ключевые слова: этносоциальная структура, удмурты, Башкортостан, этнические группы, отрасли экономики, уровень образования, занятость населения, рыночная экономика, этносоциальная дифференциация.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-97-108

Одним из существенных факторов, влияющих на распределение занятого населения по отраслям народного хозяйства, является место проживания. Из 23 696 удмуртов в 1989 г. лишь 26,2% проживало в городах и 73,8% в сельской местности. За прошедшие годы существенных изменений в удельном весе между сельскими и городскими жителями среди удмуртов в республике не произошло. Поэтому наибольшая доля удмуртов, занятых в народном хозяйстве была представлена в сфере сельского хозяйства, или в той или иной степени связанной с сельской местностью.

Другим значимым фактором, влияющим на распределение занятого населения является уровень образования. В этом смысле по данным переписи 1989 г. уровень лиц с высшим образованием на 1000 чел. в возрасте 15 лет и старше среди удмуртов составлял всего 30 чел. [Уровень 1990, 40–41]. К 2002 г. данный показатель увеличился более, чем на 20 пунктов и составил 51 чел., при среднем республиканском показателе 117 чел., что в 2,3 раза было меньше, чем по республике [Национальный 2006, 36]. Например, среди украинцев в 2002 г. на 1000 чел. приходилось 149 чел. с высшим образованием, среди татар – 130 чел., русских – 128 чел., башкир – 100 чел., чувашей – 69 чел., мордвы – 61 чел., марийцев – 53 чел. [Национальный 2006, 36]. Таким образом, среди удмуртов по сравнению с представителями других национальностей в республике, лиц с высшим образованием оказалось намного меньше. Для сравнения, если в Башкортостане в 2002 г. число лиц с высшим образованием составил 175 чел., то в Удмуртии – 202 чел. [Регионы 2013, 228-229]. Среди лиц с неполным высшим и средним профессиональным образованием удмурты также уступали другим этническим группам, составляя 204 чел., при среднереспубликанском показателе – 307 чел. Среди лиц, не имеющих начального общего образования показатели удмуртов (19 чел.) были выше, чем в среднем по республике – 12 чел., уступая только мордве, у которых на одну тыс. приходилось 31 чел. [Нацио-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья». №АААА-А21-121012290085-3.

нальный 2006, 36]. Низкий образовательный уровень в свою очередь повлиял на удельный вес лиц, занятых умственным трудом. Среди удмуртов доля лиц с умственным трудом составляла 20%, при среднереспубликанском показателе 30,9%. Выше этого уровня были показатели у русских – 34,2% и у украинцев – 40,6% [АТО ФСГС по РБ 1989].

Самый высокий удельный вес среди занятого удмуртского населения, трудившегося физическим трудом, по данным переписи 1989 г., представлен в сельскохозяйственном производстве и составил более 18%. В сфере сельского хозяйства также трудились агрономы, ветеринарные врачи и фельдшеры, зоотехники и другие работники умственного труда.

Несмотря на сельский образ жизни, удмурты со значительной долей были представлены в сфере машиностроения и металлообработки – 16,8%. При этом 7,9% удмуртов работали инженерно-техническими специалистами, среди которых 3,2% были инженеры с высшим образованием и 1,6% мастерами. По удельному весу среди инженерно-технических работников удмурты опережали татар – 7,7%, башкир – 5,1%, чувашей – 4,4%, марийцев – 2,8%, уступая только русским – 11,1% и украинцам – 12,1% [АТО ФСГС по РБ 1989].

Существенная доля удмуртов была занята в сфере строительства (5,0%), а также среди научных работников, преподавателей и воспитателей (5,0%). Одну третью часть последних составили преподаватели начальных, неполных средних и всех средних учебных заведений и курсов (2,2%), часть воспитатели в детских домах, дошкольных учреждениях и школах-интернатах (1,4%) [АТО ФСГС по РБ 1989].

Доля работников в сфере здравоохранения среди удмуртов составляла 2,6%, из них, немногим более четверти (27,0%) были врачи с высшим образованием. Основная часть работников здравоохранения среди удмуртов приходилась на медицинских сестер (45,0%), фельдшеров и акушерок (13,5%). Доля удмуртов среди медицинских работников заметно уступала среднерегionalному и показателю татар – 3,1%, украинцев – 3,1%, башкир – 3,0% и русских – 2,7%, превышая чувашей – 2,2% и марийцев – 1,8% [АТО ФСГС по РБ 1989].

Около 3,0 % удмуртов составили группу занятия служащих, не включенных в другие группы умственного труда, такие как руководители административно-хозяйственных управлений и отделов, заведующие хозяйством, а также агенты и экспедиторы.

Определенная, но не очень значительная доля удмуртов (1,6%) была занята на силовых установках, в том числе машинистами и мотористами, электромонтерами электросетей и станций, а также среди рабочих в химической отрасли в качестве аппаратчиков и операторов силовых установок (1,4%) [АТО ФСГС по РБ 1989].

В связи с тем, что более 70% удмуртов проживает в сельской местности, их представленность в промышленно-производственных отраслях оставалась не совсем высокой. Вместе с тем, существенная доля (7,6%) удмуртов работала в сфере автотранспорта и городского электротранспорта в качестве водителей автомашин и автобусов. Например, среди чувашей и русских в данной сфере были заняты 6,8% рабочих, среди марийцев – 5,8%, среди татар – 8,1 %, среди башкир – 6,7% [АТО ФСГС по РБ 1989]. Иными словами, доля удмуртов, занятых в данной отрасли в сравнении с представителями других этнических групп уступала лишь только татарам, превышая среднереспубликанский показатель.

Определенную долю удмурты составили в таких отраслях, как торговля и общественное питание (3,2%), жилищно-коммунальное хозяйство (3,6%) и в сфере железнодорожного транспорта (1,0%). В целом доля удмуртов рабочих, занятых во всех отраслях экономики составила 7,7%, тогда как среди родственных финно-угорских марийцев данный показатель был существенно ниже – 5,8%, среди татар и чувашей – 6,4%, среди башкир – 5,5% и среди русских – 8,3% [АТО ФСГС по РБ 1989].

Таким образом, удмурты по занятости среди рабочих во всех отраслях народного хозяйства по республике уступали только русским, превышая среднереспубликанский показатель. Удельный вес рабочих неквалифицированного труда среди удмуртов составлял 1,6%, уступая только марийцам – 1,7%, но существенно больше, чем у украинцев – 0,8%, русских и татар – 1,0%, башкир – 1,2%, чувашей – 1,3% [АТО ФСГС по РБ 1989].

За прошедшие 30 лет произошли коренные изменения в сфере социально-профессионального состава населения республики. В условиях рыночной экономики формировалась новая социально-профессиональная структура населения. Несмотря на эти изменения существующие структуры в экономике в целом сохранились, частично трансформируясь и адаптируясь к рыночной экономике.

Таблица 1

К какому виду экономической деятельности относится род вашего занятия? [ЭСО 2018,2021]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	удмурты	марийцы	чуваши
Руководители учреждений, организаций и предприятий	4,8	8,2	3,9	2,3	0,0	3,6
Руководители (представители) органов власти и управления	0,8	1,0	0,6	0,4	1,7	–
Руководители органов местного самоуправления	4,0	3,6	0,6	0,2	2,9	–
Руководители подразделений (служб)	2,4	3,1	1,1	1,1	2,7	3,6
Специалисты в области естественных и технических наук	1,6	3,1	3,9	3,4	1,4	–
Здравоохранения	3,2	2,0	5,6	6,9	0,0	3,6
Научные исследования и разработки в здравоохранении	0,8	2,0	1,1	0,0	0,0	1,2
Специалисты в области образования	9,5	12,2	12,3	18,4	19,2	20,5
Специалисты по экономической деятельности	4,0	5,1	5,0	3,4	1,4	8,4
Деятели литературы и искусства	3,2	2,0	0,0	0	1,4	7,2
Специалисты среднего уровня квалификации	9,5	10,7	10,6	21,8	11,0	3,6
Рабочие рыболовства и рыболовства	2,4	0,0	0,0	1,1	0,0	0,0
Строительство, транспорт, связь, худож., пром., геология	10,3	7,1	11,2	10,3	17,8	14,5
Рабочие металлообрабатывающей и машиностроит. промышленности	4,0	2,6	4,5	1,1	1,4	2,4
Работники сферы обслуживания и родственных видов деятельности	12,7	11,2	14,5	11,5	27,4	20,5
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	1,6	7,7	5,0	3,4	4,1	6,0
Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей экономики	0,8	6,1	3,4	12,6	11,0	3,6
Домашняя прислуга, уборщики квартир и родствен. профессии	3,2	1,0	1,1	2,3	1,4	1,2

Данные этносоциологического опроса, проведенного в 2018 г. по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ЭСО, ноябрь 2018 г.), репрезентативного для всего населения республики в целом коррелируют с итогами переписей населения. Поскольку в данных последних переписей отсутствуют показатели распределения удмуртского населения по профессиональному составу, то мы будем пользоваться данными этносоциологического исследования среди удмуртов, проведенного в Башкортостане в апреле 2021 г. по аналогичному проекту. Как выяснилось в ходе опроса удельный вес удмуртов, занятых в сфере сельского хозяйства составлял 13,8% [ЭСО апрель 2021]. Высокий удельный вес удмуртов в этнической структуре по данным переписи 2020 г. отмечен в Татышлинском и Янаульском районах, на которых из всех удмуртов республики приходилось 25,6% и 20,7% [ТА ФСГС по РБ 2020]. Поэтому, учитывая высокий уровень сельских жителей удмуртов, данный показатель вполне соответствует доле занятых в данной отрасли. Удельный вес удмуртов, занятых в сельском хозяйстве в сравнении с представителями других этнических групп, был самым высоким.

Но самый большой удельный вес среди удмуртов (24,1%), как и среди марийцев (20,5%) и чувашей (22,9%) был отмечен в сфере образования (табл. 2). Такая высокая доля работающих в данной отрасли удмуртов и представителей указанных этнических групп, прежде всего, объясняется тем, что в сельской местности, в связи с роспуском колхозов и совхозов, основной отраслью осталось сфера образования. Помимо учителей и воспитателей, в школах трудится обслуживающий персонал, которые вместе выдают высокий процент работников в системе образования.

Таблица 2

К какой отрасли экономики относится род вашего занятия? [ЭСО 2018, 2021]

	башкиры	татары	русские	удмурты	марийцы	чуваши
Сельское хозяйство, охота и лесоводство, фермерское хозяйство	4,8	2,0	4,5	13,8	2,7	4,8
Рыболовство	2,4	1,0	1,7	0,0	0,0	1,2
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	1,6	7,1	1,1	0,0	2,7	3,6
Обрабатывающая, металлообрабатывающая промышленность	4,0	2,0	2,8	1,1	1,4	3,6
Машиностроительная промышленность	6,3	4,6	6,1	1,1	0,0	2,4
Электроэнергия, газ и водоснабжение	4,0	4,1	2,8	9,2	4,1	1,2
Строительство	4,8	3,1	6,7	4,6	9,6	6,0
Торговля оптовая и розничная	7,9	6,6	4,5	4,6	5,5	4,8
Материально-техническое снабжение и сбыт	0,0	1,5	1,7	1,1	1,4	0,0
Финансовое посредничество	3,2	0,5	1,7	1,1	1,4	0,0
Образование	12,7	14,3	11,2	24,1	20,5	22,9
Здравоохранение	2,4	2,0	3,9	6,9	1,4	4,8
Жилищно-коммунальное хозяйство	0,8	0,5	2,2	2,3	2,7	1,2
Менеджмент	0,0	1,0	1,7	1,1	1,4	2,4
Индивидуальное предпринимательство	0,0	2,0	0,6	1,1	0,0	3,6
Сфера обслуживания и родственные виды деятельности	6,3	4,6	6,1	4,6	17,8	4,8
Частные домашние хозяйства с наемным обслуживанием	2,4	1,0	0,0	2,4	0,0	2,4

Высоким был показатель среди удмуртов занятых в сфере электроэнергия, газо/и водоснабжения (9,2%), что также связано с обслуживанием производственных объектов данного направления. Например, газораспределительные станции требуют постоянного ухода по их обслуживанию, при чем, в течение круглосуточного времени. Поэтому для их обслуживания также вовлечены определенные рабочие силы, часть из них имеет вахтовый характер работы.

Относительно высокая доля удмуртов также представлена в сфере общественного питания (6,9%), тогда как, например, среди марийцев в данной сфере работало существенно меньше – 2,7%. Удмурты с незначительной долей (4,6%), наряду с чувашами (6,0%), русскими (6,7%) и с башкирами (4,8%) также представлены в сфере строительной промышленности (табл. 2).

Определенная доля удмуртов, как и представители других этнических групп, трудилась в сфере транспорта, работая при этом не только водителями транспортных средств, но и в качестве механиков, слесарей и других специальностей. Из всех удмуртов, в транспортной отрасли, как было выявлено в ходе опроса, работали 3,4% опрошенных. При этом в данной сфере трудилось 2,4% чувашей, 2,0% татар, 3,2% башкир и 3,4% русских (табл. 2).

Одной из распространенных отраслей, отражающая рыночную форму экономики, в представлениях обывателя представляется сфера оптовой и розничной торговли. В этом отношении среди представителей этнических групп в республике резких вариаций не выявилось. Немногим менее 5% из всех удмуртов, как выяснилось в ходе опроса, были заняты в сфере торговли. В данной отрасли были вовлечены 4,8% чувашей, 5,5% марийцев, 6,6% татар, 7,9% башкир и лишь 4,5% русских (табл. 2).

В сфере обслуживания и родственных видах деятельности занятость удмуртов, как и татар (4,6%), также составляла определенную долю – 4,6%, уступая при этом чувашам – 4,8%, русским – 6,1% и башкирам – 6,3% (табл.2). Удмурты, абсолютное большинство которых проживая в сельской местности, имели личные подсобные хозяйства, в которых выращивали овощи, фрукты, а также держали домашний скот. При этом масштабы таких частных хозяйств требовали дополнительные рабочие силы. В связи с этим, как показали результаты опроса, около 2,4% удмуртов при ведении частного хозяйства пользовались трудами наемных рабочих (табл.2). Наемное обслуживание в личных домохозяйствах в сельской местности среди удмуртов было наиболее распространенным, чем у татар,

русских и марийцев. Более подробный анализ ситуации выявил, что в качестве рабочей силы часто трудились односельчане по месту проживания.

Иными словами, удмурты также в определенной степени были вовлечены в структуры рыночной экономики. Хотя, среди удмуртов лишь более одного процента респондентов отнесли себя в социально-профессиональном смысле к предпринимателям и коммерсантам, тогда как среди татар и русских данный показатель составлял более 4%, среди чувашей – 5,7% (табл.2).

В социально-профессиональной группе доля управляющих среднего звена среди удмуртов представлена не значительно – 2,2%, тогда как среди башкир она составляла – 3,2%, среди татар и марийцев – 4,1%, среди чувашей – 4,6% и среди русских – 5,6% [ЭСО 2018, 2021].

Если среди удмуртов высококвалифицированных профессионалов по сравнению с представителями других этнических групп занимала более низшую планку, то среди профессионалов с высшим образованием они несколько им не уступали. При этом, среди работников со средним специальным образованием удельный вес удмуртов даже превышал аналогичные показатели респондентов других национальностей. Так, доля удмуртов, работников со средним специальным образованием составляла 30,3%, у башкир – 29,4%, у марийцев – 27,4%, чувашей – 25,3%, русских – 21,8%, татар – 21,4% [ЭСО 2018, 2021].

По сравнению с представителями других национальностей доля удмуртов среди высококвалифицированных рабочих также была выше. Но при этом также высокой представлялась доля неквалифицированных и полуквалифицированных работников (10,1%).

Однако в сельском хозяйстве доля работников квалифицированного труда у удмуртов была самой высокой (5,6%), существенно превышая респондентов других этнических групп. Например, среди чувашей данный показатель равнялся 3,4%, у марийцев – 1,4%, у татар – 0,5%. Другим парадоксом резкого социального расслоения среди удмуртов выступает то, что в сельском хозяйстве доля работников малоквалифицированного труда, по данным этносоциологического опроса, оказалась самой высокой – 3,4%, тогда как у чувашей данный показатель равнялся – 2,3%, у марийцев – 2,7%, татар – 2,0%, русских – 1,7% и башкир – 0,8% [ЭСО 2018, 2021].

Таким образом, в определенной степени можно констатировать, что среди удмуртов, как и у представителей ряда этнических групп в республике, наблюдается определенная этносоциальная дифференциация.

В связи с этим в процессе изучения социально-стратификационных процессов в республике исследователи установили, что при переходе к рыночным отношениям не все народы были в равных условиях. По их мнению, русские и татары имели более благоприятные позиции, чем представители титульного этноса [Социальное... 2002, 303–305].

Сравнительный анализ динамики трудоспособного населения республики между переписями 2002 и 2010 гг. показывает, что за это время существенно повысилась его абсолютная и относительная численность. Если в 2002 г. доля трудоспособного населения в целом по республике составляла 59,4%, то в 2010 г. она достигла 61,7%. При этом показатели удмуртов выросли на 4,2%, почти достигая среднереспубликанского уровня, заметно уступая марийцам (64,2%), татарам и чувашам (63,1%) (табл. 3).

Данные переписи и этносоциологического опроса относительно имеющих один или несколько источников средств к существованию среди удмуртов несколько отличаются, но более подробный анализ имеющих два и более источников в целом верифицируют эти различия. Например, на вопрос «занимаетесь ли вы какой-либо деятельностью, чтобы иметь дополнительный доход, помимо заработка по основной работе, пенсии, стипендии?» более двух трети удмуртов ответили отрицательно [ЭСО апрель 2021]. По данным переписи 2010 г. менее половины удмуртов отметили только один источник средств к существованию (47,2%), который был самым низким показателем среди всех этнических групп, при среднереспубликанской доле 67,2% [Национальный 2013, 34]. Если у русских один только источник указали 76,1%, то среди удмуртов он был на 28,9% меньше. Но, при этом, среди удмуртов был самый высокий показатель с двумя источниками средств к существованию – 49,7%, тогда как средняя доля по республике составляла – 29,4%. Среди всех этнических групп, имеющих три источника средств к существованию показатели удмуртов были одними из высоких (3,0%), при среднереспубликанской доле – 1,7%. Выше удмуртов с тремя источниками средств к существованию имели только марийцы – 19,8% [Национальный 2013, 32], что также подтверждается данными этносоциологического опроса, согласно которому, чтобы иметь дополнительный доход 22,6% удмуртов отметили, что работают в нескольких работах, существенно превышая показатели респондентов других этнических групп, но значительно уступая марийцам – 39,4% [ЭСО апрель 2021].

Таблица 3

**Источники средств к существованию по данным ВПН 2010 г.
[Национальный 2006, 2013]**

Источник существования	Все население	башкиры	татары	русские	чуваши	марийцы	удмурты	мордва
2002								
В трудоспособном возрасте	2 438 206 59,4	705 297 57,7	603 536 61,0	890 069 59,7	70 219 59,9	63 628 60,1	12 916 57,1	14 599 56,1
Моложе трудоспособного возраста	872 024 21,3	296 583 24,3	204 347 20,6	294 315 19,7	23 222 19,8	24 898 23,6	4 984 22,0	2 845 10,9
Старше трудоспособного возраста	793 292 19,3	219 297 18,0	182 716 18,4	306 189 20,6	23 865 20,3	17 296 16,3	4 725 20,9	8 575 33,0
2010								
В трудоспособном возрасте	2 509 263 61,7	723 026 61,7	636 412 63,1	857 936 59,9	67 851 63,1	66 601 64,2	13 160 61,3	11 606 57,2
Моложе трудоспособного возраста	742 290 18,2	236 252 18,2	171 407 17,0	261 507 18,2	16 826 15,7	20 072 19,4	3 828 17,8	1 662 8,2
Старше трудоспособного возраста	820 181 20,1	213 003 20,1	201 475 19,9	313 461 21,8	22 773 21,2	16 985 16,4	4 489 20,9	7 032 34,6
Трудовая деятельность, включая работу по совместительству	1 774 508 43,6	486 183 41,5	466 270 46,2	649 709 45,1	48 680 45,3	42 594 41,1	8 795 40,9	9 177 45,2
Личное подсобное хозяйство	768 502 18,9	321 599 27,4	182 946 18,1	168 730 11,8	31 777 29,6	30 662 29,6	8 850 41,2	5 433 26,8
Пенсия (кроме пенсии по инвалидности)	898 163 22,0	241 147 20,6	222 908 22,1	344 678 24,0	25 589 23,8	19 758 19,1	4 916 22,9	7 575 37,3
Пенсия по инвалидности	121 054 3,0	36 506 3,1	30 357 3,0	42 261 2,9	3 164 2,9	2 924 2,8	664 3,1	816 4,0
Стипендия	78 946 1,9	30 112 2,6	21 038 2,1	20 657 1,4	2 180 2,0	2 199 2,1	383 1,8	204 1,0
Пособие (кроме пособия по безработице)	356 294 8,7	149 616 12,8	75 867 7,5	94 370 6,6	10 801 10,1	14 459 13,9	2 823 13,4	999 4,9
Иждивение, помощь других лиц, алименты	1 260 166 30,9	397 128 33,9	309 579 30,7	439 68 30,7	29 694 27,6	34 187 33,0	6 638 30,9	3 565 17,6
Один источник средств к существованию	2 735 002 67,2	688 122 58,8	706 411 70,0	1 090 87 76,1	63 306 58,9	61 072 58,9	10 140 47,2	12 818 63,1
Два источника средств к существованию	1 195 681 29,4	455 168 38,8	285 578 28,3	323 12 22,5	41 897 39,0	40 475 39,0	10 682 49,7	7 096 34,9
Три источника средств к существованию	70 570 1,7	28 245 2,4	16 885 1,7	18 363 1,3	2 212 2,1	2 056 19,8	644 3,0	378 1,9
Четыре источника средств к существованию	1 822 0,04	736 0,06	401 0,04	529 0,04	35 0,03	55 0,05	11 0,05	8 0,04
Иной источник	2 058 0,05	510 0,04	290 0,03	1 051 0,07	26 0,02	17	–	6

Характерной особенностью для ведения личного подсобного хозяйства необходимо иметь свой дом с приусадебным участком и постройками для домашнего скота, что только возможно для проживающих в сельской местности. В этом отношении, как выяснилось в ходе опроса, наибольшую долю, кто имеет отдельный дом, были отмечены среди удмуртов республики (81,5%). Поэтому, естественно, что у удмуртов, как у марийцев, чувашей и башкир, было больше возможностей иметь личное подсобное хозяйство, в котором можно было выращивать овощи, фрукты и держать домашний скот не только для личного потребления, но и для продажи. Удмурты больше всех отмечали, что они владеют землей или участком, не менее 0,5 гектаров (22,6%) [ЭСО апрель 2021]. Итоги переписи 2010 г. коррелируя данные этносоциологического опроса показывают, что самая высокая доля среди всех этнических групп республики, занимающихся личным подсобным хозяйством отмечена у удмуртов – 41,2%, марийцев, чувашей – 29,6% и башкир – 27,4% [Национальный 2013, 28–34]. Иными словами, каждый второй из пяти удмуртов, немногим более четверти чувашей, марийцев и башкир трудились в личном подсобном хозяйстве, выращивая домашний скот, овощи и фрукты не только для личного потребления, как было отмечено в данных этносоциологического опроса, но и для продажи.

Таблица 4

**К какой социально-профессиональной группе Вы себя относите?
[ЭСО 2018, 2021]**

	башкиры	татары	русские	удмурты	марийцы	чуваш
Предприниматели, коммерсанты	1,6	4,6	4,5	1,1	–	5,7
Управляющие высшего звена и чиновники	0,0	1,0	1,1	–	–	–
Управляющие среднего звена	3,2	4,1	5,6	2,2	4,1	4,6
Руководители низового звена	3,2	3,6	2,2	0,0	0,0	2,3
Высококвалифицированные профессионалы	4,0	10,2	8,4	1,1	5,5	6,9
Профессионалы с высшим образованием	22,2	21,4	14,5	22,5	21,9	23,0
Работники со средним специальным образованием	29,4	21,4	21,8	30,3	27,4	25,3
Работники нефизического труда (в торговле, обслуживании)	6,3	6,6	9,5	2,2	4,1	4,6
Высококвалифицированные рабочие	3,2	1,0	2,8	4,5	6,8	3,4
Квалифицированные рабочие	13,5	6,6	14,5	13,5	13,7	5,7
Не- и полуквалифицированные рабочие	0,8	3,6	2,2	10,1	11,0	9,2
Работники квалифицированного труда в сельском хозяйстве	0,0	0,5	1,1	5,6	1,4	3,4
Работники малоквалифицированного труда в сельском хозяйстве	0,8	2,0	1,7	3,4	2,7	2,3
Самозанятые	8,7	4,6	6,7	3,4	1,4	3,4

Как показали итоги этносоциологического опроса, среди удмуртов самая высокая доля тех, кто отметила, что не имеет дополнительного дохода, помимо заработка по основной работе (68,5%) и самая низкая, кто этим занимается от случая к случаю (10,9%). О своей работе от случая к случаю, чтобы получать дополнительный доход, отметили каждый пятый опрошенный башкир, немногим менее этого татарин, а также мариец и чуваш. Постоянный характер дополнительной работы отметили 5,4% удмуртов, что превышала долю башкир (3,2%) и татар (5,1%), но немного уступая чувашам – 5,9% и существенно марийцам – 7,5% и русским – 7,3% [ЭСО апрель 2021].

Дополнительный доход достигался путем работы в нескольких работах. О своей работе на одной или на нескольких работах признались 22,6% удмурта, каждый пятый чуваш и двое из пяти опрошенных марийцев [ЭСО апрель 2021].

Наиболее распространенный вариант получения дополнительного дохода у удмуртов в сельской местности выступал выращивание скота, овощей в приусадебном участке, выполнение которых

требовало помощь родственников и друзей. Видимо, поэтому более одной трети удмуртов (35,5%) пользовались такой формой организации для выполнения работ с целью получения дополнительного дохода. Такую форму организации семейного подряда, но в меньшей степени, отметили марийцы (9,1%), чувашаи (12,0%) и башкиры (7,9%). Более четверти удмуртов (29,0%) с целью получения дополнительного дохода занимаются индивидуально-трудовой деятельностью [ЭСО апрель 2021].

Массовой формой индивидуально-трудовой деятельности является занятие по выращиванию овощей, фруктов, а также птиц и скота не только для себя, но и на продажу. Такую форму деятельности отметили каждый пятый респондент удмуртской (21,7%), более четверти марийской (26,9%) и еще немногим более чувашской (27,5%) национальности [ЭСО апрель 2021].

Многолетний состав удмуртских, как и марийских семей, в существенной степени повлиял на их семейно-бытовую деятельность. Так, 17,4% удмуртов, и каждый десятый мариец отметил, что, занимаясь индивидуально-трудовой деятельностью, они в значительной степени оказывают помощь в ведении домашнего хозяйства, а также помогают в уходе за детьми, тогда как, такой маркер ответа среди башкир составлял 4,8%, среди татар и русских около – 1,5%, и среди чувашей – 7,5%. Среди удмуртов (8,7%), также по сравнению с респондентами других этнических групп, значительно выше доля занимающихся частным извозом в качестве таксиста, а также тех, кто в той или иной степени связаны ремонтом бытовой техники, компьютеров и автомашин в автосервисах (8,7%) [ЭСО апрель 2021].

Таблица 5

**Если Вы занимаетесь какой-либо индивидуально-трудовой деятельностью, то чем именно?
[ЭСО 2018, 2021]**

	башкиры	татары	русские	удмурты	марийцы	чувашаи
Подрабатываю перепродажей, мелкой торговлей	4,0	6,1	5,0	13,0	7,7	15,0
Оказываю помощь в ведении хозяйства, уходе за детьми	4,8	1,5	1,7	17,4	11,5	7,5
Выращиваю овощи, фрукты для себя и на продажу, занимаюсь птицеводством, животноводством	7,9	7,6	4,5	21,7	26,9	27,5
Продаю сделанные мною вещи, шью, вяжу, вышиваю, плету корзины и т. п.	4,8	2,6	3,4	4,3	7,7	0,0
Занимаюсь репетиторством, переводами	5,6	5,6	4,5	4,3	7,7	2,5
Занимаюсь частным извозом (такси)	3,2	3,6	3,4	8,7	7,7	0,0
Помогаю в ремонте бытовой техники, компьютеров, автомашин	2,4	1,6	2,8	8,7	3,8	2,5
Занимаюсь сбором и сбытом цветного и черного металла	1,6	0,0	1,1	4,3	3,8	2,5
Другое (укажите, что именно)	1,6	6,1	5,6	13,0	23,1	20,0

Таблица 6

**Занятость и ориентированность населения на предпринимательскую деятельность?
[ЭСО 2018, 2021]**

	башкиры	татары	русские	удмурты	марийцы	чувашаи
Занят предпринимательской деятельностью	8,7	8,2	10,1	1,1	7,5	5,8
Не занят, но собираюсь заняться	27,0	21,9	21,2	10,8	25,0	18,4
Не занят и не собираюсь заниматься	35,7	46,4	50,3	62,4	45,0	60,2
Затрудняюсь ответить	28,6	23,5	18,4	25,7	22,5	15,6

Что касается занятости удмуртов в предпринимательской деятельности, то лишь около одного процента респондентов подтвердили свое участие. Каждый десятый изъявил желание в будущем заняться предпринимательством и две третья часть (62,4%) отметила, что не занимается предпринимательством.

тельством и не собирается им заниматься в будущем, что по сравнению с респондентами других национальностей оба показателя являются самыми высокими.

К развитию рыночных отношений удмуртское население республики оставалось весьма консервативным. Из всех респондентов удмурты (15,8%), как и чуваша (10,7%) меньше всех согласились с утверждением, что переход к рынку был единственным верным путем к развитию экономики, тогда как с таким мнением согласились треть башкир (31,7%) и марийцев (32,5%), четверть татар (26,5%) и каждый пятый опрошенный русский (19,6%) (табл. 7). Удмурты больше всех выступили против рыночной экономики (21,1%), заявив, что она была ошибочной, и что надо было идти по пути планового развития, опережая своих близких финно-угорских респондентов-марийцев более, чем в два раза (10,0%). Более того, удмурты (14,7%), наряду с чувашами (23,3%) и русскими (16,2%) настояли на том, что переход к рынку себя вообще не оправдал (табл. 7). Однако, как показали результаты опроса, рыночная экономика, с ее экономическими и финансовыми проблемами, до сих пор среди населения не находит определенной оценки. Так, 30,2% башкир 36,3% русских, 37,5% марийцев, 37,8% татар и каждый второй удмурт и столько же чувашей не поняли сути рыночных отношений, оставшись в затруднительном положении.

Таблица 7

Отношение о переходе к рыночной экономике в России? [ЭСО 2018, 2021]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	удмурты	марийцы	чуваша
Переход к рынку был единственным верным путем к развитию экономики	31,7	26,5	19,6	15,8	32,5	10,7
Переход к рынку был ошибочным, надо было идти по пути планового развития	18,3	15,3	17,3	21,1	10,0	17,3
Я против рыночной экономики	7,1	8,2	10,6	5,3	10,0	3,9
Переход к рынку себя не оправдал	12,7	12,2	16,2	14,7	10,0	23,3
Затрудняюсь ответить	30,2	37,8	36,3	43,2	37,5	42,7

Самой верной и оптимальной оценкой относительно результатов рыночных отношений является экономическое и финансовое состояние населения. Если немногим менее трети башкир (31,0%), более четверти татар (27,6%) каждый пятый русский (21,8%), а также каждый шестой чуваш и седьмой мариец отмечали о существенном улучшении экономического и финансового положения своих семей, то среди респондентов удмуртской национальности об этом заявили лишь 12,6%, что является самым низким показателем среди всех опрошенных (табл. 8). Но, при этом, удмурты больше (46,3%), чем остальные респонденты отмечали, что экономическое и финансовое положение их семей за последние 10–15 лет все же немного улучшилось.

Таблица 8

Изменение экономического и финансового положения населения за последние 10-15 лет? [ЭСО 2018, 2021]

Варианты ответа	башкиры	татары	русские	удмурты	марийцы	чуваша
Существенно улучшилось	31,0	27,6	21,8	12,6	15,0	17,5
Немного улучшилось	29,3	33,7	36,3	46,3	33,8	40,8
Осталось без изменений	18,3	19,4	17,3	20,0	16,3	21,4
Немного ухудшилось	7,9	9,2	14,0	10,5	5,0	6,8
Существенно ухудшилось	5,6	2,6	5,0	2,1	1,3	4,9
Затрудняюсь ответить	7,9	7,5	5,6	8,5	28,6	8,8

Но при этом каждый десятый (10,5%) респондент удмуртской национальности все же заметил некоторое ухудшение экономического и финансового положения своей семьи за последние 10–15 лет, что существенно было выше показателя марийцев (5,0%), чувашей (6,8%), башкир (7,9%) и татар (9,2%), но меньше, чем у русских (14,0%) [ЭСО, апрель 2021]. Небольшая группа респондентов составила маркер существенного ухудшения экономического и финансового положения своих семей.

Если, например, среди этой группы респондентов, более 5,0% русских и почти столько же чувашей (4,9%) пожаловались на существенное ухудшение, то среди удмуртов данный показатель был существенно ниже [ЭСО, апрель 2021]. Вариации ответов улучшения и ухудшения экономического и финансового положения семей за последние 10–15 лет показывают о существующей этносоциальной дифференциации, практически у всех этнических групп в республике, в том числе и среди удмуртов.

В период системной трансформации, особенно в полиэтническом регионе, в связи с активизацией этносоциальных процессов, социальное расслоение среди населения становится неизбежностью и сопровождается этносоциальной дифференциацией [Шкаратан... 1996, 125].

Таким образом, прошедшие годы рыночной экономики показали, что удмуртское население, несмотря на все трудности трансформационного периода, в определенной степени сумело адаптироваться к ней, хотя внутри самой этнической группы имеется вариативная дифференциация.

СОКРАЩЕНИЯ

АТО ФСГС по РБ – Архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002 – Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат). Всесоюзная перепись населения 2002 г.

ЭСО ноябрь 2018 г. – Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту: «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие».

ЭСО апрель 2021 г. – Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту: «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (удмурты, марийцы, чуваша).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев С. С., Абрамова С. Р., Сафин Ф. Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа, 2018. 187 с.

Архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат). Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения отдельных национальностей по занятиям Башкирской АССР. Таблица 36 В; Абсолютные данные. (АТО ФСГС по РБ 1989).

Домохозяйства Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Статистический сборник. Уфа, 2006. 208 с.

Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года): статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2006. 198 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2013.

Профессиональный состав Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991. 133 с.

Распределение населения Башкирской ССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источника средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.): стат. сб. Уфа, 1991. 164 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2002. 480 с.

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат). Всесоюзная перепись населения 2002 г. Занятое население отдельных национальностей в возрасте 15–64 лет, проживающее в частных домохозяйствах, по занятиям. Таблица 45в. (ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2002).

Уровень образования населения БАССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: стат. сб. Уфа, 1990. 233 с.

Шкаратан О. И., Тихонова Н. Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России: Социология, этнология. 1996. Т. 5. № 1. С. 94–153.

Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту: «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» Авторы проекта – Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина. Рук. исследования – А. И. Халиулина. (ЭСО, ноябрь 2018 г.)

Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту: «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: Социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие (чуваша, марийцы, удмурты)» был проведен в апреле 2021 г. Авторы проекта – Ф. Г. Сафин, А. И. Халиулина. Руководитель исследования – А. И. Халиулина. (ЭСО, апрель 2021 г.)

Поступила в редакцию 04.10.2023

Сафин Фаиль Габдуллович

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева
ОСП ФГБУН «Уфимский федеральный исследовательский центр РАН»,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
450077, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6
E-mail: failsafin@mail.ru

F. G. Safin

ETHNOSOCIAL STRUCTURE OF THE UDMURT POPULATION IN BASHKORTOSTAN (1989–2020)

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-97-108

The article examines the trends in the development of the ethnosocial structure of the Udmurt population in the Republic of Bashkortostan during the transformation period of Russian society. It is noted that in a market economy, a transformation of the socio-professional structure also occurred among the Udmurt population. Despite these changes and the high proportion of rural residents, the Udmurts as a whole are represented in many key sectors of the economy. It was found that the low level of people with higher education among the Udmurts did not in any way affect their employment in a number of key sectors of the economy. For example, the Udmurts were represented with a significant share in the field of mechanical engineering and metalworking (16.8%), while 7.9% of the Udmurts worked as engineering and technical specialists, ahead of the Tatars, Bashkirs, Chuvashs, second only to the Russians and Ukrainians. It was revealed that among highly skilled workers the share of Udmurts was higher than that of representatives of other nationalities. But at the same time, the share of unskilled and semi-skilled workers was also high. The share of skilled workers in agriculture among the Udmurts was the highest, significantly exceeding representatives of other ethnic groups. At the same time, the share of low-skilled workers was also high. In other words, among the Udmurts, as well as among representatives of a number of ethnic groups in the republic, a certain ethnosocial differentiation is evident. The highest proportion among all ethnic groups of the republic engaged in personal subsidiary farming was also noted among the Udmurts, which is confirmed both by the results of censuses and by data from an ethnosociological survey. In order to obtain additional income, people work in several jobs. It was revealed that the Udmurts had the highest rate with two and even three sources of livelihood. The study showed that the Udmurts are largely involved in the structures of the market economy.

Keywords: ethnosocial structure, Udmurts, Bashkortostan, ethnic groups, economic sectors, education level, employment, market economy, ethnosocial differentiation.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 97–108. In Russian.

REFERENCES

Alekseenko S. S., Abramova S. R., Safin F. G. Etnosocial'nye osnovy razvitiya russkogo naseleniya v Bashkortostane (po dannym etnosociologicheskikh issledovaniy) [Ethnosocial foundations of the development of the Russian population in Bashkortostan (according to ethnosocial studies)]. Ufa, 2018. 187 p. In Russian.

Arhiv Territorial'nogo organa federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Bashkortostan (Bashkortostanstat). Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Raspredelenie naseleniya otdel'nyh nacional'nostej po zanyatiyam Bashkirskoj ASSR. Tablica 36 V; Absolyutnye dannye. (ATO FSGS po RB 1989) [All-Union Population Census of 1989. Distribution of the population of individual nationalities by occupation of the Bashkir ASSR. Table 36 B; Absolute data; [Archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan (Bashkortostanstat). (ATO FSGS on RB 1989).

Domohozyajstva Respubliki Bashkortostan (po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 g.). Statisticheskij sbornik [Households of the Republic of Bashkortostan (according to the All-Russian Population Census of 2002). Statistical collection. Ufa, 2006. 208 p.

Nacional'nyj sostav naseleniya Respubliki Bashkortostan (po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda): statisticheskij sbornik [The national composition of the population of the Republic of Bashkortostan 2002 year): statistical collection]

(according to the All-Russian Population Census of 2002): statistical collection]. Ufa: Bashkortostanstat, 2006. 198 p.

Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g.: stat. sb. V 2 ch. CH. 2 [National composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the All-Russian Population Census of 2010: stat. sat. At 2 h. 2]. Ufa, 2013. 189 p.

Professional'nyj sostav Bashkirskoj ASSR (po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g.): stat. sb. [Professional staff of the Bashkir ASSR (according to the All-Union Population Census of 1989): statistical collection]. Ufa, 1991. 131 p.

Raspredelenie naseleniya Bashkirskoj SSR po obshchestvennym gruppam, otraslyam narodnogo hozyajstva i istochnikam sredstv sushchestvovaniya (po dannym Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g.): stat. sb. [Distribution of the population of the Bashkir SSR by social groups, branches of the national economy and sources of livelihood (according to the All-Union Population Census of 1989): statistical collection]/ Ufa, 1991. 164 p.

Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli. 2013. Stat. sb. [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. M., 2013. 990 p.

Social'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost' / Avt. proekta i otv. red. L. M. Drobizheva [Social inequality of ethnic groups: representations and reality / Author of the project and ed. by L. M. Drobizheva]. M., 2002. 480 p. In Russian.

Tekushchij arhiv Territorial'nogo organa federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Bashkortostan (Bashkortostanstat). Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 2002 g. Zanyatoe naselenie otdel'nyh nacional'nostej v vozraste 15-64 let, prozhivayushchee v chastnyh domohozyajstvah, po zanyatiyam [The current archive of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan (Bashkortostan State Statistics Service). The All-Union Population Census of 2002 Employed population of certain nationalities aged 15-64 years, living in private households, by occupation. Table 45b. (THE SAME FSGS according to the RB VPN 2002).

Uroven' obrazovaniya naseleniya BASSR po rezul'tatam Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g.: stat. sb. [The level of education of the population of the BASSR according to the results of the All-Union census of 1989: stat. sat.] Ufa, 1990. 233 p.

Shkaratan O. I., Tihonova N. E. Zanyatost' v Rossii: social'noe rassloenie na rynke truda // Mir Rossii: Sociologiya, etnologiya. [Employment in Russia: social stratification in the labor market] // The World of Russia: Sociology, ethnology. 1996. Vol. 5. No. 1. Pp. 94–153. In Russian.

Etnosociologicheskij opros po issledovatel'skomu proektu: «Sovremennye etnosocial'nye processy v Bashkortostane: Social'no-ekonomicheskaya adaptaciya i social'noe samochuvstvie» [Ethnosociological survey on the research project: Modern ethnosocial processes in Bashkortostan: Socio-economic adaptation and social well-being]. The authors of the project are F. G. Safin, A. I. Khaliulina. The head of the study is A. I. Khaliulina. (ESO, November 2018).

Etnosociologicheskij opros po issledovatel'skomu proektu: «Sovremennye etnosocial'nye processy v Bashkortostane: Social'no-ekonomicheskaya adaptaciya i social'noe samochuvstvie (chuvashi, marijcy, udmurty)» byl proveden v aprele 2021 g. [An ethnosociological survey on the research project: «Modern ethnosocial processes in Bashkortostan: Socio-economic adaptation and social well-being (Chuvash, Mari, Udmurts)» was conducted in April 2021]. The authors of the project are F. G. Safin, A. I. Khaliulina. The head of the study is A. I. Khaliulina. (ESO, April 2021).

Received 04.10.2023

Safin Fail Gabdullovich

Doctor of Sciences (History), Professor
Principal researcher, Institute of Ethnological
Research named after R.G. Kuzeev – OSP of the Ufa
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Professor of the Department of Philosophy, History and Social
Engineering, Ufa State Petroleum Technical University
6, Karla Marksa st., Ufa, 450077, Russia
E-mail: failsafin@mail.ru

Инновации, технологии

УДК 811.511.142`1:004(045)

И. М. Молданова

ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК: ОТ БУМАЖНЫХ РУКОПИСЕЙ ДО ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

В статье рассматривается современная виртуальная среда, в которой, посредством лингвистических платформ сохраняется и изучается хантыйский язык. Научному исследованию хантыйского языка, которое началось в XIX в., предшествовали фрагментарные записи хантыйской лексики, известные с XVII века. На современном этапе изучение и резервирование языковых данных осуществляется с помощью новейших цифровых технологий, при этом материалы исследования находятся в открытом доступе, что повышает ценность языковых баз. Цель: рассмотреть современные онлайн-площадки, где аккумулируется материал по исследованию и документации хантыйского языка. В результате исследования выявлены отечественные и зарубежные цифровые базы данных, в которых представлен также материал по хантыйскому языку. Указанные онлайн-площадки имеют специальные программы с высокими инструментальными возможностями в области компьютерной лингвистики, что значительно облегчает изучение языков на современном этапе, среди них: виртуальная исследовательская среда «Ob-Ugric languages: conceptual structures, lexicon, constructions, categories» и «About Ob-Ugric Database» (2009, 2014), виртуальная лаборатория «ЛингвоДок» (2012), «Типологическая база данных угорских языков» (Typological Database of the Ugric Languages) (2012–2015) и др. Данные ресурсы содержат оцифрованные материалы по хантыйским диалектам с целью систематизации, анализа, а в дальнейшем они могут служить ревитализации языка. Проекты предлагают описание и анализ по всем уровням языковой системы. Ценность также заключается в том, что указанные виртуальные площадки предлагают гибкий пользовательский запрос по различным аспектам лингвистического исследования.

Ключевые слова: хантыйский язык, компьютерная лингвистика, цифровая платформа, информационно-коммуникационные технологии.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-109-114

С развитием цифровых технологий¹ появляются новые возможности в сфере сохранения языка и развития коммуникационного ландшафта как для хантыйского языка, так и для других миноритарных языков. Сегодня обыденное явление – использование поисковых систем, переводчика текста и голосовых помощников. Благодаря компьютерной лингвистике стало возможным автоматизировать обработку естественного языка. Система искусственного интеллекта выполняет заданные алгоритмом действия по систематизации и анализу языковых данных, а исследователь принимает окончательное решение о корректности эксперимента.

Хантыйский язык – один из миноритарных языков Сибири. Научное изучение хантыйского языка началось в середине XIX в. (см. например, работу М. А. Кастрена [Castrén 1858]), однако этому предшествовала работа по накоплению лексикографических сведений. На современном этапе, как отмечает Н. Б. Кошкарева, «изучение языка и культуры народа ханты заметно интенсифицировалось: в последние годы появились новые работы по хантыйской этнографии, фольклору и языкознанию, опубликовано несколько сборников фольклорных произведений, адресованных разным категориям читателей – и научным сотрудникам, и детям младшего возраста» [Кошкарева 2013, 3]. Сегодня – благодаря цифровизации – в сети Интернет появились российские и зарубежные лингвистические платформы, где представлены материалы по тем или иным диалектам хантыйского языка, которые являются объектом исследования. Прогресс цифровых технологий способствует решению множества задач в сфере сохранения языков, находящихся на грани исчезновения, это и документация языка (резервирование в цифровых хранилищах), и формирование медиасреды по продвижению и популяризации языка (создание видеороликов, мультфильмов, аудио- и видеоуроков, приложений для гаджетов, направленных на изучение языка и др.).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

В данной работе рассмотрим цифровые онлайн площадки, в которых осуществляется документация и анализ хантыйского языка.

Материалы и методы

Объектом исследования являются специальные лингвистические платформы по изучению и документации языков, основанные в рамках различных проектов, где представлены массивы данных по хантыйскому языку. Данные виртуальные лаборатории используют различные способы хранения, обработки и анализа данных. Материалы, представленные в них, находятся в открытом доступе.

Для решения поставленных задач использовались: классификация, аналитический и описательный методы.

Результаты

Первые письменные памятники и научное изучение хантыйского языка

В истории хантыйского языкознания имеются сведения о первых памятниках письменности, в которых зафиксированы хантыйские слова или небольшие словники, включающие названия некоторых явлений, предметов. Например, «Первые хантыйские слова и фрагменты текстов (молитв) приводятся в труде Н. Витзена («Noord en Oost Tartarye». Amsterdam, 1692), который в 1664–1665 гг. записал в Москве эти сведения от русских, побывавших в Югорской земле и знакомых с языком ‘остяков’» [Основы финно-угорского языкознания... 1976, 249]. Известны словари, которые составлялись по академической программе с 30-х гг. XVIII века. Один из них был составлен Федором Кушкиным «Название остяцкое написано российским слогом, с переводами на остяцкий язык...», в нем впервые «дается характеристика языка по диалектам с довольно подробным указанием на их территориальное распространение» [Основы финно-угорского языкознания... 1976, 244]. Довольно большой по объёму русско-хантыйский словарь, составленный священником Вологодским (1842 г.), хранится в Архиве РАН в Санкт-Петербурге. Подробный анализ графической системы указанного памятника письменности осуществлен в статье [Кашкин 2020, 30–40].

У истоков научного изучения хантыйского языка стояли такие ученые, как Матиас Кастрен, Антал Регули, Йожеф Папай, Август Альквист, Куста Карьялайнен, Хейкки Паасонен, Серафим Патканов и др. Труды этих ученых до сих пор являются востребованными в научной среде, так как на современном этапе некоторые диалекты (или говоры), грамматическое описание которых имеется в этих работах, уже исчезли с лингвистической карты мира. Например, в своей работе «Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем, составленной Др. М. Александром Кастреном» (1849 г.) описывается «наречие, при Иртыше встречаемое» [Кастрен 1849, 5], а также приводятся некоторые материалы по сургутскому диалекту. Лексикографический материал по диалектам хантыйского языка (иртышскому, кондинскому, березовскому, обдорскому, сургутскому, ваховскому и верхнеобскому) собран К. Карьялайненом [Николаева 1995, 3–4]. Словарь Карьялайнена включает диалекты, которые на сегодняшний день утрачены – иртышский и кондинский.

В XX в. значительный вклад в изучение хантыйского языка внес видный немецкий финно-угровед В. Штейниц, издавший ряд исследований по хантыйскому языку и фольклору. Большой популярностью пользуется словарь Вольфганга Штейница [Steinitz 1966–1991], в котором представлен наибольший охват лексики хантыйских диалектов, он включает лексику всех диалектов из всех доступных во время его составления источников. Вклад в изучение хантыйского языка и его диалектов в разные годы XX в. и начала XXI в. внесли зарубежные и отечественные исследователи: К. Редди, Я. Гуя, Э. Вертеш, М. Чепреги, Г. Ганшов, Н. И. Терешкин, Ю. Н. Русская, Е. А. Немцова, Н. Б. Кошарева, В. Н. Соловар, А. Д. Каксин и другие.

Исследование и сохранение хантыйского языка на современном этапе

В XXI в. изучение хантыйского языка и его диалектов продолжают в Институте языкознания Российской академии наук (г. Москва), Институте филологии СО РАН (г. Новосибирск), в лаборатории «Лингвистические платформы» института системного программирования им. В. П. Иванникова (г. Москва), в научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике научно-исследовательского университета Высшей школы экономики (г. Москва), в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск), а также в Венгрии, Эстонии, Финляндии и Германии.

В настоящее время исследование хантыйского языка выходит на новый уровень: создаются виртуальные исследовательские лаборатории, специальные программы и платформы, способные обрабатывать лингвистический материал более совершенным способом. Первая виртуальная исследовательская среда под названием «Обско-угорские языки: концептуальные структуры, лексика, конструкции, категории» ("Ob-Ugric languages: conceptual structures, lexicon, constructions, categories") была создана в августе 2009 года как совместный проект европейских университетов: Мюнхенского университета Людвига-Максимилиана (Германия), Венского университета (Австрия), Хельсинкского университета (Финляндия), а также университетов Этвёша Лоранда и Сегеда (Венгрия). Программа исследования заключается в «предоставлении описательных ресурсов в онлайн-формате и современного лингвистического анализа двух родственных и находящихся под угрозой исчезновения обско-угорских языков – хантыйского (остяцкого) и мансийского (вогульского)». Структура проекта включает: Библиографическую базу данных, электронную библиотеку, Текстовый корпус, электронную грамматику, электронный словарь [https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=welcome_eurobabel&navi=about].

Своё развитие данный проект получил в следующей программе «Обско-угорская база данных», запущенной в июле 2014 года. Исследователи решили продолжить и расширить работу «посредством систематизации, оцифровки, анализа ещё двух обско-угорских диалектов (западномансийского и юганских ханты)» [12]. Анализ и описание диалектов охватывал следующие области: а) фонологический анализ в форме IPA (вместо традиционных идиосинкратических систем транскрипции), б) определение морфологических категорий и алломорфов в данных диалектах, а также парадигмы и модели позиций для частей речи, установленных в результате анализа алломорфов. Презентуемые материалы в дальнейшем могут служить целям языковой ревитализации. Кроме того, доступ к базе данных был предоставлен Языковому архиву (TLA) Института психолингвистики Общества Макса Планка (Неймеген, Нидерланды).

С 2012 г. разрабатывается виртуальная лаборатория ЛингвоДок (lingvodoc.ispras.ru). Lingvodoc – совместный проект ИСП РАН, Института языкознания РАН и Томского государственного университета. Система предназначена для совместной многопользовательской документации исчезающих языков, создания многослойных словарей и научной работы с полученными звуковыми и текстовыми данными.

Лингвистическая платформа предлагает анализ звуковых данных с помощью экспериментально-фонетической программы и специальной компьютерной программы Phonology, которая позволяет оценить качество выполненной транскрипции на основе анализа спектрограмм [Норманская 2020, 631]. Представлена опция «Глоттохронологический анализ языков/диалектов», которая создана в 2023 г., также имеется ряд других алгоритмов для анализа лингвистического материала. На сегодняшний день база этого ресурса составляет более 1.000 аудиословарей и 300 корпусов текстов по диалектам языков народов мира, включая хантыйский язык. Представлены уникальные данные по исчезающим языкам России [<http://lingvodoc.ru/?ysclid=lq3fr5zj105932715>]. База по хантыйскому языку включает 48 словарей, как памятников письменности, так и современных полевых материалов.

Реализация пилотного проекта «Типологическая база данных угорских языков» (UTDB) осуществлена на базе Кафедры финно-угроведения университета им. Лоранда Этвёша под руководством Ф. Хаваша [<http://en.utdb.nullpoint.info/>]. В результате работы был создан электронный ресурс языков угорской подгруппы финно-угорской ветви: венгерского (стандартный вариант), мансийского (северный диалект) и хантыйского (сынский и сургутский диалект) с целью типологического исследования морфонологических, морфологических, морфосинтаксических и синтаксических черт рассматриваемых языков. Количество проанализированных параметров указанных языков, в плане как структуры, так и порядка слов, превышает 200 единиц.

На сайте Института филологии СО РАН представлен Электронный диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (реализован в 2014–2016 гг.). Указанный электронный ресурс включает мультимедийные диалектологические словари коми-зырянского, ненецкого, селькупского и хантыйского языков (каждый не менее чем на 3500 входов). Отмечается, что в «базе реализован пользовательский поиск по нескольким полям, в частности по лексеме, алломорфу, части речи и переводу» [<https://www.philology.nsc.ru/resources/atlas.php>]. Также есть возможность получать мультимедийное картографическое представление материала для заданного множества языков или лексемы с помощью встроенного модуля «Карта».

На сайте Обско-угорского института прикладных исследований и разработок представлены электронные ресурсы, в том числе, содержащие данные по хантыйскому языку [<https://ouipiir.ru>]. Диалектологический атлас обско-угорских и самодийских языков; объём записей на хантыйском языке – более 6000 словоупотреблений (<https://atlas.ouipiir.ru>). Для пользовательского запроса выдает следующую информацию: язык, лексему в практической орфографии и транскрипции, часть речи, перевод и пример предложения, а также звук. В 2024 году планируется запуск новой опции «Формообразование». Депозитарий, имеющий аудио- и видеозаписи на хантыйском языке, а также текстовые материалы (<https://folk.ouipiir.ru>). Кроме этого, следует отметить «Электронную библиотеку», в которой находятся в оцифрованном виде бумажные издания на родных языках, выходящие в Обско-угорском институте.

Коллектив научных сотрудников из Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена участвует в разработке электронного ресурса «Идеографическое описание лексики языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (эвенский, нанайский, долганский, нивхский, корякский, юкагирский, мансийский, хантыйский, селькупский, вепский, саамский)». Данный ресурс (<http://dict.su/>) является стартовым для лексикографической базы данных и основан на лексикографических, фольклорных источниках, текстовых и полевых записях.

Заключение

Итак, на современном этапе с развитием диджитал-технологий сохранение и анализ хантыйского языка находится на новом витке развития. Зарубежные и отечественные исследователи внесли большой вклад в документацию и изучение хантыйского языка. Исследование хантыйского языка, наряду с другими языками, ведётся в ведущих российских и зарубежных научных центрах. Организованы специальные лингвистические платформы с различными инструментами анализа, в которых помимо других языков, есть словарный, фото, аудио- и видеоматериал по хантыйским диалектам.

К наиболее прогрессивным относятся такие виртуальные лаборатории, как веб-сайт с двумя лингвистическими проектами OUL (Обско-угорские языки) и OUDB (Обско-угорская база данных); лингвистическая платформа ЛингвоДок 3.0; сайт UTDB (Типологическая база данных угорских языков). Представлены электронные ресурсы с диалектологическими атласами уральских языков, распространённых на территории Ямала и обско-угорских и самодийских языков в ХМАО-Югре, а также формируется онлайн-ресурс по идеографическому описанию лексики языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

Идеографическое описание лексики языков (эвенский, нанайский, долганский, нивхский, корякский, юкагирский, мансийский, хантыйский, селькупский, вепский, саамский). URL: <http://dict.su/> (дата обращения: 13.12.2023).

Кастрен М. А. Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем, составленной Др. М. Александром Кастреном. СПб: Императорская академия наук, 1849. 125 с.

Кашкин Е. В. Хантыйский словарь священника Вологодского: особенности графической системы // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. 4 (30). С. 30–40.

Кошкарёва Н. Б. Хантыйская письменность. Ханты-Мансийск, 2013. 47 с.

Лингвистическая платформа Lingvodoc 3.0. URL: <http://lingvodoc.ru/?ysclid=lq3frr5zzj105932715> (дата обращения: 13.12.2023).

Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М., Гамбург: Институт языкознания РАН, *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica*, 1995. 256 с.

Норманская Ю. В. Коми-язвинский – диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. Том 14. № 4. 2020. С. 630–643.

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок. URL: <https://ouipiir.ru> (дата обращения: 13.12.2023).

Основы финно-угорского языкознания. Марийские, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.

Электронный диалектологический атлас уральских языков, распространённых на территории Ямало-ненецкого автономного округа. URL: <https://www.philology.nsc.ru/resources/atlas.php> (дата обращения: 13.12.2023).

About Ob-Ugric languages: conceptual structures, lexicon, constructions, categories. URL: https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=welcome_eurobabel&navi=about (дата обращения: 13.12.2023).

About Ob-Ugric Database. URL: https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=-welcome_oudb&navi=about_oudb&subnavi (дата обращения: 13.12.2023).

Castrén M. A. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St.-Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen akademie der wissenschaften, 1858.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991. 2018 p.

Typological Database of the Ugric Languages. URL: <http://en.utdb.nullpoint.info/> (дата обращения: 13.12.2023).

Поступила в редакцию 15.01.2024

Молданова Ирина Максимовна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
628011, Россия, ХМАО-Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А
младший научный сотрудник Лаборатории «Лингвистические платформы»
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН
109004, Россия, Москва, ул. Солженицына, 25
E-mail: Uil.gera@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2992-2247

I. M. Moldanova

KHANTY LANGUAGE: FROM PAPER MANUSCRIPTS TO DIGITAL PLATFORMS

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-109-114

The article examines a modern virtual environment in which, through linguistic platforms, the Khanty language is preserved and studied. The scientific study of the Khanty language, which began in the XIX century, was preceded by fragmentary records of the Khanty vocabulary known since the XVII century. At the present stage the study and backup of language data is carried out using the latest digital technologies, while the research materials are publicly available, which increases the value of language databases. The purpose is to consider modern online platforms where material on the research and documentation of the Khanty language is accumulated. As a result of the research, domestic and foreign digital databases have been identified, which also contain material on the Khanty language. These online platforms have special programs with high instrumental capabilities in the field of computational linguistics, which greatly facilitates the study of languages at the present stage, among them: the virtual research environment "Ob-Ugric languages: conceptual structures, lexicon, constructions, categories" and "About Ob-Ugric Database" (2009, 2014), virtual laboratory "Lingvodoc" (2012), "Typological Database of the Ugric Languages" (2012-2015), etc. These resources contain digitized materials on Khanty dialects for the purpose of systematization, analysis, and in the future they can serve to revitalize the language. The projects offer description and analysis at all levels of the language system – phonological, morphological and syntactic. The value also lies in the fact that these virtual platforms offer a flexible user query on various aspects of linguistic research.

Keywords: Khanty language, computational linguistics, digital platform, information and communication technologies.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 109–114. In Russian.

REFERENCES

Ideograficheskoe opisanie leksiki yazykov (evenskiy, nanayskiy, dolganskiy, nivkhskiy, koryakskiy, yukagirskiy, mansiyskiy, khantyyskiy, sel'kupskiy, vepsskiy, saamskiy) [Ideographic description of the vocabulary of languages (Even, Nanai, Dolgan, Nivkh, Koryak, Yukaghir, Mansi, Khanty, Selkup, Veps, Sami)]. Available at: <http://dict.su/> (Accessed December 13, 2023). In Khanty, In Russian.

Kastren M. A. Opyt perevoda ostyatskoy grammatiki s kratkim slovarem, sostavlennoy Dr. M. Aleksandrom Kastrenom [The experience of translating the Ostyak grammar with a short dictionary compiled by Dr. M. Alexander Kastren]. S.-Peterburg: Imperatorskaya akademiya nauk Publ., 1849. 125 p. In Russian.

Kashkin E. V. Khantyyskiy slovar' svyashchennika Vologodskogo: osobennosti graficheskoy sistemy [The Khanty dictionary of the Vologda priest: features of the graphic system]. Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2020, no. 4 (30), pp. 30–40. In Russian.

- Koshkareva N. B.** Khantyyskaya pis'mennost' [Khanty writing]. Khanty-Mansiysk, 2013. 47 p. In Russian. Lingvisticheskaya platforma Lingvodoc 3.0 [Lingvodoc 3.0 linguistic platform]. Available at: <http://lingvodoc.ru/?ysclid=lq3fr5zzj105932715> (Accessed December 13, 2023). In English, In Russian, In Khanty.
- Nikolaeva I. A.** Obdorskiy dialekt khantyyskogo yazyka [Obdorsky dialect of the Khanty language]. M., Gamburg: Institut yazykoznaneya RAN, Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica Publ., 1995. 256 p. In Russian.
- Normanskaya Yu. V.** Komi-yaz'vinskiy – dialekt komi-permyatskogo ili otdel'nyy yazyk? [Is Komi-Yazvinsky a dialect of Komi-Permian or a separate language?]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies], Vol. 14, no. 4. 2020. pp. 630–643. In Russian.
- Obsko-ugorskiy institut prikladnykh issledovaniy i razrabotok [Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development]. Available at: <https://ouipiir.ru> (Accessed December 13, 2023). In Russian, In Khanty.
- Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Mariyskie, permskie i ugorskie yazyki [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian and Ugric languages]. M., Nauka Publ., 1976. pp. 249. In Russian.
- Elektronnyy dialektologicheskiy atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalonenetskogo avtonomnogo okruga [Electronic dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. Available at: <https://www.philology.nsc.ru/resources/atlas.php> (Accessed December 13, 2023). In Russian, In Khanty.
- About Ob-Ugric languages: conceptual structures, lexicon, constructions, categories. Available at: https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=welcome_eurobabel&navi=about (Accessed December 13, 2023). In English, In Russian, In Deutsch, In Khanty.
- About Ob-Ugric Database. Available at: https://www.babel.gwi.uni-muenchen.de/index.php?abfrage=welcome_oudb&navi=about_oudb&subnavi (Accessed December 13, 2023). In English, In Russian, In Deutsch, In Khanty.
- Castrén M. A.** Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St.-Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen akademie der wissenschaften Publ., 1858. pp. 125. In Deutsch.
- Steinitz W.** Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin: Akademie Verlag Publ., 1966–1991. 2018 p. In German.
- Typological Database of the Ugric Languages. Available at: <http://en.utdb.nullpoint.info/> (Accessed December 13, 2023). In English, In Russian, In Khanty.

Received 15.01.2024

Moldanova Irina Maksimovna

Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
14A, Mira st., Khanty-Mansiysk, KHMAO-Yugra, 628011, Russia
Junior Researcher of the Laboratory «Linguistic Platforms»
Institute for System Programming by V. P. Ivannikov of the Russian Academy of Sciences
25, Solzhenitsyn st., Moscow, 109004, Russia
E-mail: Uil.gera@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2992-2247

Present study enumerates and describes the main features of Gyula Krúdy's prose from both stylistic (rhetoric) and narratological perspective. In the second part of the study the author discusses the questions regarding the teachability of Krúdy's prose in primary and secondary schools. Although the prose of the writer shows typical stylistic features from the 1910s taking only these features into account would be misleading. For this reason, the study focuses on the narrative structure of the texts and demonstrates how recollection and imagination are intertwined in a way that generates a peculiar nostalgic attitude. However, this kind of nostalgia is often undermined by the irony of the text. For example, in the case of the short story *On the Bridge* it is undefinable whether the events effectively took place in the fiction or just in the mind of the protagonist. When teaching Krúdy we should emphasize above all the subtle narrative techniques that direct the reader in a unique way.

Keywords: narrative discourse, memory, imagination, nostalgia, irony, teaching of Krúdy.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-115-120

Introduction: The question of the voice

In relation to Gyula Krúdy it is often stated that practically any of his works can be recognized even by a short passage taken out of their context: Krúdy's voice in his prose is so unique that it cannot be mistaken for that of any other writer. Although this statement is not entirely conceived out of thin air, one must submit it for further consideration.

First of all, we have to emphasize that – despite all of his originality – Krúdy could not free himself from the impact of his predecessors (especially from Mór Jókai and Kálmán Mikszáth) either. His first short stories prove the apparent influence these 19th century classics had on him. One can see this for example in the way he uses anecdote as a main principle of storytelling, which later almost entirely disappears from the set of tools he uses as a writer. The effect naturalism had on his writing can also be mentioned, which one can see in his first novel published in a volume, *Az aranybánya* [The Gold Mine]. As it is in the case of our greatest writers (aside from some rare exceptions) it had taken many years for Krúdy to gradually work out an original narrative style that posterity can recognize as his unique narrative voice. He achieved his first literary success only in the 1910s with his stories about Szindbád the sailor. It would be, however, misleading to suppose that his style stayed unchanged during the next period. In the middle of the 1910s his way of writing – especially in works like *Pesti nőrabló* [Pestian Kidnapper], *Púder* [Powder] or *Aranykéz utcai szép napok* [Fine Days at Golden Hand Street] – became somewhat pretentious. The fact that these works were only less successful detours is proven by his great works written at the end of the decade: *Napraforgó* [Sunflower], *Asszonyságok díja* [Madams' Prize] and *N. N.* In these novels the craft and talent of Krúdy conquers great (aesthetic) heights and (epic) depths never before seen in his writing. Since that time one can observe some minor changes in the narrative voice of his writings. In novels like *Nagy kópé* [Great Pickle] and *Hét-Bagoly* [Seven Owls] written in the 1920s the style shows signs of classicization and is less ornamental, while in the latest works (e. g. *Purgatórium* [Purgatory]) we can notice the return of previous themes and modalities [Kemény 1991, 36].

As it was demonstrated by stylistic research [Kemény 1991; 1993; Pethő 2005], the uniqueness of Krúdy's prose lies in practicing stylistic tools as syndetic construction of sentences, the prevalence of qualifiers and pleonasms. These tools are often accompanied by the frequent use of semblances, metaphors, and pseudo-archaisms, which increase the stylistic level of the text. Due to this the author's writing style elicits a double effect: on the one hand – thanks to the emphatic stylization – the linguistic nature of the text is more apparent. On the other hand the seemingly insignificant events that constitute the background of the diegetic world become more important. This has been called “the Krúdy-effect” by one of the author's most relevant interpreters, Imre Bori [see Bori 1978, 104–115]. In spite of this one should keep in mind that the enumeration of stylistic features does not encompass the entire range of effects that a certain text can produce, since these features are always subordinate to the narratological and poetic structure of the text. The following section contains a discussion of these features.

Narrative discourse, modality, space-time relations

One of the most disconcerting features of Krúdy's prose is that it combines the tropes inherited from the Hungarian literary tradition with modern narrative techniques in a very unusual way. Taking into consideration the types of narration in his novels, we can confirm the prevalence of the heterodiegetic omniscient narrators, typical for the 19th century novels (the rare exceptions are *N. N.* and *Az útitárs* [The Fellow Traveler] where Krúdy employs the personal form). Although this form is generally less suitable for the renewal of the genre, Krúdy mingles it with the techniques that constrain the univocal voice of the narrator and therefore support the openness of the text.

One of these techniques characteristic for Krúdy is that the unnamable narrator temporarily renounces his position and conveys the narrative status to a certain character. While this change of narrators does not imply the change of the narrative voice (which remains constant), yet it offers a new perspective. In the novel *Őszi utazások a vörös postakocsin* [Autumn Travels on the Crimson Coach] we can read a passage from the diary of Madame Louise; in *Asszonyságok díja* [Madams' Prize] a significant part of the story is narrated by the protagonist called Dubli úr (Mr. Dubli); in the *N. N.* another protagonist (Juliska) does the same. These shifts do not threaten the sovereignty of the narrator, nevertheless they give an opportunity for the protagonists to present their worldview.

Beside the multiplication of narrators Krúdy relatively often performs a narrative trick where, by adding a supplement to the end of the sentence, he appropriates a seemingly neutral statement to one of the characters (see the first paragraph of the *Nagy kópé* [Great Pickle]). Sometimes it occurs that we cannot definitely assign the narrative voice to any of the characters, nor to the heterodiegetic narrator. More precisely, it is undecidable whether a character or the heterodiegetic narrator speaks (some examples can be found in *N. N.* and in a fragmented novel *Mit látott Vak Béla szerelemben és bánatban* [What Did Blind Béla See in Love and Sorrow]). Also the self-reflections of the narrator can serve as challenges of the narratorial omniscience. We can refer to the passages where the narrator attracts the reader's attention to the linguistic composition of the text, or its literariness, emphasizing that what we read is only fiction. This method is similar to a kind of self-irony which was popular in 18th century English novels [see Gintli 2005].

As for the time-relations of the narrative, Krúdy can be considered a more daring one. He often used the technique of anisochrony, that is, the discrepancy between the time of the story and the time of the narration. It means that the reader can experience a difference between the actual time of the events and the time that is needed for the storytelling. In the case of Krúdy this usually happened at the expense of the former, for his custom was to dwell on seemingly unimportant events which measurably slow down the speed of the narration. In relation to this we can also mention that some of the texts lack an identifiable main plot thread. In the novel *Boldogult úrfikoromban* [When I Was a Young Gentleman] – which from many aspects resembles the famous time novels¹ of the 20th century, such as *The Magic Mountain* by Thomas Mann or *Mrs. Dalloway* by Virginia Woolf – the main protagonists get stuck in a tavern and spend their time with casual acts without noticing that the whole day goes by. The tavern – as a classic scene of novels – functions as a chronotope: a place where time passes differently and usually it often produces the illusion of timelessness.

We can speak of timelessness, however, only in a metaphorical sense, for time does not stop actually. What the novel emphasizes is the subjective nature of time (which can be conceived as the opposition of measurable time). Besides “timelessness” Krúdy often breaks the linearity of storytelling. It is most visible in texts where the recollection of memories plays a crucial role. In addition to this we can observe in several texts the presence of cyclical time (which does not necessarily contradict linear comprehension). Pistoli – the main character of *Napraforgó* [Sunflower] and *Kleofásné kakasa* [The Rooster of Madame Kleofás] dies at a certain point of the story and later he resurrects from the dead [see Wirágh 2017]. The same happens to Szindbád. The time structure of *N. N.* is no less cyclical for the story of the son reiterates the story of the father (as the father's had reiterated the grandfather's).

Memory, imagination, and nostalgia

For a long time Krúdy had been considered by literary scholars as a late romantic, however, by today we have recognized the complexity of his art of writing (which is in many ways – such as the representation of time or the various forms of self-mirroring – in a synchronous relationship with contemporary world liter-

---

¹ The term, coined by Thomas Mann himself, refers to the kind of novels in which time serves not only as a principle of representation but is a main theme of the novel as well.

ature, moreover, he had employed narrative techniques that became decisive only later). Even with this said, it is indisputable that Krúdy borrows some elements from the romantic literary tradition. We can mention his affection for ghost stories, frequent thematizing of the duplicity of the human self, or the glorifying of the past in expense of the present. In the following section we discuss the questions that arise from the latter.

As his interpreters had stated many decades ago: Krúdy was – above all – the writer-chronicler and main expert of the Monarchy [Fülöp 1986]. It is unquestionable that the Austro-Hungarian Monarchy plays a decisive role in his fictional universe and that “the happy peacetime” (the period between the Austro-Hungarian Compromise in 1867 and the outbreak of World War I in 1914) is always mentioned in a positive light. Perhaps this attachment is the reason why it has become commonly accepted that Krúdy talks about the past with a certain nostalgia, for the past in his opinion is always more valuable than the tainted present.

At first sight it might seem to be the proper thing to talk about nostalgia in relation to the past, since the nostalgic modality is discernible in many of Krúdy’s works. But – as we have suggested above – the isolated analysis of modality can be misleading. Therefore, we must notice that Krúdy often employs techniques that deliberately undermine the feeling of nostalgia in relation to the past. As an example, we can mention his novel *Nagy kópé* [Great Pickle].

The starting point of the story indicates a nostalgic motivation in itself: Kázmér Rezeda (Pestian newspaperman and recurrent protagonist in Krúdy’s novels) desires to return to the past and wishes to see the capital city once again in a form it was when he had arrived there 25 years ago. He moonily recollects the world of the late 19th century and finally decides to search the long-forgotten past. His research, obviously, takes places not only in space (he roams toward the city center) but in time as well (as he tries to relive his former experiences and moods). Although the nostalgic modality of the narration can be seen in numerous passages, we can also observe in many cases that the irony of the narrator makes us question the nostalgic attitude [Dobos 2015, 42– 46]. The novel employs at least three techniques that render the protagonist’s nostalgia about the past problematic.

First of all, we can state that the past and the present in the novel are not in contradiction. The present perpetually penetrates into the past, thereby the idea of the past in itself becomes uncertain. Rezeda is compelled to face the fact that there is no self-identical past independent from the person’s present who remembers. And if the self-identical past does not exist, the nostalgia for it also becomes questionable. Secondly, the main protagonist not only remembers; his attitude suggests a contradictory intention as well: the desire to forget. It seems that Rezeda does not want to recollect the past that much, rather he strives to recreate it. This leads to the third technique, that is that remembrance never appears in its pure form; the memories of the protagonist always mingle with the imagination. Moreover, in the end imagination becomes the tool by which Rezeda can form a relation to his past. This is not, however, a real past that can be recollected (even in a nostalgic way), but an evidently created (or constructed) and fictive past: a literary 19th century and an imaginary Budapest.

A similar form of recollection can be found also in some of the early Szindbád-stories, such as *Szindbád, a hajós* (Szindbád, The Sailor), or *A hídon* (On the Bridge) [On recollection see Eisemann 1999; 2015; Mesterházy 2003].

Interpretation of the short story *On the Bridge*

Krúdy has a firm position in Hungarian classical literary canon as well as in the curriculum. His art of writing is taught at primary and secondary schools. His short story, *On the Bridge* – due to its brevity and accessibility – can serve as a good introduction to his literary world in both levels.

Since the interpretation of any literary text does not have preliminary steps that one must follow, in this case we can start our commentary with the title and subheading of the story. According to the latter the story tells us the fourth journey of Szindbád, the sailor. The path of the hero leads to a small rural town where Szindbád had served as a soldier in his young days. The word “bridge” appears not only in the title but also three times in the text, every time in an emphatic place: at the beginning (in the second sentence), in the middle and at the end (in the last sentence). Thus, the title and the subheading foreshadow crucial parts of the story.

Nevertheless, the metaphorical level of the text should be considered as well, for the words “bridge” and “path” do not appear in the text only in their literal meaning. The journey of Szindbád takes place in an undefined space and time, yet it suggests that the hero sets off for the search of his lost youth. Therefore, the term “path” acquires a metaphorical surplus of meaning (path as recollection, path as walk of life). Similarly the word “bridge” does not refer only to the bridge of the town that Szindbád had crossed so many times in his youth, but it can be comprehended as a metaphor that can refer to the separation or the interconnection as well. What does the bridge divide from each other? In literal sense primarily the two riverbanks, in meta-

phorical sense many other things. From the first sentence we can learn that Szindbád decided to start his fourth journey when “he felt his death coming” [Krúdy 1985, 52]. Preparing for his approaching death Szindbád visits a scene of his youth with an un concealed intention. He wants to make contact (or bridge the gap) between the present and the past, that is, between his youth and his declining years respectively. At the same time the bridge can link not only these two time dimensions, but life and death as well. It can scarcely be a coincidence that Szindbád stands on the same bridge at the beginning and at the end of the story, looking toward the distant blue forests. What do these blue forests mean?

Present and past, youth and old age, life and death – the bridge separates oppositions from each other, while it links them as well. Further examples of contrapositions can be found by examining the question of narration. The storyteller of the text is a third person heterodiegetic narrator who sometimes allows us to get an insight into the viewpoint of the hero. When Szindbád arrives at the town, his first steps lead toward the local patisserie, where he desires to meet his former lover, Amália again. Entering the patisserie, he catches sight of a young woman who resembles Amália. For a period of time the text – by a continuing alternation of viewpoints – leaves the question of whether it is Amália or not open. Later the uncertainty vanishes: Szindbád is compelled to acknowledge that the young lady was not Amália, but her (and Szindbád’s) daughter.

The constant shift of the internal and the external focalization can be caught elsewhere in the text as well. Szindbád is roaming toward the patisserie while his thoughts digress – he is pondering about the question of what the closed windows can hide. At this point we have to notice how the rhetoric of the text relates back to the thoughts of the protagonist. As if the words of the narrator (“folding shutters with closed eyes”, “death windows” [Krúdy 1985, 53]) set forth the direction of Szindbád’s thoughts (“Maybe a corpse lies there on the catafalque” [Krúdy 1985, 53]). Also, it sometimes occurs that the shift in focus produces irony. While hearing the trumpet-call, in a reflex-movement Szindbád starts to march forward as a soldier and – to his own surprise – realizes that spurs are missing from his boots.

As we have said, Szindbád’s journey has spatial and temporal relations as well. Similarly, the bridge connects not only the two parts of space but also the two temporal dimensions. The river that runs beneath the bridge can direct the gaze of the reader to the passing of time, and it can evoke the saying of Heraclitus: “No man ever steps in the same river twice, for it’s not the same river and he’s not the same man.” Although Szindbád does not step literally in the river (he stands on the bridge), he actually faces the problem articulated by Heraclitus (respectively he gives a peculiar explanation to this problem). He poses the following question to himself: How can the past be brought back? His answer is – evidently – that it could be done by the means of recollection. But we have to thoroughly examine what kind of recollection he means.

In the present time of the story Szindbád dwells in a bazaar in Istanbul, however we do not have any information about the distance that separates his presence from the evoked period. We only know that then Szindbád was a young soldier, and now he prepares for his death. When he arrives at the small town, he becomes possessed by the sense of timelessness (“...the church-clocks had stopped here. They showed the time that perhaps never existed.” [Krúdy 1985, 53]). He can also perceive certain changes (“The gilt of the letters had worn off long ago...” [Krúdy 1985, 53]). It is noticeable that the quoted sentence is followed by an oppositional connective that also expresses that Szindbád is less receptive to the changes but rather he would like to identify with his former self. The following substitution refers to his intention: “...somewhere soldiers were blowing trumpets and Szindbád grabbed his walking stick and put it under his arms – as if it were a sword – and with energetic steps he started to walk toward the patisserie as he did in the past.” [Krúdy 1985, 53]

Entering the patisserie, however, the frontiers between the past and the present begin to blur to him. More precisely: he is the one who strives to blur these frontiers. He recognizes himself in a young soldier playing pool and he believes that the confectioner is none other than his former lover, Amália. Everything suggests that Szindbád does not want to recollect past events, but he wants to relive them. Recollection for him is only a form of appropriation. In this sense the story can be read as Szindbád’s failure, for it turns out that the young woman in the patisserie is not Amália, but her (and Szindbád’s) daughter who knows nothing about her father. Although she has a medallion with the picture of her father, she does not recognize Szindbád in this picture. Only Szindbád knows that the picture of the young man in the medallion is actually his younger self, however, the impossibility of identifying with the former self appears clearly at exactly the moment when Szindbád – looking at the picture – finds the portrait strange and unfamiliar.

The end of the text remains open for the narrator does not directly draw any conclusion. He merely repeats – almost word for word – the statement from the beginning: “...under the ancient vaults of the brown bridge, over the colorful pebbles a pure small river is racing along, and Szindbád – from beside the stony edge of the bridge – musingly looked at the blue forests that slept in the distance...” [Krúdy 1985, 52]

“Szindbád went to the old bridge, where – deep in thought – he was looking at the forests dreaming in the twilight for a long time.” [Krúdy 1985, 56] We can see a substantial difference only in Szindbád’s mood: earlier he looked at the forests musingly then he sank deeply in his thought. This difference can refer in turn to an unuttered lesson.

At this point the interpretation would come to an end, but there is something else that we can mention. It is the first sentence of the story that – when we read it closely – can supplement our interpretation. The sentence says: “When Szindbád, the sailor felt his death coming, he decided to go on a last journey before he would leave the bazaar in Istanbul, where he was sitting on the carpet smoking his pipe.” [Krúdy 1985, 52] There is only a single word that can supplement the interpretation with further perceptions. It is the word ‘before’. The narrator claims that Szindbád set out before he left the bazaar in Istanbul. How can this be possible? On the one hand, we can think about the bazaar metaphorically as if it were life itself. In this case, the meaning of the sentence is that Szindbád went on a last journey before his death. On the other hand, there could be another interpretation. According to this Szindbád did not leave the bazaar at all. He sat all the time on the carpet smoking his pipe, and the whole journey happened only in his memory and imagination. As we saw above, the recollection mingles with the imagination, and together they form the strategy by which Szindbád tries to creatively reconstitute his past.

Conclusion

The aspects of the above interpretation are readily applicable in a literature class as well. To teach Krúdy’s short story *On the Bridge* we can take into account following aspects: to activate preliminary knowledge of students (main topics: romanticism, symbolism, dream), the stylistic level of the text (language, modality, the vocabulary of the author), narrative structure (time and space relations, the uniqueness of storytelling), metaphorical level (the connection between the reality and the dreams, the metaphor of the bridge), rhetorical level (the relation of nostalgia and irony). The uniqueness and complexity of Gyula Krúdy’s prose can be revealed only when we consider multiple perspectives.

REFERENCES

- Bori I.** *Krúdy Gyula*. Novi Sad, Forum. 1978. 260 p. In Hungarian.
- Dobos I.** Parody and Self-Interpretation in Reading *Sindbad*-Texts. In: Gintli T. (ed.): *The Hungarian Writer of the Lost Time: Memory and Poetical Imitation in Gyula Krúdy’s Works*. Spectrum Hungarologicum Vol. 8., Jyväskylä. 2015. pp. 37–51.
- Eisemann Gy.** Az emlékezés ízei (Krúdy Gyula Szindbád-novelláinak mnemotechnikájáról) [The tastes of remembrance (Mnemonics of Szindbád-stories by Gyula Krúdy)]. In: Eisemann Gy.: *A folytatódó romantika* [The continuing romantics]. Budapest, Orpheusz Kiadó. 1999. pp. 117–128. In Hungarian.
- Eisemann Gy.** Imitation as Memorial Performance in the Epic Works of Krúdy. In: Gintli T. (ed.): *The Hungarian Writer of the Lost Time: Memory and Poetical Imitation in Gyula Krúdy’s Works*. Spectrum Hungarologicum Vol. 8., Jyväskylä. 2015. pp. 17–35.
- Fülöp L.** *Közelítések Krúdyhoz*. [Approaching Krúdy]. Budapest, Szépirodalmi Könyvkiadó. 1986. 400 p.
- Gintli T.** „Valaki van, aki nincs”: Személyiségbeszélés és identitás Krúdy Gyula regényeiben [“There is someone who is not”: Storytelling and identity in the novels of Krúdy Gyula] Budapest, Akadémiai Kiadó. 2005. 196 p. In Hungarian.
- Kemény G.** *Szindbád nyomában: Krúdy Gyula a kortársak között* [In the wake of Szindbád: Krúdy Gyula among the contemporaries]. Budapest, Az MTA Nyelvtudományi Intézete. 1991. 136 p. In Hungarian.
- Kemény G.** *Képekbe menekülő élet: Krúdy Gyula képalkotásáról és a nyelvi képstiliztikájáról* [Life that flees into images: On the image construction and stylistics of the linguistic image of Krúdy Gyula] Budapest, Balassi Kiadó. 1993. 252 p. In Hungarian.
- Krúdy Gy.** *A hídon* [On the Bridge] In: Krúdy Gy.: *Szindbád*. Budapest, Szépirodalmi. 1985. pp. 52–56. In Hungarian.
- Mesterházy B.** *Az elsajátítás alakzatai: Emlékezés, álmom és történet Krúdy Gyula Szindbádjában* [The figures of appropriation: Memory, dream and story in Szindbád by Krúdy Gyula] In: Józán I. – Kulcsár Szabó E. – Szegedy-Maszák M. (eds.): *Az elbeszélés módozatai* [The modes of narration]. Budapest, Osiris Kiadó. 2003. pp. 266–280. In Hungarian.
- Pethő J.** *Krúdy-tanulmányok* [Krúdy-studies]. Budapest, Tinta Könyvkiadó. 2005. 168 p. In Hungarian.
- Wirágh A.** *A Pistoli-sorozat: Egy Krúdy-szövegcsoport vizsgálata* [The Pistoli-series: A study of group of texts by Krúdy]. Irodalomtörténet 2017/3. pp. 304–316. In Hungarian.

Keserű József

PhD, associate professor

J. Selye University

Department of Hungarian Language and Literature

945 01, Bratislavská cesta, Komárno, 3322, Slovakia

E-mail: keseruj@ujvs.sk

Йожеф Кешерю

УНИКАЛЬНОСТЬ И УСВОЕНИЕ ПРОЗЫ ДЬЮЛЫ КРУДИ

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-115-120

Настоящая статья перечисляет и описывает главные особенности прозы Дьюлы Круди как со стилистической (риторической), так и с нарратологической точек зрения. Во второй части статьи автор обсуждает вопросы, касающиеся преподавания и усвоения прозы Дьюлы Круди в начальной и средней школе. Хотя проза этого писателя демонстрирует типичные реалии 1910-х гг., принимать во внимание только эти особенности было бы неверно. Именно поэтому статья фокусируется на нарративной структуре текстов писателя и показывает, как переплетаются воспоминания и воображение, создавая особое чувство ностальгии. Однако ностальгия такого рода часто разрушается иронией самого текста. Например, в случае короткой новеллы «На мосту» непонятно, произошли ли события на самом деле, или только в голове у главного героя. Когда преподаем творчество Д. Круди, мы должны прежде всего подчеркивать его утонченные нарративные техники, которые ведут читателя по уникальному пути.

Ключевые слова: нарративный дискурс, память, фантазия, ностальгия, ирония, преподавание творчества Д. Круди.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 117–122. In English.

Поступила в редакцию 01.03.2023

Йожеф Кешерю

доктор философии (PhD), ассоциированный профессор

Университет им. Яноша Шей

кафедра венгерского языка и литературы

94501, Словакия, Комарно, Братиславска цеста 3322

E-mail: keseruj@ujvs.sk

Рецензии

УДК 821.161.1(092)(049.32)

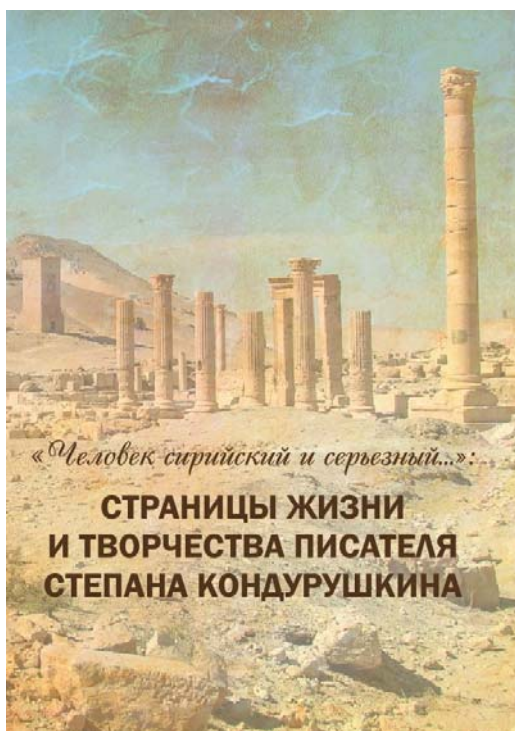
Е. Г. Маслова, Х. Лю

ВОЗВРАЩЕНИЕ СТЕПАНА КОНДУРУШКИНА: МОНОГРАФИЯ О ЗАБЫТОМ ПИСАТЕЛЕ

Рецензия на книгу: «Человек сирийский и серьезный...»: страницы жизни и творчества писателя Степана Кондурушкина: монография / С. А. Дубровская, О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. М. Владимирова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2023. 296 с. ISBN 978-5-7103-4623-5.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-121-124

История профессиональной мордовской словесности традиционно связывается с такими именами, как С. В. Аникин, М. Е. Евсевьев, З. Ф. Дорофеев. В последние десятилетия мордовские ученые добавляют в этот ряд и имя Степана Семеновича Кондурушкина (1874/75–1919), писателя и журналиста, творческая известность которого пришлась на конец 1900-х – 1910-е годы.

К сожалению, до недавнего времени литературное творчество и общественная деятельность С. С. Кондурушкина оставались на периферии внимания литературоведов. Но и сегодня он знаком по преимуществу исследователям, занимающимся историей русской литературы конца XIX – первой трети XX в., окружением А. М. Горького, вопросами формирования ближневосточного нарратива отечественной словесности. Появившаяся в конце прошлого года в издательстве Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва книга восполняет этот пробел.

Авторы коллективной монографии (С. А. Дубровская, О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. М. Владимирова) взяли на себя непростой труд реконструировать (хотя бы частично) биографию и творчество практически забытого

писателя, который в силу идеологических причин на долгие десятилетия исчез из истории отечественной литературы. На этом фоне особенной важной и ценной выглядит биографическая сторона рецензируемого издания: на обширном архивном материале с привлечением рукописей самого писателя убедительно показано, как мальчик из глухого мордовского села превращается в одного из заметных участников литературного процесса 1900–1910-х гг., популярного беллетриста и ведущего сотрудника столичных изданий, прежде всего газеты «Речь». О том, с чего начинался этот путь, свидетельствуют автобиографические строки С. С. Кондурушкина: «Вырос я в полумордовском селении, в бедной крестьянской среде, столь скудной красотой слова и обстановки. Как я желал бы, чтобы мое детство повторилось и прошло среди образованных людей, в богатой природе, в ласковой, не озлобленной невзгодами семье... Какая была бы громадная разница между мной-настоящим и мной-воображаемым!...» (С. 10).

Отметим при этом, что проблемы взаимоотношений С. С. Кондурушкина и мордовской литературы, его писательской идентичности и этнических корней оказались далеко не в центре книги. Кондурушкин интересует ее авторов прежде всего, как один из писателей, активно участвовавших в процессе создания и развития новой реалистической прозы России начала XX века. Фактически исследо-

ватели заканчивают свой труд на том самом месте, где закономерно должен возникнуть вопрос о том, в каком направлении развивалось бы творчество Кондурушкина, не оборви его трагическая кончина в январе 1919 г. в Омске. Авторы не стали вступать на зыбкую почву предположений, но мы позволим себе заметить, что логика поздних текстов писателя, в частности «Костычевского цикла», фрагментов романа «Наташа Дядина», незавершенной «Автобиографической повести», дают основание говорить о намечающемся к середине 1910-х гг. обращении писателя к мордовской проблематике.

Однако, оставив эту проблемную зону для последующего изучения, авторы монографии пошли по более традиционному пути, постаравшись представить весь спектр творческих достижений писателя в литературном и историко-культурном контекстах эпохи. Этот подход определил структуру монографии. Три ее раздела посвящены биографии и литературно-критической рецепции творчества героя (Раздел 1. «Вырос я в полумордовском селении...»: биография С. С. Кондурушкина на историко-литературном фоне эпохи); теме Ближнего Востока в творчестве писателя (Раздел 2. «Вы, очевидно, живете в крае малознакомом и интересном...»: ближневосточная повседневность в прозе С. С. Кондурушкина) и изображению им русской жизни (Раздел 3. «Уеду на Волгу писать деревню...»: современная Россия в творчестве С.С. Кондурушкина второй половины 1900-х – 1910-х гг.). В книгу включены аннотированная библиография (публикации С. С. Кондурушкина и работы о нем) и результаты архивных поисков (две автобиографические повести писателя и ряд личных документов).

Работа в архивах, прежде всего с личным фондом С. С. Кондурушкина в Российском государственном архиве литературы и искусства (г. Москва), сыграла особую роль в реализации исследования, обеспечив, в частности строгую документированность биографического очерка, открывающего книгу. В реконструкции биографии писателя, как указывалось выше, нам видится несомненная заслуга авторов, сумевших на основе архивных материалов, эпистолярия, свидетельств современников, публикаций в периодике предреволюционных лет и др. представить все этапы его жизненного и творческого пути, показать, как выпускник учительской семинарии в Волжске и Казанского учительского института, преподаватель православных школ Палестины и Сирии, превратился в одного из заметных прозаиков второй половины 1900-х – 1910-х годов.

Встречающееся в книге определение писателя как «ведущего автора» (С. 54) отнюдь не преувеличение. О том, что это не комплимент, а констатация факта, свидетельствует реакция на его тексты в «Речи» В. И. Ленина¹. Добавим, что не только Ленин читал тексты героя книги «с карандашом в руках» – заостренную полемику с ним вели и З. Н. Гиппиус, и В. В. Розанов, и Б. А. Садовской.

Стремящиеся сохранить полную объективность, авторы монографии приводят и почти оскорбительную фразу из дневника А. А. Блока 1908 г.: «Маленькие современные писатели – Лазаревский, Куприн, Бунин, Кондурушкин» (С. 53). Это явно несправедливая оценка из уст великого поэта остается без комментария. По-видимому, для авторов монографии более важным оказалось здесь соседство Кондурушкина с Буниным и Куприным.

Литературно-критической рецепции произведений С. С. Кондурушкина современниками посвящена отдельная глава, в которой приведены примеры реакции на его творчество и ведущих российских критиков (Ю. И. Айхевальд, М. О. Гершензон, А. Г. Горнфельд, В. Л. Львов-Рогачевский, Е. А. Колтоновская), и коллег по писательскому цеху (И. Ф. Анненский, М. А. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн). Добавим, что в этом контексте показательна реакция на «Сирийские рассказы» И. А. Бунина, потребовавшего у издательства «Знание» оформить пятый том своих сочинений «как рассказы Кондурушкина»².

Большую часть монографии занимает второй раздел, основное внимание в котором сосредоточено на художественном своеобразии ближневосточной прозы писателя. По мнению авторов, в 1900-е годы Кондурушкин оказывается одним из создателей ближневосточного нарратива отечественной словесности, его очерки, рассказы и заметки на страницах «Русского богатства», «Мира Божьего», «Нивы» и других изданий знакомят читателя с экзотической повседневностью Сирии и Палестины, бытом арабских христиан и друзей. В прозе писателя трагическое и комическое этой жизни оказываются практически не разделимы, а почти лишенное ощущения времени тысячелетнее прошлое отзывается в сегодняшнем дне.

¹ Ленин В. И. Старое и новое (из заметок газетного читателя) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 20. Изд. 5. 1973. С. 377–381.

² Щавлинский М. С. «Храм Солнца» И. А. Бунина – неоконченный проект освоения Востока // И. А. Бунин и его время: контексты судьбы – история творчества. М., 2021. С. 934–952.

В книге подчеркивается верность С. С. Кондурушкина русской реалистической традиции: литературные уроки А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова проступают в описаниях горных пейзажей, в образах Востока и в отдельных сюжетах.

Третий раздел посвящен воплощению образа России. Здесь представлены два тесно связанных между собой сюжета: жизнь современной деревни в очерках, рассказах и повестях писателя и изображение российской повседневности в путевой прозе.

Интересно замечание авторов о том, что именно «деревенская проза» подводит С. С. Кондурушкина к работе над романом, в центре которого одна из примечательных фигур религиозной жизни этого времени – Иеромонах Илиодор. О новых тенденциях в его прозе свидетельствует и постепенная трансформация создаваемого писателем травелога как почти новой повествовательной формы, позволяющей максимально наглядно для читателя изобразить стремительно меняющуюся российскую жизнь в эпоху войн и революций. Картины бурлящего Поволжья книги очерков «Половодье» – еще одно свидетельство непреходящего внимания писателя к родным местам, в частности к родной деревне, происходящее в которой по-прежнему остается для него камертоном меняющийся жизни.

Несомненным достоинством книги представляется аннотированная библиография, включающая в себя и названия произведений, опубликованных под псевдонимами, атрибуция которых была проведена авторами монографии. Это, в частности псевдонимы «Араб» и «Ив. Монах», отсутствующие в известном словаре И. Ф. Масанова.

К сожалению, авторы уделили мало внимания деятельности Кондурушкина-журналиста и редактора, в частности в газете «Земля». Почти не отражены путешествие писателя в Китай в начале 1910-х гг. и связанные с ним публикации в газете «Речь», его выступления в Петербургском религиозно-философском обществе. Но эти темы могут стать предметом специального исследования. Выразим надежду, что авторы продолжат работу по изучению литературного наследия писателя, уделив особое внимание его взаимоотношениям с С. В. Аникиным, переписки с которым они практически не касались, финно-угорскому пласту материалов его архива, в частности неопубликованному очерку «Финляндия», проявлениям мордовской этничности в его деревенской прозе.

Остается только посоветовать на небольшой тираж монографии, понадеемся, что читателю будет доступен ее электронный вариант.

Рецензируемая книга вносит серьезный вклад в современное представление о многонациональном российском литературном процессе 1900-х – 1910-х гг. и возвращает в историю отечественной словесности имя практически забытого писателя.

Поступила в редакцию 22.01.2024

Маслова Елизавета Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова»

115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д.36

maslova.eg@rea.ru

Лю Хуэй

кандидат филологических наук, доцент

Уханьский текстильный университет

430073, Китайская Народная Республика, г. Ухань, ул. Фанчжи, 1

liuhui-wtu@qq.com

E. G. Maslova, Liu Hui

THE RETURN OF STEPAN KONDURUSHKIN: A MONOGRAPH ABOUT THE FORGOTTEN WRITER

Review of: "A Syrian and serious man...": pages of the life and work of the writer Stepan Kondurushkin: a monograph / S. A. Dubrovskaya, O. E. Osovsky, V. P. Kirzhaeva, S. M. Vladimirova. Saransk: Mordovian University Publishing House, 2023. 296 p.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-121-124

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 121–124. In Russian.

Received 22.01.2024

Maslova Elizaveta Gennadevna

Ph.D., Associate professor at Foreign Languages Department №1
Plekhanov Russian State University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, 115054, Russia
E-mail: maslova.eg@rea.ru

Liu Hui

Ph.D, Associate professor Wuhan Textile University
1, FangZhi Road, Wuhan, 430073, Hubei, China
E-mail: liuhui-wtu@qq.com

Юбилей

УДК 811.511.132`36(092)(045)

Г. В. Пунегова

**«ЕДИНСТВЕННЫЙ СПОСОБ СДЕЛАТЬ БОЛЬШУЮ РАБОТУ –
ЛЮБИТЬ ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ»: К ЮБИЛЕЮ КОМИ УЧЕНОГО
Г. А. НЕКРАСОВОЙ¹**

Статья посвящена описанию творческого пути одного из ведущих коми языковедов, специалиста в области изучения морфологии коми языка, исторической фонетики и грамматики пермских языков, доктора филологических наук, доцента Галины Александровны Некрасовой. Дана характеристика её основных монографических трудов, которые являются выдающимся вкладом ученого в лингвистическое финно-угроведение. Освещена ее педагогическая деятельность в системе вузовского образования.

Ключевые слова: Г. А. Некрасова, коми языковед, ученый, коми язык, грамматика, морфология.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-125-129

Цитата Стива Джобса, вынесенная в заголовок статьи, всесторонне характеризует творческую деятельность одного из видных и талантливых ученых в области коми и финно-угорского языкознания Галины Александровны Некрасовой.

Галина Александровна родилась в старинном коми с. Айкатыла (рус. Айкино) Усть-Вымского района Коми АССР. Ее детство и школьные годы прошли в родном селе Гам, – малочисленном, но богатом талантливыми людьми. После окончания средней школы в 1976 г. она поступила на историко-филологический факультет Сыктывкарского государственного университета, который окончила в 1981 г. и получила образование, определившее весь ее дальнейший путь в науке. Обучаясь в столичном вузе Коми, она проявила себя как серьезный, вдумчивый и талантливый исследователь родного коми языка. Свой дипломный проект, как и все курсовые работы, она написала по коми языку под руководством своего наставника, кандидата филологических наук доцента Е. А. Игушева, который сумел заинтересовать молодую девушку заниматься наукой, своим примером привил в ней все качества настоящего педагога и ученого.

Сразу после университета её приглашают на работу в сектор языка Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР (ныне Коми Научный центр Уральского отделения Российской Академии наук), в котором она трудится по настоящее время.

В 1983–1986 гг. Г. А. Некрасова обучалась в очной целевой аспирантуре Тартуского государственного университета (г. Тарту, ЭССР/Эстония). Будучи аспиранткой, она имела возможность слушать лекции и получать консультации известных ученых-филологов старейшего вуза страны. В аспирантские годы Галина Александровна обращается к углубленному изучению грамматики коми языка. В частности, ее пристальное внимание сосредоточено на изучении группы падежей коми языка с *л*-овым элементом. Наставниками молодого исследователя были ученые финно-угроведы доктора филологических наук А. Кюннап и П. Алвре. Под их руководством она написала и в ноябре 1987 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «*Л*-овые падежи в коми языке». Эта работа стала не только серьезным шагом Галины Александровны в большую науку, но и первым обобщающим исследованием по изучению группы падежей коми языка и анализу их семантико-синтаксических функций. обстоятельный анализ обширного материала, по словам А-Р. Хаузенберг, «представляет собой достоверный и очень интересный материал в аспекте общелингвистической типологии и универсалий». В дальнейшем ученый продолжила заниматься исследованием категории падежа. Итогом ее кропотливого труда, скрупулезного анализа падежей пермских языков стало диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора филологических наук «Категория

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

падежа имени существительного в пермских языках», защита которой состоялась в мае 2021 г. в Удмуртском государственном университете. В обобщающей солидной работе исследователя впервые в финно-угорском языкознании проведено системное изучение внутреннего устройства падежных систем, морфологических и функционально-семантических характеристик падежей пермских языков. При обсуждении диссертации оппоненты подчеркнули ее значение не только для финно-угорского языкознания, но и для общетеоретических и типологических исследований агглютинативных языков. Член-корреспондент РАН, докт. филол. н., гл. научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН С. А. Мызников в отзыве на диссертацию Г. А. Некрасовой подчеркнул, что «комплексное описание падежей на синхронном срезе может пролить свет на тенденции их исторического развития, определить, в том числе, их генезис, а также влияние ареальных факторов», что «систематизация сходств и различий падежных систем генетически родственных (пермских) языков приобретает особую актуальность для выявления поля вариативности».

Диссертационные исследования ученого были высоко оценены специалистами в области финно-угорского языкознания и отмечен ее большой вклад в общую теорию грамматики коми и других пермских языков.

Научные интересы Г. А. Некрасовой лежат в области функциональной грамматики, исторической фонетики и морфологии коми языка. В ее исследованиях раскрыты особенности развития коми языка в контексте развития других пермских и финно-угорских языков: прослежены этапы формирования и развития фонетического строя коми языка, функциональные особенности развития отдельных грамматических категорий существительного и послелогов коми языка, установлены особенности развития морфологической системы коми языка. Ученым детально исследовано устройство падежной системы коми языка, уточнив их количество, функционирование и семантику, выявлены системные отношения послелогов, различных семантических групп.

Г. А. Некрасова внесла заметный вклад в описание особенностей исторического развития фонетической системы коми языка, что отражено в нескольких ее работах. Наиболее полным отражением взглядов ученого в области исторической фонетики коми языка является ее монография «Коми кывлӧн исторической фонетика/Историческая фонетика коми языка» (Сыктывкар, 2000). В книге обстоятельно и последовательно описано развитие системы вокализма и консонантизма коми диалектов, освещены основные парадигматические и синтагматические фонемные изменения от прапермского периода до формирования современных коми-зырянских диалектов. Емкая и содержательная книга ученого сыграла чрезвычайно важную роль в изучении исторической фонетики коми языка среди студентов филологов. В книгу вошли материалы курса лекций, которые Галина Александровна разработала и читала студентам в Сыктывкарском госуниверситете в течение двадцати лет, обновляя и перестраивая его. Кроме того, для решения лингвистических задач, выполнения упражнений по исторической грамматике коми языка в целях закрепления курса, ею были подготовлены и изданы методические рекомендации, которыми студенты пользуются по настоящее время.

Среди основных ее монографических трудов – «Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика» (Сыктывкар, 2002). В исследовании рассматривается происхождение и развитие отдельной группы падежей, объединяющихся общим элементом *-l-* в составе суффикса, анализируются их семантико-синтаксические функции. Два монографических труда «Структура слова и выбор падежного алломорфа в пермских языках» (М., 2006) и «Падежи социативности в пермских языках» (М., 2006) изданы в электронном ресурсе. Во всех ее исследованиях материал подан в сравнении с удмуртским языком и в ряде случаев с другими финно-угорскими языками.

В 2023 г. Г. А. Некрасовой издана монография «Категория падежа имени существительного в пермских языках». Новая научная работа – итог многолетних исследований ученого об устройстве падежных систем коми и удмуртского языков и их комплексного детального и систематического описания, выявления общих и дистинктивных признаков падежных систем родственных языков, а также изучение взаимодействия категории падежа с другими грамматическими категориями существительного. Во введении данного научного издания автор пишет, что «исследование проведено на синхронном срезе с диахроническими экскурсами с использованием комплекса методов сравнительно-исторического, сопоставительно-контрастивного, ареального и типологического направлений современного языкознания». Как видим, ученый обнаруживает широту научных интересов, обладает умением видеть исследуемую проблему с разных точек зрения и успешно их решать.

Она автор коллективной монографии «Ӧнія коми кыв. Морфология/Современный коми язык. Морфология» (Сыктывкар, 2000), ставшей результатом многолетних фундаментальных исследований

коми ученых языковедов. Перу Г. А. Некрасовой принадлежат разделы «Эмакыв/Существительное», «Кывбердлӧн грамматика категорияс / Грамматические категории прилагательного», «Кывбӧр / Послелог», особое внимание в которых уделено описанию функционирования морфологических форм в различных синтаксических условиях и выделению их грамматических значений. В целом академическое издание отличается абсолютно новым материалом, не нашедшим отражения в предыдущих грамматиках коми языка. Оно широко применяется в практике преподавания морфологии коми языка в вузе.

Г. А. Некрасова является одним из авторов уникальной энциклопедии «Коми язык» (М., 1998), для которой ею написано около пятидесяти статей. В них трактуются понятия и термины грамматики коми языка в области морфологии и синтаксиса («падеж», «посессивность», «послелог», «приблизительно-местные падежи», «склонение существительных», «наречие» и другие). За этот научный и в то же время популярный труд коллективу, в числе которых и Г. А. Некрасова, присуждена государственная премия Республики Коми в области науки (1999).

Одним из важных направлений в деятельности ученого является история коми языкознания. Ряд ее работ посвящены изучению жизни и творчества известных коми людей, их основным результатам научной деятельности, открытиям в области коми языкознания, большому вкладе в науку, образование, культуру. Ее перу принадлежат статьи о научном вкладе создателя первой коми азбуки и письменности Стефана Пермского, одного из основоположников коми языкознания П. И. Савvaitова, создателя первого национального алфавита В. А. Молодцова, крупного исследователя коми и финно-угорских языков В. И. Лыткина, специалиста в области истории коми языка Е. С. Гуляева, специалиста в области стилистики и лексикологии коми языка Е. А. Игушева и других.

Научные исследования Галины Александровны являются основой коми языкознания, базой для дальнейших новых исследований. Ее имя широко известно в нашей стране и за ее пределами. Галина Александровна активно участвовала в подготовке и проведении ряда научных форумов, была ответственным секретарем оргкомитета III Всероссийской конференции финно-угроведов (Сыктывкар, 2004 г.), ответственным секретарем оргкомитета при организации VII и XIII международных симпозиумов «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 1998, 2010 гг.). Она была участником нескольких международных конгрессов финно-угроведов. Коммуникация с коллегами и научным финно-угорским сообществом помогают ученому обсудить свои взгляды и идеи, получить обратную связь и раскрыть свой потенциал через дискуссии и совместные исследования. Многие ее работы опубликованы в авторитетных журналах, индексируемых в международных информационно-аналитических системах научного цитирования.

Никто не усомнится в том, насколько важен принцип единства научных исследований и образовательного процесса. Галина Александровна внесла весомый вклад в подготовку научно-педагогических кадров. На протяжении порядка двадцати лет она читала фундаментальные курсы по «Исторической фонетике и грамматике коми языка», «Сравнительной грамматике пермских и финно-угорских языков», «Современному коми языку (разделы словообразование и морфология)». Кроме того, разработала и читала спецкурсы «Актуальные проблемы финно-угорских языков», «Падежная система пермских языков», руководила диалектологической практикой студентов-филологов, обучающихся по специальности «Филология (национальная)» Сыктывкарского государственного университета. На протяжении всей своей работы в университете Галина Александровна руководила курсовыми и дипломными работами студентов, представлявшими собой вполне оригинальные исследования. Более полусотни выпускников она подготовила к защите научно-исследовательских проектов перед государственной аттестационной комиссией. Тематика курсовых и дипломных работ ее студентов-подопечных была настолько широка, что охватывала практически все разделы языкознания, а изучение лингвистических единиц по наиболее актуальным вопросам коми и, шире, пермского и финно-угорского языкознания ее студентами производилось в аспектах диахронии и синхронии.

Будучи руководителем дипломных проектов студентов, Г. А. Некрасова оказывала помощь своим ученикам в подготовке докладов, тезисов докладов и научных статей. С научными разработками ее ученики выступали на конференциях различного уровня: международных форумах, всероссийских и региональных научно-практических конференциях. Многие ее выпускники, давно уже окончившие вуз и став уже опытными специалистами-филологами, добрым словом вспоминают занятия своего Учителя, ее наставления, ее консультации и рекомендации, которые так необходимы были в первом опыте трудовой деятельности ее учеников. Они благодарят Галину Александровну за знания, которые пригодились им в жизни. Лекции Г. А. Некрасовой студентам – это интересный и любопыт-

ный рассказ о сложной системе языка, о методах и принципах его исследования, о новых технологиях, о новых научно-теоретических разработках и достижениях в области коми и финно-угорского языкознания. Они всегда захватывают студентов, позволяют вдумчиво относиться к его изучению, познанию нового о языке в целом. Свои научные изыскания в области грамматики коми языка широко использовались ею в практике вузовского преподавания, они нашли отражение в учебном пособии для студентов вузов «Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног / Падежная система пермских языков: форма, семантика, происхождение» (Сыктывкар, 2004).

Учеба в Тартуском университете, являвшемся до конца прошлого столетия ведущим центром изучения уральских языков, тесное сотрудничество с коллегами, российскими и зарубежными учеными финно-угроведами сформировало Галину Александровну Некрасову как замечательного исследователя коми языка, обладающего широтой научного кругозора, и воплощающего креативные идеи в новые научные достижения. Она постоянно повышает свой научный уровень, использует в исследовательской деятельности новые методы и принципы лингвистического анализа.

Плодотворная и многогранная работа Галины Александровны заслуженно была отмечена рядом премий и наград республиканского и федерального уровней. В 2019 г. ей было присуждено почетное звание «Заслуженный работник Республики Коми». Трудлюбие, исполнительность, внимательность, точность, доброжелательность – ей присущи все качества настоящего ученого, настоящего лингвиста, обладающего тонким языковым чутьем.

Коллеги по работе, выпускники университета от всей души поздравляют Галину Александровну с прекрасным юбилеем и желают ей крепкого здоровья, благополучия, дальнейших творческих успехов! Кузь нэм да бур шуд Тянлы, дона да пыдди пуктана Галина Александровна!

ЛИТЕРАТУРА

- Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г. В. Федюнева. М.: ДиК, 1998. 607 с.
- Некрасова Галина Александровна // Российские исследователи коми языка: библиографический указатель. Сыктывкар: Национальная библиотека РК, 2007. С. 279-283.
- Некрасова Г. А. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног / Падежная система пермских языков: форма, семантика, происхождение. Сыктывкар: СГУ, 2004.
- Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар: ФИЦ КомиНЦ УрО РАН, 2023. 516 с.
- Некрасова Г. А. Коми кывлӧн историческӧй фонетика / Историческая фонетика коми языка. Сыктывкар: ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2000. 168 с.
- Некрасова Г. А. Падежи социативности в пермских языках. М.: ВНИИЦ, 2006. 51 с. (Электронный ресурс. № 50200602058).
- Некрасова Г. А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар: ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2002. 168 с.
- Некрасова Г. А. Структура слова и выбор падежного алломорфа в пермских языках. М.: ВНИИЦ, 2006. 122 с. (Электронный ресурс. № 50200602059).
- Ӧнія коми кыв. Морфология / Современный коми язык. Морфология / Дасьтӧма Г. В. Федюнева кипод улын. Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанин, 2000. 544 с.
- Хаузенберг А-Р. Рецензия на: Г. А. Некрасова. L-овые падежи в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту 1987 // Советское финно-угроведение. 1988. № 2. С. 149–152.

Поступила в редакцию 09.12.2023

Пунегова Галина Васильевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: galina.syktsu@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2787-183X

G. V. Punegova

**“THE ONLY WAY TO DO GREAT WORK IS TO LOVE WHAT YOU DO”:
TO THE ANNIVERSARY OF THE KOMI SCIENTIST G. A. NEKRASOVA**

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-125-129

The paper deals with the description of the creative path of one of the leading Komi linguists, specialist in the field of morphology of the Komi language, historical phonetics and grammar of the Permian languages, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor Galina Aleksandrovna Nekrasova. The characteristics of her main monographic works, which are the scientist's outstanding contribution to linguistic Finno-Ugric studies, are given. Her teaching activities in the university education system are covered.

Keywords: G. A. Nekrasova, Komi linguist, scientist, Komi language, grammar, morphology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 125–129. In Russian.

REFERENCES

Komi yazyk. Enciklopediya [The Komi language. Encyclopedia] / Otv. red. G. V. Fedyuneva [Ed. G. V. Fedyuneva]. Moscow: DiK, 1998. 608 p.

Nekrasova Galina Aleksandrovna // Rossijskie issledovateli komi yazyka: biobibliograficheskij ukazatel' [Russian researchers of the Komi language: biobibliographic index]. Syktyvkar: Nacional'naya biblioteka RK [National Library of the Komi Republic], 2007. P. 279–283.

Nekrasova G. A. Vezhlög perym kyv"yasyn: pertas, vezhörtas, artmannog / Padezhnaya sistema permskih yazykov: forma, semantika, proiskhozhdenie [Case system of the Permian languages: form, semantics, origin]. Syktyvkar: SGU [Syktyvkar State Univ.], 2004. 118 p.

Nekrasova G. A. Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v permskih yazykah [The Category of the noun case in the Permian languages]. Syktyvkar: FIC KomiNC UrO RAN [FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS], 2023. 516 p.

Nekrasova G. A. Komi kyvlön istoricheskøj fonetika [Historical phonetics of the Komi language]. Syktyvkar: IYALI KomiNC UrO RAN [Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS], 2000. 168 p.

Nekrasova G. A. Padezhi sociativnosti v permskih yazykah [Cases of sociability in the Permian languages]. Moscow: All-Union Scientific and Technical Information Center, 2006. 51 p. (Electronic resource. No. 50200602058).

Nekrasova G. A. Sistema L-ovyh padezhej v permskih yazykah: proiskhozhdenie i semantika [The system of L-cases in the Permian languages: origin and semantics]. Syktyvkar: IYALI KomiNC UrO RAN [Inst. of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS], 2002. 168 p.

Nekrasova G. A. Struktura slova i vybor padezhnogo allomorfa v permskih yazykah [Word structure and choice of case allomorph in the Permian languages]. Moscow: All-Union Scientific and Technical Information Center, 2006. 122 p. (Electronic resource. No. 50200602059).

Öniya komi kyv. Morfologiya [Modern Komi language. Morphology] / Das'töma G. V. Fedyuneva kipod ulyn [Prepared under the leadership of G.V. Fedyuneva]. Syktyvkar: Komi nebög ledzanin [Komi Book Publishing House], 2000. 544 p.

Xauzenberg A-R. Recenziya na: G. A. Nekrasova. L-ovye padezhi v komi yazyke [Review of: G. A. Nekrasova. L-cases in the Komi language]. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk [Dissertation for the degree of candidate of philological sciences]. Tartu 1987 // Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric studies]. 1988. № 2. S. 149–152.

Received 09.12.2023

Punegova Galina Vasiljevna

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher
Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia
E-mail: galina.syktu@mail.ru
ORCID 0000-0002-2787-183X

Pro memoria

УДК 811.511.110 (092) (045)

И. Ю. Винокурова

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БОГДАНОВ: СУДЬБА ВЕПССКОГО УЧЕНОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Статья подготовлена к юбилею исследователя прибалтийско-финских языков Н. И. Богданова (1904–1959), одного из первых ученых – выходцев из среды вепсского народа, в 1930-е гг. принимавших участие в создании вепсской письменности, подготовке учителей и написании учебников для вепсских школ. Н. И. Богданов развил гипотезу прибалтийско-финского происхождения вепсов, впервые сформулированную его учителем – выдающимся финно-угроведом Д. В. Бубрихом. Н. И. Богданову принадлежит первая кандидатская диссертация о вепсах в нашей стране, в которой история народа рассматривается на основе лингвистических данных. В предвоенные и послевоенные годы он входил в руководящий состав сотрудников Карельского института языка, литературы и истории. Жизненный путь ученого рассматривается на фоне эпохи, советской национальной политики и научной атмосферы 1930–1950-х годов. В его контекстуальной биографии отразились драматические страницы в истории вепсского и карельского народов, отражена роль политико-идеологических факторов в деятельности советских лингвистов.

Ключевые слова: Н. И. Богданов, биография, история, вепсы, вепсский язык, карельский язык, прибалтийско-финское языкознание, национальная политика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-130-139

17 января 2024 г. исполнилось 120 лет со дня рождения исследователя прибалтийско-финских языков Николая Ивановича Богданова (1904–1959) – одного из первых ученых-вепсов, в 1930-е гг. принимавших участие в создании вепсской письменности, подготовке учителей и написании учебников для вепсских школ; автора первой кандидатской диссертации о вепсах в нашей стране (Рис.1). В предвоенные и послевоенные годы он входил в руководящий состав сотрудников Карельского института языка, литературы и истории (ИЯЛИ). Юбилейная дата – повод вновь обратиться к биографии исследователя [Богданова, Винокурова 2006], новым эго-документам и рассмотреть их на фоне современной ему эпохи, советской национальной политики и научной атмосферы 1930–1950-х гг. в ИЯЛИ. Контекстуально-биографический подход, с одной стороны, позволяет по-новому увидеть личность ученого и некоторые факты его биографии, с другой, – дает представление об особенностях исторического периода, равного персональному отрезку жизни [Ивановская 2011, 286].

Рис. 1. Н. И. Богданов, 1958 г.

Шимозерский период

Н. И. Богданов родился 17 января 1904 г. в Санкт-Петербурге в семье рабочего. Его отец Богданов Иван Ефимович (1855–1920) – вепс из д. Сюрьга Шимозерской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии – был незаконнорожденным. Детей-сирот в то время часто отправляли «учениками» на промышленные предприятия в города. Так произошло и с Иваном Ефимовичем. В семилетнем возрасте он был отправлен в столицу и пристроен на обучение к мастеру жестяного дела. Получив профессию медника-жестянщика, стал работать на Александровском литейном заводе.

Мать Н. И. Богданова – Евгения Романовна (1864–1938) – была родом из Тверской губернии. Овдовев в 20 лет, с ребенком на руках она приехала в Петербург, работала прислугой и няней в богатых семьях. В возрасте 38 лет вышла замуж за Ивана Ефимовича Богданова, к тому времени уже дважды овдовевшего и имевшего четверых детей. Николай Иванович Богданов был их общим поздним ребенком.

В 1912 г. Иван Ефимович, отработав на заводе 50 лет, переехал с семьей в родное Шимозеро. На заработанные в городе деньги построил дом и стал заниматься изготовлением железных предметов для домашнего обихода, чинить медную посуду и самовары [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 26].

Во время переезда в с. Шимозеро Н. И. Богданову было восемь лет. Мальчик быстро усвоил вепсский язык, которого до того не знал. В Шимозере он блестяще окончил церковно-приходскую школу, а затем в 1918 г. второклассную школу в с. Мятусово Олонецкого уезда в 150 км от дома. Несмотря на способности и желание мальчика учиться дальше, родители не имели возможности дать сыну дальнейшее образование. В возрасте 15 лет в марте 1919 г. он начал трудовую деятельность писарем Шимозерского волостного военкомата. Работа проходила в непосредственной близости от зоны боевых действий. В военкомате проводилась мобилизация в Красную Армию.

После Гражданской войны и образования СССР большевики приступили к проведению политики «коренизации», направленной на ускоренное развитие нерусских народов. Одна из задач «коренизации» состояла в ликвидации неграмотности через обучение на родном языке. Среди вепсов национальные реформы продвигались медленно. В этот период вепсские школы Ленинградской губернии были только начальными с преподаванием на русском языке и исчислялись единицами [Смирнова 2008, 113]. Тем не менее, и они закрывались в связи с тяжелым финансовым положением в стране. Такая ситуация отразилась в биографии Н. И. Богданова. В сентябре 1920 г. он был назначен учителем в Васильевскую начальную школу в с. Шимозере. Работа с детьми ему очень нравилась, а дети, по воспоминаниям бывших учеников, буквально боготворили молодого учителя. Но в 1922 г. эту школу закрыли, и Николай Иванович был переведен в Сяргозерскую школу за 30 км от дома. Вскоре из-за болезни матери он был вынужден оставить школу в Сяргозере и вернуться домой в Шимозеро.

Около 9 лет ему пришлось работать в разных организациях вблизи от дома: продавцом, членом правления и счетоводом. Но, как пишет Н. И. Богданов в автобиографии, он «не переставал думать о педагогической работе» [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 26]. Только в июне 1931 г. ему удалось устроиться в Шимозерскую начальную школу. Однако проработал он там недолго, был назначен школьным инспектором, а через четыре месяца – заведующим Оштинским РОНО [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 26]. На этой должности впервые проявились его организаторские способности, позже отмечаемые во всех служебных характеристиках.

Период создания вепсской письменности

Резкие изменения по службе, долгожданная востребованность в сфере образования объяснялись началом важного периода в истории вепсов, длившегося с 1931 по 1937 г., который Н. И. Богданов определяет как «период создания вепсской письменности» [Богданов 1952б, 16] и отмечает: «Я с самого начала принимал участие в деле создания вепсской письменности» [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 26]. К началу 1930-х гг. вопрос о создании письменности для бесписьменного народа стал особенно актуальным. На это указывали данные переписи 1926 г., в которой более 94% вепсов назвали родным язык своего народа.

В январе 1931 г. в Ленинградском областном отделе народного образования (Леноблоно) состоялось совещание с участием профессора Д. В. Бубриха, на котором обсуждался вопрос о создании письменностей для народностей Ленинградской области. Совещание приняло решение о срочной организации экспедиций по сбору языкового материала, его обработке и подготовке к осени 1931 г. букварей и учебных пособий [Строгальщикова 2016, 95].

Руководителем экспедиции по изучению вепского языка был назначен аспирант Яфетического института, карел Г. Х. Богданов (1900–1932); в состав отряда вошли ассистент Карельского научно-исследовательского института (КНИИ), финн М. М. Хмяляйнен; студент педагогического института им. Герцена, карел А. М. Михкиев; курсант совпартшколы, вепс И. М. Гурькин. Экспедиция состоялась весной 1931 г. Территория исследования включала и район Шимозерья, население которого оказывало поддержку в сборе материала [Строгальщикова 2016, 95]. Очевидно, именно тогда Н. И. Богданов впервые познакомился с участниками экспедиции и был вовлечен в знаменательные события, связанные с языком и грамотностью народа.

Летом 1931 г. участниками экспедиции был создан алфавит вепского языка на латинской основе, а также написан первый вепский букварь. Через год в 37 начальных школах началось обучение грамоте детей на родном языке [Смирнова 2008, 114].

Дальнейшая работа по созданию учебной литературы для вепсов поручалась сформированной в 1932 г. при Комитете нового алфавита Ленинградской области вепской языковой комиссии, руководимой М. М. Хмяляйненом. В нее вошли Н. И. Богданов – в то время заведующий Оштинским РОНО, В. И. Петухов – инспектор этого учреждения, И. Ф. Андреева и Ф. А. Андреев – учителя из Пяжозера; И. А. Силин из Кленозера; Г. Ф. Большаков – учитель из д. Войлахта, М. Г. Логинов, В. М. Романов, А. М. Михкиев. Позже Н. И. Богданов возглавил вепскую языковую комиссию [Строгальщикова 2016, 95].

По всей видимости, уже в 1932 и 1933 гг. Н. И. Богданов привлекался КНИИ для работы по сбору лингвистического материала среди вепсов. В отчете об экспедициях Института за 1932 г. сообщается, что были в командировках «Богданов (вепс) и С. А. Макарьев в ряде сельсоветов» [НА КарНЦ. Р. XI. Оп. 2. Д. 75. Л. 54], в отчете за 1933 г. указывается «поездка к Шимозерским вепсам Богданова» [Там же. Л. 38].

В связи с введением вепского языка в учебный процесс остро встала проблема педагогических кадров. Подготовка учителей для вепских школ легла на плечи Н. И. Богданова. В 1933 г. Леноблпоном поручил ему провести краткосрочные курсы вепских учителей, а затем организовать при Лодейнопольском педагогическом техникуме вепское отделение для подготовки учителей родного языка. Курсы состоялись летом 1933 г. в с. Доможирово Лодейнопольского р-на (Рис. 2). На курсы съехалось более 30 человек, в основном учащихся старших классов школ крестьянской молодежи. Были среди них земляки Н. И. Богданова. Слушатели изучали основы вепской письменности и методику преподавания предметов на вепском языке [Богданова, Винокурова 2006, 39].

Рис. 2. Участники курсов в с. Доможирово. 1933 г.
Второй ряд снизу, 5-й слева – Н. И. Богданов.

В 1933 г. при Лодейнопольском педагогическом техникуме открылось вепское отделение на 90 чел. [Смирнова 2008, 118]. Здесь Николай Иванович более года был заведующим и преподавал вепский язык и географию. Но для работы в среднем учебном заведении его знаний было недоста-

точно, необходимо было высшее финно-угроведческое образование. Поэтому в 1934 г., в возрасте 30 лет, он поступил на финно-угорское отделение ЛГУ, возглавляемое Д. В. Бубрихом. Встреча с Д. В. Бубрихом оказала влияние на всю его последующую жизнь.

Решение о поступлении в вуз было крайне трудным для Н. И. Богданова. В то время у него уже была большая семья, находившаяся в Шимозере: мать, жена, работающая в колхозе, и трое дочерей-погодков (от 9 до 6 лет). Николаю Ивановичу все университетские годы в Ленинграде приходилось учиться и работать. Но это не отразилось на его учебе. В 1936 г. за отличную успеваемость 11 студентов ЛГУ, в числе которых был и Николай Богданов, были награждены туристической путевкой в Крым. Пятилетний курс обучения в университете он окончил за четыре года, получив диплом с отличием по специальности филолог–финно-угровед [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 5]. В характеристике, данной Николаевичу Ивановичу по окончании университета, он характеризовался «как ударник учебы и как студент», в течение своего пребывания в университете «активно участвующий в общественной жизни (староста политкружка, подготовка ворошиловских стрелков, работа в совнахиме)» [Там же. Л. 86].

В университетские годы он продолжал активно участвовать в создании, переводах и редактировании школьных учебников на вепском языке. В составе авторского коллектива подготовил книгу чтения “Lugend knig” для 2-го класса, перевел учебное пособие и два учебника арифметики, два учебника по географии и «Естествознание». Им были также составлены вепские учебники для неполной средней школы: «История народов СССР» и хрестоматия для 5 класса [Богданова, Винокурова 2006, 73]. Однако судьба этих двух работ не известна. О последнем учебном пособии он писал следующее: «Из печати не вышла в связи с отменой преподавания вепского языка в школе» [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 15].

Отмена преподавания вепского языка произошла неожиданно. 20 декабря 1937 г. вышло постановление «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», по которому все национальные школы в Ленинграде и области подлежали реорганизации уже к 15 января 1938 г. в «советские школы обычного типа», т.е. переведены на русский язык обучения, с исключением из программы родного языка. В постановлении говорилось также о ликвидации национальных педагогических техникумов и отделений, среди которых называлось и вепское отделение Лодейнопольского педагогического техникума. Вслед за областным постановлением 24 января 1938 г. вышло постановление «О реорганизации национальных школ», утвержденное ЦК ВКП(б) [Смирнова 2008, 121]. Закрытие вепских школ сопровождалось отменой учебников. Письменность вепсов на латинской основе была отменена, исключены сведения об истории, культуре и языке народа.

Основной причиной ликвидации образования на родном языке стала радикальная смена национальной политики. По мнению ряда исследователей, смена национальной политики имела несколько объяснений. Согласно одному из них, «большевики стали рассматривать русских как своего рода «этнический клей» Советского Союза» [Щербак, Болячевец, Платонова 2016: 106], способствующий созданию единой исторической общности людей – советского народа. Смена национальной политики была связана и с резким ухудшением взаимоотношений между СССР и Финляндией. В этой ситуации родственные финнам народы вызывали недоверие властей и воспринимались как «пятая колонна».

Первые годы работы в Петрозаводске

1938 г. совпал у Н.И. Богданова с годом окончания университета. В августе он был направлен в г. Петрозаводск в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), перестраивающий свою деятельность в связи с отменой политики «финнизации». В 1935–1937 гг. директор Института Э. А. Гюллинг и его заместитель С. А. Макарьев были репрессированы в связи с обвинением в создании «шпионско-повстанческой организации», ставящей своей целью «отторжение КАССР от Советского Союза и присоединение ее к фашистской Финляндии», отказе от создания карельской письменности и проведении политики «финнизации» карельских и вепских народностей [Савватеев 1999, 33–34].

В КНИИК под руководством Д. В. Бубриха проводилась работа по созданию карельского литературного языка. В 1938 г. карельский литературный язык был утвержден. В нем в единую систему были собраны все диалекты карельского языка. На практике попытка внедрения «междиалектного» литературного языка среди карельского населения успехом не увенчалась, он оказался «чужим» для представителей всех наречий и диалектов [Нагурная 2019, 74]. Создатели карельского литературного

языка Д. В. Бубрих и М. М. Хямяляйнен были обвинены в провале, умышленной финнизации и арестованы [Строгальщикова 2016, 107]. По счастью, им удалось выйти на свободу и реабилитироваться.

Фольклорная секция стала первым подразделением Института, в которое определили Н. И. Богданова в должности младшего научного сотрудника. Основные силы карельских фольклористов в это время были направлены на выявление сказителей и работу с ними по созданию произведений советского фольклора о счастливой жизни с приходом социализма. Н. И. Богданов вошел в состав коллектива, занятого подготовкой сборника таких произведений: занимался переводами на русский язык карельских и вепсских «новин» (новых былин) и плачей о советских вождях и героях, а также подготовкой точных подстрочников некоторых из них для литературной обработки их поэтом В. Ф. Бокковым. Сборник «Народное творчество Карело-Финской ССР» увидел свет в 1940 году.

Проработав в фольклорной секции более трех месяцев, Николай Иванович с 1 января 1939 г. был переведен в лингвистическую секцию, руководителем которой являлся до июля 1941 года. В этот период деятельность петрозаводских лингвистов во главе с Н. А. Анисимовым была сосредоточена на создании нового варианта литературного карельского языка и подготовке учебников, а также на сборе и изучении материалов по диалектам карельского языка. Необходимость изучения карельских диалектов обосновывалась их практическим применением по созданию «обогащенного художественно-красочного литературного языка» [НА КарНЦ. Ф.1. Оп. 3. Д. 261. Л. 13]. Сбор диалектологического материала осуществлялся сотрудниками в экспедициях и через сеть корреспондентов – учителей, сказителей, которые отправляли заполненные вопросники и записи образцов карельской речи по почте. Их работа оплачивалась. 25 ноября 1939 г. в КНИИК было проведено важное совещание по диалектологии карельского языка с участием представителей Академии наук, Карельского Обкома ВКП(б), Совнаркома и Наркомпроса Карелии, организацией которого занимался Н. И. Богданов. На совещание были приглашены также 35 корреспондентов и 5 сказителей, изъявивших желание собирать материал по карельскому языку. В архиве сохранилась огромная переписка Н. И. Богданова с участниками совещания [НА КарНЦ. Ф.1. Оп. 3. Д. 261].

Во время работы с корреспондентами Николай Иванович познакомился с карельским сказителем Т. Е. Туруевым (1877 г.р.) из Сегозерья. Этот крестьянин с детства знал русские былины и сказки из книг, а в дальнейшем стал передавать их по-своему, контаминируя разные мотивы, сразу на двух языках – родном карельском и русском, а также создавать новые советские былины. В 1939 г. Николай Иванович начал работу над составлением сборника этого сказителя. Объемный сборник «Сказки и былины Т. Е. Туруева» со вступительной статьей, приложением, примечаниями и словарем местных и старинных слов был подготовлен к изданию в 1940 г. [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50]. Предисловие к сборнику и его редактирование было выполнено знатоком русских былин А. М. Астаховой. К сожалению, сборник оказался неизданным. Он поступил в Карело-Финский Госиздат в 1941 г. и во время Великой Отечественной войны утерян.

В числе дел, выполняемых Н. И. Богдановым в 1939 г. вместе с Н. А. Анисимовым, были также переводы русских географических названий на карельский язык к «Политической карте СССР» и карте «Древний Восток и Передняя Азия» по запросу Наркомпроса КАССР [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 261. Л. 129–138].

С осени 1939 г. в школах Карелии вводилось обучение на новом карельском литературном языке на кириллице [Нагурная 2019, 75]. Однако 31 марта 1940 г. после завершения советско-финской «зимней» войны (1939–1940) был принят закон о преобразовании КАССР в КФССР, а 1 сентября преподавание в школах на карельском языке было отменено. Эти события резко меняли планы лингвистов. В отчете о работе лингвистической секции за 1940 г. Н. И. Богданов писал: «1940 год, наряду с развившимися в конце 1939 года историческими событиями, принес целый ряд неожиданностей, сыгравших большую роль в направлении работы. <...> Неожиданно карельский литературный язык с плана был снят. Это произошло в апреле месяце. <...> Сразу же пришлось пересмотреть план работы лингвистической группы, снять с плана ряд тем, оказавшихся на ближайшее время неактуальными» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 285. Л. 2]. Все неактуальные темы касались подготовки серии учебников карельского языка.

В план были включены темы, связанные с практическим применением финского языка. Карельский язык с этого времени на полвека превратился в объект чисто академической науки, в которой исследование диалектов карельского языка было продолжено. С этой целью, в 1940–1941 гг. Н. И. Богданов выезжал в экспедиции в Сегозерский, Пряжинский и Ругозерский районы [Богданова, Винокурова 2006, 42, 44, 71].

В марте 1941 г. он участвовал в работе ленинградского совещания по изучению финно-угорских языков. Председателем совещания был вернувшийся к работе после заключения Д. В. Бубрих. В своем докладе он изложил основные задачи финно-угорского языкознания. Одна из них заключалась в усилении работы по изучению ряда малоизученных языков, в числе которых был назван и вепсский язык [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 294. Л.61]. Важной задачей являлось расширение диалектологических работ.

Среди выступавших был Н. И. Богданов. В его докладе «Основные проблемы изучения суоми и карельского языка» прозвучало новое обоснование необходимости изучения диалектов карельского языка, которое было необходимо в период начавшейся «второй финнизации»: поскольку карельские диалекты близки к финскому литературному языку, то «они объясняют ряд явлений финского литературного языка», «дают возможность осветить целый ряд важных исторических проблем (установление древних племенных и феодальных границ, торговых путей, переселений и т.п.)»; в условиях Союзной КФСР «они обогатят финский литературный язык новой лексикой»; «знание диалектов поможет построить работу по преподаванию литературного финского языка с контингентом учащихся карел» [НА КарНЦ. Ф.1. Оп. 3. Д. 294. Л. 68].

Война

Когда началась война, Н. И. Богданов сразу вступил в народное ополчение, затем во 2-й Петрозаводский истребительный батальон и в июле 1941 г. ушел в Красную Армию. Он прошел по военным дорогам от Карелии до Германии, начав с должности старшего адъютанта батальона и закончив войну помощником командира дивизии (Рис. 3). Только 29 марта 1946 г. через 11 месяцев после окончания войны Н. И. Богданов был демобилизован из армии [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 2].

Рис. 3. Н. И. Богданов в годы войны

Послевоенный период

В апреле 1946 г. Н. И. Богданов приступил к работе в Институте в должности младшего научного сотрудника. Сразу же взялся за выполнение своего главного плана, прерванного войной, – подготовке диссертации. В июне 1946 г. Д. В. Бубрих дал согласие «взять на себя руководство работой по сдаче кандидатского минимума и написанию диссертации младшего сотрудника сектора Н. И. Богданова» [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 8]. Поскольку после войны возобновилась работа по изучению диалектов карельского языка и Н. И. Богданов был включен в состав ее исполнителей, то первоначально выбранная тема его диссертации носила название «Диалект карел Михайловского

с/совета, Олонецкого района (в исторической связи с прибалтийско-финскими языками: финским, вепским, эстонским и другими) [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 13]. Тема давала возможность соприкоснуться с его главным интересом – исследованием вепского языка. В 1946 г. для сбора материала Н. И. Богданов выезжал в экспедицию к карелам-людикам Михайловского с/совета [Богданова, Винокурова, 2006, 47]. Однако позже тема, посвященная людиковскому наречию, была заменена на «Историю развития лексики вепского языка».

В 1947 г. директором ИЯЛИ Карело-Финской базы АН становится Д. В. Бубрих, одновременно возглавляющий кафедру финно-угорской филологии ПетрГУ и кафедру финно-угорской филологии ЛГУ. С приходом нового директора в Институте происходят кадровые перестановки. В январе 1947 г. Д. В. Бубрих назначает Н. И. Богданова на должность ученого секретаря, «с возложенными на него обязанностями по планированию, организации научно-исследовательской и издательской работы» [НА КарНЦ. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 11]. Одновременно Д. В. Бубрих привлекает Николая Ивановича к чтению лекций по вепскому языку студентам кафедры финно-угорской филологии ПетрГУ – факт, свидетельствующий о смягчении запрета на вепский язык.

В мае 1949 г. в отечественном языкознании происходят драматические события. Сторонники объявленного единственно верным «нового учения о языке» Н. Я. Марра, отрицающего родство языков и существование языковых семей, организовали разгромный процесс против Д. В. Бубриха, отстаивающего сравнительно-исторический метод в языкознании. 17–18 мая в Ленинграде состоялось расширенное заседание сектора общего языкознания Института языка и мышления. На заседании с обвинительным докладом «Идеализм и формализм в финно-угорском языкознании» выступил зав. сектором языкознания ИЯЛИ В. И. Алатырев. 27 июня в Петрозаводске состоялось совещание научных сотрудников Карело-Финской базы АН СССР с участием общественности города для обсуждения статьи «За передовое советское языкознание» в центральной газете «Культура и жизнь» (от 2 мая 1949 г.), в которой звучали обвинения в адрес Д. В. Бубриха о том, что в вопросе происхождения финно-угорских языков он основывается на теории об «эпохе контакта», представляющей по сути дела не что иное как «праязыковую эпоху». Употребление понятий «праязык», «прародина» считалось в то время крамольным. Ученики Д. В. Бубриха – А. А. Беляков, М. М. Хмяляйнен и Н. И. Богданов – встали на защиту учителя. В воспоминаниях Г. М. Керта приводятся слова выступления Н. И. Богданова против В. И. Алатырева: «Вы в сектор являетесь, как барин. Я не согласен с формами и способами критики, которые Вы применяете. Я хотел указать Вам на то, что в Вашей докладной записке были передержки, тенденциозность, искажение цитат» [Керт 1990, 153]. Организованная травля не могла не сказаться на здоровье Д. В. Бубриха. 30 ноября 1949 г. во время лекции в ЛГУ он скончался от сердечного приступа, оставаясь верным своим идеям.

Конец «новому учению о языке» неожиданно положила работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованная в газете «Правда» (от 20 мая 1950 г.). В ней осуждался диктаторский режим, насаждаемый марристами в научной среде, и давалась положительная оценка сравнительно-историческому методу в языкознании. «Марксизм и вопросы языкознания» стал настольной книгой ученых, ссылки на которую были обязательны до самой кончины вождя.

В августе 1949 г. Н. И. Богданов, после длительного перерыва, обратился к сбору лингвистического материала у вепсов для диссертации «История развития лексики вепского языка». Целью исследования являлось рассмотрение языка как важнейшего источника освещения истории происхождения и развития вепсов. Для написания диссертации был выбран материал средне-вепского наречия, как более распространенный среди вепсов, с упором на его родной – шимозерский говор. Однако при надобности учитывались и особенности других говоров [Богданов 1952б, 5].

Один из вопросов, который рассматривался в диссертации, – выявление мест бывшего обитания летописной веси. Для его решения привлекались топонимические данные, большая часть которых была собрана в экспедиции в августе 1949 г. в Винницком р-не Ленинградской области и в Оштинском р-не Вологодской области. [Богданова, Винокурова 2006, 47–48].

В октябре 1951 г. Николай Иванович был командирован на год в ЛГУ для завершения диссертации, а 23 июня 1952 г. состоялась ее досрочная защита. Это была первая диссертация о вепсах в СССР. Как отмечал в своем отзыве эстонский финно-угровед П. Аристэ: «Н. И. Богданов со своей диссертацией является пионером в этой области. Его труд, кроме того, написан о языке, который гораздо меньше изучен, чем другие близкие, родственные языки. “История развития лексики вепского языка” – первая диссертация по этому языку вообще» (Тарту, 11.06.1952 г.). Помимо важных выводов в области вепского языка, в диссертации представлена богатейшая лексика по вепской традиционной культуре.

В то же время диссертация отражает определенный период в истории советской страны. В ней много ссылок на работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В работе обнаруживаются последствия отмены вепсской письменности на латинской основе, преподавания вепсского языка в школах. Участник создания вепсской письменности в 1930-е гг. в диссертации был вынужден называть вепсский язык бесписьменным, а вепсские термины давать на кириллице. При характеристике практического применения диссертации автор указывал на возможности использования ее материалов «в русских школах с вепским контингентом учащихся», который «облегчит процесс преподавания русского языка» [Богданов 1952б, 5].

Известный топонимист А. И. Попов в отзыве о диссертации написал: «Работа будет весьма существенным вкладом в финно-угроведение и, несомненно, должна быть напечатана» (15.05.1952 г.). К сожалению, это исследование не было опубликовано полностью из-за трагической смерти автора в 55 лет. Отдельные положения его диссертации были развиты в ряде статей¹. Они стали новым словом в науке того времени. Так, в отзыве на статью «К истории вепсов» А. М. Линевским отмечалось: «Считаю ее интересной и полезной. За последнее десятилетие это, пожалуй, первая работа по вепсам» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 43. Д. 171. Л. 107]. О статье «Лексика как источник истории народа» академик АН ЭССР Э. Н. Пяльль писал: «... В ней много интересных наблюдений и обобщений. Статья интересная, и я уже дал своим студентам почитать для семинарских занятий» (Из письма Н. И. Богданову от 14.04.1955 г.). В то время о вепсах не выпускалось никакой литературы и эту ситуацию отразили приведенные отзывы. Об отсутствии сведений писал сам Н. И. Богданов: «Истории вепсской народности до сего времени недостаточно уделено внимания на страницах литературы, широкая общественность нашей родины не знает, кто такие вепсы и где они обитают» [Богданов 1952а, 6]. В начале 1960-х гг., как вспоминал уже в годы перестройки писатель А. В. Петухов, «вепсская тема была целиной» [Строгальщикова 2016, 120].

С приходом к власти Н. С. Хрущева гуманитарные исследования по всей стране перестраивались согласно изменениям в советской национальной политике [Щербак, Болячевец, Платонова 2016, 107–108]. В связи с коренизацией, к которой вернулись в КАССР после поправок, актуальным в ИЯЛИ вновь стало изучение языка и культуры карелов и вепсов, при этом вопрос об использовании письменности этих народов в школьном образовании и других сферах уже не поднимался.

Сразу после защиты в сентябре 1952 г. Н. И. Богданов был назначен зав. сектором языкознания ИЯЛИ. В это время в работе сектора определились два направления: теоретическое (диалектология карельского, вепсского и саамского языков) и практическое (создание грамматик, учебных пособий и словарей финского языка) [Захарова, Новак 2020, 151]. Одной из работ, предназначенной для высших учебных заведений, над которой трудились лингвисты, была «Грамматика финского языка». В ней Н. И. Богдановым был написан раздел «Фонетика» [Богданов 1958].

В 1955 г. в ИЯЛИ была завершена многолетняя работа по подготовке диалектологического атласа карельского языка и начато изучение диалектов вепсского языка. В том же году Н. И. Богданов впервые побывал в Сидоровском с/совете в Ефимовском (ныне – Бокситогорском) р-не Ленинградской области, где в течение месяца изучал особенности южновепсского диалекта. Следующие три экспедиции проводились летом 1956–1958 гг. к северным, куйско-пондальским и южным вепсам. В сборе материала Н. И. Богданову помогали студенты ПетрГУ [Богданова, Винокурова 2006, 49–65].

Заключение

Траектория жизни Н. И. Богданова представляется стремительным движением с множеством неожиданных поворотов, которые ему удавалось мужественно преодолевать. В его контекстуальной биографии отразились трагические страницы в истории вепсского и карельского народов, связанные с резкими переменами в национальной политике, тяжелые годы Великой Отечественной войны, влияние идеологических и политических факторов на деятельность советских лингвистов.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР КарНЦ РАН (2024–2026).

ЛИТЕРАТУРА

Богданов Н. И. К истории вепсов (По материалам топонимики) // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 22–31.

Богданов Н. И. История развития лексики вепсского языка: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Л., 1952а. 22 с.

¹ Полный список трудов Н. И. Богданова см.: [Богданова, Винокурова 2006].

- Богданов Н. И.* История развития лексики вепсского языка: Дисс. канд. филол. наук. Л., 1952б. 227 с.
- Богданов Н. И.* Лексика как источник истории народа // Труды Карельского филиала АН СССР. 1954. Вып.1. С. 60–67.
- Богданов Н. И.* Фонетика // Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–42.
- Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю.* Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск: КарНЦ, 2006. С. 35–74.
- Захарова Е. В., Новак И. П.* К 90-летию прибалтийско-финской школы Карелии // *Linguistica Uralica*. 2020. № 2. С. 151–158.
- Ивановская Н. И.* Образ эпохи, образ народа (Опыт биографического изучения собирателей Российского этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреневские чтения. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2011. С. 286–302.
- Керт Г. М.* Величие и трагедия таланта (К 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха) // Север. 1990. № 7. С. 143–153.
- Нагурная С. В.* Карельская письменность // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика. 2019. С. 65–77.
- Савватеев Ю. А.* Степан Андреевич Макарьев: жизнь и деятельность (к 100-летию со дня рождения) // Вепсы: история, культура, межэтнические контакты. Петрозаводск: КарНЦ, 1999. С. 10–41.
- Смирнова Т. М.* Просвещение среди вепсов Ленинградской области (1920–1930-е гг.) // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. Петрозаводск: КарНЦ, 2008. С. 112–121.
- Строгальщикова З. И.* Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск: Periodika, 2016. 198 с.
- Щербак А. Н., Болячевец Л. С., Платонова Е. С.* История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–122.

Поступила в редакцию 02.02.2024

Винокурова Ирина Юрьевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11
E-mail: irvin@sampo.ru

I. Yu. Vinokurova

NIKOLAI IVANOVICH BOGDANOV: THE FATE OF THE VEPSIAN SCIENTIST IN A HISTORICAL CONTEXT

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-130-139

This article is dedicated to the anniversary of the researcher of the Baltic-Finnish languages N. I. Bogdanov (1904–1959), one of the first scientists who came from the Vepsian people, and in the 1930s. took part in the creation of the Vepsian script, training of teachers and writing of textbooks for Vepsian schools. He developed the hypothesis of the Baltic-Finnish origin of the Vepsians, first formulated by his teacher, the outstanding Finno-Ugric scholar D. V. Bubrikh. N. I. Bogdanov wrote the first candidate's dissertation in our country on the Vepsians, in which the history of the people is examined on the basis of linguistic data. In the pre- and post-war years, he was a member of the leadership team of the Karelian Institute of Language, Literature and History. The article examines the scientist's life path against the background of his contemporary era, Soviet national politics and the scientific atmosphere of the 1930s–1950s. His contextual biography reflects the tragic pages in the history of the Vepsian and Karelian peoples associated with drastic changes in national politics, the difficult years of the Great Patriotic War, and the role of ideological and political factors in the activities of Soviet linguists.

Keywords: N. I. Bogdanov, biography, history, Vepsians, Vepsian language, Karelian language, Baltic-Finnish linguistics, national politics

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 130–139. In Russian.

REFERENCES

- Bogdanov N. I.** K istorii vepsov (po materialam toponimiki) [Towards the history of the Veps (based on toponymy materials)]. *Izvestiya Karelo-Finskogo filiala AN SSSR* [Proceedings of the Karelo-Finnish branch of the USSR Academy of Sciences], 1951, no. 2, pp. 22–31. In Russian.
- Bogdanov N. I.** *Istoriya razvitiya leksiki vepsskogo yazyka*: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [History of the development of vocabulary of the Vepsian language. Extended abstract of Cand. filol. sci. diss.]. Leningrad, 1952a, 22 p. In Russian.
- Bogdanov N. I.** *Istoriya razvitiya leksiki vepsskogo yazyka*: Dis. ... kand. filol. Nauk [History of the development of vocabulary of the Vepsian language: Cand. hist. sci. Diss.]. Leningrad, 1952b, 227 p. In Russian.
- Bogdanov N. I.** Leksika kak istochnik istorii naroda [Vocabulary as a source of people's history]. *Trudy Karelo-Finskogo filiala AN SSSR* [Proceedings of the Karelian Branch of the Academy of Sciences], 1954, no.1, pp.60–67. In Russian.
- Bogdanov N. I.** Fonetika [Phonetics]. *Grammatika finskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Finnish language. Phonetics and morphology]. Moscow–Leningrad, 1958, pp.7–42. In Russian.
- Bogdanova G. N., Vinokurova I. Yu.** Nikolai Ivanovich Bogdanov: chelovek i uchenyi (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolai Ivanovich Bogdanov: a man and a scientist (on the 100th anniversary of his birth)]. *Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy (pamyati N.I. Bogdanova)* [Modern science of Veps: achievements and prospects (in memory of N.I. Bogdanov)]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr, 2006, pp. 35–74. In Russian.
- Zakharova E. V., Novak I. P.** K 90-letiyu pribaltiisko-finskoi shkoly Karelii [To the 90th anniversary of the Baltic-Finnish school of Karelia]. *Linguistica Uralica* [Linguistics Uralica]. 2020, no. 2. pp. 151–158. In Russian.
- Ivanovskaya N. I.** Obraz epokhi, obraz naroda (Opyt biograficheskogo izucheniya sobiratelei Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya) [The image of the era, the image of the people (Experience of biographical study of collectors of the Russian Ethnographic Museum)]. *Istoriko-kul'turnyi landshaft Severo-Zapada. Chetvertye Shegrenovskie chteniya*. [Historical and cultural landscape of the North-West. Fourth Sjögren Readings]. Sankt-Peterburg: Evropeiskii Dom, 2011, pp. 286–302. In Russian.
- Kert G. M.** Velichie i tragediya talanta (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR D.V. Bubrikha) [The greatness and tragedy of talent (To the 100th anniversary of the birth of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences D.V. Bubrikh)]. *Sever* [North]. 1990, no. 7, pp. 143–153. In Russian.
- Nagurnaya S. V.** Karel'skaya pis'mennost' [Karelian writing]. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika. 2019, pp. 65–77. In Russian.
- Savvateev Yu. A.** Stepan Andreevich Makar'ev: zhizn' i deyatel'nost' (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Stepan Andreevich Makariev: life and work (on the 100th anniversary of his birth)]. *Vepsy: istoriya, kul'tura, mezhetnicheskie kontakty* [Vepsians: history, culture, interethnic contacts]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr, 1999, pp. 10–41. In Russian.
- Smirnova T. M.** Prosveshchenie sredi vepsov Leningradskoi oblasti (1920–1930-e gg.) [Enlightenment among the Vepsians of the Leningrad region (1920–1930)]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie vepsov i rol' muzeya v zhizni mestnogo soobshchestva* [Historical and cultural heritage of the Vepsians and the role of the museum in the life of the local community]. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr, 2008, pp. 112–121. In Russian.
- Strogal'shchikova Z. I.** Vepsy v etnokul'turnom prostranstve Evropeiskogo Severa [Vepsians in the ethnocultural space of the European North]. Petrozavodsk: Periodika, 2016. 198 p. In Russian.
- Shcherbak A. N., Bolyachevets L. S., Platonova E. S.** Istoriya sovetskoi natsional'noi politiki: kolebaniya mayatnika? [History of Soviet nationality policy: pendulum swings?]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2016, no. 1, pp. 100–122. In Russian.

Received 02.02.2024

Vinokurova Irina Yurevna

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
 Institute of Language, Literature and History
 Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
 11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russia
 E-mail: irvin@sampo.ru

А. В. Пигин

**ПИСЬМА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА БОГДАНОВА
ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ МАЛЫШЕВУ**

В статье анализируются и публикуются письма петрозаводского исследователя вепского языка и культуры Н. И. Богданова к археографу, создателю Древлехранилища Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН В. И. Малышеву. Письма хранятся в фонде В. И. Малышева в Рукописном отделе Пушкинского Дома и датируются 1947–1951 годами. Н. И. Богданова и В. И. Малышева сближали общая alma mater – учеба в 1930-е гг. на филологическом факультете Ленинградского университета, участие в Великой Отечественной войне, но главное – интерес к культуре Севера, которую каждый из них изучал с позиций своей науки, языкознания и археографии. Письма добавляют штрихи к научной биографии обоих ученых, содержат материал к изучению истории филологической науки 1940–1950-х гг., в них упоминаются имена известных ученых – Д. В. Бубриха, В. Я. Проппа, К. В. Чистова и других. В письмах содержатся сведения о научной и административной работе Н. И. Богданова, о формировании рукописного собрания Карельского института культуры, о некоторых научных мероприятиях тех лет – юбилеях полного издания «Калевалы» и первого издания «Слова о полку Игореве».

Ключевые слова: Н. И. Богданов, В. И. Малышев, язык и культура вепсов, биографии, эпистолярные тексты, «Калевала», археография.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-140-149

В богатейшем архивном фонде Владимира Ивановича Малышева (1910–1976) – выдающегося российского археографа, создателя Древлехранилища в Пушкинском Доме – сохранилось 13 писем филолога, исследователя вепского языка и культуры Николая Ивановича Богданова (1904–1959)¹, статью о научной деятельности которого (к его 120-летию) для настоящего выпуска журнала написала его внучка И. Ю. Винокурова. Предлагаемая публикация писем служит дополнением к этой статье, позволяет, как кажется, добавить несколько штрихов к портрету ученого.

Н. И. Богданов и В. И. Малышев познакомились, вероятно, в 1930-е гг. в Ленинградском университете, где обучались на филологическом факультете (Н. И. Богданов – на финно-угорском отделении; В. И. Малышев – на русском). Позднее, с рубежа 1930–1940-х гг. их общение продолжилось в Петрозаводске: Н. И. Богданов с августа 1938 г. начал работать в Карельском научно-исследовательском институте культуры (КНИИК) (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН)², В. И. Малышев вел занятия по палеографии со студентами только что открытого Карело-Финского университета, а в 1940, 1941 и 1946 гг. на средства КНИИК предпринял археографические поездки в Поморье, Пудож и Данилово, в результате которых в этом институте сформировалось большое собрание рукописных и старопечатных книг. Н. И. Богданова и В. И. Малышева связывали деловые, приятельские и даже дружеские отношения. Оба были фронтовиками, прошедшими войну с первого до последнего ее дня, принимавшими участие в боевых действиях.

Н. И. Богданов был не единственным ученым Петрозаводска, с кем В. И. Малышев поддерживал контакты: он был хорошо знаком с А. Д. Соймоновым, О. Г. Большаковой, В. И. Машезерским, К. В. Чистовым, В. Г. Базановым, В. М. Морозовым и другими. Некоторые из них также были выпускниками Ленинградского университета, направленными на работу в Петрозаводск и много сделавшими для становления здесь научных школ. В. И. Малышев приезжал в Петрозаводск на научные мероприятия, публиковался в местных газетах; одна из лучших его статей рубежа 1940-х – 1950-х гг. – о старообрядческой книжности – была опубликована в петрозаводском журнале [Малышев 1949] (о ней идет речь в письмах Н. И. Богданова).

Письма Н. И. Богданова были написаны в тот период (1947–1951 гг.), когда он занимал должность ученого секретаря петрозаводского института, что и определило содержание деловой части этих

¹ РО ИРЛИ. Ф. 494 (Фонд В. И. Малышева). Оп. 2. № 216. Богданов Николай Иванович. Письма его (13) к В. И. Малышеву, 11 июня 1947 г. – 10 марта 1951 г. и без даты (всего 19 листов). К сожалению, ответные письма В. И. Малышева не сохранились.

² Поскольку название института неоднократно менялось, будем называть его «петрозаводским институтом».

писем. Н. И. Богданов приглашал В. И. Малышева к сотрудничеству с институтом, одновременно общал об институтских новостях, о своих занятиях и обязанностях. Совмещать административную и научную работу было нелегко («Больше всего времени отнимает невидная, но много отнимающая времени и утомляющая административная работа» (№ 4)³). Н. И. Богданов сдавал в эти годы кандидатские экзамены, писал диссертацию, собирал для нее полевой материал, но времени на полноценную работу часто не хватало («Завален всяческими делами. Работа над темой глохнет. Прямо с ума схожу» (№ 1)). Позднее, в посвященном Н. И. Богданову некрологе, коллеги по институту написали, что он «был ученым-общественником в полном смысле этого слова»⁴. Н. И. Богданов являлся депутатом Петрозаводского городского совета, членом партбюро, председателем местного комитета профсоюза Карело-Финской научно-исследовательской базы и т.д. Приходилось заниматься и преподавательской работой: в Карело-Финском университете Н. И. Богданов читал курс по введению в языкознание.

В письме от 26 сентября 1949 г. Н. И. Богданов упомянул свою экспедицию, которая оказалась особенно значимой в его собирательской работе: «Ездил в научную командировку по топонимике всего на 15 дней, но материал собрал большой» (№ 8). Речь идет об экспедиции в Винницкий район Ленинградской области и Оштинский район Вологодской области (28 июля – 12 августа 1949 г.) для изучения вепсской топонимики⁵. Данная территория, выбранная для экспедиции по совету археолога А. М. Линевского, являлась в прошлом местом обитания летописной веси. Н. И. Богданов обследовал селения на южном побережье Онежского озера, вдоль рек Свирь и Оять, ему удалось собрать «большое количество названий поселений, озер, рек, ручьев, урочищ, которые в отчете удачно представлены в трехчастной таблице: административные, местные, вепсские топонимы» [Богданова, Винокурова 2006, 48]. В отчете содержатся также ценные сведения о контактах вепсов с русским населением. В заключение Н. И. Богданов выразил надежду на то, что «более подробное исследование топонимики в связи с языком и археологией даст возможность точно установить исторический этнический состав данной местности»⁶. Эту задачу он попытался решить в своей кандидатской диссертации «История развития лексики вепсского языка», защищенной 23 июня 1952 года.

В числе научных мероприятий, в которых Н. И. Богданов принимал в эти годы участие, он упомянул заседание памяти своего учителя Д. В. Бубриха в Ленинграде (№ 11) и столетний юбилей полного (второго) издания «Калевалы», увидевшего свет в 1849 г. (№ 4, 6). Юбилей «Калевалы» отмечался с большим размахом; праздничные мероприятия были организованы в Москве, Ленинграде, Петрозаводске, с. Ухта (Калевала). Юбилейная комиссия, которая упоминается в письме Н. И. Богданова от 3 марта 1949 г. (№ 6), была сформирована еще 9 апреля 1948 г., ее возглавил председатель Президиума Верховного совета КФССР О. В. Куусинен. 26–27 февраля 1949 г. состоялась юбилейная научная сессия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. Как следует из того же письма Н. И. Богданова, В. И. Малышев был ее участником. В число юбилейных мероприятий входило новое издание «Калевалы» – на русском языке в переводе Л. П. Бельского, опубликованное в Москве (Гослитиздат), и на финском языке, опубликованное Государственным издательством КФССР; автором предисловия в обеих книгах является О. В. Куусинен. Н. И. Богданов был в числе организаторов этого празднования [Богданова, Винокурова 2006, 66].

Письма Н. И. Богданова содержат интересную информацию и о научной деятельности В. И. Малышева. Как было сказано выше, в результате археографических экспедиций В. И. Малышева в Поморье в 1940 (совместно с В. М. Морозовым) и 1941 гг. в КНИИК появилось крупное собрание рукописей XV–XX вв. и старопечатных книг (более 350) [Малышев 1947]. В начале войны это собрание было эвакуировано в г. Кадников Вологодской области; из эвакуации оно возвращалось частями: основная партия книг вернулась в Петрозаводск в 1945 г., но позднее, в 1947 г., обнаружилось еще «два ящика “божественных книг”», о которых Н. И. Богданов уведомлял В. И. Малышева в письме от 11 июня 1947 г. (№ 1). Необходимы были «проверка и приведение в порядок институтского собрания старославянских рукописей после возвращения из места эвакуации» (№ 3) – администрация справедливо полагала, что справиться с этой задачей может только В. И. Малышев.

³ Здесь и далее в скобках указываем порядковые номера публикуемых писем, из которых приводятся цитаты.

⁴ Личное дело Н. И. Богданова [НА КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 58].

⁵ См.: Богданов Н. И. Предварительный отчет о научной экспедиции в Винницкий район Ленинградской области и Оштинский район Вологодской области в августе 1949 г. по записи топонимики [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 43. Д. 172].

⁶ Богданов Н.И. Предварительный отчет... Л. 50.

Письма Н. И. Богданова к В. И. Малышеву свидетельствуют также о том, что институт был заинтересован в продолжении поиска старинных книг и дальнейшем комплектовании собрания: «Мы с Виктором Ивановичем (Машезерским, ученым секретарем КФНИБ АН СССР – А. П.) говорили о собирании книг. Это дело нужно бы продолжить» (№ 2); «... всю работу по начатому тобою делу собирания старописных книг и рукописей Институт и впредь будет продолжать при твоём непосредственном горячем участии» (№ 4), в бюджете института на эти цели выделялись денежные средства (№ 5). В качестве дополнительного источника пополнения рукописного фонда рассматривалось и приобретение старинных книг у частных лиц – в письме от 26 сентября 1949 г. (№ 8) Н. И. Богданов обращался к В. И. Малышеву с просьбой дать оценку рукописного сборника, принадлежавшего жительнице Ленинграда Е. В. Успенской. Помимо Н. И. Богданова и В. И. Машезерского идею собирания книг поддерживал К. В. Чистов, с 1947 г. заведовавший сектором литературы петрозаводского института [Пигин 2022, 238, 240].

Однако экспедиция В. И. Малышева в 1946 г. в Пудожи и Данилово оказалась последней поездкой, предпринятой по заданию петрозаводского института и на его средства. В июле 1946 г. В. И. Малышев стал младшим научным сотрудником отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Новая работа определила и новые обязанности. Главное же – с этого времени его помыслы были направлены прежде всего на создание Древлехранилища и регулярное пополнение его рукописных фондов. Археографическое обследование Карелии (Заонежья и Поморья) было продолжено по заданию петрозаводского института в 1948–1950 гг. Л. А. Дмитриевым (в 1948 г. совместно с Е. А. Майминым) – в те годы студентом Ленинградского университета, впоследствии известным исследователем древнерусской литературы, член-корреспондентом РАН [Пигин 2023а, 2023б]. В своем письме от 31 мая 1949 г. (№ 7) Н. И. Богданов просил В. И. Малышева проконсультировать Л. А. Дмитриева перед очередной поездкой.

Как известно, в 1954 г. рукописное собрание петрозаводского института по решению Президиума АН СССР было передано в Древлехранилище Пушкинского Дома.

Кроме празднования, посвященного «Калевале», в письмах упоминается 150-летний юбилей первого издания «Слова о полку Игореве» (№ 10). 8 и 9 декабря 1950 г. в Большом конференц-зале Пушкинского Дома состоялась научная сессия Отделения литературы и языка АН СССР и Пушкинского Дома, посвященная этой дате. С докладами выступили В. В. Виноградов, В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, И. П. Еремин, Л. А. Булаховский, Н. К. Гудзий [Дмитриев 1951, 416–417]. «“Гром” ваших торжеств по “Слову о полку Игореве”, – писал Н. И. Богданов В. И. Малышеву (№ 10), – донесся и до наших мест. Мне остается радоваться, что ты в этом деле был основным застрельщиком». В словах про «основного застрельщика» можно предположить некоторое преувеличение, вполне извинительное в дружеском письме, но активное участие В. И. Малышева в организации празднования представляется весьма вероятным.

Н. И. Богданов предстает в своих письмах к В. И. Малышеву как веселый и остроумный человек, умеющий пошутить над собой, поддержать друга в трудную минуту, не отказывающийся от мирских радостей (см., например, его шутивное размышление о нежелании болеть «мокрым плевритом» (№ 5)).

О трагической смерти Н. И. Богданова (10 февраля 1959 г.) В. И. Малышеву сообщил его старинный петрозаводский приятель В. М. Морозов в письме от 13 февраля 1959 г. Рассказав обо всех обстоятельствах гибели Н. И. Богданова, В. М. Морозов заключил свое письмо такими словами: «Не легкую жизнь прожил! Ему 55 лет. Проводил его через весь город. Народу было весьма много»⁷.

Ниже публикуются все 13 писем Н. И. Богданова к В. И. Малышеву.

1

11 июня 1947 г.

Дорогой Володя!

Ты меня можешь разносить на все лады за мое молчание, но поверь, не все от меня зависит. Вопрос разрешился положительно. Хотели уже послать в ваш институт бумагу, как вдруг один наш представитель поехал за оставшимися после войны архивом и обнаружил два ящика «божественных книг», вернее, древнерукописных книг. Он их отправил малой скоростью, и вот они сейчас идут. Поэтому желательно, чтобы они прибыли сюда к твоему приезду, точнее их прибытие хочется увязать с твоим

⁷ Письмо В. М. Морозова В. И. Малышеву, 13 февраля 1959 г. [РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 870. Л. 55–56].

приездом (и наоборот). Как только они прибудут, мы сразу тебе и в Институт пошлем бумагу. Это ждать нужно в конце этого месяца. Как это тебя будет устраивать?

Пару слов о себе. Завален всяческими делами. Работа над темой гложет. Прямо с ума схожу. Сейчас тороплюсь всех прогнать в экспедиции; думаю будет посвободнее.

Ты тоже хорош друг. Угостил меня для «Христового дня» водочкой, потом кому-то там пошутил. Приехала из Ленинграда сюда <...>¹ и развела здесь бодягу, что я беспробудно пьянствовал, даже у Проппа² был под хмелем. Но это, конечно, пустяки. Сейчас же, Володя, выполняю твою заповедь, совсем ни-ни. Денег нет, друг мой, проездился я с этой Эстонией. Ну, бывай здоров.

Н. И. Богданов.

2

Без даты, между 11 и 28 июня 1947 г.

Володя! Прости за краткость, не сочти за бюрократа. Письмо получил, вызов пошлю, когда тебе будет угодно. Это время столько дел, что про «винитус-спиритус» даже и вспоминать некогда. Экспедиция идет на экспедицию, отпуска, и я один. Все директора и заместители разъехались.

«Божественных книг» оказалось немного, но все же есть. Ждут хозяйского глаза (твоего).

Ну, пока. Николай.

Да, я буду только в начале августа, а Виктор Иванович³ не знаю, он сам тоже не мог мне сказать.

В общем я сам хотел бы тебя видеть. Мы с Виктором Ивановичем говорили о собирании книг. Это дело нужно бы продолжить.

Николай.

3

28 июня 1947 г.

Дорогой Володя!

Неделю с лишним послал письмо вашему директору, копию которого только сейчас удосужился тебе послать. Запарился совсем. Директор у меня в отпуске, зам<еститель> в отпуске, а тут еще проводили совещание по «Калевале».

Книги пришли. Правда, их оказалось немного. На днях пошлю тебе официальный вызов, хотя можешь ехать и не ожидая его, по своему усмотрению в смысле времени. Расходы оплатим.

Н. Богданов.

<Приложение к письму>:

Директору Института литературы Академии наук СССР, академику П. И. Лебедеву-Полянскому⁴.

Глубокоуважаемый Павел Иванович!

Институт истории, языка и литературы Карело-Финской Базы Академии наук СССР просит Вас разрешить выезд в город Петрозаводск мл<адшего> научного сотрудника Малышева Владимира Ивановича сроком на 4–5 дней. Приезд его желателен и необходим для проверки и приведения в порядок институтского собрания старославянских рукописей после возвращения из места эвакуации.

Мы убедительно просим не отказать в нашей просьбе, т<ак> к<ак> указанное рукописное собрание было собрано В. И. Малышевым в Кемском и Беломорском районах в 1940–1941 гг. и тов. Малышев единственный, кто знает хорошо состав собрания.

Директор института Н. Шитов⁵.

Ученый секретарь Института Богданов.

21 июня 1947 г., г. Петрозаводск.

4

5 января 1949 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Оттиск «Новый список Слова Даниила Заточника»⁶ получил, большое спасибо. Твоя статья, посланная для «Известий К<арело>-Ф<инской> Базы АН СССР» Кириллу Васильевичу⁷, передана в издательский сектор, и я ее не видел за неимением у меня времени. Но увижу, т<ак> к<ак> она должна быть обсуждена. В общем заранее уверен, что она редакционным советом будет принята.

Думаю, что всю работу по начатому тобою делу собирания старописных книг и рукописей Институт и впредь будет продолжать при твоём непосредственном горячем участии, поэтому хотелось бы иметь твои соображения на этот год.

С Новым годом, дружище! Пожелаю тебе всего, чего ты сам хочешь. Тебе я давно не писал и, конечно, не потому, что не хотел, а просто не мог собраться со временем. В октябре я сдал первый кандидатский экзамен по философии. Затем решил быстро сдать второй экзамен по специальности. Но это «быстро» сорвалось. Сразу после октябрьских праздников был горсоветом и горкомом назначен уполномоченным горсовета по выборам нарсудей и проработал до 27 декабря, пока не завершил выборы на избирательном пункте.

В общем дело как с экзаменами, так и с диссертацией идет у меня туго, ибо погряз аз во многих суетах сует. Больше всего времени отнимает невидная, но много отнимающая времени и утомляющая административная работа. Сейчас только закончил составление годового отчета («труд» на 50 страницах), и вот на очереди подготовка к празднованию 100-летнего юбилея полного издания «Калевалы». И придется снова вертеться-кружиться. Кроме того, предстоит пересмотр и утверждение нового тематического плана на 1949 год. И вот боюсь, что мне и в этом году с кандидатским минимумом и диссертацией не дотянуть. Да, придется еще несколько изменить тему диссертации. Вот как обстоят мои незавидные дела.

Думаю, что у тебя все идет лучше, и этого от души тебе желаю. Найдешь время – черкни о себе пообстоятельнее.

Привет тебе от моих домашних. Жму руку.

Н. Богданов.

5

26 января 1949 г.

Здравствуй, Владимир Иванович!

Твою статью я отдал в «Известия К<арело>-Ф<инской> Базы АН СССР», и она пойдет, наверное в № 1 за 1949 год⁸. Я ее с удовольствием прочитал, В. И.⁹ тоже ее поддержал.

Вино я не пью, а пью водку, но очень редко, так что в словах «приехавших из Петрозаводска» есть доля правды. Причина? Я всегда держусь одного правила: «на водку нужно заработать “от лукавого”, а раз этого нет, и я, кроме зарплаты, нигде не прирабатываю, значит и не пью». Видишь, «ларчик просто открывается». Но клятвы, чтобы я никогда с другом не выпил, не даю, т<ак> к<ак> не хочу, чтобы у меня тоже был «мокрый плеврит». Учти, что такие болезни появляются только у «непьющих, некурящих и баб не любящих». Вот просветись, дорогой мой, и никаких «мокрых плевритов» у тебя не будет. А вообще, Володя, если серьезно говорить, то это нехорошая болезнь, и ты ее лечи как можно скорее. Сделай выкачивание, постарайся, чтобы она не прогрессировала, а зарубцевалась. Если запустишь, дело будет «хана». Ну поправляйся. На археографическую поездку запроектировал 2300 рублей. Приезжай летом. В Ленинграде я давно не был, думаю в марте съездить. Ну пока.

Н. Богданов.

6¹⁰

3 марта 1949 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю обещанное. Оттисков моих статей пошлю сразу два, т<ак> к<ак> на днях выходят «Известия К<арело>-Ф<инской> Базы АН СССР», и там моя статья¹¹. «Калевалу» тоже пошлю, как только она появится в продаже.

Юбилейная комиссия свою деятельность закончила, и от нее, видно, не получить. Объясняется это тем, что их, т.е. книг «Калевалы», привезли небольшое количество на самолете, и всем, кого считали уехавшими, она не досталась. Ты ошибочно попал в число уехавших. Но все это поправимо, т<ак> к<ак> я тебе ее, т.е. «Калевалу», как только она появится у нас, пошлю.

Сейчас наступила рабочая пора, и я, откровенно говоря, рад.

Н. Богданов.

7¹²

31 мая 1949 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю тебе так давно обещанное и так долго задерживаемое. С Дмитриевым¹³ говорил по телефону. В ближайшие дни пошлем ему письмо об условиях поездки¹⁴. Прошу тебя, проконсультируй его, пожалуйста. Говорил с В. И. Машезерским о деньгах. Он говорит, что при всем к тебе с его сто-

роны уважении, База заплатить не может, потому что на авторский гонорар по «Известиям» у них нет никаких ассигнований. Доехал в полном порядке. Приветы всем вам.

Н. Богданов.

8

26 сентября 1949 г.

Дорогой Владимир Иванович!

У института к тебе просьба. На мое имя пришло письмо от Ел. Вас. Успенской, которая по твоей рекомендации обратилась с предложением купить из библиотеки ее покойного отца сборник первой четверти XIX века, который содержит статьи, относящиеся к истории Карело-Финской республики. Тебе, наверно, известно, о каком сборнике идет речь. Директор института не отказывается купить его. Поэтому к тебе просьба – съездить и установить связи с т. Успенской, посмотреть этот сборник и определить его стоимость, а затем сообщить нам. На всякий случай сообщаю адрес Е. В. Успенской¹⁵: Ленинград, Бородинская ул., 1/88, кв. 19. Институт тебе будет за это премного благодарен.

Несколько слов о себе. Жив, здоров. Ездил в научную командировку по топонимике всего на 15 дней, но материал собрал большой. В октябре иду в отпуск и еду в Сочи. Отдыхать буду, дорогой мой. Всё, довольно потрудился, по конституции имеем право на отдых.

За последнее время стал почти стопроцентным «атеистом», т.е. перестал поклоняться богу Бахусу. Все остальные боги мною давно забыты, а этого божененка я все же «почитал». Но вот то ли агитация, то ли пропаганда, а отшили (хотя не совсем) меня и от него. Только ты не испугайся очень. В сообществе с<о> старыми хорошими друзьями я никогда не откажусь совершить маленькое жертвоприношение, хотя бы в объеме «поллитра» на два рыла.

Как видишь, друг, мое письмо составилось из двух частей: деловой и неделовой. Так вот еще раз прошу тебя в отношении деловой части письма сделать для института эту любезность. Если все в порядке и на твой взгляд книга стоящая, то мы ее, конечно, приобретем.

Крепко жму твою руку.

Н. Богданов.

9¹⁶

6 декабря 1950 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Посылаю просимые пять билетов «Слово о полку Игореве».

Добрался хорошо, но простудился порядком.

Большой, большой привет.

Н. И. Богданов.

10

14 декабря 1950 г.

Володя, дружище!

Я не забыл об обещанном, т. е. о «большой статье», но забыл тогда, когда шел из дому. Стал посылать билеты и вспомнил. Что касается «Известий» с твоей статьей, убей не помню. Тут уже мне память изменила. Сейчас посылаю тебе и то, и это, т.е. «Известия» с твоей статьей и мою «большую статью» с автографом.

«Гром» ваших торжеств по «Слову о полку Игореве» донесся и до наших мест. Мне остается радоваться, что ты в этом деле был основным застрельщиком. Жаль, что из наших никто не мог приехать. Виктор Иванович совсем было уже собрался, но в самую последнюю минуту вынужден был остаться по некоторым неотложным делам.

От Виктора Ивановича большой привет, от меня привет Жене Теплову¹⁷. Как твои дела «семейные», т. е. будущие семейные? Когда я буду кричать «горько»? Крепко жму руку.

Твой Николай.

11

22 декабря 1950 г.

Володя, дорогой!

Был я на днях в Ленинграде ровно 12 часов, заходил к тебе на работу со всеми этими вещами, но мне сказали, что тебя взяла старость, что ты лежишь в постели и готовишься отправиться к праотцам.

Я, конечно, возразил. Говорю, что этого не может быть, что ему никто не давал на это права, что его в жизни еще ждет счастливая семейная радостная жизнь и плюс 10 дочерей и 10 сыновей. Со мной согласились. А посему все эти вещи посылаю тебе заказным письмом.

Сам я к тебе забежать не мог, т<ак> к<ак> с заседания, посвященного памяти Д. В. Бубриха¹⁸, на поезд прибежал ровно за 2 минуты до отхода. Даже выпить не успел. Очень жалею, что все это оставил тебе в Ленинграде. Но ничего, выпей за мое здоровье и поправляйся.

Ну, бывай здоров и жизнерадостен.

Николай (Н. И. Богданов).

P.S. В скобках, чтобы ты не забыл фамилию.

Микола.

P.S. Невеста твоя, кажется, ускользнет из твоего поля зрения. Спешу.

Николай, доброжелатель.

12

10 марта 1951 г.

Дорогой Володя!

Посылаю просимое. Прости за задержку. Белованова ничего не могла дать, т<ак> к<ак> они о Петре I делали выборку из «Олонецких ведомостей»¹⁹.

Задержал, потому что провалялся в постели целую неделю. Сдаст здоровьишко с каждым годом, а тут еще простудился.

Ну, бывай здоров. Пиши.

Н. Богданов.

13

*Без даты, до 17 сентября 1952 г.*²⁰

Друг мой, Володя!

Вот и кончился мой многострадальный отпуск. Ни черта я, дружище, не отдохнул. Все суета сует. Сейчас твой «недоброжелательный элемент»²¹ уезжает в Москву на учебу, а из института, наверно, навечно, и мне приходится принимать от него дела. В общем и мне он немного постарался поднагадить, но думаю, что это для меня только к лучшему. Как-либо при встрече расскажу.

Выполняю твою просьбу № 1, т. е. посылаю обратно отмеченное удостоверение. Также просьбу № 2, т. е. журнал «На рубеже» высылаю бандеролью. Просьбу № 3 выполнил на 50 %, т. е. Лидию Михайловну²² отправил пока не в научную командировку в Ленинград, а под Москву в Широкое (?) на курорт. Если ты за это время сумел проявить магнетические свойства, то она к тебе зайдет (если ты ей оставил, конечно, адрес, а не исчез от нее в безвоздушном пространстве, как это бывает). Наказ № 4 выполню при первой возможности.

Твоим любезным приглашением воспользуюсь, зайду. Пиши.

Никола.

КОММЕНТАРИИ

¹ Имя не воспроизводится по этическим причинам.

² Владимир Яковлевич Пропп (1895–1970) – доктор филологических наук, фольклорист, исследователь русских сказок и былин, с 1932 г. преподавал в Ленинградском государственном университете, в 1940-е – 1950-е гг. сотрудник ИРЛИ АН СССР.

³ Виктор Иванович Машезерский (1902–1977) – кандидат исторических наук, в Карельском научно-исследовательском институте культуры (позднее институт вошел в систему АН СССР) в разные годы занимал должности директора, заведующего сектором истории; в 1946–1949 гг. являлся ученым секретарем КФНИБ АН СССР (ныне КарНЦ РАН).

⁴ Павел Иванович Лебедев-Полянский (1882–1948) – доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР (1939 г.), академик АН СССР (1946 г.), в 1937–1948 гг. директор ИРЛИ РАН.

⁵ Николай Федорович Шитов (1909–1974) – доктор исторических наук, в 1945–1947 гг. директор ИИЯЛ КФНИБ АН СССР.

⁶ Речь идет об оттиске статьи: [Мальшев 1948]. Этот оттиск сохранился; перед началом статьи – дарственная запись В. И. Мальшева: «В Рукописное отделение Института истории, языка и литера-

туры Карело-Финской базы Академии наук СССР от В.И. Малышева. 20/XII. 48 г.» [НА КарНЦ РАН. Разряд № 1. Описание № 1 древних славяно-русских рукописей ИИЯЛ XVI–XX вв. Л. 64–68]. В статье анализируется список «Слова...», входящий в состав сборника XVII в., который был привезен В.И. Малышевым из Беломорска во время археографической экспедиции 1940 г. Сборник хранился в рукописном собрании ИИЯЛ (№ 22) (ныне: [Древлехранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ, Карельское собр., № 2]).

⁷ Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007) – доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР (1981), фольклорист. В 1947–1961 гг. работал в Петрозаводске, возглавлял сектор литературы в академическом институте, читал лекции в Петрозаводском университете; в 1961–1990 гг. руководил отделом восточнославянской этнографии Института этнографии АН СССР.

⁸ Речь идет о статье: [Малышев 1949].

⁹ Т. е. В. И. Машезерский.

¹⁰ Письмо написано на официальном бланке «Академия наук СССР / Карело-Финская Научно-Исследовательская База / Ученый секретарь Института истории, языка и литературы».

¹¹ В «Известиях...» 1949 г. нет статей Н. И. Богданова. Вероятно, публикация статьи, о которой он сообщал в письме, была перенесена (ср.: [Богданов 1951]).

¹² Письмо написано на официальном бланке «Академия наук СССР / Карело-Финская Научно-Исследовательская База / Ученый секретарь Института истории, языка и литературы».

¹³ Лев Александрович Дмитриев (1921–1993) – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН (1984 г.), исследователь древнерусской литературы, в 1953–1993 гг. работал в ИРЛИ РАН; в 1949 г. являлся студентом филологического факультета Ленинградского государственного университета.

¹⁴ Археографическая экспедиция Л. А. Дмитриева 1949 г. проходила в Заонежье, ученый обследовал деревни Типиницкого, Паяницкого и Деригузовского сельсоветов, приобрел 20 рукописных и печатных книг и отдельных листов [Пигин 2023b, 113–114].

¹⁵ По-видимому, сборник не был приобретен, поскольку в материалах по истории Карельского собрания ИРЛИ имя Е. В. Успенской не упоминается.

¹⁶ Письмо написано на официальном бланке «Академия наук СССР / Карело-Финская Научно-Исследовательская База / Ученый секретарь Института истории, языка и литературы».

¹⁷ Теплов Е. Ф. (?–1975) – кандидат филологических наук, работал на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета.

¹⁸ Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) – доктор филологических наук, член-корреспондент АН СССР (1946 г.), один из создателей научной школы в области финно-угорской филологии, основатель кафедры финно-угорской филологии филологического факультета Ленинградского государственного университета. Н. И. Богданов был учеником Д. В. Бубриха.

¹⁹ По всей видимости, автор письма имеет в виду рукопись «Петр I в народных преданиях Карелии», которая была подготовлена фольклористом ИИЯЛ (работала в 1944–1985 гг.) А. В. Беловановой (Щемелевой) совместно с А. П. Разумовой в 1945–1946 гг. (см.: Личное дело А. В. Щемелевой [НА КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 3694. Л. 16, 20, 21]).

²⁰ Судя по содержанию письма, оно было написано еще в тот период, когда Н. И. Богданов являлся ученым секретарем петрозаводского института. В этой должности он находился до своего назначения заведующим сектором языкознания – до 17 сентября 1952 г. (Личное дело Н. И. Богданова [НА КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 220. Л. 37–38, 115]).

²¹ Выяснить, кого автор письма имеет в виду, не удалось.

²² Вероятно, речь идет о Лидии Михайловне Верюжской, заведующей архивом в ИИЯЛ КФНИБ АН СССР. В.И. Малышев состоял с ней в переписке, касающейся рукописного собрания петрозаводского института [РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 282].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН)

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

КНИИК – Карельский научно-исследовательский институт культуры (ныне ИЯЛИ КарНЦ РАН)

КФНИБ АН СССР – Карело-Финская научно-исследовательская база Академии наук СССР
(ныне Карельский научный центр Российской академии наук)
НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов Н. И.* К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карело-Финского филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 22–31.
- Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю.* Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 35–74.
- Дмитриев Л. А.* Юбилей первого издания «Слова о полку Игореве» (1800–1950) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1951. Т. 8. С. 415–423.
- Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Петрозаводска и Гобольска // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1947. Т. 5. С. 149–158.
- Малышев В. И.* Как писали рукописи в Поморье в конце XIX–начале XX в.: (К вопросу об изучении техники и быта поморского книгописца) // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1949. № 1. С. 73–84.
- Малышев В. И.* Новый список Слова Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1948. Т. 6. С. 193–200.
- Пигин А. В.* Дневники Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина: археографическая экспедиция в Заонежье в 1948 г. // Русская литература. 2023. № 3. С. 65–84. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-65-84. (a)
- Пигин А. В.* Л. А. Дмитриев как собиратель и исследователь памятников книжной старины Заонежья и Поморья // Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований. 2023. № 2. С. 109–131. DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-109-132. (b)
- Пигин А. В.* Об археографической работе В. И. Малышева в Карелии: К истории Карельского собрания Древлекранилища Пушкинского Дома // Литература и история в контексте археографии: Сб. научных трудов. Новосибирск, 2022. С. 231–249.

Благодарности. Работа выполнена в рамках плановой темы Карельского научного центра РАН. Благодарю И. Ю. Винокурову за разрешение опубликовать письма Н. И. Богданова.

Поступила в редакцию 09.02.2024

Пигин Александр Валерьевич

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11
E-mail: av-pigin@yandex.ru

A. V. Pigin

LETTERS OF NIKOLAI IVANOVICH BOGDANOV TO VLADIMIR IVANOVICH MALYSHEV

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-140-149

The article analyzes and publishes 13 letters from Petrozavodsk researcher of the Vepsian language and culture N. I. Bogdanov to the famous Russian archaeographer, creator of the Ancient Repository in the Pushkin House V. I. Malyshev. The letters are kept in the V. I. Malyshev's fund in the Manuscript Department of the Pushkin House, dated 1947–1951. N. I. Bogdanov and V. I. Malyshev were brought together by a common alma mater – studying in the 1930s at the Philological Faculty of Leningrad University, participating in the battles of the Great Patriotic War, but most importantly – an interest in the culture of the North, which each of them studied from the standpoint of their science, linguistics and archaeography. The letters add details to the scientific biography of both scientists, contain interesting material for the study of the history of philological science in the 1940s - 1950s, they mention the names of famous scientists – D. V. Bubrikh, V. Ya. Propp, K. V. Chistov, A. P. Razumova and others. The letters contain information about the scientific and administrative work of N. I. Bogdanov, about the formation of the manuscript collection of the Karelian Institute

of Culture, about some scientific events of those years – the anniversaries of the complete edition of "Kalevala" and the first edition of "The Word about Igor's Campaign". The published letters are accompanied by comments.

Keywords: N. I. Bogdanov, V. I. Malyshev, Veps language and culture, biographies, epistolary texts, "Kalevala", archeography.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 140–149. In Russian.

REFERENCES

Bogdanov N. I. K istorii vepsov (po materialam toponimiki) [Towards the history of the Veps (based on toponymy materials)]. Izvestiya Karelo-Finskogo filiala AN SSSR [*Proceedings of the Karelo-Finnish branch of the USSR Academy of Sciences*], 1951, no. 2, pp. 22–31. In Russian.

Bogdanova G. N., Vinokurova I. Yu. Nikolai Ivanovich Bogdanov: chelovek i uchenyi (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Nikolai Ivanovich Bogdanov: a man and a scientist (on the 100th anniversary of his birth)]. Sovremennaya nauka o vepsakh: dostizheniya i perspektivy (pamyati N.I. Bogdanova) [*Modern science of Veps: achievements and prospects (in memory of N.I. Bogdanov)*]. Petrozavodsk, 2006, pp. 35–74. In Russian.

Dmitriev L. A. Yubilei pervogo izdaniya «Slova o polku Igoreve» (1800–1950) [Anniversary of the first edition of "Word about Igor's Campaign" (1800–1950)]. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [*Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1951, vol. 8, pp. 415–423. In Russian.

Malyshev V. I. Zametki o rukopisnykh sobraniyakh Petrozavodskaya i Tobol'skaya [Notes on the manuscript collections of Petrozavodsk and Tobolsk]. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [*Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1947, vol. 5, pp. 149–158. In Russian.

Malyshev V. I. Kak pisali rukopisi v Pomor'e v kontse XIX–nachale XX v.: (K voprosu ob izuchenii tekhniki i byta pomorskogo knigopistsa) [How the manuscripts were written in Pomorie in the late XIX–early XX centuries: (On the question of studying the technique and way of life of the scribe in Pomorie)]. Izvestiya Karelo-Finskoi nauchno-issledovatel'skoi bazy AN SSSR [*Proceedings of the Karelo-Finnish Scientific Research Base of the USSR Academy of Sciences*]. Petrozavodsk, 1949, no. 1, pp. 73–84. In Russian.

Malyshev V. I. Novyi spisok Slova Daniila Zatochnika [The new copy of Word by Daniel Prisoner]. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [*Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1948, vol. 6, pp. 193–200. In Russian.

Pigin A. V. Dnevnik L. A. Dmitrieva i E. A. Maimina: arkhograficheskaya ehkspeditsiya v Zaonezh'e v 1948 g. [The diaries of L. A. Dmitriev and E. A. Maimin: an archeographic expedition to Zaonezhye in 1948]. Russkaya literatura [*Russian literature*], 2023, no. 3, pp. 65–84. DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-65-84. In Russian.

Pigin A. V. L. A. Dmitriev kak sobiratel' i issledovatel' pamyatnikov knizhnoi stariny Zaonezh'ya i Pomor'ya [L. A. Dmitriev as a collector and researcher of handwritten and early printed books from Zaonezhie and Pomorie]. Slovesnost' i istoriya. Zhurnal filologicheskikh i istoriko-kul'turnykh issledovaniy [*Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies*], 2023, no. 2, pp. 109–131. DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-109-132. In Russian.

Pigin A. V. Ob arkhograficheskoi rabote V. I. Malysheva v Karelii: K istorii Karel'skogo sobraniya Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma [About V. I. Malyshev's archeographic work in Karelia: On the history of the Karelian Collection of the Ancient Repository of the Pushkin House]. Literatura i istoriya v kontekste arkhografii. Sbornik nauchnykh trudov. [*Literature and history in the context of archaeography. Collection of scientific papers*] Novosibirsk, 2022, pp. 231–249. In Russian.

Received 09.02.2024

Pigin Alexander Valerievich

Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher
Research Centre of the Russian Academy of Sciences
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russia
E-mail: av-pigin@yandex.ru

В. П. Миронова

**ФОЛЬКЛОРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ Н. И. БОГДАНОВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА КАРНЦ РАН
И ФОНОГРАММАРХИВА ИЯЛИ)**

Статья представляет собой характеристику фольклорных коллекций Н. И. Богданова, хранящихся в Научном архиве Карельского научного центра РАН и фонограммархиве Института языка, литературы и истории. Экспедиционная работа осуществлялась в конце 1930-х гг., в период, когда планомерный сбор полевого материала был одним из основных видов деятельности только что образовавшегося в Карелии научного учреждения. Фольклорные образцы записывались во всех районах республики от носителей различных наречий и диалектов карельского и вепского языков. В ходе работы выявлялись талантливые сказители, с которыми впоследствии проводилась индивидуальная работа. Н. И. Богданову вместе со своими коллегами в конце 1930-х годов повезло познакомиться в Сегозерье (регион Средней Карелии) с талантливым исполнителем Т. Е. Туруевым, от которого удалось записать многочисленные варианты сказок, былин, новин как на русском, так и на карельском языках. Кроме того, на фонограф были зафиксированы аудио-образцы указанных произведений. На основе экспедиционных материалов в 1940 г. Н. И. Богдановым был подготовлен научно-популярный сборник, который так и не был издан. В конце 1950-х гг. Н. И. Богданов подключился к сбору вепского фольклорного аудиоматериала. Основой для статьи послужили не только зафиксированные исследователем образцы устного народного творчества, а также отчеты и протоколы за 1937–1940 годы.

Ключевые слова: Н. И. Богданов, Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук, фонограммархив, сказитель Т. Е. Туруев, былины, сказки, новины, карельский фольклор, вепский фольклор

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-150-160

В 1930 г. в Карелии был организован Карельский научно-исследовательский институт, позднее (в 1937 г.) ставший Карельским научно-исследовательским институтом культуры (далее – КНИИК), в составе которого работала этнографо-лингвистическая группа. По причине отсутствия собственных квалифицированных кадров в 1938 г. в КНИИК прибыл ряд студентов и выпускников различных ленинградских вузов, в числе которых был и Н. И. Богданов. С момента создания научного учреждения одним из основных видов его деятельности был сбор полевого языкового, фольклорного и этнографического материала, новые сотрудники активно включились в эту работу. В течение 1938–1939 гг. силами молодых исследователей и студентов было проведено 11 фольклорных экспедиций. Полевые выезды совершались преимущественно в карельские районы, наряду с этим фиксации народной поэзии проводились в русских заонежских и поморских селениях. Собранный в указанный период материал является уникальным как с точки зрения полноты выявленных вариантов, так и по уровню владения носителями родным языком.

В дальнейшем образцы устного народного творчества постепенно систематизировались, лучшие варианты готовились к печати и издавались в виде небольших книг и брошюр. Так в конце 1930-х гг. увидели свет сборники карельских эпических песен, сказок и т. д., авторами которых были К. Ф. Белова, Ф. С. Титкова, И. Я. Пажлаков и другие¹ [Миронова 2021].

В настоящей статье внимание будет уделено личности одного из молодых сотрудников КНИИКа Н. И. Богданова, представлена характеристика его работы по сбору и популяризации фольклорного материала карелов и отчасти вепсов. Источниками исследования послужили коллекции Научного архива КарНЦ РАН и фонограммархива ИЯЛИ. Анализ проведен на основе описательного метода в широком историческом контексте. Актуальность статьи определяется особым вниманием к ученому, стоявшим у истоков карельской и вепской фольклористики и лингвистики, а также в связи с 120-летием со дня рождения Н. И. Богданова.

Собирательская деятельность Н. И. Богданова: рукописная коллекция

¹ С наиболее ранними изданиями Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН можно познакомиться по ссылке: ИЯЛИ КарНЦ РАН. Книги 1930–1940-х годов (karelia.ru).

В 1938 г. после окончания финно-угорского отделения Ленинградского государственного университета в КНИИК был отправлен на работу Николай Иванович Богданов, ставший впоследствии одним из первых ученых-вепсологов, принимавших участие в создании в 1930-е гг. вепсской письменности, подготовке учителей вепсского языка и учебников для школ [Богданова, Винокурова 2006]. Первоначально после прихода в научное учреждение ему предложили заниматься изучением карельского фольклора, поскольку данное направление на тот момент остро нуждалось в подготовленных кадрах. Исследователь активно подключился к собирательской работе, выезжая для сбора полевого материала в районы Средней и Южной Карелии. Он побывал в деревнях Вешкелица, Котчура, Крошнозеро и Спиродоннаволок Пряжинского района республики, где проживали носители ливвиковского наречия карельского языка. Во время экспедиции Н. И. Богданов познакомился с известной фольклористом по прежним записям Н. Г. Гречневой [Исполнители Карелии – Гречнева Наталья Герасимовна – Исполнители Карелии (illh.ru)] и зафиксировал от нее образцы советского фольклора: новины о Сталине, о войне, о советской власти и т. д. [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 246. Л. 52–70]. Во время этого же выезда он посетил также деревни Палалахта и Туломозеро Пряжинского района и записал от разных исполнителей устные рассказы биографического характера, нарративы о советской власти и колхозах и т. д. [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 246. Л. 72–86]. Кроме того, фольклорный материал пополнился несколькими вариантами волшебных сказок. Все записи были проведены собирателем вручную. Примечательно, что Н. И. Богдановым, вероятно, уже несколько позже, как в самих текстах, так и на полях многих страниц были сделаны пометки, касающиеся употреблений падежей в разных диалектах карельского языка. Возможно, в дальнейшем материал был использован в лингвистических исследованиях.

В 1938 г. в д. Сельга Сегозерского района группа фольклористов совместно со студентами Карельского педагогического института выявила талантливого карельского сказителя Тимофея Ефимовича Туруева, от которого во время экспедиции удалось записать 31 вариант сказок, 31 вариант былин, 26 вариантов новин, 7 песен различного содержания, загадки, приметы и т. д. Вероятно, исследователи были уже знакомы с этим исполнителем и ранее. Наличие в репертуаре Т. Е. Туруева немалого числа произведений на советскую тематику может свидетельствовать о проводимой с ним продолжительной просветительской работе. Однако в настоящее время более ранних фиксаций в Научном архиве не было выявлено.

Согласно архивным источникам, Н. И. Богданов был лично знаком со сказителем. В течение 1939 г. он вел с ним переписку [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 261. Л. 20], а в октябре 1940 г. посетил д. Сельга и записал от Т. Е. Туруева былинку о Вольге Всеславьевиче и сказку «Как солдат Ванька стал правителем» (“*Kui saldattu Van'ke rodieu pravitel'akse*”) [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 204. Л. 26–34]. Помимо карелоязычных вариантов, сделанных собирателем собственноручно карандашом, в настоящей коллекции сохранились переводы этих произведений, выполненные Н. И. Богдановым.

Подготовка сборника «Сказки и былины Т. Е. Туруева»

В середине 1930-х гг. в советской фольклористике наметилась тенденция к созданию индивидуальных сборников, посвященных одному талантливому исполнителю. В целом личности сказителя в этот период уделялось большое внимание, он рассматривался не только как носитель традиционной культуры, а в некоторой степени приравнивался учеными к непрофессиональному автору. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в Карелии выходили многочисленные издания, отражающие репертуар одного исполнителя, например, «Сказки Ф. П. Господарева»², «Былины П. И. Рябинына Андреева»³, «Былины М. С. Крюковой»⁴, «Избранные руны Архипа Перттунена»⁵. Часть книг, такие как, «Сказки и песни А. Ф. Никифоровой», подготовленные В. Я. Евсеевым, и «Сказки и былины Т. Е. Туруева», подготовленные Н. И. Богдановым, сохранилась в Научном архиве КарНЦ РАН лишь в рукописях, так и не увидев свет по причине начавшейся войны.

Работа над сборником, посвященным репертуару Т. Е. Туруева, началась также в период повышенного интереса к личности носителя устно-поэтической традиции. Имея богатый фольклорный

² Сказки Ф. П. Господарева / Запись текста, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

³ Былины П. И. Рябинына-Андреева / Подг. текстов к печ., ст. и примеч. В. Базанова. Петрозаводск, 1940.

⁴ Былины М. С. Крюковой / Записали и комментировали Э. Бородин (Морозова) и Р. Липец; под ред. акад. Ю. М. Соколова. Т. 1. М., 1939; Т. 2. М., 1941.

⁵ Избранные руны Архипа Перттунена / Пер., вступ. ст. и примеч. В. Евсеева. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948.

репертуар и большой жизненный опыт, обладая даром талантливой рассказчика, этот сказитель, несомненно, привлекал к себе многих собирателей. Наряду с образцами народной поэзии исследователи неоднократно записывали его биографические повествования. Вот пример одного из зафиксированных жизнеописаний исполнителя, составленный учеными на основе личных бесед: «Туруев Тимофей Ефимович родился в 1877 году в деревне Сельга Сегозерского района АКССР в крестьянской семье. С десяти лет Тимофей Ефимович начал ходить на заработки и возил в лесу бревна. Семья у отца была большая, поэтому с малых лет пришлось работать и в сельском хозяйстве. Тринадцатилетний Тимофей Ефимович пашет землю, а зимой снова рубит и возит лес хозяевам. В 1915 году Туруева забирают на Империалистическую войну. В 1917 году он возвращается с войны на родину, в свою деревню. Здесь он работает председателем Сельсовета и одновременно руководит Комитетом бедноты. В 1918 году деревню Сельга занимают белофинны, расстреливают представителей советской власти. Белофинны приговаривают Туруева к расстрелу и одновременно обещают не расстреливать, если он пойдет к ним на службу. У Тимофея Ефимовича была большая семья, и он прослужил в Белой армии пять месяцев. Осенью 1918 года Туруев уходит от белофиннов. После этого он семь лет работает лесником, а с момента организации колхоза вступает в колхоз и работает в колхозе рыбаком. Туруев окончил 3 класса сельской школы, грамота давалась ему хорошо, а говорить по-русски еще лучше научился на войне. Сказки и былины читал в книгах, большинство же, как он сам говорит – слышал от рассказчиков и певцов. “В молодые годы, – говорит Туруев, – у меня была хорошая память, былины и сказки я запоминал наизусть, их я рассказывал в лесу и на рыбной ловле мужчинам на русском, а женщинам на карельском языке”. В репертуаре Т. Е. Туруева много волшебных сказок и сказок о поках и царях. В творчестве Тимофея Ефимовича особенно нужно отметить его современные былины и песни, известные, например, не только в Карелии, но и за пределами ее. Содержательная былина о герое Гражданской войны Чапаеве В. И., Былины о Ленине и Сталине, Песня о молодости” и т. д. Тимофей Ефимович является членом Союза Советских писателей Карелии. Несмотря на 60-летний возраст, он бодр и жизнерадостен и сложит для народа еще много новых песен и былин о наших днях» [Исполнители Карелии – Туруев Тимофей Ефимович – Исполнители Карелии (illh.ru); НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 155. Ед. хр. 2. Л. 27].

Крестьянин Тимофей Ефимович Туруев был необычным для карельской глубинки сказителем. Будучи карелом по национальности, он одновременно довольно хорошо говорил как на карельском, так и на русском языках, а также владел как карельской, так и русской фольклорными традициями. Усвоив русские былины по преимуществу из книжных источников⁶, он умело переводил их на родной карельский язык. Всего в репертуаре у сказителя было десять былин на различные сюжеты, представленных в фольклорных коллекциях в различных вариантах. Кроме того, он был автором многочисленных новин, песен на советскую тематику. Отметим, что произведения такого рода появлялись в репертуаре талантливых сказителей в середине XX в. в ходе планомерной разъяснительной работы, проводимой сотрудниками КНИИК. Благодаря такому сотрудничеству рождались поэтические тексты, соответствующие новой идеологии: песни и плачи о вождях новой эпохи, о героях Гражданской войны, о счастливой жизни карельского крестьянства и т. д. [Кузнецова, Марковская 2019, 345].

Тимофей Ефимович хорошо владел также и сказочной традицией, от него записано более 30 вариантов разных по сюжетно-тематическому составу текстов. По замечанию Н. И. Богданова, характерной особенностью его сказочных произведений является динамичность сюжета: «события в сказке развиваются быстро, но при этом достаточно последовательно, внимание же сосредотачивается на одном из основных мотивов сказки <...>. В большинстве своем туруевские сказки переосмыслены и отличаются своей оригинальностью» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50. Л. 12]. Возможно, личные встречи со сказителем, повторные записи фольклорных текстов и их переводы дали возможность исследователю говорить о специфике полученного сказочного материала, а также об индивидуальной манере повествования.

Познакомившись с имеющимися в архиве зафиксированными ранее источниками, Н. И. Богданов намеревался опубликовать личный сборник исполнителя под рабочим названием «Сказки и былины Т. Е. Туруева». В документах КНИИК за 1939 г. имеются сведения о запланированной подготовке книги, в ходе работы на заседаниях обсуждались некоторые актуальные на тот момент вопросы. Поскольку у исследователей КНИИК был небольшой опыт подобного рода изданий, на совеща-

⁶ В ходе бесед со сказителем удалось установить, что Т. Е. Туруев усвоил былины по книге В. П. Аверариуса «Книга былин» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50. Л. 4].

нии сотрудников фольклорной и лингвистической группы, проведенном 20 апреля 1939 г., рассматривался вопрос о принципах формирования корпуса текстов, в том числе на карельском языке, а также жанре будущей книги. В частности, на заседании подчеркивалось, что в учреждении не имелось в достаточной степени сил фольклористов-карелов для подготовки научных сборников, поэтому планировалось издавать популярные книги, предназначенные для широкого круга читателей [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 262. Л. 16].

Дискуссия о способе публикации фольклорных текстов была продолжена на I съезде писателей Карело-Финской ССР, состоявшемся в декабре 1940 года. В своем докладе В. Г. Базанов предлагал при издании фольклора ориентироваться на массового читателя, не увлекаться академизмом. В свою очередь М. К. Азадовский высказал противоположную точку зрения, напомнив, что подготовке книг предшествует большая научная работа, важно познакомить с ней заинтересованного читателя, ввести его в исследовательскую лабораторию. Присутствовавшие на съезде известные российские фольклористы М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова давали высокую оценку изданным в Карелии фольклорным сборникам. К примеру, М. К. Азадовский отмечал: «Ни в одной части нашего Союза не ведется сейчас такой большой и плодотворной работы в области изучения фольклора, как именно здесь. Я говорю, товарищи, не комплимент как гость на вашем съезде, а говорю это как руководитель отдела фольклора Академии Наук» [НАРК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 270].

Следует обратить внимание еще на один момент: в подготовленную рукопись вошло всего лишь несколько текстов на карельском языке. Причем, они помещены в конец и представлены без перевода. Между тем в коллекции Т. Е. Туруева хранятся многочисленные варианты фольклорных произведений, зафиксированные на обоих языках. Вероятно, сотрудники не могли согласовать основные принципы публикации карелоязычных источников.

В ходе заседаний исследователи отмечали неточности в имеющихся рукописных материалах, неоднократно указывая на то, что в записях фольклорных текстов просматривались диалектные особенности наречий карельского языка собирателей, а не исполнителей. Одна из сотрудниц фольклорной группы К. Ф. Белова подняла вопрос о литературной обработке текстов, обсуждалась возможность использования этого приема при составлении сборников. В ходе заседания она же отмечала, что карелоязычные тексты изобилуют русской и финской лексикой, исследовательница призывала такие заимствования заменить по возможности на карельскую лексику. Подобные высказывания позволяют предположить, что, в начале 1930-х гг. практика редактирования народно-поэтических текстов могла применяться карельскими фольклористами. В свою очередь, Н. И. Богданов на этом совещании поддержал идею приближения языка фольклорных произведений к литературному языку, понимая, однако, что при этом теряются все диалектные особенности, так необходимые лингвистам. Наряду с этим он подчеркивал, что при создании научных публикаций все же необходимо будет придерживаться точности [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 262. Л. 19].

Таким образом, сотрудники высказывали различные мнения по поводу подготовки фольклорных сборников, прежде всего способов публикации текстов народной поэзии. Все эти дискуссии, несомненно, позволяют сегодня критически относиться к первым изданиям устного народного творчества, подготовленным сотрудниками КНИИК в 1930-е годы.

Небольшое количество включенных в рукопись карелоязычных текстов можно объяснить еще и политическими факторами: к осени 1940 г. кампания по активному внедрению карельского языка во все сферы жизнедеятельности республики была свернута [Нагурная 2019, 75]. Ученым приходилось быстро реагировать на процессы, проходившие вокруг, в этой связи при подготовке книг предпочтение отдавалось фольклорным текстам на русском языке.

Несмотря на указанные сложности, Н. И. Богданов активно работал над подготовкой сборника, к концу 1940 г. он был представлен на обсуждение. Рукопись состояла из корпуса текстов, предисловия, вступительной статьи, приложения, примечаний, словаря местных и старинных слов. Всего 288 машинописных листов.

Предисловие было написано А. М. Астаховой, которая отмечала, что публикация продолжает ряд изданий, посвященных отдельным мастерам народного творчества. Исследовательница указывала на основную особенность таланта Туруева: владение карельским и русским языками, что способствовало «обмену культурными ценностями». Кроме того, она обращала внимание на процесс вторичной фольклоризации: когда тексты входят в устную традицию посредством книжных источников. Туруев, по ее мнению, принимал активное участие в освоении литературных текстов, являясь посредником между книжной и фольклорной традициями. Наряду с этим сказитель сам создавал новые фольклор-

ные произведения. В совокупности все это сделало Туруева неординарным исполнителем [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50. Л. 2–5].

Вступительная статья к сборнику, насчитывающая 27 страниц, была подготовлена Н. И. Богдановым. В ней составитель представил биографию сказителя, еще раз подчеркнув специфику личности Туруева как носителя фольклорной традиции: это двуязычие и его знакомство с литературными источниками. Встречи Н. И. Богданова с информантом позволили ему выявить особенности сказительского искусства Туруева, по наблюдениям ученого, он «является мастером художественного слова, рассказывает замечательно, с самого начала исполнения аудитория подчиняется ему. Туруев при передаче былин, не поет их, а сказывает и т. д.». Небольшие штрихи к портрету сказителей очень важны для исследователей, хотя, к сожалению, они довольно редко указывались собирателями. Отдельно составитель охарактеризовал каждый представленный в сборнике фольклорный жанр: в силу своих на тот момент возможностей и знаний описал репертуар сказок и былин Туруева, обратил внимание также на язык фольклорных произведений. Самостоятельный параграф был посвящен небольшому анализу представленных в публикации новин: была определена тематика этих произведений и выявлены основные поэтические особенности. Автором были сделаны любопытные наблюдения, например, отмечено, как особенности карельского языка (отсутствие рода и предлогов) повлияли на восприятие русского фольклора и т. д. [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50. Л. 6–34].

Корпус текстов делится на три раздела: сказки, былины старинные, былины и сказы советские, в которые вошло 16 сказок на различные сюжеты, 10 традиционных былин и 10 новин соответственно. Научный аппарат состоит из небольших примечаний, характеризующих каждый текст. В качестве образцов в сборник включено три текста на карельском языке без перевода: одна волшебная сказка, одна былина «Вольга Всеславлевич» и новина «Красная Армия и былинщик». В завершении Н. И. Богданов представил лаконичную характеристику сегозерского диалекта карельского языка, которым владел Туруев.

В архивной коллекции наряду с рукописью сборника сохранились редкие документы, к примеру, рецензия, сделанная А. М. Астаховой. Автор отзыва подробно рассматривает рукопись, указывая на недостатки вступительной статьи и примечаний, подчеркивая на необходимость не только редакторской правки, но и переработки отдельных частей рукописи [НА КарНЦ РАН. Ф. 1, Оп. 39. Д. 50. Л. 277]. Приводятся также подробные постраничные замечания, некоторые из них особы выделены, подчеркнуты карандашом. К примеру, обращает на себя внимание высказывание о том, что во вступительной статье отсутствуют «собираТЕЛЬские» наблюдения над Туруевым» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50. Л. 277]. Возможно, именно этот комментарий побудил Н. И. Богданова лично выехать в д. Сельга для беседы со сказителем.

В конце рецензии рукой Н. И. Богданова отмечено, что все замечания А. М. Астаховой учтены, в сборнике сделаны соответствующие изменения, исправления, переработки. Далее подпись и дата: 29.10 1940 год [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50. Л. 279].

В коллекции сохранилась также выписка из заседания фольклорной группы. Рукопись обсуждалась на совещании 11 марта 1941 г., т. е. уже после полученной рецензии и проделанной правки. В качестве редактора выступила А. М. Астахова, на титульном листе есть указание на этот факт. К сожалению, книга так и не вышла в свет, вероятно, этому помешала война. В послевоенное время никто из фольклористов больше к этой теме уже не возвращался, а Н. И. Богданов всецело занялся лингвистикой.

Звуковая коллекция Н. И. Богданова

Наряду с фольклорными записями и рукописью сборника Н. И. Богданова, хранящимися в Научном архиве КарНЦ РАН, в фонограммархиве ИЯЛИ (ФА ИЯЛИ) находятся уникальные звуковые образцы, сделанные исследователем лично или совместно со своими коллегами. В конце 1930-х гг. в КНИИК появился первый звукозаписывающий аппарат, позволяющий проводить фиксацию звука на рентгеновских пленках. Основной целью создания коллекции на гибких пластинках являлось сохранение живых голосов лучших исполнителей русского и карельского фольклора. Всего в течение нескольких лет удалось записать 182 пластинки, на которых можно послушать эпические песни, сказки, причитания, лирические песни, а также ряд новин. Основная часть аудиофиксаций была сделана в отрывках, поскольку пластинка позволяла записывать всего несколько минут звучания [Марковская 2017; Миронова, Лызлова Иванова 2021].

В период с 1939 по 1941 гг. Н. И. Богданов совместно с коллегой К. Ф. Беловой записали репертуар нескольких исполнителей: зафиксирован сказочный фольклор на карельском языке от П. Р. Чаккиева и И. Т. Иванова, образцы свадебных песен и причитаний на русском языке от А. В. Ваччиевой, сказочный и песенный фольклор на русском языке от А. Е. Старикова и В. П. Меньшикова, сказочный фольклор на русском языке от А. К. Богданова, былины от М. М. Коргуева и И. Т. Фофанова [Лызлова 2017].

Самое большое количество звуковых фиксаций на гибкие пластинки, 27 образцов, было произведено от Т. Е. Туруева: это былины и сказки на русском и карельском языках, а также некоторые новины. В целом коллекцию аудиозаписей на гибких пластинках можно назвать уникальной, в ней сосредоточены практически все традиционные жанры устного народного творчества карелов и русских, а также образцы новин. Настоящее собрание позволяет сегодня послушать голоса знаменитых сказителей, познакомиться с аутентичной манерой исполнения, выявить особенности языка и напевов различных фольклорных произведений.

В рукопись сборника «Сказки и былины Т. Е. Туруева» вошла былина «Илья Муромец и Сокольник», состоящая из 265 стихов. Примечательно, что в коллекции грампластинок, хранящихся в фонограммархиве Института ЯЛИ, есть аудиофрагмент этого сюжета на русском языке (ФА ИЯЛИ. ГП 125 (а)), а также вариант этого же произведения, но исполненного Т. Е. Туруевым уже на карельском языке (ФА ИЯЛИ ГП 121 (а)). Расшифровка и перевод карелоязычного текста демонстрируют практически полное совпадение с русским вариантом, записанным собирателями от руки. Однако следует заметить, что сказителю не удалось передать всей стилистики русских былин: в некоторых случаях отсутствуют диминутивные формы в наименованиях героев, в карельских текстах глаголы действия менее поэтичны: пробежал (кар.) – прорыскивал, поставили (кар.) – пораздернули и т. д. Упрощены или заменены другими словами некоторые понятия: копыта (кар.) – ископыт, нехорошее (кар.) – невзгодушка, кто-то (кар.) – поленица и т. д.

Можем предположить, что сказитель заранее по просьбе исследователей перевел на карельский язык знакомый вариант русской былины⁷ и заучил его. Устойчивый текст несколько раз повторяется исполнителем, признаки какой-либо импровизации отсутствуют, все это подтверждает нашу гипотезу.

И'а Muromskoi i Sokol'nika	Илья Муромский и Сокольник	Илья Муромский и Сокольник
Kui viiztoista viirstua linnasta Kijovasta	Как в пятнадцати верстах от города Киева	Как за пятнадцать верст от города Киева
Seizou luja zastova bogatirskoi,	Стояла крепкая застава богатырская,	Стояла крепкая застава богатырская,
Kaksitoista udoloida vägöve bohatir'a:	Двенадцать удалых сильных богатырей:	Двенадцать сильных могучих богатырей:
Enzimažekse I'а Murometc sin Ivanovič,	Первый – Илья Муромец сын Иванович,	Во-первых, Илья Муромец Иванович,
Toine – Dobrin'uška Nitič mlad,	Второй – Добрынюшка Никитич млад,	Во-вторых, Добрынюшка Никитич млад,
Kolmas – Al'eša – rapin poiga,	Третий – Алеша – попов сын,	Во-третьих – Алешенька Поповский сын,
Nel'as – Griiša – bajaran poiga,	В четвертых – Гриша – сын боярина,	Во-четвертых, Гришенька Боярский сын,
Viijes – Vas'ka – Pitkakovane,	В пятых – Васька Долгополый,	Во-пятых, Васька Долгополый,

⁷ В переписке Н. И. Богданова с Т. Е. Туруевым находим просьбу исследователя прислать почтой перевод былины «Илья Муромец и царь Калин» [НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп 3. Д. 261. Л. 20].

Kuvven da seičemen vellestä da Brodovičoja,	В шестых да семь братьев да Бродовичей,	Во шестых – семь братьев Бродовичей,
Da vielä mužiki Zalešane.	Да еще мужики Залешане.	Да еще мужики Залешане.
Seizottih jo zastavuškal da kolme vuotta,	Стояли уже на заставушках да три года,	И стояли они на заставушках три года,
Nimidä zastuavuškal ei nähty.	Ничего на заставушке не видели.	Ничего они на заставушке не видели.
Musta vroni kylličči heistä ei lennänyn,	Черный ворон над ними не летал,	Птица черный ворон мимо них не пролетывал,
Harmo hukka siiričči heistä ei juossun.	Серый волк мимо них не пробегал.	Серый волк мимо их не прорыскивал.
Azetettih hyö, bahaterit, valgei šatra,	Поставили они, богатыри, белый шатер,	Пораздернули тут богатыри белый шатер,
Ruvettih hyö yödä menetmäh.	Стали они ночку коротать.	И стали ночку спочив держать.
I muattih hyö illasta huomukseh sua.	И спали они с вечера до самого утра.	И проспали они ночку с вечера до утра.
Huomeksel nouzi Il'a kaikkieh aivoibi,	Утром проснулся Илья раньше всех,	Утром вставал Илюшенька раньше всех,
Kaččoo dorogua oigieh ajeldavua.	Смотрит на дорогу на прямую.	Посмотрел по дорожке прямоезжей,
A dorogal on kopitan jälgi puolen räčin suurevus.	А на дороге след от копыта размером в полпечи.	А на дороге ископытъ богатырская в полпечи.
Kui häi vingahti iänellä korgialla:	Как он свиснет голосом высоким:	Как закричал Илья большим голосом:
”Hoi työ veikot miun krestovoit!	«Ой вы, братья мои крестовые!	«Ой же вы, братица названная крестовая!
Työ noskua kaikki d'alloilla,	Вставайте все на ноги,	Вы вставайте-ка на резвы ноги,
Kačokkua dorogua oigieh ajeldavua,	Посмотрите на прямую дорогу,	Посмотрите по дорожке прямоезжей,
Eigo sie olis ken proidii siidä.	Нет ли там кого идущего.	Не проехала ли поленица тут. <...>
Lendi mejjän šatran piälä viestilindu,	Пролетела над нашим шатром птица вещая,	Ведь провещалася над нашим шатром птица вещая,

Viestilindu da musta vroni,	Птица вещая да черный ворон,	Птица вещая да черный вран
Ylen abjasti häi karkaiči,	Очень жалобно он прокаркала,	Жалобненько прокаркала,
Viego tiedäy meijän piäle ei hyviä”.	Уже ли знает над нами нехорошее».	Видно ведает над нашим шатром невзгодушку».
Kui skokahdi Dodrin’ a aloillah,	Как подскочил Добрыня на ноги,	Как вскочил тогда Добрынюшка на резвы ноги,
Kaččou dorogan oigieh ajeldavan,	Смотрит на дорогу прямую,	Посмотрел по дорожке прямоезжей,
A dorogal on kaputan jalgi,	А на дороге след от копыта,	А на дороге ископытть,
Kaputan jalgi puolen päčin suurevus.	След копыта размером в полпечи.	Ископытть малая богатырская во полпечи.
Kui kerävyttih bogaterit vo pobeinoih kruugah,	Как собрались богатыри В победный круг	Как собрались богатыри во победный круг,
Ruvettih duumaimah lujua duumua,	Стали думать крепкую думу,	Стали думать думу крепкую,
Kelle tiedomättömän bohatlerin peräh lähtie.	Кому за неизвестным богатырем вслед поехать.	Уж кому за неведомым богатырем поехать.
[ФА ИЯЛИ. ГП 125 (a)]	[Подстрочник мой – В. М.]	[НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50. Л. 147–148].

Более точные выводы о поэтических особенностях переводов былин можно сделать при полном текстологическом и сравнительно-сопоставительном изучении карелоязычных и русских текстов, на данном этапе этот анализ выходит за рамки настоящего исследования.

Звуковая коллекция Н. И. Богданова пополнилась в конце 1950-х гг., когда ученый стал заниматься грамматикой вепсского языка. Совместно с коллегой М. И. Зайцевой в 1957 г. в г. Петрозаводске от различных информантов ими были записаны образцы речи, а также варианты многих фольклорных произведений, в том числе сказок, свадебных песен, похоронных причитаний, частушек [ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 24/1-10]. В том же составе в 1958 г. состоялась экспедиция в Ленинградскую область в вепские поселения, где удалось зафиксировать волшебные сказки, свадебные песни, частушки, детский фольклор, нарративы о свадебном обряде, традиционных промыслах и т. д. [ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 35/1-13; ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 36/1-9; ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 37/1-14; ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 38/1-11; ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН 425/1-12]. Несмотря на изменение круга научных интересов Н. И. Богданова, при работе с информантами он продолжал уделять большое внимание фольклорному материалу. Исследователь осознавал ценность произведений устного народного творчества, в том числе для лингвистов, поскольку в текстах сохранился большой пласт архаичной и диалектной лексики.

Выводы

Фольклорная коллекция Н. И. Богданова, включающая в себя редкие рукописные фиксации и звуковые записи, несомненно, представляет огромный интерес для исследователей. Экспедиционная деятельность ученого охватывает период в двадцать лет, с 1938–1958-е гг., когда информанты еще

свободно владели родными языками и хорошо знали практически все жанры устной народной поэзии. Тогда же между сказителями и собирателями существовала особая взаимосвязь, позволяющая не только записывать традиционный фольклор, а также способствующая возникновению новых произведений.

Личная коллекция исследователя небольшая по объему. Однако, ученому удалось собрать материал от представителей двух прибалтийско-финских народов: карелов и вепсов. Были записаны как эпические жанры (былины, руны, сказки), так и образцы обрядового и песенного фольклора (причитания, лирические песни, частушки).

Особо следует выделить рукопись сборника «Сказки и былины Т. Е. Туруева», над составлением которой исследователь работал под руководством опытного фольклориста М. А. Астаховой. Можно предположить, что это сотрудничество повлияло на дальнейшую собирательскую работу ученого. Во всех последующих экспедициях Н. И. Богданов уделял большое внимание записям различных жанров народной поэзии и талантливым носителям устно-поэтической традиции.

Работая над подготовкой фольклорного сборника, Н. И. Богданов обращал внимание на языковые особенности текстов, призывал при подготовке научных сборников сохранять специфику не только наречий, но и диалектов карельского языка, что было редкостью для фольклористики того времени. Скрупулезный подход к тексту позволял исследователю выявлять своеобразие языка фольклорных произведений, а также заниматься их переводами. Результатами его переводческой деятельности стала публикация в начале 1940 гг. нескольких текстов карельских эпических песен и новин в сборниках⁸. Следует также отметить наблюдения ученого, касающиеся процессов адаптации и усвоения иноязычного фольклора карелами. Эти вопросы не утратили своей актуальности, они требуют дальнейшей разработки.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

НА КарНЦ РАН – Научный архив арельского научного центра Российской академии наук

НАРК – Национальный Архив Республики Карелия

КНИИК – Карельский научно-исследовательский институт культуры

ФА ИЯЛИ. ГП – фонограммархив Института языка, литературы и истории. Грампластинка

Исполнители Карелии – Сказители Карелии: электронная энциклопедия. Режим доступа: <https://illh.ru/KC2/>

Издания ИЯЛИ (1930–1990-е гг.). ИЯЛИ КарНЦ РАН. Книги 1930-1940-х годов. Режим доступа: <http://illhportal.krc.karelia.ru/section.php?plang=r&id=1338>.

ИСТОЧНИКИ

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 155.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3. № 261.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 246.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 204.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 50.

НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 39. Д. 262.

НАРК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН

The paper was written within a collective planned project at the KarRC RAS

ЛИТЕРАТУРА

Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения) // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2006. С. 35–74.

⁸ Народное творчество Карело-Финской ССР: записи 1937–1938 гг. / Подгот. текстов, вступ. ст. и прим. К. В. Чистова; под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск: Гос. Изд-во Карело-Финской ССР, 1940. 209 с. Карело-финские эпические песни / Под ред. Ю. М. Соколова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. 107 с.

Кузнецова В. П., Марковская Е. В. Фольклорный архив и историческая действительность (на материалах архивов Института ЯЛИ КарНЦ РАН) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 4. С. 338–357.

Лызлова А. С. Первые звуковые записи сказок 1940-х гг. в ИЯЛИ КарНЦ РАН // *Живая старина*. 2017. № 1 (93). С. 1–4.

Марковская Е. В. Коллекция записей “на костях” фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН // *Кижский вестник*. Вып. 17. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 200–205.

Миронова В. П. К истории публикации карельских рун // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021. Т. 43. № 7. С. 107–113.

Миронова В. П., Лызлова А. С., Иванова Л. И. Электронно-информационные формы сохранения, доступности и популяризации архивных материалов // *Вестник архивиста*. 2021. № 1. С. 289–300.

Нагурная С. В. Карельская письменность // *Народы Карелии: Историко-этнографические очерки*. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 65–77.

Поступила в редакцию 02.02.2024

Миронова Валентина Петровна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: tutkija@mail.ru

V. P. Mironova

THE FOLKLORE COLLECTION OF N. I. BOGDANOV (BASED ON THE MATERIALS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF THE KARELIAN RESEARCH CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES AND THE AUDIO ARCHIVE OF THE INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE, AND HISTORY, KARELIAN RESEARCH CENTRE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-150-160

The presented paper describes N. I. Bogdanov's folklore collections stored in the Scientific Archive of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences and in the Audio Archive of the Institute of Linguistics, Literature, and History. The manuscript and sound recordings of the samples of Karelian and Vepsian oral folk art made by this researcher may be rightfully called unique. The expedition work was carried out by N. I. Bogdanov in the late 1930s, the period when the systematic collecting of field material was one of the main activities of the research institution that had just been established in Karelia. In general, folklore material was recorded in all districts of the republic from the speakers of various dialects of the Karelian and Vepsian languages. In the course of this work, talented storytellers were discovered; after that, collectors carried out an individual work with each storyteller; this work subsequently resulted in creating of new folklore narratives on Soviet topics. N. I. Bogdanov and his colleagues in the late 1930s were lucky enough to meet a talented bilingual performer T. E. Turuev in Segozero (the region of Middle Karelia), from whom they managed to record numerous versions of fairy tales, bylinas, and *novinas* both in Russian and in Karelian. In addition, audio samples of these works were recorded on a phonograph. Expedition materials formed the basis of N. I. Bogdanov's popular-science collection of articles prepared in 1940. However, it was never published. In the late 1950s, N. I. Bogdanov began to collect the folklore audio materials from the Vepsian population. Not only the samples of oral folk art recorded by the researcher served as the material for this paper, but also the reports and protocols made in 1937-1940.

Keywords: N. I. Bogdanov, Scientific Archive of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Audio Archive of the Institute of Linguistics, Literature, and History, storyteller T. E. Turuev, bylinas, fairy tales, novinas, Karelian folklore, Vepsian folklore.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 150–160. In Russian.

REFERENCES

Bogdanova G. N., Vinokurova I. Yu. *Nikolaj Ivanovich Bogdanov: chelovek i uchenyj (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)*. [Nikolay Ivanovich Bogdanov: a person and a scientist (to the 100th anniversary of N. I. Bogdanov's birth)]. *Sovremennaja nauka o vep-sah: dostizhenija i perspektivy (pamjati N. I. Bogdanova)* [Modern

science about the Veps: achievements and perspectives (in memory of N. I. Bogdanov)]. Petrozavodsk, KarRC of RAS Publ., 2006, pp. 35–74. In Russian.

Kuznetsova V. P., Markovskaya E. V. *Fol'klorny'j arxiv i istoricheskaya dejstvitel'nost' (na materialax arxivov Instituta YaLI KarNCz RAN)*. [Folklore Archive and Historical Reality (Based on the Archive Materials of the Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center RAS)]. *Studia Litterarum*. 2020, vol. 5, no 4, pp. 338–357. In Russian

Lyzlova A. S. *Pervye zvukovye zapisi skazok 1940-kh gg. v IYALI KarNTS RAN* [The first sound recordings of fairy tales of the 1940s in the ILLH KarRC RAS. *Zhivaya starina* [Zhivaya starina], 2017, no 1 (93), pp. 1–4. In Russian.

Markovskaya E. V. *Kollektsiya zapisei "na kostyakh" Fonogrammarchiva IYALI KarNTS RAN* [The collection of records "on the bones" of the ILLH of the KarRC of the RAS. In Russ.]. *Kizhskii vestnik* [Kizhi Bulletin]. Issue 17. Petrozavodsk, KarRC of RAS Publ., 2017, pp. 200–205. In Russian.

Mironova V. P. *K istorii publikacii karel'skix run* [Publication history of Karelian runosongs]. *Ucheny'e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2021, no 43(7), pp. 107–113. In Russian.

Mironova V. P., Lyzlova A. S., Ivanova L. I. *Elektronno-informatsionnye formy sokhraneniya, dostupnosti i populyarizatsii arkhivnykh materialov* [Digital Information Forms of Archival Material Preservation, Availability and Popularization. *Vestnik arhivista* [Herald of an Archivist]. 2021, no. 1, pp. 289–300. In Russian.

Nagurnaya S. V. *Karel'skaya pis'mennost'* [Karelian written language]. *Narody` Karelii: Istoriko-e`tnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: Historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2019, pp. 65–77. In Russian.

Received 02.02.2024

Mironova Valentina Petrovna

Candidate of Philology, Senior Research
Institute of Linguistics, Literature and History, KarRC RAS
11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, 185910, Russia
E-mail: tutkija@mail.ru